

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3 (149)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Редакционная коллегия:

д.и.н. Г. М. Бонгард-Левин, д. филолог. н. М. Л. Гаспаров,
д.и.н. Е. С. Голубцова, д.и.н. М. А. Дандамаев, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д.и.н. Ю. К. Колосовская (зам. главного редактора),
акад. М. А. Коростовцев, д.и.н. В. И. Кузинин,
акад. АН ГрузССР Г. А. Меликишвили,
к.и.н. А. И. Павловская (ответственный секретарь),
к.и.н. Н. М. Постовская, к.и.н. О. И. Савостьянова,
чл.-корр. АН СССР З. В. Удалыцова (главный редактор),
д.и.н. Е. М. Штаерман

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

Заведующая редакцией И. К. Малькова

© Издательство «Наука»,
«Вестник древней истории», 1979 г.

Г. М. Бонгард-Левин

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

(Индоарии и местные субстраты)

Древнеиндийская цивилизация, какой она известна по первым дошедшим до нас литературным памятникам, нередко воспринимается как некое единое и целостное явление. В действительности такое представление не отражает подлинного характера этого сложного и своеобразного феномена.

Генезис самого раннего этапа собственно индийской культуры включает в себя не только традиции ведийского общества, но также и отголоски грандиозной Индской (или Харашпской) цивилизации, и наряду с этим реликты многочисленных других доаарийских культур, находившихся к моменту прихода индоариев в Индию на разных ступенях социальной, экономической и культурной эволюции.

Объективно понять и всесторонне оценить характер древнеиндийской цивилизации, особенно первые этапы ее формирования, можно лишь при учете всего многообразия этно-культурных компонентов, развитие которых во многом определило подлинный облик одной из древнейших культур человечества. Когда мы обращаемся к богатейшему письменному наследию древней Индии, многие явления уже законченного исторического синтеза предстают перед нами как бы в «готовом виде», как вполне оформленная и освященная традицией страница исторической летописи народов Индостана.

Вычленить в этой «мозаичной» картине собственно индоарийские и аборигенные элементы — задача чрезвычайно сложная, но вместе с тем и необходимая для реконструкции возникновения и дальнейших судьб тех явлений, которые не исчезли вместе с завершением эпохи древности, но продолжают существовать и в настоящее время (это касается прежде всего кастовой организации, религиозных концепций, этнолингвистических процессов и т. д.).

За последние годы наука получила в свое распоряжение новые и весьма ценные данные по археологии и этнолингвистике, но решение многих вопросов древнейшей этнической истории народов Индостана еще впереди. Ученым предстоит выработать общие принципы соотнесения конкретных археологических культур с определенным этносом и провести диахронический анализ лингвистических материалов в пределах историко-культурных эпох и региональных этнолингвистических единиц. Заманчивые

перспективы открывает изучение фольклорных традиций и устных «хроник», связанных с доарийским населением Северной Индии¹.

В настоящее время с достаточной долей вероятности можно говорить о дравидоязычности населения Хараппской цивилизации. Исследования советских и финских ученых, применяющих счетно-вычислительную технику, показали, что язык населения Хараппской цивилизации, по всей вероятности, был протодравидийским. Очевидно, протодравидийские языки были распространены на довольно значительной территории и вне центральной зоны хараппской культуры не только в период ее расцвета, но и много раньше. В пользу этого свидетельствует целый ряд данных, уже отмеченных исследователями².

Распад протодравидийской языковой общности дравидологи относят к началу IV тыс. до н. э., когда началось движение дравидоязычных племен к югу и юго-востоку³ (возможно, дравидоязычным было и население некоторых земледельческих культур Средней Азии)⁴. Отделение предков брахуи условно датируется рубежом IV и III тыс. до н. э. или даже самым началом IV тыс. до н. э., затем отделились от общего ствола и предки других современных дравидийских языков. Согласно глоттохронологическим расчетам, в долине Инда протодравиды находились примерно в середине III тыс. до н. э., в Центральной Индии — в середине II тыс. до н. э., а в Декане — в конце II тыс. до н. э.⁵ Это позволяет поставить вопрос о дравидоязычности населения Центральной и Западной Индии и Северного Декана во II тыс. до н. э. — создателей халколитических (энеолитических) культур этого региона.

В какой же степени дравидоязычное население хараппской культуры и соседних областей было связано с индоарийскими племенами, можно

См., например, Л. Икк-Шальбе, «Историко-этнографические данные по древнейшей истории доарийских племен на южноазиатском субконтиненте», СЭ, 1977, № 1; А. Grignard, *The Oraons and Mundas from the time of their settlement in India*, «Anthropos», 1909, Bd. IV; S. C. Roy, *The Mundas and their country*, Ranchi, 1912; Sankarananda Mukhopadhyay, *The Austrics of India, their Religion and Tradition*, Calcutta, 1975.

² Подробнее см. В. С. Воробьев-Десятовский, «О роли субстрата в развитии индо-арийских языков», «Rocznik Orientalistyczny», 1957, vol. XXI; М. В. Еменеев, *Linguistic Prehistory of India*, «Tamil Culture», 1956, vol. V, № 1; он же, *Linguistic Prehistory of India*, «Proceedings of the American Philological Society», 1954, № 98; К. Zvelebil, *Harappa and the Dravidians — an Old Mystery in New Light*, «New Orient», 1965, vol. IV, № 3. За последние годы все больше сторонников привлекает точка зрения о сходстве дравидийских языков с эламским, высказанная Р. Колдвеллом еще в 1956 г. (R. Caldwell, *A Comparative Grammar of the Dravidian or South Indian Family of Languages*, 4 ed., Madras, 1956). См. И. М. Дьяконов, «Языки древней Передней Азии», М., 1967; D. W. McAlpin, *Elamite and Dravidian: The Morphological Evidence*, IJDL, 1974, vol. III, № 2, стр. 343—358; он же, *Toward Proto-Elamo-Dravidian*, «Language», 1974, vol. 50 (1), стр. 89—101. О распространении дравидийского субстрата на северо-западе и западе Индии может свидетельствовать сильное влияние дравидийских языков именно на западную группу индо-арийских языков (см. F. C. Soutthwark, *Linguistic Stratigraphy of North India*, IJDL, 1974, vol. III, № 2, стр. 210—216). По мнению К. Звелебила, предки дравидов жили в горных районах Северо-Восточного Ирана и отсюда начали движение в сторону Индостана. Автор приводит интересные данные источников о самоозваниии дравидов — по крайней мере восемь различных дравидийских народов называют себя «жителями гор» (см. K. V. Zvelebil, *The Descent of Dravidians*, IJDL, 1972, vol. I, № 2, стр. 57—63).

³ См. М. С. Айдронов, «Язык брауи», М., 1971; он же, «О характере декано-уральских связей», в сб. «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969.

⁴ В. М. Массон, «Печати протоиндийского типа из Алтын-депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока)», ВДИ, 1977, № 4.

⁵ M. Andronov, *Lexicostatistic analysis of the chronology of disintegration of Proto-Dravidian*, «Indo-Iranian Journal», 1964, vol. VII, № 2—3.

ли данный район считать первоначальной зоной взаимодействия индоариев и дравидов?

Особое значение в этой связи приобретает вопрос об этнической принадлежности первых пришельцев в хараппские города долины Инда. Его разрешение связано с рассмотрением всего комплекса материалов, относящихся к культурам послехарапским по времени и нехарапским по своему характеру, которые были обнаружены археологами в главных центрах на Инде. В течение многих лет, когда преобладала теория М. Уилера и его сторонников о мощном потоке арийских племен, разрушивших цветущую хараппскую культуру⁶, ученые соотносили с ариями различные нехарапские элементы, прослеживаемые в поздне- и послехарапских слоях в самой Хараппе, а также в Мохенджо-Даро и Чанхударо.

В результате раскопок М. С. Ватса, а затем М. Уилера в послехарапских слоях Хараппы и двух поселений центральной части Инда была открыта культура могильника «Н». Руководитель работ в Хараппе 1946 г. М. Уилер подчеркивал резкие отличия этой культуры от собственно хараппской и вслед за Г. Чальдом считал ее создателей индоариями, разрушившими центры Индской цивилизации⁷, однако благодаря работам индийских археологов стало ясно, что население, связанное с культурой могильника «Н», и в культурном, и в этническом отношениях незначительно отличалось от хараппцев⁸.

На ряде поселений Синда была открыта послехарапская культура Джхукар, полнее всего обследованная в Чанху-Даро (Чанху-Даро II). Р. Гейне-Гельдерн, а затем В. Ферсервис отождествляли джхукарцев с ариями⁹, но эта точка зрения плохо согласуется с имеющимися материалами (культура Джхукар обнаружена лишь на трех поселениях Синда, ее керамика находит близкие аналогии с керамикой Белуджистана, например, с Кулли и Амри). Логичнее всего полагать, что появление джхукарцев отражает проникновение в Синд небольшой по численности группы племен, связанных с Белуджистаном, которые осели в долине Инда в период, когда хараппские центры переживали внутренний кризис¹⁰.

Индийский ученый Д. П. Агравал высказал мнение об идентификации создателей культуры Банас, датируемой 2000—1200 гг. до н. э. (раскопки в Ахаре, Гилунде), с ариями, которые явились «виновниками» разрушения хараппских городов в Раджастхане, а затем продвинулись в Ганго-Джаминское двуречье¹¹ (при этом указывалось на распространение в этом обширном регионе черно-красной керамики, имеющей якобы аналогии с керамическими традициями Западной Азии, и на сходство некоторых объектов, открытых в слоях банаасской культуры в Ахаре, с находками в Гиссаре, Трое и Анау).

⁶ См., например, M. Wheeler, Mohenjo-Daro, «Tamil culture», 1953, vol. II, № 1; он же, Pakistan. Four thousand years ago, L., 1955; С. К. Дикshit, Введение в археологию, М., 1960.

⁷ M. Wheeler, Harappa, 1946; The Defences and Cemetery R. 37, «Ancient India», 1947, № 3.

⁸ H. D. Sankalia, The «Cemetery H» Culture, «Puratattva», 1972—1973, vol. VI.

⁹ R. Heine-Geldern, The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization, «Man», 1956, vol. LVI; W. Fairservis, The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions, «Man», 1956, vol. LVI.

¹⁰ Подробнее см. Г. М. Бонгард-Левин, Хараппская цивилизация и «арийская проблема», СЭ, 1962, № 1.

¹¹ D. P. Agrawal, C—14 Dates, Banas Culture and the Aryans, «Current Science», 1966, vol. 35, № 5. Подробнее о культуре Ахар (или Банас) см. Ю. А. Заднепровский, Культура Ахар в Южном Раджастхане, «Страны и народы Востока», вып. XIV, М., 1972, стр. 190—209.

Близко примыкает к точке зрения Д. П. Агравала и позиция крупного индийского археолога Х. Д. Санкалии, который соотносил с ариями создателей постхарашпской (по его терминологии халколитической) культуры Центральной Индии и Северного Декана¹². Если принять эту гипотезу, то земледельческую культуру, существовавшую в 1700—1100 гг. до н. э., следует рассматривать как первичный очаг индоарийских племен в Индии, пришедших в эти районы из Западной Азии (каким путем?) и затем продвинувшихся в Гангскую долину. В свете имеющихся сейчас археологических и лингвистических материалов, а также данных «Ригведы» такая точка зрения не может быть принята¹³.

Таким образом, ни одну из известных постхарашпских культур бассейна Инда и Центральной Индии, несмотря на наличие определенных контактов с синхронными культурами Западной Азии, неправомерно увязывать с индоариями, по крайней мере с теми индоарийскими племенами, которые можно соотнести с создателями «Ригведы» — памятника, оформленного, как известно, в ином ареале, а именно — в Пенджабе.

Еще в 20—30-е гг. лингвисты на основе анализа текста «Ригведы» очертили возможную область распространения ведийских ариев эпохи оформления гимнов в единое собрание — Северо-Восточный Пенджаб¹⁴. В пользу точки зрения о соотнесении «Ригведы» с Пенджабом говорят гидронимы и топонимы, встречающиеся в этом тексте. Пенджаб являлся центром «ригведийской географии». Главной рекой считалась Сарасвати, были известны создателям «Ригведы» Инд и реки Пенджаба. Показательно, что названия рек Ганг и Ямуна встречаются крайне редко (Ямуна упоминается три раза, Ганг — всего один раз и то в поздней десятой мандале). Индоариям эпохи «Ригведы» были хорошо известны Гималаи; о горах Бинхья они еще не знали; упоминание о них появляется много позднее.

Чрезвычайно остро дискутируется среди исследователей вопрос о времени создания «Ригведы». Предлагаемые даты колеблются в пределах нескольких тысячелетий, но, исходя из общих историко-культурных и лингвистических данных, наиболее приемлемой в настоящее время представляется точка зрения, согласно которой «Ригведа» была оформлена в конце II тыс. до н. э.¹⁵

Свидетельства письменных источников о возможной локализации индоарииев эпохи «Ригведы» и путях дальнейшего движения индоарийских племен на юг и восток правомерно соотнести с данными археологии (имея в виду археологические культуры того же ареала). Известный индийский археолог Б. Б. Лал высказал идею о связи ведийских племен с создателями «культуры серой расписной керамики»¹⁶, и, несмотря на острую дискуссию

¹² H. D. Sankalia, Indian Archaeology Today, Bombay, 1962.

¹³ См. B. K. Thapar, The Aryans: A Reappraisal of the Problem, «India's Contribution to World Thought and Culture» (Vivekananda Commemoration Volume), Madras, 1970.

¹⁴ См., например, A. C. Woollner, The Rigveda and the Punjab, «Bulletin of the School of Oriental Studies», L., 1931, vol. VI, pt. 2; B. Н. Топоров, О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимики, «Топонимика Востока», М., 1962.

¹⁵ Основные точки зрения приведены Т. Я. Елизаренковой (Ригведа, Избранные гимны, М., 1972, стр. 14—15).

¹⁶ B. B. Lal, Excavations at Hastinapura and Other Explorations, 1950—1952, «Ancient India», 1954—1955, vol. 10—11; он же, The Painted Grey Ware of the Upper Gangetic Basin: an Approach to the Problems of the Dark Age, «Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1950, vol. XVI; A. Ghosh, A Survey of the Recent Progress in Early Indian Archaeology, «Indologen-Tagung», 1959, Verhandlung in Essen-Bredeney, 1960. Для верхних слоев «культуры серой расписной керамики» в Хастинапуре Б. Б. Лал предлагал поздние даты — 505 (± 130) — 335 (± 115) гг. до н. э. См. B. B. Lal, Postscript, «Ancient India», 1962—1963, vol. 18—19, стр. 221; см. также G. M. Bon-

среди ученых по этому вопросу и многочисленные возражения, эта точка зрения сейчас заслуживает самого пристального внимания и представляется наиболее приемлемой. «Культура серой расписной керамики» обнаружена в Восточном Пенджабе, в Хариане, в верховьях Ганга и Джамны, в ряде районов Ганго-Джамнского двуречья, в Раджастане. Нижняя граница этой археологической культуры условно датируется XII—XI вв. до н. э.¹⁷, но на большинстве поселений, где она обнаружена, карбонный анализ дает более поздние даты — 800—500 гг. до н. э.¹⁸, т. е. ее появление в Индии (в Северо-Восточном Пенджабе) по времени условно совпадает с хронологией оформления «Ригведы», дальнейшее же распространение — с ведийскими сочинениями последующего периода, а географический охват может быть соотнесен с территорией расселения индоариев в эпоху сложения «Ригведы» и главным образом в послеригвейский период.

Археологические исследования выявили особую роль, которую в жизни создателей «культуры серой расписной керамики» играли железо и лошадь, что соответствует данным ведийских сочинений. В ранний период племена «культуры серой расписной керамики» пользовались медными орудиями (об этом говорят новейшие открытия индийских археологов)¹⁹, позднее, продвигаясь на юг и восток, они перешли к широкому изготовлению железных орудий. Судя по раскопкам в верховьях Ганга и Джамны, железо появляется здесь не ранее 800 г. до н. э., а в центре Гангского бассейна — на столетие позже.

Во время освоения областей Доаба именно благодаря железу стало возможным быстрое продвижение по новым территориям и превращение лесных массивов в районы, пригодные для земледелия и скотоводства (Южный Бихар и сейчас богат залежами железной руды)²⁰.

g a r d-L e v i n, Hindustan in the 3rd — 1st. Millenia B. C. Some Problems of Ethnic History (Archaeology and Linguistics), M., 1978 (доклад на X Международном конгрессе антропологических и этнологических наук, Индия, 10—21 декабря 1978 г.).

¹⁷ За последние годы «культура серой расписной керамики» обнаружена в ряде районов Пенджаба и в Хариане, где она непосредственно перекрывает слои предшествующей ей здесь хараппской культуры. По мнению Б. Б. Лала, эти слои «культуры серой расписной керамики» по времени старше соответствующих слоев в Хастинапаре, Атранджаикхере и Нохе. Б. Б. Лал склонен определить этот период (до XI в. до н. э.) как начальный (первая стадия «культуры серой расписной керамики»), а период 1100—700 гг. до н. э. как вторую стадию (B. B. L a l, The Indo-Aryan Hypothesis vis-à-vis Indian Archaeology, Delhi, 1977) (текст доклада был представлен на Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии, Душанбе, 17—22 октября 1977 г.). Датировка второй стадии основывалась на результатах карбонного анализа по находкам в Атранджаикхере: 1025 г. до н. э. (± 100) считался нижней границей «культуры серой расписной керамики», хотя некоторые индийские ученые (А. Гхоп, Р. С. Шарма) полагали, что «свидетельство Атранджаикхеры» стоит изолированно в общем ряду имеющихся материалов и потому не может служить надежным основанием для отнесения начальных этапов «культуры серой расписной керамики» к XII, XI или X вв. до н. э. Подробнее см. A. G h o p h, The City in Early Historical India, Delhi, 1973.

¹⁸ D. P. A g r a w a l, R. V. K r i s h n a m u r t h y, Sheela K u s u m g a r, R. K. P a n t, Chronology of Indian Prehistory from Mesolithic Period to the Iron Age, «Journal of Human Evolution», 1978, vol. 7, стр. 43.

¹⁹ См. Mahabharata. Myth and Reality, Delhi, 1976; J. P. J o s h i, Interlocking of Late Harappa Culture and Painted Grey Ware Culture in the Light of Recent Excavations, «Man and Environment», 1978, vol. II, стр. 101—103. «Культура серой расписной керамики» датируется примерно 800—400 гг. до н. э., что соотносится с послеригвейским периодом. Свидетельства «Атхарваведы», брахман и упанишад в целом соответствуют археологическим данным о «материалном облике» «культуры серой расписной керамики» (подробнее см. R. S. S h a r m a, The Later Vedic Phase and the Painted Grey Ware Culture, «Puratattva», № 8, 1978, стр. 63—67).

²⁰ См., например, R. S. S h a r m a, Iron and Urbanisation in the Ganga Basin, «The Indian Historical Review», 1974, vol. I, № 1. По мнению Д. П. Чакрабарти, создатели «культуры серой расписной керамики» могли использовать залежи железной руды

Такой путь продвижения индоарийских племен подтверждается и данными ведийской литературы, например, известной легендой, сохранившейся в «Шатапатха-брахмане», о расселении ведийских племен из Пенджаба в долину Ганга к Косале и Видехе. Судя по свидетельствам поздних самхит, брахман и упанишад, индоарии расселились по всей долине Ганга, и Пенджаб потерял свое прежнее значение в истории ведийских племен — авторы брахман «Шатапатха» и «Айтарея» даже выражают явное пренебрежение к племенам Запада²¹.

Сложная и многослановая проблема появления в Индии индоарииев и их расселения не сводится к выявлению археологической культуры, которую условно можно соотнести с арийскими племенами: поставив себе целью лишь отыскание среди многочисленных археологических культур Северной Индии II—I тыс. до н. э. только собственно «арийских», мы безусловно упрощаем историческую действительность, воссоздаем не полноценную, а одностороннюю картину. Уже в первый период появления ариев в Индии они вступили в тесный контакт с местными племенами. Проходил многосторонний процесс взаимного влияния. С середины I тыс. до н. э. уже неправомерно говорить об индоарийской культуре — перед нами сложный синтез арийских и различных местных этнокультурных традиций.

Ведийские тексты содержат интересные свидетельства о взаимоотношениях индоарииев с явно неарийскими племенами. Гимны «Ригведы» не только сообщают о столкновениях ариев с этими племенами (не менее кровопролитные сражения вели арийские племена и друг с другом), но и дают некоторые более конкретные описания местного населения: «аборигены» называются темнокожими с плоскими носами, произносящими оскверняющие слова, порождающие грех и болезни, врагами, не почитающими истинных богов, не приносящими жертвоприношений и следующими странным обычаям²². Эти описания не позволяют, конечно, судить об этническом составе доарийских племен, которых встретили в Индии создатели «Ригведы», но они явно говорят о том, что местные племена принадлежали к иному, чем индоарии, этнокультурному ареалу.

Судя по раскопкам, предшественниками создателей «культуры серой расписной керамики» были племена, стоявшие на разной ступени социального и культурного развития и принадлежавшие к различным этническим группам.

В Восточном Пенджабе, в верховьях Ганга и Джамны и в долине Джамны «культура серой расписной керамики» была обнаружена на некоторых поселениях, которые раньше были заняты харашанцами. Еще сравнительно недавно непосредственного взаимодействия обеих культур выявлено не было. Более того, археологические исследования в Рупцаре, Котланиганге и Аламгирпуре (к северо-востоку от современного Дели) показывали, что между «культурой серой расписной керамики» и некогда предшествовавшей ей харашской культурой будто бы существовал значительный хронологический разрыв²³.

ды Раджастхана и Патиали (Dilip K. Chakrabarti, Distribution of Iron Ores and the Archaeological Evidence of Early Iron of India, «Journal of the Economic and Social History of the Orient», vol. XX, pt. II, стр. 166—184).

²¹ См. Vedic Age, ed. by R. C. Majumdar, A. D. Pusalker, L., 1952, стр. 261; H. D. Sankalia, Prehistoric Colonization in India: Archaeological and Literary Evidence, «Puratattva», № 8, 1978, стр. 72—86.

²² См. A. A. Macdonell, A. B. Keith, Vedic Index of Names and Subjects, vol. I, Varanasi, 1958, стр. 356—358. В текстах постоянно подчеркиваются различия религиозных верований ведийских племен и «аборигенов». Подробнее см. Buddha Rakash, Rigveda and the Indus Valley Civilization, Hoshiarpur, 1966.

²³ См. Г. М. Вонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Древняя Индия (Исторический очерк), М., 1969, стр. 127.

Теперь же благодаря новым раскопкам индийских археологов можно говорить о прямом контакте создателей «культуры серой расписной керамики» с населением поздней хараппской культуры в Восточном Пенджабе и Хариане. (Интересно, что эти поздние хараппские традиции представлены здесь сочетанием некоторых прохараппских — типа Калибангана I — и хараппских черт.) В Бхагванпуре было прослежено залегание слоев «культуры серой расписной керамики» над слоями с позднехараппской культурой и затем их «существование». По мнению Дж. П. Джоши, поздние хараппцы были здесь первыми поселенцами, но продолжали находиться и после прихода сюда племен — создателей «культуры серой расписной керамики»²⁴. Значит, подобно тому как и на Катхиаварском полуострове²⁵, на восточной периферии хараппской культуры хараппские поселения, хотя и в измененном виде, существовали до периода «культуры серой расписной керамики». Это по-новому ставит вопрос о степени влияния местного доарийского (дравидийского) субстрата на индоариеv в этом регионе²⁶ и снова поднимает остро дискутируемую в науке проблему о воздействии Хараппской цивилизации на развитие индийской культуры в целом.

²⁴ См. J. P. J o s h i, *Excavations in Bhagwanpur, «Mahabharata. Myth and Reality*, ук. изд., стр. 238 сл. В последние годы под руководством Дж. П. Джоши были произведены раскопки в Пенджабе — в Дадхери, Нагаре, Катпалоне и в Манде (в провинции Джамму), которые подтвердили результаты исследований в Бхагванпуре — непосредственное залегание «культуры серой расписной керамики» над поздне-хараппской культурой и их последующее взаимодействие. В этот период, датируемый примерно 1600—1000 до н. э., железо еще не было известно (J o s h i, *Interlocking of Late Harappa Culture...*). Судя по материалам этих новых раскопок, хараппские традиции оказывали влияние на «культуру серой расписной керамики». Так, в частности, можно полагать, что под непосредственным воздействием керамических традиций хараппской культуры (техника росписи) серая керамика пришлых племен стала подвергаться росписи (серая керамика становится расписной в период, последующий после контакта с населением хараппских поселений). Это мнение было высказано Дж. П. Джоши, который любезно познакомил автора статьи с еще не опубликованными материалами из раскопок в Бхагванпуре, Манде, Дадхери, Нагаре и Катпалоне. Надо надеяться, что после публикации этих ценных находок в значительной мере прояснится вопрос об истоках «культуры серой расписной керамики» и путях ее формирования.

²⁵ Подробнее см. S. R. R a o, *Excavations at Rangpur and other Explorations in Gujarat, «Ancient India», vol. 18—19, 1963, стр. 5—207; J. P. J o s h i, *Transformation of Harappa Culture in Kutch: Examination of Evidence from Surkotada, «Archaeological Congress and Seminar: 1972», Kurukshetra, 1976, стр. 38—45.**

²⁶ Раскопки пакистанских и итальянских археологов в северо-западных районах Пакистана дали интереснейший материал для решения вопроса о путях движения ариев в Индию и их взаимодействии с доарийским населением. Особенно показательны исследования А. Х. Дани в долине р. Гомал. На многослойном поселении был открыт слой с типично хараппской культурой (сам факт весьма важен для определения географического ареала хараппской культуры). Судя по раскопкам, хараппский город был разрушен пришельцами (период Гумла V), материальную культуру которых А. Х. Дани сравнивает с могильниками Гандхары (раскопки также проводились пакистанской экспедицией во главе с А. Х. Дани). Вопрос об этнической принадлежности создателей культуры Гумла V А. Х. Дани оставляет открытым, но в своей рецензии на работу А. Х. Дани Е. Е. Кузьмина высказывает предположение о том, что «носители постхараппской культуры Гумла V были индоариями» (A. H. D a n i, *Excavations in the Gomal Valley, «Ancient Pakistan», vol. V, 1970—1971; рец.: Е. Е. К у зьм и на, «Народы Азии и Африки», 1974, № 2, стр. 188—193). Если это мнение окажется правильным (аргументы Е. Е. Кузьминой выглядят вполне убедительными), то мы получим еще одно свидетельство непосредственных и весьма древних контактов индоариеv с хараппским (дравидоязычным) населением. В этом случае «дравидийские влияния», прослеживаемые уже в «Ригведе», можно связать с «допенджабским» периодом в истории индо-арийско-хараппских взаимодействий. В несколько ином аспекте предстает тогда и вопрос о сфере воздействия хараппских традиций на последующую культуру. Столы же перспективны и раскопки французских и афганских археологов в Северном Афганистане, где еще в 1975 г. в районе Ай-Ханум были обнаружены «следы» хараппской культуры. Дальнейшие исследования вскрыли наличие в Шор-тугае хараппско-*

Роль Хараппской цивилизации в судьбах древнейшей истории и культуры народов Индостана была столь велика, что в общем синтезе индо-арийских и местных, доарийских элементов, наследие хараппской культуры не могло не оказаться достаточно весомо. Каковы бы ни были причины упадка главных центров Хараппской цивилизации, насколько бы незначительным по охвату ни был ареал непосредственных контактов ранневедийских племен с хараппянцами (по крайней мере, как это нам известно сейчас), нет оснований думать, что к моменту прихода индоарийцев и в период их расселения широкая зона хараппских поселений полностью прекратила свое существование, а богатые традиции хараппской культуры бесследно исчезли.

Поскольку содержание хараппских «надписей» все еще остается нерешенной загадкой, многие «хараппские черты» в последующей культуре древней Индии выявляются недостаточно рельефно, но определенную преемственность можно проследить уже и сейчас, при современном уровне наших знаний. Большие перспективы открывают исследования советских ученых по дешифровке хараппской письменности. В общий комплекс этих интереснейших работ входит и изучение изображений на печатях и амулетах²⁷. Ученым во главе с Ю. В. Кюорозовым удалось выделить серии определенных «иконографических» сцен, отражающих мифологические представления жителей Хараппской цивилизации. Соотнесение отдельных мотивов и сюжетных «блоков» с более поздними свидетельствами, зафиксированными и в письменных текстах, и в памятниках изобразительного искусства, позволило прийти к важному выводу о том, чтоprotoиндийские (или хараппские) мифологические и космографические представления и соответствующая им иконографическая система, хотя и в измененном виде, подвергнувшись иному осмысливанию, вошли в состав более поздних религиозных учений Индии — прежде всего индуизма, а также буддизма и джайнизма. Проблема хараппского культурного наследия — тема специального исследования, но некоторые примеры «хараппского воздействия» столь показательны, что на них следует обратить особое внимание.

При раскопках в Калибангане индийские археологи открыли в южной части цитадели платформы из сырцового кирпича, на вершине которых находились крупные алтари²⁸. При алтарях были обнаружены сосуды с остатками золы и терракотовые изделия в виде «праздничных подношений», служившие, очевидно, в качестве культового дара божеству. Ритуальное назначение этих сооружений не вызывает сомнений. Сооружение алтарей в цитадели позволяет предполагать, что здесь проводились не индивидуальные обряды жертвоприношений, а особые пышные церемонии с участием жрецов и представителей городских властей. При раскопках хараппских центров было открыто значительное число зданий культового характера. В Мохенджо-Даро к востоку от цитадели был раскопан

го (на керамике сохранились граффити хараппского типа) и послехарараппского поселения; послехарараппская культура находит, по мнению французских ученых, аналогии с бишкентской культурой Средней Азии (H.-P. Franchfort, M.-H. Pottier, *Sondage préliminaire sur l'établissement proto-historique harappéen et post-harappéen de Shortugai (Afghanistan du N.-E.)*, *«Arts Asiatiques»*, 1978, XXXIV, стр. 29—79).

²⁷ Подробно см. *Proto-Indica: 1968 (Brief Report on the Investigation of the Proto-Indian Texts)*, Moscow, 1968; Сообщение об исследованииprotoиндийских текстов — *Proto-Indica: 1970*, М., 1970; Сообщение об исследованииprotoиндийских текстов — *Proto-Indica: 1972, I—II*, М., 1972; Сообщение об исследованииprotoиндийских текстов — *Proto-Indica: 1973, М.*, 1975.

²⁸ B. B. Lal, B. K. Thapar, *Excavation at Kalibangan: New Light on the Indus Civilization*, *«Cultural Forum»*, 1967, vol. IX, № 4; B. K. Thapar, *Kalibangan: A Harappan Metropolis beyond the Indus Valley*, *«Expedition»*, 1975 (winter).

комплекс сооружений, одно из которых, по мнению М. Уилера, — храм²⁹ (здесь была найдена, в частности, стеатитовая фигурка бородатого «жреца»).

Судя по имеющимся материалам лингвистики, археологии и письменных памятников, религиозная практика индоарииев к моменту прихода в Индию и в самый первый период их расселения не была связана с воздвижением крупных алтарей и храмовых комплексов (сходная картина наблюдалась и у иранцев³⁰). Можно полагать, что в появлении этих новых тенденций, получивших особое развитие в период формирования индуизма, немалое значение имело воздействие доарийских (в том числе и хараппских) представлений и культовой деятельности местных племен, с которыми индоарии в этот период вступили в тесные контакты.

В течение длительного времени внимание ученых привлекает изображение на хараппских печатях так называемого «рогатого и лишенного одеяний бога», восседающего на троне или прямо на земле. Свообразная поза этого необычного бога: пятки касаются друг друга, ноги как бы прижаты к телу — типичная йогическая поза, столь характерная для аскетов и отшельников древней Индии. На голове — два рога, между которыми дерево. Бога окружают животные: тигр, носорог, слон, зебу. На одной из печатей около головы изображены два выступа, которые, как считал Дж. Маршалл, являются еще двумя ликами этого «прото-Шивы». Хорошо известно, что в индуизме Шива часто выступает в образе Пашупати — покровителя скота, изображается трехликим или многоликим, как правило, без всякой одежды, считается властелином природы, ему поклоняются и как предводителю йогинов³¹. Трудно быть уверенным в прямой преемственности между хараппским «рогатым богом» и Шивой индуизма, но их сходство настолько значительно, что отрицать всякое влияние «хараппского прототипа» вряд ли возможно³². У индоарииев (и у индо-иранцев)³³, если полагаться на древнейшие тексты и данные лингвистики, мы не находим ясных свидетельств о существовании йогико-аскетической практики — явления, столь характерного для многих религиозных и религиозно-философских систем древней Индии и имевшего, очевидно,

²⁹ См. M. Wheeler, *The Indus Civilization*, 2 ed., Cambr. Univ. Press, 1962, стр. 40—41; W. A. Fairservis, *The Roots of Ancient India*, N. Y., 1971.

³⁰ Подробнее см. Магу Бусе, *A History of Zoroastrianism*, vol. I, Leiden — Köln, 1975, стр. 167; Э. А. Грантовский, «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы, «Тезисы докладов советских ученых» (Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии), М., 1977, стр. 14. Ср. у Геродота: «Воздвигать статуи, храмы и алтари (богам) у персов не принято» (I, 131), «У скифов не в обычай воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса» (IV, 59). Индоиранская религия, как справедливо отмечает М. Бойс, складывалась в течение многих столетий по мере передвижения индоиранских племен по степным областям и отличалась исключительной простотой. «Поклонение божествам осуществлялось без храмов, алтарей и статуй, и для совершения торжественных ритуальных действий требовался лишь чистый и ровный клочок земли со специальной бороздой» (Магу Бусе, *On the Zoroastrian Temple Cult of Fire*, JAOS, 1975, vol. 95, стр. 455).

³¹ Подробно см. Sukumar Bhattacharji, *The Indian Theogony*, Cambr., 1970, главы 6 и 9.

³² К тому же само имя *Siva* — явно неарийское (см. J. Gonda, *Die Indischen Sprachen. Erster Abschnitt. Old Indian*, Leiden — Köln, 1971, стр. 223). Наиболее убедительна дравидийская этимология (см. M. Matherhoff, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* (далее — *Wörterbuch*), Lief. 22, Heidelberg, 1970, стр. 344). Я. В. Васильков, основываясь на интерпретации «рогатого бога», предложенной Б. Я. Волчок как «владыки мира», склонен видеть в этом персонаже «небесного царя» и связывать более поздние мифы и ритуалы в честь «священного царя» со значительным влиянием местного субстрата (см. Я. В. Васильков, 12-летний цикл в древней Индии, Сообщение об исследованииprotoиндийских текстов, II. *Proto-India*: 1972, М., 1972, стр. 313—337).

³³ См. Magu Buse, *A History of Zoroastrianism*, стр. 19.

местные корни («йогическая» поза «прото-Шивы» — одно из возможных свидетельств существования этой практики уже в эпоху Хараппы).

Отметим, что у индоариев, судя по данным «Ригведы», отсутствовали специальные изображения божеств³⁴. Обычай поклонения статуям богов и героев отсутствовал также и у древних иранцев, о чем свидетельствует «Авеста». Можно с определенной степенью вероятности предположить, что почитание «божественных изображений» — практика, весьма распространенная в индуизме, — пришло в брахманистскую традицию из местных неарийских культов. Здесь сказались, вероятно, и отголоски хараппского влияния. В Калибангане, например, на одном из терракотовых изделий, имеющем ритуальный характер, сохранился рисунок «рогатого бога», сходного с изображением на печатях³⁵.

К местным доарийским верованиям восходит, очевидно, и ритуал пуджи (rījā), связанный с различными подношениями божеству в виде цветов, воды, растений. Ритуал пуджи, столь характерный для индуизма, а также и буддизма, был незнаком ведийским племенам, исполнявшим яджну. Он предполагал наличие изображений или символов бога, которые обычно ставили в храмы, специальные «дома образов», святыни³⁶. Показательно, что само слово rījā неарийского происхождения и имеет довольно четкую дравийдийскую этимологию³⁷.

Сprotoиндийской (Хараппской) цивилизацией можно связывать такие имевшие затем широкое распространение культуры, как культ плодородия матери-богини, получивший особое развитие в индуизме в виде поклонения верховным богиням, почитания змей³⁸, священных растений (напри-

³⁴ В «Ригведе» мы не находим каких-либо ясных свидетельств о существовании у индоариев этого периода изображений богов. Они появляются, судя по литературе брахман и сутр, позднее, возможно, в связи с влиянием религиозных представлений доарийских племен (см. A. A. Macdonell, *Vedic Mythology*, Strassburg, 1897, стр. 18, 155; Sukumarī Bhattacharji, *The Indian Theogony*, стр. 10).

³⁵ H. D. Sankalia, *The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan*, Poona, 1974, стр. 352. См. также M. K. Dhavalikar, *A Prehistoric Deity of Western India*, «Man», 1970, vol. V, № 1. Калибанганская находка позволяет высказать предположение о проникновении культа «прото-Шивы» из районов долины Инда на восток и юг. Нельзя ли широкое распространение в Южной Индии и Декане культа Шивы объяснять глубокими корнями тех религиозных представлений, которые появились здесь в результате переселения «дравидоязычного» населения из зоны хараппского культурного влияния?

³⁶ См. J. Gonda, *Change and Continuity in Indian Religion*, Hague, 1965, стр. 16.

³⁷ См. T. Vrigow, *Collected Papers on Dravidian Linguistics*, Annamalainagar, 1968, стр. 277; M. Aughofer, *Wörterbuch*, Bd. II, Heidelberg, 1963, стр. 320 сл.; T. Vrigow, M. B. Meenau, *A Dravidian Etymological Dictionary*, Oxf., 1961, № 3569 (стр. 288).

³⁸ Уже Дж. Маршалл на основе изучения материалов археологии подчеркивал непосредственную связь религиозных представлений хараппского общества с культом «женских божеств» более поздних эпох (J. Marshall, *Mohenjo-Daro and the Indus Civilization*, vol. I—III, L., 1931). Показательно, что именно в Южной (дравийской) Индии особенно сильным влиянием пользовался культ богинь, таких, как Mātā, Ambā, Mahāmai, Durga, Sakti. Судя по печатям, можно говорить о существовании культа женского божества, женской ипостаси «главного бога» — «прото-Шивы» (на одной из печатей «богиня» стоит как бы внутри дерева ашватхи и ее прическа несет на себе «три рога», как и уproto-Шивы; на другой — богиня борется с тигром — явная параллель с «мужским вариантом», см. Marshall, ук. соч., табл. XII, XIII, № 17). Некоторые из обнаруженных женских фигурок выполнены вместе с «дымящими чашами» (там же, III, табл. XCIV, XCV), что указывает, по мнению Р. Н. Дандекара, на ритуальное поклонение типа «пуджи» (R. N. Dandekar, *Some Aspects of the History of Hinduism*, Poona, 1967, стр. 17). По мнению большинства исследователей, культ змей-нагов был широко распространен у местных доарийских племен, у которых индоарии заимствовали эти представления. Культ нагов был тесно связан с почитанием деревьев уже в эпоху Хараппы, о чем ясно свидетельствуют изображения на печатях. Однако недавно Ж. Фуссман, исследовав религию кафиров, пришел к выводу, что арии еще до вступления в Пенджаб, т. е. до возможного влияния до-

мер, дерева ашватхи, очень популярного и в буддизме), животных.

Подробно разбирая вопрос о «доарийских чертах» в индуизме, Р. Н. Дандекар рассматривает хараппский период в качестве начального этапа истории этой религии и определяет его как «прото-индуизм»³⁹.

В первый период пребывания в Индии индоарии не создавали монументальных сооружений, весь уклад их жизни был совершенно иным⁴⁰. Для хараппской же культуры монументальная архитектура была одной из самых характерных черт, и можно полагать, что более поздние строительные навыки, известные нам по раскопкам городских поселений в долине Ганга, созревали не без участия этих древних хараппских традиций⁴¹. Не исключено, что Хараппа повлияла и на сам процесс «вторичной» урбанизации, который спустя много столетий после заката индских центров уже в совершенно иных исторических условиях как бы вновь возродился, но уже в долине Ганга. Археологические материалы указывают на интенсивное влияние Хараппской цивилизации на культуры Декана в Южной Индии⁴². Было высказано мнение о переселении хараппцев в южные районы после падения главных городских центров на Инде⁴³.

рийских племен, знали о *nāga* (культ змей). По его мнению, ариям в этот «доиндийский период» были известны также такие слова, как *yaksa* и *rāksasa*, и связанные с ними представления (G. F u s s m a n, Pour une problématique nouvelle des religions indiennes anciennes, JA, 1977, t. CCLXV, ч. 1—2, стр. 21—70). Этот весьма дискуссионный вопрос требует, однако, дальнейшей разработки.

³⁹ Dandekar, Some Aspects..., стр. 2.

⁴⁰ Судя по раскопкам «культуры серой расписной керамики», ее создатели жили в обмазанных глиной тростниковых жилищах (S a n k a l i a, The Prehistory..., стр. 401). Согласно данным «Ригведы», дома строились из дерева и бамбука и окружались каменными стенами (Vedic Age, стр. 398). Пуры (риг), о которых многократно говорится в ведийских текстах, были не городами в собственном смысле слова, а, очевидно, небольшими укреплениями. Иногда в текстах сообщается о «пурах, полных скота», — возможно, это были и особые загоны для скота (Vedic Index, vol. I, стр. 538 сл.). Слово *nagara* (город) появляется лишь в араньяках, а затем и в более поздних сочинениях. При этом интересно указать, что *nagara*, вероятнее всего, — слово дравийского происхождения (B u r g g o w, Collected Papers..., стр. 270; M a u g h u f f e r, Wörterbuch, Bd. II, стр. 125). Определенный интерес в данной связи представляют сообщения «Ригведы» и более поздних ведийских текстов о руинах (*arma*, *armaka*), представших перед взором ведийских племен. Здесь отразилась, очевидно, действительная историческая картина: к приходу индоарии некоторые города хараппской культуры в ряде районов этой цивилизации уже пришли в упадок и были оставлены жителями: в долине Сарасвати, например, индоарии могли увидеть лежащие в руинах некогда цветущие поселения. В одном из гимнов «Ригведы» (I. 133) говорится о находящемся в развалинах городе *Vaishāthāna*. Согласно Т. Барроу, *vaila* — явно неарийский элемент, связанный с языком местного населения (T. B u r g g o w, On the Significance of the term *arma*, *armaka* in early Sanscrit Literature, «Journal of Indian History», 1963, vol. XLI, pt. I, стр. 159—166). Мнение же Т. Барроу о связи «руин» (*arma*, *armaka*) с разрушенными ариями городами долины Инда в свете новых материалов не представляется справедливым (см. И. П у ш к а ш, Некоторые проблемы ведийского общества, ВДИ, 1978, № 2, стр. 149).

⁴¹ Таково, например, мнение Г. Р. Шармы (G. R. S h a r m a, Excavations at Kausambi, 1957—1959, Allahabad, 1960), с которым, однако, не согласен А. Гхоп (The City in Early Historical India).

⁴² Подробнее см. S a n k a l i a, The Prehistory...; S. A. S a l i, The Harappan Culture as Revealed through Surface Explorations in the Central Tapti Basin, «Journal of the Oriental Institute», 1970, vol. XIX, стр. 43—101. Б. Б. Лал проследил, в частности, генетическую связь междуprotoиндийским письмом играффити на керамике Южной Индии эпохи неолита и «мегалитической культурой» (B. B. L a l, From the Megalithic to Harappa: Tracking Back the Graffiti on the Pottery, «Ancient India», 1960, vol. 16).

⁴³ См. Z v e l e b i l, Nagappa and Dravidians; Н. В. Г у р о в, Южнодравидийская легенда о прародине, «Народы Азии и Африки», 1976, № 3.

Доарийская Индия оказала значительное воздействие на материальную культуру индоариев, и роль харашпских традиций в этом процессе вряд ли можно недооценивать⁴⁴.

На некоторых поселениях в верховьях Джамны и Ганга и в Раджастхане, где засвидетельствована «культура серой расписной керамики», была обнаружена и так называемая черно-красная керамика, характерная для халколитических культур Центральной Индии и встречающаяся в послехарашпских слоях ряда поселений Западной Индии (носителями этой культуры, как уже отмечалось, были, по всей вероятности, дравидоязычные племена).

В Атранджикхере черно-красная керамика, сходная с керемикой из Ахара и Гилунда⁴⁵, залегает над слоем с желтой (охристой) керамикой и предшествует «культуре серой расписной керамики», т. е. появление в этом районе Доаба керамических традиций халколитической культуры Южного Раджастхана условно датируется 1200 г. до н. э.

Очень показательны раскопки в Нохе (Раджастхан), где слой с черно-красной керамикой, находящей аналогии в керамике халколитических культур Центральной Индии, залегал непосредственно под слоем «культуры серой расписной керамики» (прослеживается взаимодействие керамических традиций)⁴⁶. По мнению Д. Р. Агравала, присутствие черно-красной керамики связано с проникновением в эти районы племен из Центральной Индии в поздне- и послехарашпский периоды⁴⁷ (следует отметить, что проблема «черно-красной керамики» продолжает оставаться одной из самых сложных в индийской археологии)⁴⁸. Сходной точки зрения придерживается и А. Гхосх, указывающий на возможность движения носителей черно-красной керамики из Гуджерата в Центральную Индию, а затем в верховья и долину Ганга и на Восток⁴⁹ (с этим связывается и распространение в этих областях риса).

Если принять точку зрения о таком пути движения создателей халколитической «культуры черно-красной керамики» и считать их дравидоязычными, то имеющиеся данные о непосредственном контакте этих племен с индоариами («культура серой расписной керамики») в верховьях Ганга, в долине Ганга и Раджастхане намечают еще одну зону взаимоотношений индоариев с дравидами и указывают на «дополнительный канал»,

⁴⁴ Так, переход индоариев к оседлому земледельческому хозяйству был связан с использованием плуга, известного (судя по раскопкам в Калибангане) и харашпцам, а также освоением местных зерновых культур и прежде всего риса (обнаружен в позднехарашпских слоях Лотхала и Рангпур), с применением местных пород скота и т. д. Подробнее см. F. R. Allchin, Early cultivated Plants in India and Pakistan, *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*, ed. by P. G. Ucko, G. W. Dimbleby, L., 1969; H.-G. Peuker, Archäologische Befunde zum frühen Getreideanbau in Indien, *Ethnografisch-Archäologische Zeitschrift*, 1977, № 2; M. Schetteleich, Zu den landwirtschaftlichen Kenntnissen der Vedischen Arya, там же; Vissnu-Mittre, Origins and History of Agriculture in the Indian Sub-continent, *Journal of Human Evolution*, 1978, vol. 7; B. B. Lal, Perhaps the Earliest Ploughed Field so far Excavated Anywhere in the World, *Purataitva*, 1970—1971, vol. 4, № 1—3.

⁴⁵ R. C. Gaur, Nature of Pottery Complex of Black-and-Red Ware Phase at Atranjikhera, *Potteries in Ancient India*, ed. by B. P. Sinha, Patha, 1969, стр. 112—116.

⁴⁶ Indian Archaeology. 1971—1972. A Review, Delhi, 1975, стр. 41—42.*

⁴⁷ Подробнее см. Agrawal, The Copper Bronze Age in India. Еще в 1968 г. А. Я. Шетенко высказал предположение о продвижении энеолитических племен Центральной Индии на Восток (А. Я. Шетенко, Древнейшие земледельческие культуры Декана, 1968, стр. 92).

⁴⁸ Различные теории по этой проблеме изложены в сборнике *Potteries in Ancient India*.

⁴⁹ См. G. Ghosh, The City in Early Historical India, стр. 82.

через который осуществлялось влияние «протодравидийской цивилизации» на культуру ведийских племен. Эти контакты, судя по данным археологии, продолжались и в более восточных районах страны: на ряде поселений центральных районов долины Ганга (Прахладпур, Раджгат, Чиранд, Сонпур) черно-красная керамика (датируемая условно IX—VI вв. до н. э.) залегает в слоях, предшествующих «культуре северной черной лощеной керамики»⁵⁰. Еще к более раннему времени относятся слои с черно-красной керамикой в Махисадале и Панду Раджар Дхиби (Бенгалия)⁵¹, которая имеет типологическое сходство с халколитической керамикой Центральной Индии⁵². Показательно, что и устная традиция дравидов сохранила свидетельства о расселении дравидийских племен из Западной Индии в области Ганга-Джамны и в долину Ганга⁵³.

На этом, как свидетельствуют археологические материалы, процесс взаимодействия индоариев с дравидами, однако, не закончился; он продолжался и во второй половине I тыс. до н. э. (и позднее), когда ареал распространения «культуры северной черной лощеной керамики» охватил значительные области Центральной, Западной, Восточной и отчасти Южной Индии.

На основе данных археологии можно, таким образом, выделить несколько этапов взаимодействия индоариев с дравидами (протодравидами), начиная уже с эпохи поздней Хараппы вплоть до последних веков I тыс. до н. э. и первых веков н. э. (вопрос о последующих контактах индоариев с дравидами и шире — о связях Севера Индии с дравидийским Югом выходит за пределы рассматриваемой нами темы).

Другим местным этнокультурным субстратом, с которым вступили в непосредственное взаимодействие ведийские арии, были племена — создатели археологической культуры «медных кладов и желтой керамики». На ряде поселений в верховьях Ганга и в области Джамно-Гангского Двуречья слои этой энеолитической культуры залегали под слоями «культуры серой расписной керамики».

В Хастинапуре желтая (охристая) керамика была обнаружена в нижнем слое многослойного поселения, что позволило датировать верхнюю границу «культуры медных кладов и охристой керамики» примерно XI в. до н. э.⁵⁴ Вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры остро дискутируется в научной литературе. Ф. Гейне-Гельдерн считал их ведийскими ариями⁵⁵, С. Пиггот связывал с населением, якобы бежавшим из хараппских центров⁵⁶; некоторые индийские археологи справедливо указывают на местные корни этой энеолитической культуры⁵⁷,

⁵⁰. См. B. and R. Allchin, *The Birth of Indian Civilization. India and Pakistan before 500 B. C.*, L., 1968.

⁵¹ Agrawal, *The Copper Bronze Age*, стр. 107; D. P. Agrawal, *Sheela Kusumgar, Prehistoric Chronology and Radiocarbon Dating in India*, Delhi, 1974, стр. 118; Agrawal, Krishnamurthy, Pant, *Chronology of Indian Prehistory*, стр. 42.

⁵² Purushattam Singh, *The Problem of Black-and-Red Ware in Indian Archaeology, «Potteries in Ancient India»*, стр. 70.

⁵³ См. Ике-Шальбе, Историко-этнографические данные...

⁵⁴ См. Lal, *Excavations at Hastinapura...*

⁵⁵ R. Heine-Geldern, *New Light on the Aryan Migration to India*, «Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology», 1937, vol. V, стр. 716.

⁵⁶ S. Pigott, *Prehistoric India*, Harmondsworth, 1950, стр. 238.

⁵⁷ См. B. B. Lal, *Further Copper Hoards from Gangetic Basin and a Review of the Problem*, «Ancient India», 1951, vol. 7; он же, *The Copper Hoard Culture of the Ganga Valley*, «Antiquity», 1972, XLIX, табл. 1—4; S. P. Gupta, *Indian Copper Hoards: the Problems of Homogeneity, Stages of Development, Origin, Authorship and Dating*, «Journal of the Bihar Research Society», 1963, XLVI, табл. 1—4.

которую, как нам представляется, можно связывать с предками народов мунда⁵⁸.

Раскопки индийских археологов позволяют в общих чертах восстановить материальную культуру этих племен. Основным занятием являлось земледелие, хотя немалое значение продолжала сохранять и охота. Население жило в примитивных глиняных постройках, но высокого развития достигла металлургия⁵⁹.

Можно полагать, что появление «культуры медных кладов и желтой керамики» в верховых Гангского бассейна и в Ганго-Джамунском Двуречье было продолжением процесса распространения из Восточной Индии протомундских племен к северо-западу, проходившего в эпоху неолита, и дальнейшего развития уже на новых территориях энеолитической культуры. Нижняя граница этой культуры в верховых Гангского бассейна относится примерно к 2000—1600 гг. до н. э.⁶⁰ «Протомунды» находились, очевидно, в контакте с хараппским населением (в восточной периферии этой цивилизации), что и привело к некоторому сходству в отдельных чертах их материальной культуры⁶¹. Вместе с тем, в исходном пункте движения предков мундов к северо-западу, а именно, в Бихаре, Западной Бенгалии, Ориссе «культура серой расписной керамики» не обнаружена. Лишь значительно позднее в некоторых районах Восточной Индии появляется культура «северной черной лощеной керамики», но и она занимает в основном долину Ганга, оставляя незанятыми области, где и сейчас обитают народы группы мунда.

Судя по мифам и легендам народов мундской группы, их далекие предки переселились из западных областей междуречья Ганга и Джамны и двигались на восток, вынужденные оставить плодородные долины Ганга и его притоков⁶². Возможно, что эти «вторичные» миграции были связаны с «давлением» на них ведийских племен. Данные археологии свидетельствуют о том, что контакты индоариев с мундами (протомундами) были весьма длительными, но не тесными и не постоянными. Не следует переоценивать и степень взаимодействия протомундов и протодравидов в ведийскую эпоху, хотя этнокультурные связи между ними безусловно существовали (первая зона встреч — верховья Ганга и Джамны, а возможно, и Пенджаб — восточные хараппанцы⁶³ и носители «культуры черно-красной керамики»; в более южных регионах на ряде поселений засвидетельствовано непосредственное залегание «культуры медных кладов и желтой керамики» под слоем «культуры черно-красной керамики» и их взаимодействие).

Такой весьма сложной и многошпановой предстает перед нами на основе данных археологии картина этнокультурных процессов, происходивших в Северной Индии во II—I тыс. до н. э. (понятно, что предлага-

⁵⁸ См. Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Депик, К проблеме происхождения народов мунда, СЭ, 1957, № 1. Эта точка зрения нашла поддержку у советских и зарубежных ученых. См., например, Ике-Швальбе, Историко-этнографические данные...; Р. Н. Л. Eggermont, Comptes Rendus, «Persica», 1975—1978, vol. VII, стр. 184.

⁵⁹ См. Санкалия, The Protohistory..., стр. 397.

⁶⁰ Согласно Б. Б. Лалу, в верховых Ганга эта культура появляется с начала II тыс. до н. э. (B. B. Lal, A Note on the Excavations at Saipai, «Puratattva», 1971—1972, vol. 5, стр. 46—49; см. также A'g rawal, Sheela Kusumgar, Prehistoric Chronology..., стр. 118 (результаты люминисцентного анализа)).

⁶¹ R. C. Gaur, An Appraisal of the Prehistoric Problems of the Ganga-Jamuna Doab, «Puratattva», 1970—1971, vol. 4, стр. 42—50; Proceedings of the Seminar on OCP and NBR, «Puratattva», 1971—1972, vol. 5, стр. 3—28.

⁶² См. Ике-Швальбе, Историко-этнографические данные..., стр. 118.

⁶³ См. R. C. Gaur, An Ochre Coloured Pottery: a Reassessment of the Evidence, «South Asian Archaeology», 1973, Leiden, 1974.

емые соотнесения конкретных археологических культур с определенным этносом весьма условны и страдают явным, хотя и неизбежным схематизмом).

Эти «археологические выкладки», однако, существенно дополняются и корректируются материалами лингвистики. Основное «поле» лингвистических изысканий — неарийские элементы в санскрите.

К сожалению, мундские языки Индии исследованы крайне плохо, и вопрос о мундских заимствованиях в санскрите чрезвычайно сложен. Наиболее полной сводкой до сих пор остается классическая работа Ф. Кёйпера⁶⁴. В своем труде «Санскритский язык» Т. Барроу приводит краткий список слов, которые, по его мнению, с достаточной определенностью имеют мундскую этимологию⁶⁵. Из десяти слов этого списка семь впервые зафиксированы в текстах послеведийского периода, в сочинениях, относящихся ко времени не ранее второй половины I тыс. до н. э. Однако уже в «Ригведе» (в одной из ранних мандал, IV, 57.4) встречается слово *lāṅgalam* — плуг⁶⁶, имеющее мундскую этимологию и находящее аналогии также в кхмерском, малайском, батакском языках. (Кроме *lāṅgalam*, в «Ригведе» наряду с собственно арийскими словами для названия различных сельскохозяйственных орудий и земледельческих работ встречаются и другие неарийские слова: *phala* — плужный лемех⁶⁷, *sīra* — плуг⁶⁸, *kīnāśa* — пахарь⁶⁹.)

Заимствование индоариями этих важных хозяйственных терминов хорошо объяснимо с общих историко-культурных позиций: ранневедийские племена пришли во взаимодействие с протомундами (а также с дравидами), основным занятием которых было земледелие, в период, когда лишь начинался переход индоарииев к оседлому земледельческому хозяйству. С периода «Атхарваведы» в ведийских текстах *lāṅgalam*⁷⁰ и другие неарийские термины «сельскохозяйственного облика» встречаются уже значительно чаще, что свидетельствует о возрастании роли местных элементов в культуре индоарииев. В земледельческой терминологии этого периода даже доминируют неарийские слова⁷¹. Согласно Я. Гонде, вполне возможна аустроазиатская (протомундская?) этимология встречающегося в «Ригведе» (VIII — 55.8) слова *balbaja*⁷². *Balbaja* — название грубой травы (*Eleusine Indica*), которая употреблялась при религиозных церемониях (о ней сообщается также в «Атхарваведе», «Яджурведе» и более поздних текстах). Ритуалы играли в жизни ригведийских племен столь важное значение, что нет ничего удивительного в заимствовании индоариями некоторых местных растений, дарующих им, как они полагали, «магическую силу». В своей интереснейшей статье «Ригведийские заимствования» Ф. Б. Я. Кёйпер приводит список «чужих» слов, встречающихся в «Ригведе», многие из которых он связывает с мундским (и шире — аустроазиатским) субстратом, хотя и признает трудность их точной

⁶⁴ F. B. J. Kuiper, *Proto-munda Words in Sanskrit*, Amsterdam, 1948.

⁶⁵ T. Burrow, *The Sanskrit Language*, 2 ed., L., 1959.

⁶⁶ См. Mayrhofer, *Wörterbuch*, Lief. 19, Heidelberg, 1968, стр. 97—98; Gonda, *Die Indischen Sprachen*, стр. 211 сл.; F. B. J. Kuiper, *Indoiranica*, «Acta Orientalia», 1938, стр. 309 сл.

⁶⁷ См. F. B. J. Kuiper, *Rigvedic Loanwords*, «Festschrift für W. Kirfel», Bonn, 1955, стр. 37—185. О *phala* см. Mayrhofer, *Wörterbuch*, Bd. II, Heidelberg, 1963, стр. 397.

⁶⁸ Там же, Lief. 23, Heidelberg, 1972, стр. 476.

⁶⁹ Там же, Bd. I, Heidelberg, 1956, стр. 215.

⁷⁰ См. Scheetelich, *Zu den landwirtschaftlichen Kenntnissen...*, стр. 207—218.

⁷¹ G. Wojszka, *The Plough as Described in the Kṛṣiparāsara*, «Altorientalische Forschungen», V, 1977, стр. 245.

⁷² Gonda, *Die Indischen Sprachen*, стр. 210.

этимологию (для ряда слов возможна и дравидийская этимология)⁷³. В целом, однако, можно говорить совершенно определенно о влиянии мундского (протомундского) субстрата на индоариев уже в эпоху «Ригведы», что позволяет условно наметить и первоначальный ареал этих древних контактов, хотя данные лингвистики трудно увязать с имеющимися археологическими материалами.

Гимны «Ригведы» были оформлены, как полагает большинство исследователей, в Восточном Пенджабе, где пока не обнаружено поселений «культуры медных кладов и желтой керамики». Однако следует иметь в виду, что в «Ригведе» упоминаются Ямуна и Ганг (кстати, само слово *Gāṅgā*, по мнению ряда ученых, аустроазиатского происхождения)⁷⁴. Кроме того, новые археологические исследования в Свате показали, что в этом районе во II тыс. до н. э. появляется желтая керамика, сходная с керамикой «культуры медных кладов», поселения которой обнаружены в верховьях Ганга⁷⁵. Создатели этой энеолитической культуры достигали, хотя, очевидно, и эпизодически, областей Пенджаба (на это могут указывать находки желтой керамики в Пенджабе)⁷⁶ и даже более отдаленных районов (движение протомундов из восточных областей к западу и северу, к верховьям Ганга и Джамны засвидетельствовано раскопками поселений «культуры медных кладов и желтой керамики»)⁷⁷. Можно, таким образом, предполагать, что заимствование ригведийскими племенами отдельных «мундских» слов произошло в первый период контактов индоариев с протомундами — в верховьях Ганга и Джамны или, хотя это и проблематично, даже в юго-восточных районах Пенджаба⁷⁸. По мнению Ф. Б. Я. Кейпера, протомундская лингвистическая область ко времени прихода ариев распространялась вплоть до долины Инда⁷⁹.

По сравнению с эпохой «Ригведы» влияние мундского субстрата увеличивается в период более поздних самхит и брахман. Несколько слов мундского (и шире — аустроазиатского происхождения) встречается в «Атхарваведе»: *uḍumbara* — название растения *Ficus glomerata*, которое употреблялось для религиозных церемоний (в «Атхарваведе» указаны даже амулеты из удумбары), *baja* — растение, которому приписы-

⁷³ Куйпер, Rigvedic Loanwords.

⁷⁴ См. Mayhoff, Wörterbuch, Bd. I, стр. 313 сл.; Сунити Кумар Чаттереджи, Введение в индоарийское языкознание, М., 1977, стр. 68. Мнение Р. Шаффера о тибето-бирманском происхождении названия реки Ганг, поддерживаемое Я. В. Чесновым, не представляется убедительным (см. R. Schaffner, Ethnography of Ancient India, Wiesbaden, 1964, стр. 14; Я. В. Чеснов, Историческая этнография стран Индокитая, М., 1976, стр. 99).

⁷⁵ См. Giorgio Stagul, Ochre-Coloured and Grey-Burnished Wares in North-West Indo-Pakistan, «East and West», 1973, № 12, стр. 82.

⁷⁶ См. Gaur, The Ochre-Coloured Pottery.

⁷⁷ Подробнее см. Г. М. Бонгард-Левин, Энеолит Восточной Индии и проблема происхождения муnda, «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 71—74; La 1, The Copper Hoard Culture of the Ganga Valley, стр. 282—287.

⁷⁸ По мнению Т. Барроу, свидетельством очень ранних контактов индоариев с аустроазиатскими племенами является упоминание в «Ригведе» имени главного соперника Индры — Шамбары (*Sambara*), идентичного более позднему санскритскому *Śabara* и современному савара (название одного из мундских языков, на котором говорят сейчас 250 тыс. человек на юге Ориссы). См. Wiggo, Collected Papers..., стр. 290. В «Ригведе» подробно описана борьба Индры с Шабарой, который в одном из гимнов (VI. 26. 5) назван *dāsa* (см. *Vedic Index*, vol. II, стр. 355). В «Айтарея Брахмане» *Śabaras* наряду с другими неарийскими племенами (*Andhras*, *Pulindas*) обозначаются как «дасью». В эпосе *Sabaras* — жители юга (*dakṣināpathavāsīnā*). О возможности аустроазиатской этимологии *Śambarah* см. Mayhoff, Wörterbuch, Lief. 21, Heidelberg, 1970, стр. 299 сл. Первоначально *Śabaras*, очевидно, жили в Северной Индии, где столкнулись с индоариевами, а позднее были отеснены на юг.

⁷⁹ Куйпер, Rigvedic Loanwords, стр. 140.

вали особую силу, изгоняющую злых духов, *alābu* — «бутыль, сосуд из тыквы», а также в брахманах (например, *kūbara* — передний стержень повозки, оно же зафиксировано и в «Майтрайна-самхите»)⁸⁰.

Не случайно в «Атхарваведе» — своего рода «книге заговоров и заклинаний», тесно связанной с народными магическими обрядами, — встречаются отражающие мундский субстрат слова и термины именно «священного обрядного» характера. «Атхарваведа» и особенно брахманы и упанишады по времени значительно моложе «Ригведы» и были оформлены в более восточных районах Индии. Можно полагать, что протомундские слова были включены в эти ведийские тексты в результате контактов ведийских племен с мундами (протомундами) в период расселения индоариев по долине Ганга и освоения ими восточных областей (скорее всего, в последний этап «культуры серой расписной керамики», т. е. в VI—V вв. до н. э.). По мнению Г. Гриersona, в древности зона обитания мундских племен была значительно шире — они жили в пригималайских областях, в Ганго-Джаминской долине и в Центральной Индии⁸¹. Этот вывод хорошо увязывается с данными археологии о возможном ареале контактов индоариев с протомундами не только в ведийский период, но и в последующую эпоху.

Большая часть мундских заимствований представлена в санскритских текстах I тыс. до н. э., т. е. в период распространения «культуры северной черной полированной керамики» не только в Восточной, но и Центральной Индии. Показателен характер этих заимствований: как и в более ранний период санскрит обогащался, как правило, за счет названий местных растений и животных, хозяйственных и бытовых терминов (например, *kuraṅga* — антилопа, *unduru* — крыса, *karmāgaḥ* (*karmarī*) — бамбук, *karpāsa* — хлопок, *tāmbūla* — бетель, *kadala* — банан). Эти лингвистические данные, говорящие о возрастшем влиянии мундского субстрата на санскрит во второй половине I тыс. до н. э. (прежде всего свидетельства литературы сутр, эпоса, шастр), хорошо увязываются с материалами санскритских сочинений о взаимоотношениях индоариев с местными племенами Восточной Индии.

Значительно более весомым было воздействие дравидийского субстрата на индоарийские языки Индии⁸². Исследователям еще предстоит выделить различные зоны этого влияния, но уже в ранний период оно не было однозначным. В «Ригведе» встречаются несколько слов, которые принято считать дравидийскими. К наиболее убедительным «дравидизмам» в «Ригведе» можно отнести *kundha* (горшок, сосуд)⁸³ и *ulukhala* (ступка)⁸⁴. Безусловность «дравидийской этимологии» остальных слов, приводимых

⁸⁰ Подробно см. G o n d a, *Indischen Sprachen*.

⁸¹ Об этом свидетельствует, в частности, влияние языков мунда на индоарийские языки группы пахари, см. G. A. G r i e r s o n, *Linguistic Survey of India*, vol. IV, № 1, Calcutta, 1906.

⁸² По мнению Т. Барроу, в санскрите засвидетельствовано более 500 дравидийских слов (*Collected Papers...*, стр. 178).

⁸³ Там же, стр. 309; о н же, Санскрит, М., 1976, стр. 360; M a y r h o f e r, *Wörterbuch*, Bd. I, стр. 226.

⁸⁴ B i g g o w, *Collected Papers...*, стр. 309; о н же, Санскрит, стр. 360; M a y r h o f e r, *Wörterbuch*, Bd. I, стр. 111. Можно указать также на *sīra* (плуг), *phala* (фрукт), *kuṇḍa* (*kuṇḍī*, с поломанной рукой), дравидийская этимология которых уже не столь определена. В «Ригведе» встречается слово *kaṛḍa* в значении «косичка» (*kaṛḍin* — имеющий скрученные волосы, в дальнейшем один из эпитетов Шивы), см. *Vedic Index*, vol. I, стр. 135. Т. Барроу полагает, что в данном случае санскрит сохранил дравидийское слово в очень древней форме (*Collected Papers...*, стр. 187), М. Мейерхoffer тоже склоняется к дравидийской этимологии (*Wörterbuch*, Bd. I, стр. 155). По мнению Т. Барроу, дравидийским является и слово *ulara* (название травы); см. M a y r h o f e r, *Wörterbuch*, Bd. I, стр. 111.

Т. Барроу⁸⁵, вызывает сомнения у М. Мейерхоффера, П. Тиме, Я. Гонды. Сравнительно малое число дравидийских заимствований в «Ригведе» было бы логично объяснить особым характером этого «священного» текста, авторы которого строго оберегали его неприкосновенность. Показательно, однако, что немного дравидийских слов было «приобретено» и в эпоху поздних самхит и брахман.

Хотя сейчас благодаря новым раскопкам индийских археологов установлена непосредственная связь «культуры серой расписной керамики», соотносимой с индоариами, с более ранними по времени харапскими поселениями в Восточном Пенджабе и Хариане, взаимодействие индоариев в ригведийский период с дравидийским населением было, по-видимому, непродолжительным, а первые контакты не вели к активной ассимиляции — ведийские племена быстро продвигались в глубь страны. Рассмотрение всего фонда «заимствований» в «Ригведе» (прежде всего «протомундского» и «дравидийского» субстратов) показывает, что основное влияние проявлялось в сфере хозяйственной деятельности, хотя уже в этот ранний период воздействие местного земледельческого населения касалось и других сторон жизни, в том числе и религиозных представлений⁸⁶.

К дравидийским заимствованиям в «Атхарваведе» можно отнести *bilva* (*Algle marmelos* — название фруктового дерева, XX.136.13, которое, судя по более поздним ведийским текстам, имело сакральное значение) и, очевидно, *arka* (*Colotropia gigantes*, VI.72.1 — огромные листья этого дерева употреблялись для специальных церемоний жертвоприношений, а амулеты из него «оказывали» магическое действие⁸⁷), *taṇḍula*⁸⁸ и *vrīhi*⁸⁹ (оба — рис). Несколько дравидийских слов зафиксировано в текстах брахман и упанишад.

Несмотря на незначительность прослеживаемого по поздневедийским текстам «дравидийского влияния», сам факт пребывания дравидийских племен в районе оформления этих сочинений (Бихар и некоторые области Бенгалии) не вызывает сомнений. По материалам археологии это может быть соотнесено с «культурой черно-красной керамики», действительно обнаруженной на ряде поселений Бихара и Западной Бенгалии. Но ареал распространения этой культуры в центральных районах долины Ганга и в Бенгалии, как показывают материалы археологии, был невелик: основным доарийским субстратом здесь были протомунды; дравидоязычные племена, проникшие, очевидно, сюда из западных и северо-западных областей, не занимали, по всей вероятности, значительных территорий, хотя и не следует преуменьшать влияния дравидийского этноса на индоариев в этой части Индии. Вряд ли можно сомневаться в том, что ведийские сочинения «приобретают» дравидийские слова позже, чем разговорный язык — должно было пройти немало времени, прежде чем неарийские слова «нашли свое место» в освященных традицией текстах.

Подавляющее число дравидийских заимствований появляется в санскрите на ранней стадии классического периода и впервые зафиксировано

⁸⁵ B i r r o w, Collected Papers.

⁸⁶ См. К и р е й, Rigvedic Loanwords.

⁸⁷ Б а р р о у, Санскрит, стр. 360; М а у г h o f e r, Wörterbuch, Bd. I, стр. 50.

⁸⁸ Ж. Блок предлагал дравидийскую этимологию (J. B l o c h, Indo-Aryan and Dravidian, BSOAS, 1929, V, стр. 537), хотя, по мнению М. М е и е р х о ф е р а, происхождение слова неясно (Wörterbuch, Bd. I, стр. 471).

⁸⁹ Е. Н. T u t t l e, Dravidian «Wriga Rice», JAOS, vol. 47, 1927, стр. 263—266. Я. Гонда полагает, что дравидийское происхождение слова *vrīhi* убедительно установлено (Die Indischen Sprachen, стр. 209). М. Мейерхофф приводит, правда, и другие этимологии (Wörterbuch, Lief. 21, стр. 282). Можно указать также на *kipara* (трут), *agasti* (название травы и эпитет мудреца Agastya, упоминаемого еще в «Ригведе»). Возможно, что это одно из древнейших дравидийских заимствований в санскрите (B i r r o w, Collected Papers..., стр. 179; M a u g h o f e r, Wörterbuch, Bd. I, стр. 17).

в трудах Панини (V—VI вв. до н. э.), Патанджали (II в. до н. э.), в эпосе, литературе сутр.⁹⁰ Палийские тексты свидетельствуют, что процесс заимствования индоариями дравидийских слов протекал довольно интенсивно в период кодификации сочинений на пали (IV—II вв. до н. э.). Однако в позднесанскритской литературе число «дравидийских инноваций» уже незначительно. Т. Барроу справедливо отмечал, что период активного заимствования из дравидийских языков закончился к началу нашей эры. Значит, именно вторая половина I тыс. до н. э. была отмечена наиболее тесными индоарийско-дравидийскими контактами (археологически это сопоставимо с эпохой «культуры северной черной лощеной керамики», распространенной не только в долине Ганга, но и в Восточной, Западной и Центральной Индии).

Таким образом, лингвистические материалы дают возможность очертить и временные рамки влияния местных субстратов на санскрит и шире — на материальную и духовную жизнь индоария, процесса, который прошел в своем развитии несколько этапов. В ранней истории индоарийско-дравидийских и индоарийско-мундских контактов⁹¹ следует выделять ранневедийский и поздневедийский периоды в эпоху, хронологическими рамками которой были поздневедийский этап и время образования классического санскрита.

При изучении процесса взаимодействия индоария с мундами и дравидами ясно выявляется одна общая черта: наибольшая степень влияния местных традиций (по данным лингвистики) хронологически падает на вторую половину I тыс. до н. э., предшествующий и последующий периоды отмечены значительно менее интенсивным характером этого воздействия (если, конечно, дошедшие до нас источники адекватно отразили происходивший процесс). Данный факт может быть в полной мере объяснен после того, как будет более объемно выделен «механизм» взаимоотношений индоарийской и доарийской культур Северной Индии и детально проанализирован весь фонд неарийских элементов в санскритских и пракритских текстах, однако в порядке самых предварительных гипотез можно высказать некоторые общие соображения.

Прежде всего, следует вновь подчеркнуть особый характер «Ригведы», как текста «священного», культового, передававшегося в строго фиксированных рамках и тем самым почти не подверженного каким-либо интерпо-

⁹⁰ См. Т. Виггов, Sanskrit and Pre-Aryan Tribes and Languages, «Bulletin of the Ramakrishna Mission», Calcutta, 1958, стр. 1—12.

⁹¹ Местное доарийское население не ограничивалось, конечно, дравидийскими и мундскими племенами. Необходимо упомянуть и о представителях тибето-бирманской языковой группы, хотя явных следов влияния этих диалектов на индоарийский пока не обнаружено. Вместе с тем, исследования лингвистов и антропологов указывают на существование древних связей тибето-бирманских и мундских народов. Вопрос о времени появления тибето-бирманских по языку племен в Индии чрезвычайно сложен и не получил пока однозначного решения. По мнению ряда ученых (например С. К. Чаттерджи), племена, известные в индийских источниках начиная уже с «Яджурведы» под именем «кираты», относились к группе тибето-бирманских народов (кираты занимали преимущественно предгималайские районы в Восточной Индии). С. К. Чаттерджи посвятил специальную работу происхождению древней истории «киратов» и свидетельствам о них в индийской письменной традиции. По мнению Р. Шафера, целый ряд племен и народов, относимых в разряд «варваров-млечхов», также может быть увязан по происхождению с тибето-бирманцами, хотя этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании (прежде всего, с лингвистической точки зрения). Подробно см. Чеснов, Историческая этнография стран Индокитая, стр. 95—105; Барроу, Санскрит, — стр. 350; Чаттерджи, Введение в индоарийское языкознание, стр. 77; он же, Kirata-Jana-Krti, The Indo-Mongoloids: their Contribution to the History of India, Calcutta, 1974; Shafee, Ethnography of Ancient India; S. B. Chandy, The Ethnic Settlements in Ancient India, Calcutta, 1955. Ф. Б. Я. Кейпер (Rigvedic Loanwords) указывает на возможность существования и иных, пока не известных этнолингвистических источников влияния на индоария.

ляциям и внешним инновациям. Эта специфика древнейшей из самхит была, хотя, возможно, и не в такой категорической форме, присуща всей ведийской литературе (исключение в определенной степени составляет, пожалуй, лишь «Атхарваведа» — «веда заклинаний», которая в отличие от остальных трех самхит, связанных с ритуалом сомы, ориентирована на ритуалы грихья и затрагивает различные стороны повседневной жизни древних индийцев). Для раннего периода ведийские тексты — единственные письменные источники, которые имеются в распоряжении ученых, и можно предположить, что их функциональная специфика заслонила от нас подлинный характер контактов «пришлых» и «местных» этнокультурных структур. Вряд ли можно сомневаться в том, что брахманы — составители и редакторы ведийских самхит — зорко оберегали чистоту «священного писания», не допускали проникновения в него слов из языка «варваров» — млечхов, которые, очевидно, широко употреблялись среди небрахманских сословий. Иное дело — эпос, литература сутр (преимущественно грихьясутры), грамматические и научные трактаты (прежде всего по медицине), а также палийские буддийские сочинения. Несмотря на особенности каждого из этих жанров, им присущ, по сравнению с ведийскими текстами, значительно более «открытый» характер, они не несут печать столь строгой ортодоксальности, охватывающей широкий спектр проявлений человеческой деятельности (буддийская литература по своей направленности была значительно более народной, чем ведийские и брахманские сборники, различной была и их аудитория). И не случайно, именно в этих памятниках словесности наиболее широко представлена «автохтонная» лексика.

В санскрите эпохи позднеклассической литературы, как отмечалось, доарийских заимствований уже сравнительно мало, что можно объяснить не характером этих памятников, а определенным завершением длительного процесса «языковых взаимоотношений» (особняком стоят лишь лексикографические трактаты, уделявшие специальное внимание не только санскритской, но и «автохтонной» терминологии).

Можно ли, однако, сводить объяснение неравномерности процесса индоарийских и местных лексических и шире — этнокультурных — взаимоотношений лишь к специфике допедших до нас памятников санскритской литературы? Думается, что учитывая это действительно важное обстоятельство, следует обратиться и к конкретной исторической панораме, отмеченной довольно сложной картиной контактов индоарииев и неарийских племен и народов, контактов, протекавших в разные хронологические эпохи и на различных территориях, где роль местных субстратов не могла быть однаковой.

В период появления индоарииев в Индии и в первый этап их расселения встречи ригведийских племен с местным населением были отмечены взаимной враждебностью и отчуждением, «барьер недоверия» способствовал сохранению строгой изоляции, если устанавливались контакты, то они сводились преимущественно к области военной и хозяйственной деятельности. Такое положение сохранялось, очевидно, в течение довольно значительного времени, когда индоарии, продвигаясь в глубь страны, осваивали новые территории, переходя к новому укладу жизни. Постепенно менялись социальная и экономическая структуры ведийского общества (особенно если учесть, что индоарии встретили местные племена и народы, общественная структура которых была различна), значительные сдвиги наметились и в культуре ведийских племен, налаживались более регулярные контакты с местным населением.

Заимствованная дравидийская и мундская лексика, зафиксированная в памятниках санскритской литературы (прежде всего в эпосе), охваты-

вала самые различные сферы жизни (названия металлов, растений, сельскохозяйственных продуктов и орудий труда, одежды, строительных приемов, научные, особенно медицинские, термины)⁹², что свидетельствовало о многостороннем влиянии доарийских этносов на материальную и духовную культуру индоариев. Взаимодействие культур, проходившее в условиях билингвизма, было особенно ощутимым на уровне повседневных контактов широких слоев населения, хотя этот процесс не получил в дошедших до нас текстах адекватного отражения. Не следует, конечно, недооценивать и внутреннее развитие самого индоарийского общества; исходные явления в рамках собственной системы принимали с течением времени новые формы, но их истоки нередко скрыты от исследователя⁹³.

Под влиянием местных доарийских культов меняется и сам характер индоарийских верований, фольклор и эпос обогащаются новыми образцами и сюжетами, почерпнутыми у местного доарийского населения. Тем самым становится иной и функциональная направленность прежде крайне «замкнутых» священных текстов, и даже брахманские редакторы, заинтересованные в освящении своей особой ритуальной чистоты и социального превосходства, интерполируют популярные местные божества, включают тайны народной магии в тексты своей традиции. История раннего индуизма, длительного процесса «популяризации ведийско-брахманской религии» дает немало ярких примеров введения в брахманский пантеон культов неарийских земледельческих племен и более того — отождествления главных ведийско-брахманских богов с особо почитаемыми местными божествами (Рудра-Шива, Васудева-Санкаршана)⁹⁴.

Первоначально кульп Кришны получил наибольшее распространение среди вришниев, принадлежавших к явавам. В санскритских источниках вришни причисляются к разряду вратьев — племен, следовавших неарийскому образу жизни и не подвергнувшихся влиянию брахманской традиции. Судя по описаниям литературных текстов, явавы принадлежали к племенам, говорившим не на индоарийском языке⁹⁵ (в области обитания явавов обнаружена халколитическая культура «черно-красной керамики», которую мы условно сопоставляем с протодравидийскими племенами).

С местными субстратами можно связать названия исключительно популярных в послеведийский период богов — Шива, Кубера, Кришна, Хануман, таких священных ритуальных объектов, как линга (эмблема Шивы), мусала (пестик-ступка, на которой готовили приношения божеству), пинцала — дерево, особо почитаемое в культовой практике⁹⁶.

С верованиями «аборигенных» племен Индии, по-видимому, связано возникновение такой важной концепции поздневедийского периода, как учение о переселении душ (метапсихоз), ставшей затем одним из важнейших принципов религиозно-философских представлений индуизма, буддизма и джайнизма. У индийцев и иранцев эпохи «Ригведы» и «Авесты» зафиксировано принципиально иное представление о судьбах души после смерти (душа поднимается на небо или же низвергается в ад в зависимости от совершенных человеком дел)⁹⁷. Впервые концепция «переселения

⁹² См. W. K i r f e l, Die Lehnworte des Sanskrit aus den Substrat-Sprachen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der indischen Kultur, «Lexis», 1953, Bd. III, № 2, стр. 267—285.

⁹³ См. G o n d a, Change and Continuity..., стр. 24.

⁹⁴ Подробно см. S u v i r a J a i s w a l, The Origin andj Development of Vaisnavism, Patha, 1967.

⁹⁵ R o m i l a T h a r a g, Puranic Lineages and Archaeological Cultures, «Puratattva», vol. 8, 1978, стр. 96 сл.

⁹⁶ Подробно см. G o n d a, Die Indischen Sprachen.

⁹⁷ Подробно см. M a g u B o u c e, A History of Zoroastrianism, vol. I, стр. 110—119.

душ» упоминается в «Брихадараньяка-упанишаде» (III.2), где Яджня-валкья говорит о метапсихозе как о тайной доктрине (хотя намеки на существование этой идеи появляются уже в «Шатапатха-брахмане» (X.5.6)⁹⁸. Вероятно, в этот период брахманистская традиция начинала усваивать представление о «переселении душ». Позднее (в «Айтарея-упанишаде», I, 1—4) эта идея получает более детальную разработку и становится затем широко распространенной⁹⁹. Характерно, что в «Ригведе» идея трансмиграции не зафиксирована¹⁰⁰. Можно полагать, что создатели упанишад использовали здесь распространенные у неарийских народов Индии верования, тем более, что материал этнографии по религии различных мундских и дравидийских племен свидетельствует о распространении у них представлений о переселении душ¹⁰¹. Конечно, в упанишадах и последующей индуистской традиции идея трансмиграции подверглась оригинальному философскому переосмыслению и далеко отошла от своей первоначальной основы.

Определенное влияние было оказано местными неарийскими этносами и на неортодоксальные системы. Так, по мнению А. Бэшэма, истоки многих идей адживианизма можно искать в представлениях аборигенных племен древней Индии¹⁰². По-видимому, также и буддизм вобрал в себя некоторые элементы верований доарийской эпохи. Судя по данным буддийского канона, учение Будды имело наибольшее число приверженцев в таких областях, как Косала, Анга, Ванга, названия которых, по мнению лингвистов, протомундские¹⁰³. Обращает на себя внимание и тот факт, что слово «мундака» (также неарийского происхождения)¹⁰⁴ обозначало в текстах буддийского аскета. Особое влияние приобрел буддизм в Магадхе, считавшейся «областью вратьев» (т. е. племен, не следовавших брахманской религии). Нет ничего удивительного в том, что буддизм, выступавший против жреческой ортодоксии и крайностей варновой системы, находил поддержку у многих неарийских племен, не охваченных еще процессом «арианизации» («брахманизации»)¹⁰⁵.

Однако даже в этот период наиболее тесных контактов индоариев и местных племен последние продолжали во многом сохранять свою этно-культурную специфику, свои культы и верования и значительную изоляцию; их «вхождение» в общую политическую, социальную и культурную систему общества окрашивается в новые цвета: это получает отражение и в брахманских сочинениях — сутрах и шастрах. Авторы этих текстов отводят им самое низшее место в социальной иерархии, причисляют к разряду шудр¹⁰⁶, дасью и ирезирамых смешанных каст, приписывают отход от

⁹⁸ A. A. Macdonell, *Vedic Mythology*, Strassburg, 1897, стр. 166 сл.

⁹⁹ Подробно см. K. N. Upadhyaya, *Early Buddhism and the Bhagavadgita*, Delhi, 1971, стр. 76.

¹⁰⁰ См. A. B. Keith, *The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads*, Cambr. Mass., 1925, стр. 570.

¹⁰¹ См. Sankarananda Mukhopadhyaya, *The Austrics of India, their Religion and Tradition*, Calcutta, 1975; V. K. Kochhar, *Ghosts and Witches among the Santals*, «The Quarterly Journal of the Mythic Society», 1964, vol. LV, № 2, стр. 47—52; V. Elwin, *The Religion of an Indian Tribe*, L., 1955.

¹⁰² A. L. Basham, *History and Doctrines of the Ajivikas. A Vanished Indian Religion*, L., 1951.

¹⁰³ S. Levi, *Pre-arian et pre-dravidien dans l'Inde*, JA, 1923, 203, стр. 1—57. Интересно указать, что в ряде санскритских текстов (начиная уже с «Атхарваведы») население Анги, Ванги и Калинги причисляется к млеччхам.

¹⁰⁴ Магуффер, *Wörterbuch*, Bd. II, стр. 651 сл.

¹⁰⁵ См. J. W. de Jong, *The Background of Early Buddhism*, «Journal of Indian and Buddhist Studies», 1964, vol. XII, № 1.

¹⁰⁶ Е. М. Медведев называет этот процесс «шудризацией» периферийных народов (см. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий, М., 1978, стр. 62).

священных брахманских норм, неприятие брахманских обрядов (ср., например, свидетельства «Законов Ману», X.44—46 о дравидах, киратах, пундраках, чодах и т. д.). Посещение земель этих народов и племен приводит, согласно ортодоксальной традиции, к осквернению, требует от ария особого обряда очищения, шаstry выражают открытый протест против посещения этих стран «млеччхов-варваров» (исключение делалось лишь для паломников)¹⁰⁷. Шаstry запрещают свободным ариям разговаривать с млеччхами, изучать их язык, жителей «страны млеччхов» (*mleccha-deśa*) характеризуют как людей «нечистых», не следующих «законам» четырех варн и отошедших от религии (имеется в виду ведийско-брахманская религиозная система)¹⁰⁸. Неарийское население не включалось в пределы Арьяварты — страны ариев, т. е. тех, кто следовал принципам ведийской религии. По мере продвижения ведийских племен границы Арьяварты расширялись, но главным центром считалась область между Гангом и Джамной (географически это совпадает с основным ареалом «культуры серой расписной керамики»)¹⁰⁹. Меняется и само содержание термина «арий», который приобретает социальное и религиозно-ритуальное значение, старая же «этноязыковая» характеристика как бы отступает на второй план¹¹⁰.

Наступает новый этап во взаимоотношениях ариев с неарийским населением, этап, возникший в результате определенного «слияния» двух различных этнокультурных феноменов. Вместо активного взаимодействия и взаимовлияния появляется «отторжение» млеччхов, строятся новые, сознательно воздвигаемые жреческой верхушкой перегородки, отделяющие ариев от местных этнических групп, или последователей ведийско-брахманской религии от тех, кто не следовал ей. Однако закономерности исторического развития неизбежно вели к постепенному стиранию искусственных барьеров: хотя даже в эпоху возвышения Магадхи и создания первых крупных государств в долине Ганга местные этнокультурные образования сохраняют немалое самостоятельное значение (прежде всего *Aṅga*, *Vaṅga*, *Kaliṅga*)¹¹¹, они постепенно втягиваются в общую систему политического, экономического и социально-культурного развития. Некоторые из них даже определяют «политический климат» в Северной Индии в VI—IV вв. до н. э. Правителями крупных государств и теоретиками вырабатывается особая политика в отношении еще не подчиненных «этнически чуждых» (лесных) народов¹¹².

К этому времени и материальная, и духовная культура индоариев (такое обозначение в данный период имеет уже иной смысл: арий как свободный представитель трех высших варн) приобрела качественно новые черты, подверглась столь сильному воздействию местных элементов,

¹⁰⁷ Подробно см. Radhakrishna Choudhary, *Vratyas in Ancient India*, Varanasi, 1964.

¹⁰⁸ См. P. V. Kane, *History of Dharmaśāstra*, vol. II, pt. 1, Poona, 1941, стр. 382—385; Romila Thapar, *Ancient Indian Social History*, New Delhi, 1978, стр. 155—157.

¹⁰⁹ См. Romila Thapar, *Puranic Lineages and Archaeological Cultures*.

¹¹⁰ При этом следует иметь в виду, что уже с ведийского периода противопоставление арий — не-арий носило прежде всего социально-культурную окраску.

¹¹¹ По мнению Р. Шафера (его точку зрения разделяет и Я. В. Чеснов), такие названия стран, народов и племен, как *aṅga-aṅgā*, *vaṅga-vaṅgā*, *kaliṅga-kaliṅgā* имеют тибето-бирманское происхождение (Shaffer, *Ethnography*, стр. 14; Чеснов, *Историческая этнография стран Индокитая*, стр. 98), однако данная трактовка вряд ли может быть принята. Согласно Я. Гонде и М. Мейерхойферу, в этих названиях скорее всего отражен мундский (протомундский) субстрат (J. Gonda, *Campaka, Selected Studies*, vol. V, Leiden, 1975, стр. 398—402; M. A. Höfer, *Wörterbuch*, Bd. I, стр. 181 сл.; Lévi, *Pre-arien et pre-dravidiens dans l'Inde*).

¹¹² Подробно см. W. Ruhlen, *Über die Dschungelstämme im Staate Kautalyas*, *«Indo-Iranian Journal»*, 1957, vol. I, стр. 201—228.

составляющих неотъемлемую часть этой общей системы, что вклад неарийских субстратов уже практически не осознавался. Главный же результат многовекового взаимодействия был вполне закономерен: несмотря на сохранение специфики различных этнокультурных единиц, создавалась (пока еще в рамках Северной Индии) общеиндийская культурная общность.

Приведенные материалы¹¹³ ни в коей мере не дают окончательного ответа на многие остающиеся неясными вопросы, связанные с общей проблемой генезиса древнеиндийской цивилизации. Но и задача статьи — значительно уже: вновь обратить внимание специалистов на исключительную важность изучения доарийских этнокультурных субстратов, которые во многом определили облик одной из древнейших цивилизаций человечества¹¹⁴.

Столь же важным является вопрос и о роли индоарийского этноса (его языка и культурных традиций) в общем процессе оформления древнеиндийской культуры¹¹⁵, но этот вопрос — тема уже другой работы.

ON THE GENESIS OF ANCIENT INDIAN CIVILISATION

G. M. Bongard-Levin

The present article deals with one of the central and most hotly disputed problems of Indian history and culture. Opinions differ on both general and particular matters and are sometimes contradictory. Among the many questions requiring attention pre-Aryan ethnocultural substrata must come first since in many respects they determined the character of ancient Indian culture; study of their interaction with the Indo-Aryan culture is a prime necessity. The author makes use of results obtained in recent archaeological investigations in India, with which he was able to acquaint himself directly, and analyses a mass of linguistic and ethnographical materials and also the evidence of Sanskrit texts, all of which enabled him to approach the problem having in view its broader context of related materials. He presents a detailed analysis of the impact of Harappian civilisation upon the Indo-Aryans, brings archaeological evidence to bear on the evidence of Vedic literature, analyses the fund of «autochthonous» words in Sanskrit and traces the influence of local pre-Aryan cultures on the material and spiritual life of the Vedic and post-Vedic epochs (including Buddhism, Jainism and Hinduism).

¹¹³ Рамки статьи не позволяют привести многочисленные сообщения древнеиндийских источников о доарийских этносах. Чрезвычайно интересны, например, свидетельства ведийской литературы о «различных видах» речи (имеется в виду «арийский» и местные языки), список «варварских слов» (слов млечхов), приводимый в «Джаймини Дхармашастре» (I.3.10), которые зафиксированы в дравидийских языках, данные литературы шастр и более поздних шуран о «неарийских» народах, их обычаях, ритуалах и т. д. К сожалению, мало внимания в этой связи уделялось свидетельствам буддийских и джайнистских текстов, несмотря на их исключительную важность, учитывая небрахманский характер этих сочинений. Любопытны и упоминания о млеччах в тамильской литературе, где под этим термином имелись в виду «не говорящие по-тамильски».

¹¹⁴ В своем выступлении на XXXI Всеиндийском конгрессе историков Ромиля Тхапар справедливо указывала на необходимость объединения усилий лингвистов и историков для изучения не только «индоарийских заимствований из местных языков и установления точной этимологии слов, но прежде всего для выяснения характера общего процесса культурных взаимоотношений» (см. Тхапар, *Ancient Indian...*, стр. 219).

¹¹⁵ На древнеиранском материале многие аспекты этой проблемы исследованы Э. А. Грантовским и И. М. Дьяконовым (Э. А. Грантовский, О распространении иранских племен на территории Ирана, «История Иранского государства и культуры», М., 1971, стр. 286—327; И. М. Дьяконов, Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса), там же, стр. 122—154.

Л. А. Сахненко

АРИСТОФАН И АФИНСКИЕ СОЮЗНИКИ

Ко времени первых поэтических выступлений Аристофана Делосский морской союз, образованный в 478/7 г. до н. э.¹ для дальнейшей борьбы с персами (Thuc., I, 96; III, 10, 3; Arist., Resp. Ath. 23, 5; Plut., Aristid. 23, 7), уже окончательно превратился в Афинскую архэ². Первоначально равноправные и автономные союзники (Thuc., III, 10, 4), добровольно предоставившие гегемонию афинянам (Thuc., I, 96, 2; 97, 1; III, 10, 4—5), к началу Пелопоннесской войны давно уже не были самостоятельны и автономны, за исключением Хиоса и Лесбоса (Thuc., III, 10, 5—6). Хотя Афины находили опору своей власти в демократических кругах союзных государств (Thuc., III, 47; VIII, 48, 6; Ps.-Xen., Resp. Ath. I, 14; III, 10), население этих государств в целом имело достаточно причин для недовольства. Главной была необходимость выплаты фороса и строгость его взимания (Thuc., I, 99).

Олигархические круги, с помощью афинян отстраненные от власти в большинстве союзных полисов, возбуждали и использовали в своих интересах это недовольство, опираясь на действенную помощь основного политического противника Афин — олигархической Спарты. Ее постоянные контакты с неудовлетворенными своим положением афинскими союзниками известны уже с 465 г. до н. э., когда она обещала помочь восставшему против Афин Фасосу (Thuc., I, 101, 1—2; I, 67, 2; 114; II, 27; III, 13, 4; 2, 1).

Поэтому, начиная войну с Афинской архэ, пелопоннесцы возлагали большие надежды на содействие изнутри и строили свои расчеты отчасти на возмущении союзников, видя в этом один из способов ведения войны (Thuc., I, 121, 1). Ее целью было провозглашение освобождения Эллады от

¹ Такова традиционная датировка возникновения Делосского морского союза: В. Бузескул, История афинской демократии, СПб., 1909, стр. 112—113; Б. С. Сергеев, История древней Греции. Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллисто-ва, М., 1963, стр. 226; «История древней Греции». Под ред. В. И. Авдиева, А. Г. Бокшанина, Н. Н. Пикуса, М., 1972, стр. 166; Н. Венгтсон, Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit, 2 Aufl., München, 1960, стр. 207; R. Meiggs, The Athenian Empire, Oxf., 1972, стр. 2, 42 сл.; J. B. Bury and F. B. A. Meiggs, A history of Greece, 4 ed., L., 1975, стр. 203; ср. Е. А. Паршиков, Аристотель (Ath. Pol., 23, 5) и организация первого афинского морского союза, ВДИ, 1971, № 1, стр. 76—88 (с литературой вопроса), где автор разделяет мнение о переходе в 478/7 гг. до н. э. к Афинам гегемонии в общеелинском союзе и возникновении собственно Афинского союза лишь в 462 г. до н. э. (стр. 81 сл.).

² H. Nesselhauf, Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie, Klio, Beiheft 30, N. F., Ht. 17, Lpz, 1933, стр. 27—35; Венгтсон, ук. соч., стр. 208; J. Parastavou, Athenai, RE, Supplbd. X, 1965, стр. 65; Meiggs, ук. соч., стр. 2; Bury, Meiggs, ук. соч., стр. 208 сл.

рабства у афинян и предоставление автономии афинским союзникам (Thuc., I, 64,2; 67,3; 69,1; 121,1; 124,1; 139,3; II, 8,4; 72,1; IV, 84—88; 108,2; 114, 3—5). О выплачиваемом ими форосе говорилось как об основном средстве порабощения (Thuc., I, 121,5; II, 72). И хотя для многих с самого начала была ясна истинная ценность подобных заявлений (Thuc., I, 76,2), сочувствие эллинов благодаря этому демагогическому приему склонялось на сторону лакедемонян (Thuc., II, 8,4), а афинские союзники часто открывали ворота перед их войсками (Thuc., IV, 84—88; 108, 2; 114, 3—5).

Афинские олигархи, с давних пор тесно связанные с олигархами союзных государств (Ps.-Xen., 1,14), во время Пелопоннесской войны с особой активностью выступают в защиту союзников, полностью разделяя политику Спарты. Пелопоннесцы характеризуют афинских союзников как δεδουλωμένοι (Thuc., I, 69,1; 124,2), афинские олигархи — как δόροι τοῦ δῆμοι τῶν Ἀθηναίων (Ps.-Xen., I, 18). Афинской демократии вменяется в вину ограбление союзников путем увеличения фороса и использование этих средств на раздачи, перенесение их судебных дел в афинскую гелиэю (Ps.-Xen., I, 15—18), поддержка πονυροί, неправый суд и преследование χρηστοί (Ps.-Xen., I, 14). Положение союзников, таким образом, стало предметом широкого обсуждения и политической борьбы. На протяжении всей Пелопоннесской войны этот вопрос оставался актуальным, особенно обостряясь в моменты наибольших военных удач и поражений Афин.

Комедии Аристофана, большая часть которых написана в этот период, дают богатый материал о союзниках, их положении, отношении к ним афинской демократии. Разбросанные по разным произведениям свидетельства поэта, насколько нам известно, еще не были рассмотрены в совокупности и не использовались с достаточной полнотой ни как исторический источник для характеристики положения афинских союзников, ни для выявления взглядов Аристофана по данному вопросу. Тем не менее на основании отдельных замечаний поэта и в особенности фрагментарно сохранившейся комедии «Вавилоняне» еще в середине прошлого века сложилось мнение об Аристофане как защитнике союзников³. На протяжении долгого времени, хотя высказывалась и другая точка зрения⁴, оно оставалось решающим⁵. При этом некоторые отмечали аристократические

³ A. Müllerg, В издании Aristophanis Acharnenses. Ed. A. Mueller, Hannoverae, 1863, стр. XI, 120 (к ст. 642); W. Ribbeck, в изд. Die Acharner des Aristophanes. Ed. W. Ribbeck, Lpz, 1864, стр. 214 сл. (к ст. 350).

⁴ С полной определенностью мышль о том, «что у нас нет реального основания утверждать, будто Аристофан сочувствовал союзникам», высказал G. Norwood, The Babylonians of Aristophanes, «Classical philology», XXV, № 4, 1930, стр. 4—5, 10. Правда, Дж. Норвуд строит свои выводы лишь на исследовании фрагментов «Вавилонян».

⁵ G. Gilbert, Beiträge zur inneren Geschichte Athens im Zeitalter des Peloponnesischen Krieges, Lpz, 1877, стр. 148—150; U. v. Wilmowitz-Möller, Aus Kydathen, Philologische Untersuchungen, I, B., 1880, стр. 18; Fr. Blaydes, in изд. Aristophanis comoediae, Pars VII, Acharnenses, instr. Fr. H. Blaydes, Halis Saxonum, 1887, стр. IX, 337—338 (к ст. 642); R. A. Neil, in изд. The Knights of Aristophanes. Ed. by R. A. Neil, Camb., 1901, стр. VI; M. Croiset, Aristophane et les partis à Athènes, P., 1906, стр. 64, 71; G. Faulmüller, Der attische Demos im Lichte der aristophanischen Komödie, Diss., München, 1906, стр. 8, 28—29, 35—37, 61; J. van Leeuwen, Prolegomena ad Aristophanem, Lugduni Batavorum, 1908, стр. 27—28; H. Weber, Aristophanische Studien, Lpz, 1908, стр. 75 сл.; W. J. M. Starkie, in изд. The Acharnians of Aristophanes with introduction, English prose translation, critical notes and commentary by W. J. M. Starkie, L., 1909, стр. 106 (к ст. 642); G. Murray, Aristophanes, Oxf., 1933, стр. 25—28; A. Meader, Der athenische Demos zur Zeit des Peloponnesischen Krieges im Lichte zeitgenössischer Quellen, Diss., München, 1938, стр. 59—60, 85, 175, 180, 225; T. Starkie, Die athenische Demokratie, Zürich—Stuttgart, 1966, стр. 155; H. Pop, Zum Verhältnis Athens zu seinen Bündnern im attisch-delischen Seebund, Historia, XVII, Ht. 4, 1968, стр. 431—434.

проспартанские настроения поэта⁶, другие видели в нем борца за справедливость в общегреческих, а не в узкопатриотических масштабах⁷, но почти все говорили о защите союзников от тирании афинского демоса. Очевидно, в тесной связи с этим находится слабое использование свидетельств комедиографа в работах об афинских союзниках, Афинской архэ.

Все это определяет задачи данной работы, которые сводятся к следующему: 1) рассмотреть в комедиях Аристофана весь материал, касающийся союзников, с целью выявить их положение, как его изображает поэт; 2) выяснить, насколько это возможно, реальность полученной картины путем привлечения свидетельств других авторов и данных эпиграфики; 3) попытаться определить позицию Аристофана по отношению к афинским союзникам.

Ввиду того, что большая часть сведений по интересующему вопросу заключена в комедиях 426—421 годов до н. э., речь будет идти преимущественно об этом периоде.

Как пример общего типа зависимого города можно рассматривать город птиц в комедии Аристофана «Птицы». Хотя комедия поставлена в 414 г. до н. э., она отражает реальные отношения, характерные для всей эпохи Афинской архэ и не претерпевшие в своей основе никаких изменений. Город птиц основан афинянами, и неважно, что сами они бежали из Афин, спасаясь от шума и суевья судебных заседаний. Государство рассматривает их как членов данной гражданской общины, и Нефелококкигия уже по своему происхождению должна войти в состав Афинской архэ. Статус союзного города определяется заключенным с ним договором или постановлением афинского народного собрания, текст которого, высеченный на стеле, выставлялся в союзных городах (Av. 1050, 1054) и в Афинах⁸. Прибывший в город птиц торговец псефисмами цитирует уже утвержденные афинским народным собранием *υόμοις νέοις* (Av. 1038). Сохранность стел и неприкосновенность текста, видимо, обеспечивались специальными распоряжениями, как это можно понять из обвинений в адрес Писфетера (Av. 1054) и постановлений о Милете (IG, I², 22, сткк. 49—50)⁹.

Эпиграфические отрывки подобных декретов говорят об обязанностях союзников по отношению к официальному культу и святыням Афин:

⁶ H. Müllere - Strübing, *Aristophanes und die historische Kritik. Polemische Studien zur Geschichte von Athen im fünften Jahrhundert vor Chr.* G., Lpz, 1873, стр. 112 сл.; G. Bussolati, *Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Marathon*, Bd. III, Teil II, Gotha, 1904, стр. 1061; Faulmann, ук. соч., стр. 61; A. Rosta giani, *I primordii di Aristofane III: I Babilonesi*, Rivista di filologia e di istruzione classica, N.S. III (LIII), fasc. 4, 1925, стр. 468, особенно стр. 474—475, 480; W. Schmid, O. Stählin, *Geschichte der griechischen Literatur*, Bd. IV, Teil I, München, 1946, стр. 183; M. Okáš, *Problémy athénskej demokracie a Aristofanes*, Bratislava, 1969, стр. 46, 219 сл., 436 сл.

⁷ W. L. Courtney, *Aristophanes, the pacifist*, Fortnightly Review, fev. 1916, стр. 280; J. T. Sheppard, CAH, V, 1935, стр. 139; F. A. Dorey, *Aristophanes and Kleon, Greece and Rome*, 2 ser., vol. III, № 2, 1956, стр. 138 (даже антивоенные выступления Аристофана автор объясняет несправедливым характером войны ради сохранения господства над союзниками); С. И. Соболевский, Аристофан и его время, М., 1957, стр. 108 сл.; V. Steffen, *Walka Aristofanesa z Kleonem*, Eos, L, 1961, стр. 229 сл.

⁸ Об этом свидетельствуют многочисленные эпиграфические находки в Афинах и других местах: H. Bengtson, *Die Staatsverträge des Altertums*, II, München, 1962, стр. 34—115. Все эти документы фиксируют отношения какого-то конкретного союзного государства с Афинами. Текст единого договора Афин со всеми своими союзниками не сохранился. Он не упоминается у авторов или в постановлениях об отдельных союзных полисах. Его существование (см. Паршиков, ук. соч., стр. 87) остается проблематичным. Однако совершенно отчетливо прослеживаются общие черты в положении различных союзных государств.

⁹ J. M. Walzer, *Imperial Magistrates in the Athenian Empire*, Historia, XXV, 1976, стр. 265.

посвящение первых плодов Элевсинскому храму (IG, I, Suppl. 27b = = Syll. 3. 83, сткк. 14), жертвоприношения на Панафинеях (IG, I², 10 = = Bengtson, 134, сткк. 2—8)¹⁰. Делегации союзных государств присутствуют на Великих Дионисиях (Ach. 503—506; ср. Schol. Ach. 378, 505). В молитве жреца Нефелококкигии в первую очередь названа выступающая как хранительница государственного единства Гестия и олимпийские боги. Лишь потом идут импровизированные птички, т. е. местные, божества (Av. 863 сл.).

Афины предписывают своим союзникам пользоваться единой системой меры и веса, монетой афинской чеканки. Об этом говорит второй из объявленных торговцем псефисмами декретов (Av. 1040—1041), являющийся пародией на действительное, видимо, повторное постановление народного собрания около 420 г. до н. э.¹¹

Договором предусмотрены отношения афинских клерухов или попавших в союзный город по торговым делам афинян с местным населением: ἐάν δ' ὁ Νεφελοκοκκιγεὺς τὸν Ἀθηναῖον ἀδικῇ — «если житель Нефелококкигии нанесет ущерб афинянину...» (Av. 1035). Вряд ли здесь идет речь лишь о защите жизни афинянина и возможном наказании за его убийство¹². Глагол ἀδικεῖν имеет более широкое значение, и эта фраза, видимо, должна вводить обширный перечень преступлений против личности и интересов афинянина, а затем местного жителя. Выделение двух групп населения свидетельствует о различных наказаниях за одинаковые преступки. В противном случае оно оказалось бы необоснованным¹³. За убийство афинянина полагался огромный штраф в 5 талантов (Рах 170—173)¹⁴, с помощью которого афинское государство старалось регулировать отношения между малочисленными афинскими поселенцами и местными жителями. Этой же цели служило учреждение в союзных городах судебных коллегий из афинских граждан, о наличии которых можно заключить из обещаний Колбасника и Пафлагонца обеспечить Демосу возможность заседать в суде Экбатан (Eq. 1088—1089) и в аркадской гелиэе (Eq. 798). Аркадия и Экбатаны (область и город, ни в какой степени не подчиненные Афинам) — явное преувеличение и пародия на экстремистские планы военной группировки. Существование же таких судов для разбора мелких дел между афинскими гражданами и союзниками представляется вполне реальным в связи с упоминанием δικασταὶ κατὰ δόμος в декрете о Гестиие (IG, I², 41), а также в русле общей судебно-правовой политики Афин по отношению к союзникам: проведение всех политических и наиболее важных уголовных процессов в афинской гелиэе (IG, I², 39 = Bengtson, 155, сткк. 71—76; IG, I², 10 = Bengtson, 134, сткк. 26—28; Ps.-Xen. I, 16 в связи Poll., VIII, 38; IG, I², 22, стк. 47), дарование таких же привилегий афинским проксенам и эвергетам (IG, I², 27, сткк. 13—17; 28; 55; 59; 144; 152, сткк. 4—6; 153; 155)¹⁵.

¹⁰ Б у з е с к у л, ук. соч., стр. 227; G. B u s o l t, H. S w o b o d a, Griechische Staatskunde, II, München, 1926, стр. 1349, прим. 3; C. H i g n e t, A history of the Athenian constitution to the end of the fifth century B. C., Oxf., 1952, стр. 235.

¹¹ Syll. 3, 87, сткк. 11 сл. = IG, XII, 5, 480; M e i g g s — L e w i s, 45, сткк. 12 сл. О датировке монетного декрета см. B u s o l t — S w o b o d a, ук. соч., II, стр. 1359; B e n g t s o n, Griechische Geschichte..., стр. 207 сл., M e i g g s, ук. соч., стр. 167 сл., 586 сл.; см. также А. Е. П а р ш и к о в, О времени монополизации чеканки серебра в Афинской державе, НЭ, X, 1972, стр. 64—73, где приведена обширная литература.

¹² Так считает M e i g g s, ук. соч., стр. 586.

¹³ Подобное же противопоставление имеется в надписях: IG, I², 10; 11; 16; 28; 154.

¹⁴ Ср. интерпретацию этого места у С. Я. Лурье (Эксплуатация афинских союзников, ВДИ, 1947, № 2, стр. 20).

¹⁵ Как более убедительная принимается общая концепция и интерпретация надписи IG, I², 16, а также спорного места T h u c., I, 77, 1 у С. Я. Лурье (ук. соч.,

Некоторые стороны судопроизводства по делам союзников выступают в сцене с островным обвинителем (Av. 1410—1464). Кλητήροντικός устанавливает состав преступления, возбуждает дело в афинском суде, вызывает ответчиков и участвует в исполнении решения суда. Учитывая возможность присвоить имущество осужденного (Av. 1459—1460), можно говорить о возбуждении обвинителем в основном политических процессов, где наказанием могли быть смерть, изгнание, лишение гражданских прав, и при этом часть конфискованного имущества поступала обвинителю. Такие процессы (IG, I², 39 = Bengtson, 155, сткк. 71—76) рассматривались только в Афинах.

Специально отмечено договором присутствие в союзных городах представителей афинской администрации, число которых, по словам Аристотеля, достигало семисот человек (Arist., Ath. Pol. 24, 3)¹⁶. Продавец псефисм читает: εάν δέ τις ἐξελαύνῃ τοὺς ἄρχοντας καὶ μὴ δέχηται κατὰ τὴν στήλην «если кто-либо изгоняет должностных лиц и не принимает их, согласно договору...» (Av. 1049—1050). Наказанием за такое самоуправство мог быть штраф до десяти тысяч драхм (Av. 1052), который взыскивался в случае отступления от предписаний декрета (IG, I², 16 = Bengtson, 149, сткк. 20—23).

Одно из должностных лиц, направляемых для надзора в зависимые от Афин государства, по сообщениям Гарпократиона и Суды, — ἐπίσκοπος. Это его мы видим прибывшим в Нефелококкигию сразу после возведения стен, еще до совершения жертвоприношений богам (Av. 1021 сл., 1033—1034). Положение о защите *οἱ ἄρχοντες* законом, относится у Аристофана как раз к нему (Av. 1050). Епископ избирается по жребию и направляется в определенный город специальным постановлением афинского народного собрания (Av. 1021—1025). В городе птиц он появился τῷ κυάμῳ λαχῶν (Av. 1022)¹⁷. Ссылаясь на первую книгу «Политики» Феофраста, Гарпократион говорит об идентичности должности афинских ἐπίσκοποι или φύλακες со спартанскими ἄρχονταί (Нагр., с. в.). Сравнение с гармостом и упоминания в надписях рядом с фруархом (IG, I², 10 = Bengtson, 134, сткк. 14—15; IG, I², 11, сткк. 4—6), обладавшим значительной властью, позволяют говорить о влиятельности епископа. В Эрифрах он вместе с фруархом должен позаботиться об избрании первого государственного совета (Bengtson, 134, сткк. 13—14). Так как в дальнейшем этим надлежит заниматься уже одному фруарху (Bengtson, 134, сткк. 14—16), было высказано мнение о присутствии епископа в городе лишь в случае конституционных изменений и участии в них¹⁸. Однако параллельные упоминания ἐπίσ-

стр. 21—22). Ср. J. K. Lipsius, *Das attische Recht und Rechtsverfahren*, Hildesheim, 1966, стр. 966—975. Иначе рассматривают процессы по ξυρβόλαιρον: G. E. M. de Ste. Groot, *Notes on jurisdiction in Athenian Empire*, Classical Quarterly, N. S. XI, 1961, стр. 95 сл., особенно стр. 107 сл.; Вигу, М. E. I. g g s, ук. соч., стр. 211. Ср. также А. Е. Паршиков, *Организация суда в афинской державе*, ВДИ, 1974, № 2, стр. 57—68.

¹⁶ К этой цифре с сомнением, хотя и не отвергая ее, относится: M. E. I. g g s, ук. соч., стр. 213, прим. 1; Валсег, ук. соч., стр. 257 сл., опираясь на данные надписей, содержащие указания на 81 должностное лицо Афин в союзных государствах, допускает возможность расширить это число до 416.

¹⁷ Ср. Bengtson, ук. соч., 134, сткк. 8—13: ἀπὸ κυάμῳ, κυαμευθέντα, ἀποκατισθαί об избрании совета в Эрифрахах, а также κυαμοτρόξ (Ар. Eq. 41) как определение Демоса, указывающее на широко распространенную практику замещения должностей по жребию (J. van Leeuwen, *Aristophanic Equites cum prolegomenis et commentariis editit* J. van Leeuwen, Lugduni Batavorum, 1900, стр. 14, к ст. 41; Faull Müller, ук. соч., стр. 56).

¹⁸ Бузескул, ук. соч., стр. 228—229; J. van Leeuwen, *Aristophanic Aves cum prolegomenis et commentariis editit* J. van Leeuwen, Lugduni Batavorum, 1902, стр. 158 (к ст. 1022); Занто, Επίσκοποι, RE, IV, 1909, стб. 199; Schwab, *Symmachia*, RE, VII, 1931, стб. 1122.

холос — фρόραρχος в надписях, как кажется, свидетельствуют об ординарности этой магистратуры¹⁹, так как афинские гарнизоны под командованием фрурарха находились не только в недавно присоединенных или усмиренных после восстания городах. Размещение гарнизона определялось степенью лояльности к Афинам, наличием сильной политической оппозиции, экономическим и географическим положением данного государства. Возможно, епископы назначались лишь в наиболее важные союзные города, где имелось афинское население и гарнизон. Упоминаний об этой должности сохранилось достаточно, чтобы не считать ее чрезвычайной, разовой или исчезнувшей после 50-х годов V в. до н. э.²⁰ В речах оратора Антифона, датируемых 424—412 гг. до н. э., дважды упоминается епископ (fr. 23, 30). К этому же периоду относится и комедия Аристофана, где епископ вводится без дополнительных пояснений в ряду повседневных персонажей: жрец, прорицатель, плохой поэт и т. д.

Отрывочность указаний делает невозможным четкое определение функций этого должностного лица. Сравнение со спартанским гармостом указывает на руководящее положение епископа в подчиненном городе. Но гармост имеет в своем распоряжении гарнизон. Во главе же афинского гарнизона стоит фрурарх. Возможно, он находится в подчинении у епископа? Тогда могла бы быть понятна передача наблюдения за последующими выборами совета Эрифф фрурарху как работа менее ответственная, чем проведение выборов первого Совета.

Если верны чтение и интерпретация надписи IG, I², 66 = Meiggs — Lewis, 46, сткк. 5—8, в обязанности епископа входит совместная с другими афинскими магистратами забота о своевременной выплате фороса²¹. Такое толкование надписи поддерживается упоминанием епископа в речи Антифона «О форосе линдийцев» (fr. 30).

Учитывая это, вполне возможно отнести к епископу данное Поллуксом определение сферы деятельности эллинотамиев: *καὶ ἐλληνοταμίαι οἱ τοῦς φόρους ἐκλέγοντες καὶ ἐπὶ νήσων οἱ τὰ παρὰ τῶν νησιώτου εἰσπράττοντες καὶ τὰς πολιτείας αὐτῶν ἐφορῶντες* — собирающие форос и взыскивающие на островах с островитян, надзирающие за их политическим устройством (Poll., VIII, 114)²². Такое предположение тем более допустимо, что стоящее у Поллукса *ἐφορῶντες* можно понять как парадфраз к *ἐπίσκοποι*.

Существование в союзных государствах судов из афинских граждан (Eq. 798, 1088—1089, IG, I², 41) и появление епископа в комедии Аристофана с двумя урнами, использующимися в суде для голосования (τὼ κάδω — Av. 1032, 1053), делают вероятным предположение, что епископ возглавлял эти коллегии²³. Если даже τὼ κάδω являются просто «опознавательным» признаком афинского магистрата, символом Афин (Стрепсиад в «Облачах» не признает Афин в показанном ему на карте городе, так как не видит судей: Nub. 207—208; герои комедии «Птицы» бежали из Афин от шума судов: Av. 39—44; в Афинах все помешаны на судах: Av. 1286—1289; Pax 505 сл.; Eq. 1317, Ves. 208, 662 и другие места), то епископ все равно уже в силу своего руководящего положения должен иметь непосред-

¹⁹ Williamowitz, ук. соч., стр. 75; Busolt, ук. соч., III, 1, стр. 227; Busolt-Swoboda, ук. соч., II, стр. 1355, прим. 4; Лурье, ук. соч., стр. 23; Meiggs, ук. соч., стр. 212 сл. высказывается не вполне определенно; Балсег, ук. соч., стр. 262 называет епископа в числе ἄρχοντες, подчеркивая при этом временный характер данной магистратуры, как это было еще у Lipsius, ук. соч., стр. 973—974.

²⁰ Meiggs, ук. соч., стр. 212.

²¹ Ср. Meiggs, ук. соч., стр. 213; Балсег, ук. соч., стр. 260.

²² Williamowitz, ук. соч., стр. 75, рассматривая это место, относит к епископу лишь вторую часть сообщения.

²³ Лурье, ук. соч., стр. 23; ср. Lipsius, ук. соч., стр. 973 сл.

ственное отношение к судебным делам на местах. Не вполне ясен вопрос о причитающемся епископу содержании. В комедии Аристофана Писфетер предлагает этому представителю Афин покинуть город, получив $\delta\mu\delta\theta\delta\zeta$ (Av. 1025). Значение слова и его употребление у Аристофана позволяют думать о плате за исполнение должности²⁴.

По свидетельству Аристотеля, все должностные лица внутри государства и около семисот магистратов за его пределами получали ежедневное содержание из государственной казны — ἀπὸ τῶν κρητῶν (Ath. Pol. 24, 3). В связи с этим высказывалось мнение, что слова Писфетера содержат необычное предложение выплатить из средств союзного города сумму, причитающуюся епископу в случае исполнения должности от афинской казны²⁶. Но в другом месте Аристотель говорит об отправляемых на Самос, Скирос, Лемнос, Имброс должностных лицах, которые получали εἰς δι-τῆς ἀργύριον — серебро для пропитания, ежедневное содержание — на местах (Ath. Pol. 62,2). Если учесть, что на всех названных островах имелись афинские колонии, представляется вероятным другое решение вопроса о содержании епископа. Возможно, он получал плату от подчиненного города, если там было значительное афинское население и присутствие епископа было постоянным. Если же деятельность епископа не связывалась с постоянным пребыванием в каком-то определенном месте, он мог получать свое содержание из государственной казны. Но в «Птицах» епископ вместо платы получает побои и изгоняется (Av. 1031 сл., 1052 сл.). Вместе с ним изгоняется возвещающий зависимое положение города торговец псефисмами (Av. 1055 сл.), прибывший нарезать наделы воздуха землемером (Av. 1013 сл.) и островной обвинитель (Av. 1462 сл.).

Изгнание должностных лиц (епископ, обвинитель) и одиозных представителей афинского государства (торговец псефисмами, землемер), действительно, можно было бы рассматривать как выпад Аристофана против изгнания афинского демоса по отношению к союзникам²⁶, если бы этому не противоречили драматическое развитие пьесы и характеристики изгнанных. Помимо названных лиц по ходу действия комедии изгоняются не являющийся афинянином жрец (Av. 893), прорицатель (Av. 985—991), Ирида (Av. 1258 сл.), плохой сын (Av. 1364 сл.), скверный поэт (Av. 1397 сл.). При этом почти все изгнанные вполне достойны своей участи. Так, прорицатель — просто обманщик, и все его пророчества направлены на получение нового плаща, обуви и жертвенного угощения (Av. 972—979). Плохой сын хочет избить отца и, захватив его имущество, жить в свое удовольствие (Av. 1351 сл.). Островной обвинитель — откровенный сикофант, фигурирующий в комедии как раз под этим наименованием. Его появление в городе птиц связано со стремлением найти максимально удоб-

²⁴ Лурье (ук. соч., стр. 23) считает это взяткой. О содержании ворят: Th. K o c k, Ausgewählte Komödien des Aristophanes, erklärt von Th. Kock, Viertes Bändchen: Die Vögel, 2. Aufl., B., 1876, стр. 176 (к ст. 1021); W i l a m o w i t z, ук. соч., стр. 75; B u s o l t—S w o b o d a, ук. соч., II, стр. 1355; M e i g g s, ук. соч., стр. 586. Действительно, слово ὑπερθέμα обычно употребляется для обозначения платы за исполнение какой-то работы. Так, Клеон обеспечивает народу плату (Eq. 1019), добывая χρήματα πλείστ' (Vesp. 774). Судьи, ожидающие τὸν μισθόν, уподобляются сборщикам маслин (Vesp. 712), поденным рабочим. Аристотель (Ath. Pol. 17) определяет должность гелиаста как μισθοφόρος. Гесихий и Фотий объясняют слово как μισθῷ εργαζόμενος. Аристофан (Eq. 1066, 1078) говорит о μισθῷ корабельному люду; известны μισθῷ στρατιωτικός (Ach. 170; Th u. c., I, 143; VI, 8; X e n., Hell. I, 5, 7; VI, 2, 16; A g i s t., Ath. Pol. 27,2), а также μισθῷ βουλευτικός. В «Афинской политии» Аристотеля дается перечень ἀρχαί, которые μισθοφοροῦσι (Ath. Pol. 62,2), упоминается об учреждении после олигархического переворота ἀρχὰς ἀμισθους, ἀνευ μισθοφορᾶς — неоплачиваемых должностей, без оплаты (Ath. Pol. 29,5; 30,2; 33,1).

²⁵ Leeuwen, в изд. Aristophanis Aves, стр. 159 (к ст. 1025).

²⁶ Meder, ук. соч., стр. 86; Okál, ук. соч., стр. 224.

ный способ для совершения своих мошеннических операций: получив крылья, он собирается значительно ускорить возбуждение судебных процессов против союзников, добиваться их осуждения еще до явки в суд (у них остаются прежние средства передвижения) и конфискации имущества до возвращения ответчиков на родину (Av. 1453—1460). *Ἐπίσκοπος* уже при первом появлении своей внешностью, манерами вызывает ассоциации с ассирийским царем Сарданапалом, имя которого стало нарицательным для тщеславных, изнеженных и сладострастных людей²⁷. Согласие епископа покинуть город, получив плату, является должностным преступлением и достойно наказания.

Так что когда в комедии из союзного города изгоняются афинские должностные лица, явно пренебрегающие своими обязанностями и использующие служебное положение в корыстных целях, можно говорить лишь о выступлении поэта против конкретных чиновников, не соответствующих занимаемой должности. Попытки толковать сам показ отрицательных типов в роли афинских магistratov в союзных городах как осуждение управления союзниками не представляются достаточно обоснованными.

Из всех представителей Афин только изгнание математика Метона, явившегося с чисто практической целью — *γεωμετρῆσαι...τὸν ἀέρα...διελεῖν τε κατὰ γύας* — измерить воздух, разделить на равные (Av. 995), не обосновано его поведением. Однако расценивать это как осуждение Аристофаном практики клерукий в союзных государствах было бы несколько опрометчиво. Метон появляется в городе птиц вслед за прорицателем, непосредственно перед епископом, в общем ряду обманщиков. В ответ на сообщение Писфетера о решении горожан уничтожить всех шарлатанов и обманщиков он сам выражает желание спешно покинуть Нефелококкигию (Av. 1015—1017). Геометрию же, позволяющую *γῆν ἀναμετρεῖσθαι...κληρουχίκήν* — измерить клеры, Аристофан устами Стрепсиада называет *σόφισμα δημοτικόν καὶ χρήσιμον* — изобретением демократическим и полезным (Nub. 203—204)²⁸. А сообщая об изгнании жителей Евбей, поэт никак не выражает своего отношения к этому (Nuv. 213; Vesp. 715). Подобные города, согласно свидетельству Аристофана, были разбросаны на огромной территории от Понта до Сард или Сардинии (Vesp. 700)²⁹ и от Карии до Карфагена (Eq. 173—174), а количество их, по словам Бедликеона, достигало тысячи (Vesp. 707). Число это — явное преувеличение³⁰,

²⁷ О Сарданапале: *Herod.*, II, 150; *Athen.*, 528 F; VIII, 336 A; *Schol. Ar. Av.* 1021.

²⁸ В это время со словом *σόφισμα* связывался пренебрежительный оттенок (K. J. Dover, *Aristophanes. Clouds*, ed. K. J. Dover, Oxf., 1968, стр. 122, к ст. 205). Но по контексту эта экспрессивная окраска относится к геометрии как *σοφίᾳ*, которой занимаются высмеиваемые поэтом софисты. Практическое же применение делает геометрию *δημοτικόν καὶ χρήσιμον*, и «Стрепсиад считает геометрию каким-то (магическим?) средством для бесплатного распространения владений афинян, подобных ему самому».

²⁹ Ar. *Vesp.* 700: *ἀπὸ τοῦ Πόντου μέχρι Σαρδοῦς*. Оставляя без комментария этот стих в своем издании «О», в комментарии ко «Всадникам» (стр. 37, к ст. 174) Ван Леувен понимает *Σαρδοῦς* как Сарды. О Сардинии говорит D. M. MacDowell, *Aristophanes Wasps. edited with introduction and commentary by D. M. MacDowell*, Oxf., 1971, стр. 228, к ст. 700.

³⁰ MacDowell (там же) говорит об отсутствии у Аристофана и его читателей точных данных о границах империи и годовом доходе Афин. Думается, более прав Ван Леувен (*Aristophanis Vespaes, Lugduni Batavorum*, 1893, стр. 83; к ст. 707), говорящий об ораторском преувеличении. В списке зависимых городов, когда-либо плативших Афинам форос (B. D. Merritt, A. B. West, *The Athenian Assessment of 425 B. C.*, Ann Arbor, 1934, стр. 93—100), приводится немногим более 400 названий. Бузольт и Свобода (ук. соч., стр. 1339, прим. 1) считают преувеличением и общее число в 265 городов. Meiggs (ук. соч., стр. 215) говорит о менее чем 200 городах, регулярно плативших форос.

с целью подчеркнуть захватнические стремления афинян. Определенные комедией географические границы архэ тоже могут быть связаны с этим³¹ или же указывают на пределы морской торговли Афин³².

Входившие в состав афинской архэ города выплачивали форос (Vesp. 657, 700; Ach. 643), который составлял значительную часть доходов государства. Перечисляя все поступления в государственную казну, поэт прежде всего называет взносы союзных городов (Vesp. 657), которые должны были доставляться в Афины к празднику Великих Дионисий (Ach. 503—506, Schol. Ach. 505, 378; Eupol. fr. 240; Isocr., VIII, 82)³³. Однако сроки доставки и установленная сумма соблюдались далеко не всегда, особенно в связи с войной. О проволочках союзников говорит Диокеополь (Ach. 193); Гермес, указывая на неудобства военного времени, отмечает, что с началом войны «союзные города стали изыскивать уловки, *ταῦτ' ἐμηχανῶνται* ... устрашенные форосом» (Pax 619—621). Одной из таких уловок могли быть посольства с просьбами об уменьшении суммы или отсрочке выплаты, о которых, возможно, говорится в «Вавилонянах», согласно Ach. 634—640. Известно и о самовольных систематических задержках или прекращении платежей.

Для принудительного взыскания не внесенного своевременно фороса афинское государство периодически отправляет в города союзников военные суда. Очевидно, именно так следует понимать пророчество Колбасника о собако-лисице (Eq. 1067—1077), с двух сторон обрамленное вопросами Демоса об источниках средств для выплаты за службу на кораблях (Eq. 1065—1066, 1078). Схолий к месту объясняет *ναῦς ταχεῖας ἀργυρολόγους* (Eq. 1070—1071) как корабли, посылаемые к союзникам для сбора фороса.

Отправление такой экспедиции санкционировалось специальным постановлением народного собрания: Пафлагонец — Клеон должен просить *ναῦς ἀργυρολόγους* у Демоса и мог получить отказ (Eq. 1070—1071). Источники не сообщают ничего определенного о распространенности этой практики и характере экспедиций. Фукидид говорит о трех случаях, когда афиняне, нуждаясь в деньгах, отправляли к союзникам «собирающие серебро» корабли (II, 69; III, 19; IV, 50). Время их отправки (зима 430—429 годов до н. э., 428 г. до н. э. и зима 425 г. до н. э.) приходится на годы пересмотра налогового обложения³⁴, так что вряд ли можно согласиться с оценкой этих походов как «разбойничьих набегов» для взимания произвольных контрибуций³⁵. Правда, количество отправляемых кораблей (от 6 до 12) не позволяет считать эти экспедиции вполне мирными. По сообщениям Фукидиса, возглавлявшими их стратегами дважды были предприняты военные действия (II, 69; III, 19). Однако в обоих случаях речь идет о городах Карийского побережья, не только прекративших выплату фороса, но и давших приют пиратам. Афины же и их союзники, принявшие участие в одном из походов (Thuc., II, 69), были чрезвычайно заинтересованы в безопасности морских путей. Оглядывая пределы, в которых ему, согласно

³¹ Th. K o c k, Ausgewählte Komödien des Aristophanes, Bd. III, Die Ritter, B., 1892, стр. 156 (к ст. 174); Fr. B l a y d e s, Aristophanis Equites, Halis Saxonum, 1892, стр. 213 (к ст. 174); R. A. N e i l, The Knights of Aristophanes, Cambr., 1901, стр. 30 (к ст. 174).

³² V. E h g e n b e r g, The people of Aristophanes. A sociology of Old Attic comedy, Cambr., 1951, стр. 118.

³³ B l a y d e s, Aristophanis Acharnenses, стр. 303 (к ст. 505); B u s o l t—S w o b o d a, ук. соч., II, стр. 1353, прим. 4: в одном месте IG, I², 38, где речь идет о форосе, стоит *Διονυσ*. Ср. M e i g g s, ук. соч., стр. 238, 253.

³⁴ M e i g g s, ук. соч., стр. 254.

³⁵ K o c k, Die Ritter, стр. 156 (к ст. 1071). Ср. L e e u w e n ad loc., P o r p, ук. соч., стр. 428.

пророчеству, надлежит властствовать, Колбасник видит τάχτηρα καὶ τὰς ὀλάχαδας — портовые склады и грузовые, т. е. торговые суда (Eq. 171). Препятствия для торговли и свободы передвижения в данном случае делали военное вмешательство обоснованным и необходимым.

«Собирающие серебро» корабли периода Архидамовой войны демонстрировали перед союзниками мощь афинского флота, а также готовность в случае необходимости действовать и другими способами. Так, находившиеся в районе Геллеспонта для сбора фороса стратеги выступили в 424 г. до н. э. против укрепленного митиленскими изгнанниками Антандра (Thuc., IV, 75, 1). Именно трезубец Посейдона, т. е. верховная власть над морем, обеспечит Колбаснику, по словам хора, господство над союзниками:

τῶν συμμάχων τ' ἀρέεις ἔχων τρίαιναν,
ἢ πολλὰ χρήματ' ἐργάσει σείων τε καὶ ταράττων.

— «Ты будешь управлять союзниками, имея трезубец, потрясая и устрашая которым, добудешь много денег» (Eq. 839—840). Эти стихи указывают на важную роль флота как «полицейской» силы, с помощью которой Афины удерживают первенствующее положение в союзе и взыскивают форос с подвластных городов. Так что уже само отношение Аристофана к афинскому флоту в известной степени может дать представление о его взглядах на гегемонию Афин. Программа действий омоложенного Демоса — строительство новых военных судов, укрепление флота, незамедлительная выплата μισθός корабельному люду (Eq. 1350—1354, 1366—1367), являющемуся, по словам Диокеополя, спасителем государства (Ach. 162—163). Омоложенный Демос — это фигура, олицетворяющая идеальный народ в представлении автора.

Герои, которым Аристофан явно симпатизирует, неоднократно отмечают, что власть над союзниками и право получения фороса Афинское государство приобрело благодаря своей победе над Персией. Граждане Аттики много потрудились на суше и на море (Ach. 677, 694 сл.), переносили большие трудности, сражаясь и осаждая города (Vesp. 685). Марафонская битва (Ach. 696—697; Vesp. 1079), Саламин (Eq. 785), осада Византия (Vesp. 236 сл.), преследование врага на его территории (Vesp. 1092) были этапами на пути к нынешнему положению государства. В комедии «Осы» Афины прославляются как освободитель Эллады от рабства варваров (Vesp. 1075—1090). А дальше хор стариков-гелиастов с гордостью заявляет:

τοιγαροῦ πολ-
λὰς πόλεις Μήδων ἐλόυτες
αἰτιώτατοι φέρεσθαι
τὸν φόρον δεῦρ' ἔξιέν.

— «мы, захватившие много городов у мидян, более всего являемся причиной того, что сюда доставляется форос» (Vesp. 1097—1099). Афинские воины просто отобрали у мидийского царя право на получение дани. А потому народ Афин имеет все основания жить «достойно своей земли и трофея Марафона» (Vesp. 711), полновластно распоряжаясь поступающим от союзников форосом.

С подобным обоснованием власти над союзниками мы встречаемся в речи афинских послов в Спарте накануне Пелопоннесской войны (Thuc., I, 73—75). Можно не сомневаться в том, что Аристофан передает бытовавшее среди афинских граждан мнение, вполне разделяя, а не пародируя его. Высказывание подобных взглядов в парабазе комедии, традиционно выражавшей точку зрения ее автора, а также отношение поэта к Марафонской битве не позволяют рассматривать приведенные места как сатириче-

ское отображение иждивенческих настроений афинского демоса³⁶. С Марафона для Аристофана начинается могущество Афин, расцвет афинской демократии (Eq. 781—792). Участие в Марафонском сражении является высшей похвалой. *Μαραθωνομάχαι* сильны, мужественны (Ach. 181), они воспитаны Правдой в духе отцовских обычаев (Nub. 986). Омологенный Демос не случайно появляется в наряде времен Марафона и прославляется хором как достойный марафонского трофея владыка Эллады и эллинов (Eq. 1324 сл., 1330 сл.).

И когда во «Всадниках» Колбасник советует Демосу не давать Пафлагонцу требуемых им *ταῦς ἀργυρολόγους* (Eq. 1070—1071), речь идет, безусловно, лишь о санкции народа относительно демагога Клеона, высматривающего с Пникса форос союзников (Eq. 313). Эти стихи и некоторые другие места (Eq. 361, 931—933), очевидно, имеют в виду недавно проведенный при содействии Клеона и возможный-благодаря его победе под Пилосом³⁷ пересмотр налогового обложения союзных государств. А так как удвоенная сумма трибута союзников должна была пойти на дальнейшее расширение войны³⁸, несущей горе и разорение аттическим земледельцам (Ach. 183, 227 сл., 512, 987, 1022 сл.; Pax 628 сл.), Аристофан не мог оказаться в числе сторонников этого мероприятия. Усиление «военной» группировки в связи с пилосской операцией и получение реальной базы в виде новых сумм фороса для дальнейшего ведения войны вызвали естественную реакцию поэта. «Всадники» призваны показать несостоятельность этой политики и ее сторонников. Приветствуя сам принцип гегемонии Афин, поэт не считает реальными и полезными для основной массы народа, аттических земледельцев, планы распространения афинского владычества вплоть до Экбатан и Аркадии. Он показывает, как далеки истинные интересы народа и людей, говорящих: *οὐχὶ προδόσω τὸν Ἀθηναῖον χολοβορτόν, ἀλλὰ μαχοῦμαι περὶ τοῦ πλήθους ἀεὶ* — «я не предам шумной толпы афинян, но всегда буду сражаться за народ» (Vesp. 666—667; ср. также Vesp. 593; Eq. 1038). Так, после военных успехов Клеона и удвоения фороса союзников была повышена до трех оболов оплата гелиастов. Это должно было вызвать оживленное обсуждение и полемику между представителями радикальной демократии и олигархической группировкой. Заявлением Бедликлеона, что на все эти выплаты едва ли тратится десятая часть поступлений в казну (Vesp. 655—664), как бы уничтожается сама причина для споров. Поэт подходит к вопросу со своей стороны: на долю народа достается ничтожно мало (будь то в форме платы за службу или хлебных раздач, столь редких и столь опасных — Vesp. 716—718). Основная же масса фороса тратится на войну или оседает в карманах демагогов, не доходя до государственной казны (Vesp. 1099 сл., 1118 сл.).

Даже сама величина трибута каждого союзного города связана с тем, насколько была удовлетворена алчность демагога. От того же зависит возможность отсрочить выплату фороса: угрожая разрушить город в случае дальнейшего промедления, демагоги успокаиваются, получив взятку в 50 талантов (Vesp. 669—671). Пафлагонец — Клеон не мыслит себе разрешения милетских дел, не поживившись хотя бы талантом (Eq. 931—932) и не отведав *λάβραχας* — рыбы, которая водится только в тех водах (Eq. 361). Ему предъявляется обвинение в получении 10 талантов с Потидеи

³⁶ Faulmann, ук. соч., стр. 36—37; Medege, ук. соч., стр. 60—61.

³⁷ H. T. Wade-Gerry, B. D. Meritt, Pylos and the Assessment of Tribute, American Journal of Philology, LVII, № 4, стр. 391—394. Во «Всадниках» о Пилосской операции говорится постоянно: Eq. 53—57, 75—76, 393—394, 702, 742—747, 846, 1058—1059, 1166—1167, 1172, 1201. Ср. также Nub. 186; Pax 665—667, Eupol. fr. 308 (Kock).

³⁸ IG, I², 63, сткк. 38, 46—50. См. Meritt, West, ук. соч., стр. 45—47, 62.

(Eq. 438) и 40 мин с Митилены (Eq. 829). Трудно сказать, насколько реальны эти обвинения, особенно последнее. Фукидид не сообщает о нем в своем рассказе о митиленских событиях и их обсуждении в афинском народном собрании. Будь оно справедливым, было бы естественным упомянуть о нем в связи со словами Клеона о подкупности Диодота (Thuc., III, 38,2). Но и обвинение со стороны Клеона указывает на возможность и актуальность такого способа в решении союзнических вопросов. В речи митиленских послов (Thuc., III, 11,5) имеется намек на услуги митиленян всему афинскому государству и стоящим у власти, благодаря чему Митилен до сих пор сберегала свою независимость. С этим вполне согласуется свидетельство Псевдо-Ксенофона о том, что, имея деньги, в Афинах можно добиться большего (III, 3), и сообщение Аристофана о «дарах» союзников демагогам (Vesp. 675 сл.), о желании Клеона первым встретиться с послами от союзников при известии об их полных кошельках (Eq. 1197 сл.). Клеон берет взятки с городов (Eq. 802) и «вылизывает острова» (Eq. 1034), «выжимает» отдельных «плодоносных» союзников (Eq. 326), привлекая их к суду. Его окружение запугивает доносами наиболее богатых союзников, надеясь получить откуп (Pax 639—640), и не обманывается в своих ожиданиях (Av. 644—646). Об использовании судебных процессов с политической подоплекой в корыстных целях говорится в «Птицах» (Av. 1424—1461).

Сводить все эти сведения к простой инвективе против Клеона, комедийному преувеличению или антидемократическим выпадам Аристофана нет никаких оснований. Такое количество обвинений не могло возникнуть на пустом месте. В данном случае неважно, сколь справедливо связывать все это с именем Клеона. Приведенная Аристотелем клятва вступающих в должность архонтов — не брать взяток (Ath. Pol. 55,5) — говорит о том, что афинским должностным лицам не был незнаком этот способ поправки своих дел. Видимо, корыстолюбие магistratov действительно было широко распространено в Афинах того времени, и разговоры о нем уже превратились в топос (ср. Pax 908—909). Позднее Платон скажет: «Не должен принимать дары за свою службу тот, кто служит родине» (Leg. 955 сл.). Но опираясь на существующую реальность, он и в своем идеальном государстве предполагает взяточничество (Leg. 937e — 938c; 955c—d), наказанием за которое назначает смертную казнь (Leg. 938c; 955d).

Жизнь союзников, какой мы видим ее в комедиях Аристофана, не радостна, полна несправедливостей и обид. Но афинский народ не имеет к ним никакого отношения. Обирающие и обманывающие союзников демагоги не являются для Аристофана представителями народа, олицетворением афинской демократии. Народ обеспечил своей отвагой доставку фороса в Афины (Vesp. 1098 сл.), а демагоги, ораторы — трутни, не принимавшие участия в общих трудах, но поедающие τὸν μισθὸν (Vesp. 1117—1119), разворовывающие форос (Vesp. 1100). Так же, как союзников, они обманывают и обирают афинских граждан (Eq. 53—57, 258 сл., 402 сл.; 716—718, 796, 1031 сл., 1082—1083, 1218—1226; Vesp. 698 сл., 1100—1101, 1118—1119), загребая обеими руками из государственной казны, вырывая «с корнем стволы отчетов» (Eq. 824—827) и прикрываясь разговорами о благе народа, интересах государства (Eq. 774 сл., 1019, 1226). Деятели подобного толка одинаково виновны перед демосом Афин и перед союзниками.

Именно поэтому счастливый соперник Пафлагонца — Клеона во «Всадниках» величается хором как ταῖς ἱερᾶς φέγγος Ἀθήναις καὶ ταῖς νήσοις ἐπίχορε — «светоч священных Афин и покровитель островов» (Eq. 1319), а поверженный Пафлагонец отправлен торговать требухой у афинских ворот, ἵν' ἴδωσιν αὐτόν, οἵ τε ἐλωβαθ', οἵ ξένοι — «чтобы его видели союзники, которых он мучил» (Eq. 1408). Хор в парабазе комедии «Мир» говорит,

что поэт достоин великих почестей — *ἄξιος εἶναι φησ' ἐυλογίας μεγάλης ὁ διδάσκαλος ἡμῶν* (Рах 738), так как он возвысил комедийное искусство, оих идиотас *ἀνθρωπίσκους κωμῳδῶν* *οὐδὲ γυναικας, ἀλλ' Ἡρακλέους ὁργήν τιν'* *ἔχων τοῖσι μεγίστοις ἐπεχειρεῖ* — «высмеивая не частных людышек или женщин, но с мужеством Геракла нападал на могущественных» (Рах 750—752; ср. Vespr. 1029—1030). И делал он это, *ὑπὲρ ὑμῶν πολεμίζων ἀντεῖχον αἰεὶ καὶ τῶν ἄλλων νήσων* «всегда сражаясь ради вас (афинян) и ради всех островов» (Рах 759—760). При этом на первом месте стоит защита интересов сограждан: сначала поэт отмечает свою борьбу *ὑπὲρ ὑμῶν* — ради вас — и лишь потом *καὶ τῶν ἄλλων νήσων* — и ради всех островов.

Афинский народ у Аристофана не мыслится без союзников. Селена в «Облаках» приветствует Афины и их союзников (Nub. 609). Прозревший и освободившийся из-под власти демагогов *“Демос* (таким мечтает увидеть его комедиограф) появляется во «Всадниках» в наряде, который он носил, обедая с Мильтиадом и Аристидом (Eq. 1324—1325). Мильтиад был главным стратегом в Марафонской битве (Schol. Eq. 1324; Plut., Aristid. V), заложившей основы могущества Афин. Аристид же произвел первую раскладку фороса и произносил клятву от имени афинян при заключении Делосского морского союза (Arist, Ath. Pol. 23,3; Plut., Aristid. XIV—XXV). Согласно Аристотелю, именно Аристиду принадлежит мысль об использовании гегемонии Афин для улучшения материального положения граждан (Ath. Pol. 24). Так что афинский демос, каким он представляется поэту в мечтах, отнюдь не думает об отказе от власти над союзниками. Против лозунга Спарты об освобождении греков (Thuc., III, 32,2; IV, 85,1; 86—87; 121,1; 9,9) у Аристофана направлено провозглашение Афин избавителем эллинов от рабства варваров (Vesp. 1075—1090, 1098—1100), а афинского народа *ἀνὴρ τύραννος, μόναρχος, βασιλεὺς* всей Эллады и эллинов (Eq. 1111 сл., 1330 сл.). Слова эти нигде не противопоставлены понятию *δημοκρατία*. Поэтому можно говорить лишь об их нейтральном значении «властелин», «ладыка», «единовластный правитель», не учитывая отрицательного значения этих слов³⁹. Особенно четко это видно в стихах Eq. 1333—1334, где вслед за обращением к народу *ὦ βασιλεῦ τῶν Ἑλλήνων* (царь эллинов) дается как бы обоснование этой *βασιλεία* (царской власти) словой Афин и победой при Марафоне: *τῆς γὰρ πόλεως ἄξια πράττεις καὶ τούν Μαραθῶν τροπαῖον* — «ты достоин города и Марафонского трофея» (Eq. 1334).

Однако продолжающаяся война и корыстолюбие раздувающих ее демагогов являются реальной угрозой для этой власти. Жадность демагогов толкает союзников к врагам афинского государства, лаконским вождям (Рах 638 сл., 622), а война позволяет уклоняться от выплаты фороса в афинскую казну (Рах 619—621). Аристофан показывает своим соотечественникам опасность такого положения, а союзникам говорит о лицензии и любви к золоту их спартанских друзей (Рах 623—624). Спартанские вожди и афинские демагоги поставлены таким образом на одну доску.

Стремление Аристофана найти выход из создавшегося положения приводит его к двум выводам: необходимо устраниТЬ бесчестных посредников между афинским народом и его союзниками и прекратить войну, позволяющую им строить козни против Афин. В проекте Бедиkleона обязать каждый союзный город содержать по двадцати афинских граждан (Vesp. 706—712) дается шуточная реализация одного из тех условий, ко-

³⁹ На основе этих характеристик, с привлечением Thuc., II, 63, 2 (речь Перикла) и Thuc., III, 37 (речь Клеона), высказывалось мнение о тирании афинского народа по отношению к союзникам. См. Рорр, ук. соч., стр. 428 сл. с предшествующей литературой.

торые могут удержать союзников от отпадения, хотя автора при этом значительно больше волнует вопрос облегчения жизни сограждан.

Аристофан не мыслит себе афинского государства иначе, как в форме архэ, и ее сохранение представляется поэтому первоочередной задачей. В трудных условиях 411 г. до н. э., когда последовавшее за Сицилийской катастрофой отпадение союзных городов стало массовым, поэт предлагает гражданам пойти на все, вплоть до предоставления части союзников прав гражданства ради сохранения основ афинской архэ (Lys. 579—586). Но и здесь речь идет лишь о тех из союзников, которые являются друзьями афинских граждан (*καὶ τις ἔνος ἦ φίλος ὅτιν* — «если какой-либо союзник вам друг» — Lys. 580) и о союзных городах, на землях которых есть афинские клерухии (*τὰς γε πόλεις ὅποιαι τῆς γῆς τῆρδ' εἰσὶν ἀποτοι* Lys. 582). А выделение друзей, предоставление ощутимых привилегий проксенам, эвергетам и наиболее надежным городам было постоянной линией поведения афинской демократии по отношению к союзникам. Так что даже в таком чрезвычайном заявлении поэта трудно найти что-то, идущее вразрез с интересами Афин, направленное в защиту союзников с позиции всеобщей справедливости, а тем более с олигархических или пропартизанских позиций.

Аристофан различает две стороны в положении союзников: одна — официальная сторона общей зависимости от афинского государства и народа, другая — зависимость от стоящих во главе народа демагогов и различных должностных лиц. О первой он говорит спокойно, как бы констатируя факт, оправдывая ее освободительной миссией Афин. Никаких возражений против этой формы зависимости в сохранившихся комедиях Аристофана мы не находим. Вторую же форму зависимости поэт клеймит целенаправленно и постоянно. Но эта тема важна для него не с позиций защиты союзников как таковых, а для раскрытия преступлений демагогов перед афинским народом, который лишается заслуженных доходов из-за их алчности и неразборчивости в средствах обогащения.

Это подтверждается и отрывками комедии «Вавилоняне», поставленной в 426 г. до н. э. Сохранность комедии (отдельные стихи и слова, переданные лексикографами)⁴⁰ не позволяет с определенностью говорить о ее возможном содержании и политической ориентации.

Из указаний поэта в комедии следующего года можно понять, что «Вавилоняне» в какой-то мере касались союзников (Ach. 634 сл., особенно Ach. 642) и были поставлены в присутствии их представителей (Ach. 502—508). Постановка комедии вскоре после усмирения восстания на Лесбосе в 428—427 гг. до н. э. и дебатов о судьбе Митилены, возбуждение процесса против автора или постановщика⁴¹ сторонником наиболее жестокого наказания восставших Клеоном (Ach. 378 сл., 501 сл., Schol. Ach. 378, Schol. Vesp. 1184), присутствие союзников на представлении как возможная причина преследования со стороны Клеона (Ach. 502—508, Schol. Ach. 378, 503) во многом способствовали зачислению Аристофана в ряды борцов за права союзников.

Однако часть сохранившихся фрагментов «Вавилонян» и указания поэта на возможное содержание комедии очень хорошо вписываются в общую линию творчества Аристофана. Так, упоминание о Писандре,

⁴⁰ Comicorum Atticorum Fragmenta. Ed. Th. Kock, vol. I, Antiquae comoediae fragmenta, Lipsiae, 1880, стр. 407—416 (fr. 64—99) = The fragments of Attic Comedy. Ed. J. M. Edmonds, vol. I, Leiden, 1957, стр. 588—597 (fr. 64—99).

⁴¹ Вопрос об объекте преследования Клеона окончательно не решен, см. К. Џ. Довег, Notes on Aristophanes' Acharnians, Maia, п. с., XV, 1963, стр. 15; о н же, Aristophanic Comedy, L., 1972, стр. 14, прим. 5, стр. 100. В данном случае важен сам факт возбуждения процесса.

берущем вместе с кем-то взятки: *ἢ δῶρ' αἰτῶν ἀρχὴν πολέμου μετὰ Πεισάνδρου πορίσετεν* — «или добиваясь начала войны, он взял бы вместе с Писандром взятку» (Babyl. fr. 81), вполне созвучно с другими свидетельствами поэта об этом государственном деятеле (Av. 1556; Lys. 488—491; Schol. Av. 1556; Schol. Lys. 490). Мысль о раздувании демагогами войны с целью наживы является обычной для Аристофана (Eq. 802—804, 864—867; Pax 270, 635 сл.). С Писандром она связана в «Лисистрате»: *ἴνα γὰρ Πεισανδρὸς ἔχοι χλέπτειν χοὶ ταῖς ἀρχαῖς ἐπέχοντες ἀεὶ τινὰ κορκορούγην ἔκοκων* — «чтобы Писандр и те, которые держатся за должности, имели что украсть, они постоянно поднимали какой-либо шум» (Lys. 490—491). Видимо, указывающие на сцену из «Вавилонян» стихи «Ахарнян» говорят о Клеоне, изрыгающем взятку в пять талантов (Ach. 5—7). Наглость демагогов в «Вавилониях» доходит до того, что они привлекли к суду самого Диониса (Babyl. fr. 70, Athen. XI, 494) и вымогают у него двести драхм (Babyl. fr. 71).

Сведения схолий о причине возбуждения дела против Аристофана говорят о том же: *ἔκωμιδησε γὰρ τὰς τε κληρωτὰς καὶ χειροτονητὰς ἀρχὰς καὶ Κλέωνα παρόντων τῶν ἔνων* — «ведь высмеял избранных по жребию и голосованию должностных лиц и Клеона в присутствии союзников» (Schol. Ar. Ach. 378). В «Ахарнях», отметая обвинения из-за «Вавилонян» и ограждая себя на будущее, поэт говорит: *οὐχὶ τὴν πόλιν λέγω μέμυηθε τοῦθ’ ὅτι οὐχὶ τὴν πόλιν λέγω, ἀλλ’ ἀνδράρια μοχθηρά, παραχεκομένα, ἄτιμα καὶ παράσημα καὶ παράξενα.*

— Я говорю не о городе,
Запомните же, что не о городе я говорю,
Но о людышках подлых, лживых,
Бесчестных, негодных, получужеземных
(Ach. 515—518)

В этих стихах дается четкое разграничение между всем городом, афинским государством и его бесчестными служителями. Очевидно, афинский Совет, разбирая жалобу Клеона, сумел увидеть эту разницу: несмотря на сильный натиск могущественного демагога, поэт все же был оправдан. В оправдательном приговоре Аристофану в Совете прозвучал голос постоянно критикуемых им должностных лиц; трудно допустить, что они оказались чрезмерно снисходительны к поэту. Сам же он считает изображение жизни союзных государств заслугой перед согражданами *πολλῶν ἀγαθῶν ἄξιος ὑπὲν γεγένηται καὶ τοὺς δῆμοὺς ἐν ταῖς πόλεσιν δεῖξας ὡς δημοκρατοῦται* — «он сделался у вас достоин великих благ, показав также, как управляются народы в союзных государствах» (Ach. 641—642). Если считать, что *δημοκρατοῦται* относится к практическим деятелям афинской демократии, лишь прикрывающихся ее именем, становится понятным, почему благодарные союзники сразу же повезли в Афины форос, который и был основным показателем их зависимости от афинского народа (Ach. 643—645).

Итак, суммируя сказанное, можно отметить следующее:

1. В комедиях Аристофана в рамках комедийного преувеличения и сатирической заостренности, обусловленных требованиями жанра, в целом содержится реальный и правдивый материал о союзниках, их положении (это подтверждается свидетельствами эпиграфики и других авторов), который значительно обогащает арсенал исследователя по данному вопросу.

2. Показывая бедственное положение союзников, поэт нигде не выступает против самой системы управления ими, не подвергает сомнению основные принципы архε: зависимое положение союзников, выплату фо-

роса⁴². Присутствие афинских магистратов, разбор союзных дел в афинском народном собрании или гелиэе, суды из афинских граждан на местах — естественное положение вещей в изображении комедиографа.

3. Афинский народ по отношению к союзникам характеризуется Аристофоном как *βασιλεύς, τύραννος, μόναρχος* в смысле «полновластный владыка», а не в смысле «тиран». Союзники не защищаются от его произвола и не рассматриваются как *δεδουλωμένοι, δοῦλοι τοῦ δέλτου Ἀθηναίων*, как определяла их олигархическая проспартанская пропаганда. Несчастье и рабство союзников — это и рабство афинского народа под властью бесчестных демагогов, *μεγάλη δουλεία* — «огромное рабство», в котором находится сам владыка Эллады (*Vesp.* 682 сл.).

4. Все это позволяет с определенностью говорить об отсутствии у Аристофана олигархических симпатий и проспартанских настроений, которые, надо сказать, довольно странно искать в жанре древнеаттической комедии, активно поддерживаемом демократическим государством и справедливо называемом органом самокритики афинской демократии⁴³.

5. Выражая явные симпатии аттическому земледельцу, разделяя его взгляды на войну и мир, новую политику и новую мораль, Аристофон стоит на тех же позициях и в своей защите афинской архэ.

ARISTOPHANES AND THE ATHENIAN ALLIES

L. A. Sakhnenko

Information in other literary and epigraphical sources shows that, allowing for comic exaggeration, Aristophanes presents the situation of Athens' allies in the *archē* in a generally true light. While he clearly depicts their sorry lot he does not call into question the basic principles governing their relations with the Athenians: payment of *phoros* and full dependence on Athens. In accepting this position as fair Aristophanes expresses an opinion widely held by his fellow citizens and justified by the liberating role of Athens in the Graeco-Persian wars. The real threat to the *archē* came, in his opinion, from the prolongation of the present war, the malfeasances of demagogues and certain official persons, the increased *phoros* demanded from the allies to finance the war. To all that the poet states his opposition while at the same time calling for the strengthening of the *archē*, whose preservation he regards as the primary task.

⁴² N or w o o d , стр. 4—5, 10; Л у р ь е, ук. соч., стр. 16; В. Я р х о, Аристофон, М., 1954, стр. 59; о н же, Комедия Аристофана и афинская демократия (К вопросу о социальной позиции аттического крестьянства), ВДИ, 1954, № 3, стр. 1—3; W. G. F o r g e s t, Aristophanes' Acharnians, Phoenix, XVII, 1963, стр. 1, прим. 2; M e i g g s , ук. соч., стр. 392.

⁴³ I. S t a r k , Das Verhältnis des Aristophanes zur Demokratie der athenischen Polis, Klio, 57, 1975, стр. 363.

С. Ю. Сапрыкин

ГЕРАКЛЕЯ, ХЕРСОНЕС И ФАРНАК I ПОНТИЙСКИЙ

Со второй половины III в. до н. э. греческие города-государства Восточного Средиземноморья и Причерноморья все более и более теряют свое политическое значение. Ведущая роль в международной политической жизни перешла к эллинистическим монархиям, которые со II в. до н. э. постепенно уступают свое влияние Риму. Если вопрос о взаимоотношениях между этими крупными государствами вызывал вполне естественный интерес у исследователей¹, то отношения в эту эпоху между эллинистическими полисами изучены много меньше. При этом двусторонние связи между Гераклеей Понтийской и Херсонесом Таврическим в конце III — начале II в. до н. э. вообще остаются для нас неясными. Между тем политика указанных полисов, как это было характерно для данной эпохи, строилась в зависимости от их отношения к ведущим эллинистическим государствам и Риму. Важнейшим событием внешнеполитической жизни этих городов была война, происходившая на севере Малой Азии в конце первой четверти II в. до н. э. между коалицией государств Пергама, Каппадокии и Вифинии против царя Понта Фарнака I. Понтийское царство начинает играть активную роль на политической арене Причерноморья, причем оно пытается распространить свое влияние на греческие города по обоим берегам Черного моря.

В такой ситуации исследование взаимоотношений Гераклеи и Херсонеса возможно только в связи с рассмотрением означенных событий в Малой Азии, политики Фарнака I и Рима, который в это время активно проникает в Восточное Средиземноморье. Однако среди ученых до сих пор нет единого мнения о том, какова же была политика свободных греческих городов, в частности Гераклеи и Херсонеса, в отношении Фарнака и Рима, а также нет ясности и по вопросу о характере войны 183—179 гг. до н. э., которую вел Фарнак в Малой Азии. Отчасти объясняется это тем, что исследователи избегали подходить к означенной проблеме с точки зрения внешнеполитической истории свободных городов и пытались ограничиться лишь рассмотрением общих тенденций политики Фарнака и римской дипломатии, опасаясь, быть может, попасть в заблуждение из-за отсутствия более обширных сведений относительно участия в войне этих городов. По-

¹ Назову лишь наиболее значительные исследования: M. Hölzl, *Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III siècle av. J. C.* (273—205), P., 1935; H. Schmitt, *Staatsverträge des Altertums*, III, München, 1969; J. Seibert, *Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit*, Wiesbaden, 1967; E. Will, *Histoire politique du monde hellénistique*, vol. I—II, Nancy, 1966—1967.

этому в нашу задачу входит рассмотреть политику Фарнака с точки зрения внешнеполитического положения Херсонеса, Гераклеи и других связанных с ним полисов, попытаться определить роль Рима и Понтийского царства в отношениях между Гераклеей и Херсонесом, а также Рима в отношениях между Херсонесом, Гераклеей и Фарнаком. Мы поставили перед собой задачу выяснить характер участия Гераклеи и Херсонеса в войне 183—179 гг. до н. э. и влияние политики Гераклеи на заключение двустороннего договора Херсонеса с понтийским царем.

В связи с тем, что данные наши о войне 183—179 гг. до н. э. и взаимоотношениях свободных греческих городов с Фарнаком крайне скучны, считаем необходимым коснуться событий предшествующего периода, ибо это поможет понять ход войны и определить позиции свободных городов в отношении понтийского царя. Для решения поставленных задач важно также выяснить причины включения в мирный договор 179 г. свободных греческих городов. О войне известно немного. Отдельные ее эпизоды освещены в произведениях Диодора, Тита Ливия, Юстиня. Огромную важность представляют эпиграфические документы из Одессы и Херсонеса, помогающие проследить развитие отношений этих полисов с Фарнаком². Надписи с текстом договора о дружбе и союзе Херсонеса и Фарнака I исследователи убедительно связывают с войной малоазийских государств³. Однако сведения древних очень отрывочны и неопределены, только Полибий оставил более связное описание военных действий и условий заключенного в 179 г. до н. э. мира. Поэтому решить поставленные задачи можно только привлекая все источники — и литературные и эпиграфические.

В связи с неопределенностью сведений большинства источников в науке существуют серьезные расхождения по вопросу о причинах начала войны, роли в ней Рима и участии свободных греческих городов в мирном договоре 179 г. до н. э. Многие исследователи считают, что эти города принимали участие в войне, однако в том, на чьей стороне они выступали, мнения ученых расходятся. Согласно Э. Мейеру⁴, Э. Дилю⁵, Р. Х. Леперу⁶, Д. Меджи⁷, М. И. Ростовцеву⁸, Е. И. Леви⁹, города придерживались ориентации противников Фарнака. В последнее время это отстаивал Р. Макшней, но его вывод основан на том неправильном заключении, что Фарнак в 183 г. до н. э. захватил Гераклею¹⁰. Иначе думали И. Шнайдервирт, Б. Низе, Хр. Данов, К. М. Колобова¹¹. В. П. Дзагурова полагала, что Гераклея и другие свободные города, включенные в договор,

² IOSPE I², 402; Х. Данов, Връзките на Понтийското царство с западното черноморско крайбрежие според два новонамерени надписи, «Известия на Историческото Дружество в София», XIV—XV, 1937, стр. 63—64.

³ Р. Х. Лепер, Херсонесские надписи, ИАК, 45, 1912, стр. 23 сл., № 1; Е. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, App. № 17a.

⁴ Ed. M e y e r, Geschichte des Königreichs Pontos, Lpz, 1879, стр. 78.

⁵ E. D i e h l, Pharnakes, RE, XIX, 2, стб. 1849—1851.

⁶ Лепер, ук. соч., стр. 31—32.

⁷ D. M a g i e, Roman Rule in Asia Minor, vol. I, Princeton, 1950, стр. 193.

⁸ М. И. Ростовцев, Амага и Тиргатао, ЗООИД, XXXII, 1915, стр. 5 (отд. отт.); М. И. R o s t o w t z e f f, Н. А. О г м е р о д, Pontus and its Neighbours: The First Mithridatic War, CAH, VII, 1928, стр. 220. Позднее М. И. Ростовцев отметил, что Фарнак после войны сумел сохранить свое влияние на греческие города (SEHHW, II, стр. 665).

⁹ Е. И. Леви, Гераклея Понтийская. Диссертация на соискание ученой степ. канд. ист. наук. Л., 1948, стр. 102—103.

¹⁰ R. M c S h a n e, The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum, Urbana, 1964, стр. 161—163.

¹¹ J. H. S c h n e i d e r w i r t h, Das Pontische Heraklea, Heiligenstadt, 1885, стр. 18; B. N i e s e, Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea, Bd. I, Gotha, 1893—1903, стр. 75; Данов, ук. соч., стр. 63—64; К. М. Колобова, Фарнак I Понтийский, ВДИ, 1949, № 3, стр. 35.

были в ходе войны нейтральными¹². Однако ее мнение недостаточно аргументировано. Серьезным доводом в пользу сторонников дружественных отношений свободных городов к Фарнаку было обнаружение текста его двустороннего договора с Херсонесом и надписи из Одессы¹³.

Получила распространение и та точка зрения, что Херсонес был включен в мирный договор 179 г. до н. э. как союзник Гераклеи. Р. Х. Лепер полагал, что двусторонний договор Херсонеса с Фарнаком знаменовал окончание войны между Херсонесом, Гераклеей и Понтийским царством¹⁴. Серьезные возражения Р. Х. Леперу выдвинули Х. Данов и К. М. Колобова, которые отметили, что это договор не о мире и дружбе (*εἰρήνη καὶ φιλία*), а договор о дружбе (*φιλία*), что подразумевает дружественные отношения Гераклеи и Херсонеса к Фарнаку до и после войны 183/2—179 гг. до н. э.¹⁵ К какой бы из воюющих сторон ни примыкали гераклеоты, как полагают исследователи, они всегда поддерживались Херсонесом¹⁶ как колонией Гераклеи, тесно с нею связанный. Таким образом, существуют серьезные расхождения по вопросу о союзниках Фарнака I в указанной войне, а также нет полной ясности относительно участия в ней Херсонеса и Гераклеи. Некоторое прояснение, на наш взгляд, может быть достигнуто после изучения взаимоотношений означенных полисов и их внешней политики. В источниках нет данных о связях Понта с Гераклеей и Херсонесом после 250 г. до времени Фарнака, но анализ ситуации на севере Малой Азии и в Северном Причерноморье в конце III — начале II в. до н. э. поможет охарактеризовать их политику в эту эпоху.

В связи с тем, что гераклеоты около 250 г. до н. э. оказали помощь царю Понта Митридату III, воевавшему с галатами, последние обрушились на Гераклею и опустошили ее территорию (*Memn.*, XXIV). Причина вражды Митридата III к галатам, как и цель гераклеотов, оказывавших поддержку понтийскому царю, недостаточно ясны. Ф. Штэелин допускал возможность ссоры царя Понта с галатскими племенами из-за размера платы за их службу в качестве наемников¹⁷. Б. Низе отмечал, что в этих событиях чувствуется влияние царя Антиоха II Теоса¹⁸. Можно предположить существование враждебных отношений между царями Понта и Сирии до нападения галатов на Митридата¹⁹. Помощь Гераклеи Понту могла быть продолжением антиселевкидской политики, которую она проводила в первой половине III в. до н. э. Отношения Антиоха II с Гераклеей в середине III в. до н. э. были напряженными, так как Антиох вел войну против Византии, а Гераклея оказывала византийцам поддержку. Их отношения могли еще более ухудшиться после мирного договора, заключенного в 250 г. до н. э. между Птолемеем II и Антиохом II, по которому сирийский царь мог поддержать царя Вифинии Зиэлу, противника Гераклеи и союзника Птолемея²⁰. Опасаясь союза Вифинии и Сирии, гераклеоты

¹² В. П. Дзагурова, Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии (Канд. дисс.), М., 1946, стр. 154—155.

¹³ IOSPE I², 402; Лепер, ук. соч., стр. 23 сл., № 1; Minns, ук. соч., App. 17a.

¹⁴ Лепер, ук. соч., стр. 32.

¹⁵ Данов, ук. соч., стр. 64; Колобова, ук. соч., стр. 34.

¹⁶ Ростовцев, Амага и Тиргатао, стр. 5; Minns, ук. соч., стр. 518.

¹⁷ F. Stähelin, Geschichte der kleinasiatischen Galater, Lpz., 1907, стр. 17.

¹⁸ Niese, ук. соч., II, стр. 137.

¹⁹ Враждебные отношения между двумя государствами могли установиться из-за притязаний Митридатов на Великую Фригию, так как в ходе войны с Антиохом Гиераксом Селевку II удалось привлечь к себе Митридата лишь ценой обещания передать ему область Великой Фригии (см. Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont, P., 1890, стр. 38 сл.).

²⁰ Niese, ук. соч., II, стр. 137. О взаимоотношениях Зиэлы и Птолемея см. R. Hergog, Ein Brief des Königs Ziaelas von Bithynien an die Koer, AM, XXX, 1905, стр. 173.

стремились сблизиться с Понтом, оказывая поддержку Митридату III²¹. Не исключено, что гераклеоты при этом надеялись получить Амастрию, овладеть которой им помешали в свое время Митридат II и Ариобарзан. Таким образом, во второй половине III в. до н. э. гераклеоты стремились сохранить в целостности свою территорию от притязаний Селевкидов и Вифинии. Мемнон сообщает, что «галаты совершили набеги до тех пор, пока гераклеоты не отправили к ним послов». Они откупились от галатов, уплатив 5 тыс. золотых всему войску и 200 золотых каждому вождю (Memn., XXIV).

Дружественные отношения между Гераклеей и Понтом во второй половине III в. до н. э. должны были упрочиться вследствие усиления в Малой Азии пергамского царя Аттала I после его побед над галатами и Антиохом Гиераксом. Поскольку Пергам овладел почти всей территорией Селевкидов в Малой Азии к северу от Тавра, это должно было обеспечить понтийскому царю Митридату III, опасавшемуся Аттала, союзников в лице сирийских царей Селевка II, Селевка III и Антиоха III, стремившихся вернуть утраченные земли. Полибий сообщает (V, 43), что около 220 г. до н. э. Антиох III женился на дочери Митридата Лаодике. Гераклея, находившаяся в дружбе с Понтом, также могла войти в контакт с Антиохом III. На это указывает в частности то, что гераклеоты во время войны римлян с этим сирийским царем хлопотали перед ними за Антиоха о пемирии (Memn., XXIV, 2).

В 220 г. до н. э. началась война Византии с родосцами и вифинским царем Прусием I (Polyb., IV, 56). Тогда же Митридат III предпринял попытку захватить Синопу. Благодаря помощи, оказанной Синопе родосцами, агрессивный акт понтийского царя окончился неудачно (Polyb., IV, 56). Не засвидетельствовано, какую роль играла при этом Гераклея, но по причине тесных связей с Понтом она могла проводить политику нейтралитета, дружественного Митридату²², поступаясь интересами Родоса. Следовательно, в византо-родосском конфликте Гераклея могла поддерживать Византий и его протекционистскую политику, которая подрывала торговлю Родоса с Северным Причерноморьем и повышала в свою очередь шансы Гераклеи в этой торговле. Однако Митридату III не удалось взять Синопу, а Византий не смог противостоять могуществу Родоса и Вифинии (Polyb., IV, 52). Это отражалось на Гераклее, ослабляя ее.

Уже в ходе войны с Византием обозначилось стремление вифинского царя Прусия I расширить свои владения за счет хоры греческих городов. Во время II Македонской войны Прусий I в союзе с Филиппом V Македонским захватил ряд городов на северо-западе Малой Азии, в частности принадлежавшие Гераклею Тий и Кие, переименовав их в Прусиады (Polyb., XV, 22; Memn., XXVII)²³. Не довольствуясь этим, Прусий I осадил Гераклею, и лишь случайность, по словам Мемнона, спасла город. Агрессивные действия Вифинии против Гераклеи были возможны между 203/4—197/6 гг. до н. э., когда Прусий I выступил в союзе с галатами на стороне Македонии и Сирии против Рима и его союзников на востоке Пергама и Родоса. Греческие города Пропонтиды и южного берега Понта, в частно-

²¹ И. Шнейдервирт (ук. соч., стр. 11) считает помощь Гераклеи Митридату III продолжением дружественной политики, которую она проводила при Митридате II.

²² И. Шнейдервирт (ук. соч., стр. 18) считает, что при Фарнаке Гераклея была на его стороне, поскольку он захватил Синопу, основного торгового соперника Гераклеи. Не исключено, что соображениями торговой конкуренции гераклеоты руководствовались и в 220 г. до н. э., поддерживая Митридата III при нападении на Синопу.

²³ A. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxf., 1937, стр. 152; Magie, ук. соч., I, стр. 307; Ed. Meyer, *Bithynia*, RE, Bd. III, Hbbd. 5, 1897, стр. 518.

сти Гераклея, опасаясь за свободу и автономию, старались примкнуть к антивифинской коалиции Пергама, Родоса и Рима. В этой ситуации у Гераклеи помимо Пруссия появились новые противники — Антиох III и Филипп V Македонский, которые в 203/2 гг. до н. э. договорились о разделе владений Египта в Азии и Европе²⁴. Это давало сирийскому царю дополнительный стимул попытаться прибрать к рукам северо-западную часть Малой Азии, чего на протяжении 80 лет добивались его предшественники. Гераклея же к началу II в. до н. э. потеряла в борьбе с Вифинией и галатами большую часть территории.

По сообщению Мемнона, после неудачной осады Гераклеи Прусием I «жившие близ Понта галаты..., имея желание овладеть выходом к морю, попытались сперва захватить Гераклею...». Галаты осадили ее, но безуспешно, так как «галат умеет вести войну лишь по настроению, а не с помощью необходимых приготовлений», — заключает Мемнон (XXVIII, 1). Следует согласиться с мнением Ф. Штэелина, что галаты осаждали Гераклею не столько для собственной выгоды, сколько в интересах Пруссия I²⁵. Следовательно, основными противниками гераклеотов в это время были цари Пруссий I, Антиох III и их союзники галаты. Дальнейшая политика Гераклеи была направлена на то, чтобы сохранить независимость несмотря на притязания эллинистических монархов и по возможности вернуть утраченные земли. В то же время она стремилась восстановить былое могущество и влияние во внутривосточном регионе. Однако если в начале III в. до н. э. Гераклея благодаря самостоятельной политике сумела этого добиться, то теперь ситуация изменилась. Борьба выступившего на арену Восточного Средиземноморья Рима с Филиппом V и Антиохом III определяла политическую ситуацию в этом районе. Малоазийские греческие города в целях сохранения независимости вынуждены были искать поддержку у Рима. В 196 г. до н. э. города Илионской Лиги — Лампсак, Смирна и Александрия Троадская²⁶ — обратились к Риму с просьбой включить их в мирный договор, знаменовавший окончание II Македонской войны. Они просили сенат защитить их демократию и полисскую автономию от угрозы со стороны Антиоха III и галатов. Римлянам было выгодно привлечь эти города на свою сторону, поскольку это ослабляло Сирию и Македонию. Не менее выгодно было установление мира и для греческих городов, так как включением в мирный договор они получали могущественного покровителя в лице одной из договаривающихся сторон и признание своей независимости. Стремились сблизиться с Римом и другие греческие города Западной Малой Азии²⁷, поскольку Филипп V Македонский и его союзник Пруссий I во время II Македонской войны показали себя ярыми их противниками. Политика Гераклеи в этот период не могла быть исключением, так как противники у гераклеотов были те же, что и у других малоазийских греков.

Мемнон указывает, что гераклеоты в 190 г. до н. э. отправили послов к римлянам, переправившимся в Азию. По всей видимости, посольства с предложениями о дружбе посыпались из Гераклеи неоднократно и имели успех, поскольку, сообщая об очередном посольстве к Корнелию Сципиону, Мемнон говорит, что оно было отправлено «для подтверждения дружбы,

²⁴ H. Scullard, A History of the Roman World from 753 to 146 B. C., L., стр. 252.

²⁵ Stähelin, ук. соч., стр. 49.

²⁶ Syll.³, 594; Liv., XXXIII, 38; App., Syr. 2; Polyb., XVIII, 52, 1—4; XXI, 13,2; Dio d., XXIX, 7; см. G. Collin, Rome et la Grèce, P., 1905, стр. 159; Hollerau, ук. соч., стр. 54; E. Bickermann, Rom und Lampsakos, Philologus, Bd. LXXXVII, Ht. 3, стр. 277.

²⁷ H. Scullard, Roman Politics 220—150 B. C., Oxf., 1951, стр. 97.

о которой было соглашение» (XXVI, 1)²⁸. Эти посольства гераклеотов состоялись до битвы при Магнесии. Можно согласиться с предположением И. Шнайдервирта, что, стремясь к дружбе и союзу с римлянами, гераклеоты рассчитывали на возвращение территорий, утраченных в борьбе с Пруссием I²⁹. Основной целью Рима было ослабление Македонии, поэтому он стремился не допустить ее сближения с Антиохом III. После победы во II Македонской войне Рим провозгласил свободу для греческих городов в Азии и Европе (исключая находившихся под властью Филиппа), что было официально подтверждено Истмийским провозглашением³⁰. Этим римляне привлекли к себе помимо других союзников города Малой Азии, страдавшие от притеснений Филиппа и Антиоха III. К сожалению, Мемнон не оставил свидетельств о взаимоотношениях между Гераклеей и Римом до 190 г. до н. э., однако упоминание о «соглашении о дружбе» между Римом и гераклеотами до 190 г. до н. э. позволяет предположить, что и Гераклея стремилась к сближению с римлянами.

Интерес представляет позиция Гераклеи по отношению к Антиоху III. Мемнон сообщает, что гераклеоты отправили послов к Сциону, «стремясь расположить римлян к царю Антиоху», а к последнему обратились с просьбой прекратить вражду с римлянами (XXVI, 2). И. Шнайдервирт объясняет это желанием гераклеотов принять участие в войне с сирийским царем в качестве друга и союзника римского народа, подобно Родосу и Пергаму³¹. Однако наиболее правильным представляется мнение Б. Низе, которого придерживается и В. П. Дзагурова, что в данном случае имеет место обычное посредничество, вполне объяснимое, если учитывать многочисленные посольства гераклеотов к римским военачальникам и заключение соглашения о дружбе³². Выступая в качестве посредников между римлянами и Антиохом, гераклеоты рассчитывали, что будут включены в мирный договор с Антиохом в качестве друга и союзника римлян, получат признание своей автономии и добьются от Рима возврата захваченных Пруссием I территорий. Поэтому позицию Гераклеи в войне Рима с Антиохом III можно охарактеризовать как нейтральную.

Стремясь действовать по примеру Лампака, Гераклея тем не менее не смогла добиться от Рима включения в мирный договор 188 г. до н. э. возврата своих земель. И. Шнайдервирт объясняет это противодействием Родоса и Пергама, которые не хотели делить с Гераклеей преимуществ, получаемых за союз с Римом в ходе войны с сирийским царем³³. По нашему мнению, римляне не оправдали надежд гераклеотов в связи с тем, что не хотели обострять отношения с Вифинией, которую им удалось отвлечь от Антиоха III и склонить к политике строгого нейтралитета (Rollb., XXI, 11). Преследуя собственные интересы и рассчитывая в будущем на Вифинию как на силу, противодействующую усиливающемуся Пергаму, римляне не решились потребовать от вифинского царя уступить Гераклею Тий и Кир, признав их *de facto* владениями Вифинии. С другой стороны, не желая вступать в противоречие со своей политикой поддержки свободных греческих городов, римляне заключили договор о дружбе и

²⁸ В указанном месте у Мемнона ошибка. Рассказывая о посольстве гераклеотов к римлянам в 190 г. до н. э., Мемнон сообщает, что гераклеоты получили в ответ от Публия Эмilia письмо с заверением в дружественном к ним отношении, но это неверно, так как Публий Эмiliй был консулом в 168 г. до н. э. и мог отправить письмо лишь после победы над Персеем в III Македонской войне (подробнее см. Дзагурова, ук. соч., стр. 37).

²⁹ Schneiderwirth, ук. соч., стр. 17.

³⁰ Colin, ук. соч., стр. 160; E. Badia, Foreign Clientelae, Oxf., 1958, стр. 87.

³¹ Schneiderwirth, ук. соч., стр. 17.

³² Niese, ук. соч., II, стр. 739; Дзагурова, ук. соч., стр. 152—153.

³³ Schneiderwirth, ук. соч., стр. 17.

союзе (*φιλία καὶ συμμαχία*) с Гераклеей, который фактически ограждал ее от новых нападений Пруссия и закреплял за нею оставшуюся территорию (Memn., XXVI, 4). Заключая с Гераклеей союзный договор, Рим лишил ее необходимости настаивать на включении в мирный договор с Антиохом III, что удовлетворяло как Пруссия I, так, вероятно, Пергам и Родос. Таким образом, договор Рима с Гераклеей был заключен до Апамейского мирного договора 188 г. до н. э. и являлся важным дипломатическим шагом римлян в Азии³⁴. Очевидно, он был заключен в 189 г. до н. э. после похода консула Гн. Манлия Вульсона против галатов, когда к нему сходились посольства от всех городов и народов, страдавших от нападений галатов, с выражением признания за победу³⁵. Союзный договор с Римом мог быть выгоден Гераклею не только как средство защиты от Пруссия I, но и как гарантия от нападения галатов. Однако гераклеоты не добились основной своей цели — возврата территории с городами Тиен и Киером.

В 186—183 гг. до н. э. в Малой Азии воевали Вифиния и Пергам (Polyb., XXIII, 1,4; 3,1; Liv., XXXIX, 46,9; Iustin., XXXII, 4,2—3). По Апамейскому мирному договору значительная часть Малой Азии досталась пергамскому царю Евмену II, поэтому Пруссий I начал военные действия с Пергамом. Пруссий получил поддержку Македонии, галатского тетрарха Ортиагона и Ганнибала. Но Евмен II разбил вифинские войска. В этом конфликте Рим не принимал большого участия, ограничившись действиями дипломатического характера. В 183/2 г. до н. э. римлянам удалось добиться заключения мира, по которому спорные области были признаны владениями Пергама. Этим Рим подтвердил, что по-прежнему поддерживает Евмена. Однако главные усилия римлян были направлены на раскол коалиции Вифинии, Македонии и галатов, в чем они и преуспели. В 183 г. до н. э. в результате посольства Т. Квинкция Фламинина в Вифинию была достигнута договоренность о выдаче Пруссия Ганнибала (Corn. Nep., Han. XII, 1—5; Liv., XXXIX, 51; Plut., Flam. XX; App., Syr. 11). По всей вероятности, это было следствием установления дружественных отношений между Римом и Вифинией, в результате чего последняя заключила мир с Пергамом на выгодных Риму условиях и отказалась от проведения неугодной ему политики. Таким образом, война 186—183 гг. до н. э. между Пергамом и Вифинией закончилась дипломатическим успехом Рима в Малой Азии, следствием чего было отвлечение Вифинии от Македонии. Поэтому мы полагаем, что участие Вифинии в последующей войне с Фарнаком на стороне Пергама, с которым у нее всегда были отношения вражды и соперничества, обусловлено ее поражением в войне 186—183 гг. до н. э. и переходом на сторону союзников Рима³⁶.

³⁴ И. Шнайдервирт (ук. соч., стр. 17) и В. П. Дзагурова (ук. соч., стр. 152) считают, что договор Рима с Гераклеем был заключен в 189 г. до н. э.; Е. И. Леви (Гераклея Понтийская, стр. 100) полагает, что договор был заключен после мира с Антиохом III в 188 г. до н. э.

³⁵ Liv., XXXVIII, 37. Об этом же косвенно свидетельствует Мемнон, сообщая о заключении договора после посольств гераклеотов к преемникам Публия и Луция Сципионов (XXVI, 4; 1—2). Преемником Сципиона на посту командующего римскими войсками в Азии был Гн. Манлий Вульсон (Liv., XXXVIII, 12). Б. Низе (ук. соч., II, стр. 756) полагал, что и гераклеоты прислали своих представителей к консулу.

³⁶ Б. Низе (ук. соч., III, стр. 71) и Р. Макшайн (ук. соч., стр. 160) полагают, что в войне 186—183 гг. до н. э. на стороне Рима и Пергама активное участие принимали Гераклея Понтийская и Кизик, поскольку в ходе войны Пруссий I захватил Тий и Киер. Это заключение сделано на основе последовательности изложения событий у Мемнона, который рассказывает о нападении Пруссия I и галатов на Гераклею после сообщения о заключении договора Рима с гераклеотами. Однако, как показал еще И. Шнайдервирт (ук. соч., стр. 17), порядок изложения в соответствующих главах у Мемнона искажен, поэтому события из XXVII—XXVIII глав должны предшествовать событиям из XXVI главы. См. Дзагурова, ук. соч., стр. 147. Очевидно, Гераклея в ходе войны сохранила нейтралитет.

В 183 г. до н. э. в Малой Азии вспыхнула война Пергама, Каппадокии и Вифинии против царя Понта Фарнака I. Война началась с захвата Фарнаком Синопы (Strabo, XII, 3,11; Polyb., XXIII, 9). Через год (182 г. до н. э.) в Рим прибыли послы от Евмена, Фарнака и родосцев. Очевидно, родосцев интересовала только судьба Синопы, в то время как Евмен II был обеспокоен началом военных действий и тем, что понтийский царь заключил ряд договоров с галатами. Между Родосом и Пергамом были серьезные разногласия, поэтому родосцы не поддержали Евмена и действовали самостоятельно. На это намекает решение сената в изложении Полибия: «... сенат обещал отправить послов для расследования дела синопян и несогласий между царями». Причины войны недостаточно ясны. Принято считать, что Фарнак, подобно Митридату VI, имел далеко идущие планы подчинения всего Причерноморья, и на это была направлена его политика. Однако Ф. Штэелин считал основной целью Фарнака не столько подчинение Синопы, сколько расширение Понтийского государства за счет соседних малоазийских областей, главным образом Галатии и Пафлагонии³⁷. В ходе войны и в мирном договоре 179 г. до н. э. Галатия и галаты фигурируют повсеместно. Синопа же после захвата ее в 183 г. до н. э. войсками Фарнака вообще исчезает из поля зрения его противников и Рима, что окончательно поставило ее в зависимость от Понтийского царства. Поэтому причины войны могли заключаться в территориальных притязаниях Фарнака в Малой Азии.

Как и было обещано послам Евмена II, сенат отправил представителей для выяснения ситуации на месте. Однако война разгорелась, вовлекая в конфликт новые государства. В Рим вновь прибыли посольства от Фарнака, Евмена и его союзника, каппадокийского царя Ариарата IV Евсебия (Polyb., XIV, 1; Liv., XL, 20). Участие в посольстве царя Каппадокии объясняется тем, что Фарнак в первый год войны оккупировал Пафлагонию. Хотя положение складывалось и не в пользу союзников Рима, сенат объявил, что он пошлет в скромом времени новое посольство (первое римское посольство, отправленное в Азию, оценило политику Фарнака как проявление «корыстолюбия и наглости»). Следует согласиться с Б. Низе, который отмечал, что действия Рима создавали впечатление затягивания войны, а это было на руку Фарнаку³⁸. Пользуясь благоприятной обстановкой, Фарнак на втором году войны захватил Тий, причем его полководец Леокрит принудил к сдаче наемников, составляющих гарнизон города, обещав им свободу. Но как только город был сдан, он нарушил договор и перебил весь гарнизон, мотивируя свои действия тем, что наемники ранее вредили Фарнаку (Diod., XXIX, 23).

Взятие Тия имело большое значение для всей военной кампании³⁹. Фарнак становился обладателем не только дополнительной гавани на побережье, но получал в свои руки важный стратегический пункт для успешного ведения войны на суше. Захват Тия мог привлечь к войне Гераклею Понтийскую, тщетно добивавшуюся от Вифинии возврата этого города. Принято считать, что взятие Тия является актом, враждебным Гераклею. Однако Тий уже более 20 лет принадлежал Вифинии, поэтому захват города Фарнаком был направлен скорее против Вифинии, чем про-

³⁷ Stähelin, ук. соч., стр. 63.

³⁸ Niese, ук. соч., III, стр. 75.

³⁹ Тий в это время принадлежал Вифинии (Мейер, *Geschichte...*, стр. 74 сл.; Magie, ук. соч., II, стр. 760, прим. 56); О. Руте и А. Джоунс полагают, что Тий после войны 186—183 гг. до н. э. принадлежал Пергаму (O. Rue, A. Jounes, *RE*, VI A, стб. 860; Jones, ук. соч., стр. 152, 420, прим. 9), чему никаких доказательств нет.

тив Гераклеи⁴⁰. Это вынудило вифинского царя Прусия II, преемника умершего в 183 г. до н. э. Прусия I, выступить против Фарнака.

После двух лет войны было, наконец, заключено перемирие. Воспользовавшись передышкой, Евмен II отправил в Рим посольство, которое возглавил его брат Аттал. Полибий сообщает (XXIV, 5), что пергамский царь рассчитывал с его помощью положить конец войне с Фарнаком. По всей видимости, Евмен чувствовал, что пассивность римлян была следствием перемены их отношения к Пергаму, поэтому стремился подтвердить свою дружбу к римскому народу⁴¹. Аттал убеждал сенаторов принять действенные меры против Фарнака, но сенат остался верен прежней политике, пообещав отправить послов для прекращения войны.

Фарнак, использовав перемирие для концентрации своих сил, еще до окончания зимы послал войско во главе с Леокритом в Галатию, а сам решил вторгнуться в Каппадокию. Понтийский царь сумел заручиться поддержкой царя Малой Армении Митридата, врага Ариарата (Polyb., XXIV, 8; XXV, 2). На стороне Фарнака готовился выступить Селевк IV, но, опасаясь гнева Рима, не решился этого сделать (Diod., XXIX, 23). Евмен II и Аттал с войсками двинулись в Галатию навстречу Фарнаку. Успехом Евмена можно считать отпадение от Фарнака галатов во главе с Карсигнатом и Гайзаториком. Измена галатов могла быть следствием вероломного захвата Фарнаком Тия, так как гарнизон города, уничтоженный Леокритом, состоял из наемников-галатов. Развивая успех, пергамские войска за 11 дней прошли путь от Кальпита до Парнасса, где к ним присоединилась армия Ариарата. Перевес начал клониться на сторону союзников, когда прибыли римские послы «для замирения воюющих». Легаты стали убеждать Евмена и Ариарата прекратить войну и просили отвести войска из захваченной страны (Polyb., XXIV, 8, 9). Евмен и Ариарат согласились с требованиями Рима, вновь продемонстрировав свои филороманские симпатии. Однако Евмен, вероятно, был недоволен позицией римлян, так как, по словам Полибия, он удвоил число своих войск, чтобы «дать понять римлянам, что он и сам в силах отразить Фарнака и одолеть его». Действия Рима на этом этапе войны не выходили за рамки прежней политики: стремления не допустить перевеса ни одной из сторон, в том числе и Пергама. Поэтому прибытием посольства в разгар успехов союзников они свели на нет все достигнутое ими в войне.

Римские послы по просьбе Евмена и Ариарата склонили Фарнака на переговоры. Полибий (XXIV, 9) описывает ход переговоров следующим образом: «Когда прибыли послы от Фарнака и с ними сошлись для переговоров послы римлян и Евмена, то эти последние соглашались на все, лишь бы добиться мира; послы Фарнака, напротив, возбуждали споры по каждому предмету, постоянно возвращались к вопросам уже решенным, то усиливая свои требования, то отказываясь от прежних решений, и римляне вскоре поняли всю суетность своих усилий, ибо Фарнак не имел охоты мириться. Так переговоры и не привели ни к чему». Столь откровенное поведение Фарнака в ходе переговоров объясняется тем, что он желал воспользоваться ситуацией, предоставленной ему римлянами. Он тонко чувствовал позицию в этом вопросе Рима, косвенно ему содействовавшего. Принято считать, что Фарнак проводил резко антиримскую политику. Однако анализ событий первых трех лет войны убеждает в другом. Если бы Фарнак стремился выступать против Рима, то он не посыпал бы туда посольства, между тем известно, что его послы прибывали в Рим дважды. Кроме того, если бы Фарнак не чувствовал косвенной поддержки римлян,

⁴⁰ Колобова, ук. соч., стр. 32.

⁴¹ Прибытие в Рим, Аттал тотчас напомнил о прежней дружбе пергамских царей с Римом (Polyb., XXIV, 5).

вряд ли он отважился бы в пору относительных военных неудач идти на срыв переговоров, когда римляне и их союзники были готовы на все его условия⁴².

Позиции Рима и Фарнака в это время были не чем иным, как проявлением *duplicité politique*. Римская восточная политика была направлена в первую очередь против Македонии. Поэтому Рим, опасаясь перехода Евмена II в стан противников, вынужден был оказывать ему поддержку. С другой стороны, римская дипломатия после 188 г. до н. э. становилась все более жесткой в отношениях с восточными союзниками⁴³, так как усилившееся по Апамейскому договору Пергамское царство стало представлять угрозу интересам Рима. В подобной ситуации проявление агрессивности против Пергама было ему на руку. А потому стремление Фарнака подорвать пергамское могущество не могло встретить серьезного противодействия Рима. Хотя и территориальное расширениеPontийского царства не входило в круг интересов Рима, перспектива ослабления Пергамского влияния в Малой Азии привлекла его более. К тому же римляне опасались сближения Фарнака и Македонии. Вот почему после неудач pontийского царя в Галатии и Каппадокии они поспешили организовать переговоры о перемирии. В подобном хитросплетении позиций кроется, на наш взгляд, причина успехов Фарнака в первые годы войны. Поэтому тезис о сугубо антиримской политике Фарнака представляется излишне категоричным, так как отношения, установившиеся между Римом и Понтом в это время, можно охарактеризовать как «негласный союз».

После срыва переговоров война возобновилась. Союзники без какой-либо помощи римлян сумели разбить войска Фарнака⁴⁴. Характерно, что финал военных действий проходил без участия римлян, и это можно расценить как проявление ими недовольства действиями обеих сторон. Pontийский царь был застигнут врасплох и понес жестокие потери, что вынудило его в 179 г. до н. э. подписать мирный договор, по которому он обязывался «ни под каким предлогом не ходить на Галатию, а все прежние договоры с галатами признать недействительными». Он обязался возвратить Пафлагонию вместе с выселенными оттуда жителями, а также захваченную часть Каппадокии. Он должен был выплатить противникам 900 талантов контрибуции и еще 300 талантов Евмену на покрытие военных издержек. Союзник Фарнака Митридат, царь Малой Армении, обязался выплатить Ариарату IV 300 талантов. Кроме того, Фарнак вынужден был вернуть заложников и передать Евмену II город Тий, который пергамский царь возвратил Прусию II. «В договор включены были из владык азиатских Артаксия, правитель большей части Армении, и Акусилох, а из владык Европы сармат Гатал, из народов свободных гераклеоты, месембрания и херсонесцы, наконец, кизикенцы» (Polyb., XXV, 2).

Среди подписавших мирный договор 179 г. фигурируют различные города и цари. Наибольший интерес представляет упоминание в нем Гераклеи, Херсонеса и царя Гатала⁴⁵. Сторонники дружественных отношений Гераклеи и Херсонеса с Фарнаком в качестве доказательства приводят тот пункт мирного договора, где говорится о признании недействительными всех прежних договоров Фарнака с галатами, и делают предположение, что у pontийского царя были аналогичные договоры с греческими горо-

⁴² Э. Бадиан (ук. соч., стр. 99), отмечая, что Фарнак менее всего подчинялся римскому посредничеству, считает, что Рим не настаивал на выполнении требований, так как не в его интересах было поддерживать «друзей и союзников» военной силой. Этим Э. Бадиан признает, что римляне не были заинтересованы в усилении пергамского влияния.

⁴³ Badiān, uk. соч., стр. 88—89.

⁴⁴ Niese, uk. соч., III, стр. 77; Magie, uk. соч., I, стр. 192.

⁴⁵ Б. Низе (ук. соч., III, стр. 75) не исключал чтения его имени как Сатал (Σάταλος).

дами. При этом ссылаются на эпиграфические находки из Херсонеса и Одессы как подтверждающие то, что эти договоры были возобновлены после их отмены по миру 179 г. до н. э.⁴⁶ В вышедшей недавно работе Е. А. Молева отмечено, между прочим, что отмена договоров с галатами имела целью лишь ослабить армию Фарнака, формировавшуюся из наемников-галатов; наличие же договоров Фарнака со свободными городами до войны 183—179 гг. могло быть только выгодно противникам понтийского царя⁴⁷ и не выгодно Фарнаку, ибо требовало от него оказания им помощи ввиду постоянной угрозы нападения скифов на Херсонес и галатов на Гераклею. Основная цель Фарнака, как мы убедились, заключалась в стремлении увеличить размеры его царства за счет малоазийских соседей, что вынуждало его мобилизовать все силы на арену военных действий в Малой Азии. Если, как предполагает К. М. Колобова, договор Херсонеса с Фарнаком был возобновлением договора, заключенного до войны, то тогда Фарнак вынужден был бы вести войну на два фронта — в Галатии против Евмена II и Ариарата IV, и в Скифии против скифов и тавров, теснивших Херсонес. Отдельные эпиграфические находки и традиция у Полиена свидетельствуют, что в конце III — начале II в. до н. э. активность скифов против Херсонеса возросла и военные действия между ними шли полным ходом. Полибий и другие источники говорят о том, что война 183—179 гг. до н. э. происходила исключительно в Малой Азии⁴⁸. С другой стороны, заключение Фарнаком договоров с галатами могло вызвать тревогу у гераклеотов, так как галаты постоянно угрожали Гераклею. В подобной ситуации Гераклея должна была бы принять меры против опасного для нее союза Понта с галатами. И, наконец, третий довод против сторонников альянса Гераклеи и Херсонеса с Фарнаком заключается в том, что Полибий ничего не сообщает о свободных городах в ходе войны. Если бы союзные договоры греческих городов с Фарнаком существовали, то это, надо думать, не ускользнуло бы от внимания Полибия. Вот почему нет никаких оснований считать, что включение в мирный договор 179 г. до н. э. Гераклеи и Херсонеса объясняется их дружественным отношением к Фарнаку⁴⁹.

При подходе к этой проблеме надо учитывать следующие важные моменты: политику Гераклеи до войны 183—179 гг. до н. э., обстановку на северном берегу Понта и политику Рима в отношении Македонии. Основной целью политики Гераклеи в начале II в. до н. э., как отмечалось,

⁴⁶ Колобова, ук. соч., стр. 30; Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 149—150.

⁴⁷ Е. А. Молев, Митридат Евпатор, Саратов, 1976, стр. 16.

⁴⁸ Мы не можем согласиться с Р. Х. Лепером (Херсонесские надписи, стр. 32) и М. И. Ростовцевым (Амага и Тиргато, стр. 5 и прим.; он же, Pontus and its Neighbours, стр. 220), что в планы Фарнака входило перенести военные действия в Крым для захвата Херсонеса и получения в союзники скифов. Упоминание в договоре Херсонеса с Фарнаком об обещании последнего не замышлять зла, не идти походом и не поднимать оружия против Херсонеса не позволяет судить о враждебных намерениях понтийского царя. Ведь из взаимных клятв херсонесцев и Фарнака, составляющих договор, целиком сохранилась лишь клятва Фарнака, а от клятвы херсонесцев дошло только шесть строк, которые аналогичны соответствующим строчкам клятвы Фарнака. Это позволяет предположить, что в утерянной части клятвы херсонесцев содержались обещания, тождественные обещаниям Фарнака, а именно: не идти походом, не замышлять зла и т. п. Однако Херсонес, как известно, не начинал войны и ничем не угрожал Фарнаку, поэтому можно не сомневаться, что упомянутые обязательства являются всего лишь традиционными договорными формулировками, исключающими существование враждебных отношений в прошлом. Иначе подходят к этому вопросу Э. Диль (ук. соч., стр. 1850) и В. Ф. Гайдукевич (История античных городов Северного Причерноморья, в кн. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 86, прим. 3).

⁴⁹ Хр. Данов, сторонник мнения о дружественном отношении греческих городов к Фарнаку (ук. соч., стр. 63), считает этот вопрос открытым.

было стремление вновь завладеть Тией и Киером, результатом чего явилось заключение в 189 г. до н. э. договора с Римом. Вся дальнейшая политика Гераклеи должна была определяться этим договором, сохранявшим силу в течение долгого времени. Ведь по этому договору еще в 168/7 г. до н. э. гераклеоты оказали помощь римлянам в III Македонской войне (Liv., XLII, 56). До войны 183—179 гг. Тий находился у вифинского царя. Однако римляне, готовясь к решительному столкновению с Македонией и не желая сближения с ней Вифинии, воздерживались от ущемления интересов вифинского царя, поэтому Гераклея не могла рассчитывать на уступку Тия через их посредничество. Не более шансов было у Гераклеи получить его и от Фарнака, которому в связи с военной обстановкой невыгодно было лишаться такой важной гавани. В ходе войны выяснилось, что Рим потворствует Фарнаку, поэтому гераклеоты, присоединившись к его противникам, могли вызвать недовольство римлян. По миру 179 г. до н. э. Тий оказался у Евмена II, передавшего его, очевидно с согласия Рима, вифинскому царю, что окончательно лишило Гераклею надежды заставить его обратно. Поэтому в подобной ситуации у нее был единственный выход — следовать во всем политике римлян, с которыми она имела договор о дружбе и союзе. Римляне же, продиктовавшие условия мира 179 г., руководствовались антимакедонской политикой и стремились привлечь малоазийских царей к союзу против Филиппа V, чем и объясняется, в частности, согласие на передачу Тия Прусию II и признание Синопы владением Фарнака. Равным образом римляне стремились признать союзниками и свободные города, подтвердив их автономию, что было возможно сделать путем включения их в мирный договор, знаменовавший окончание большой войны. Это позволило бы городам в нужный для Рима момент присоединиться к блоку царей, поддерживавших его против Македонии. Включение в мирный договор было особенно выгодно Гераклею, так как активная поддержка Рима могла возбудить реальную надежду получить утраченные в борьбе с Вифинией территории. А это было допустимо только в случае ее нейтралитета. Поэтому мы полагаем, что включение в мирный договор 179 г. свободных греческих городов свидетельствует об их нейтралитете в ходе войны.

Сказанное подтверждается следующим. Термин *συμπεριλαμβάνειν ταῖς συνθήκαις*, который употребляет Полибий в отношении включенных в мирный договор 179 г. до н. э. греческих городов и царей, означает, как доказал Э. Бикерман, не только подтверждение договора включенными в него государствами, но ставит эти государства, доселе нейтральные, на уровень с теми, кто этот договор подписал как участник войны⁵⁰. Греческий мирный договор, как правило, являлся официальным пактом о безопасности, по которому держава, подписавшая договор, обязывалась идти войной против нарушителя мира совместно с другими государствами, фигурировавшими в нем⁵¹. Расчет Рима при составлении мирного до-

⁵⁰ Вискегт ап. п., ук. соч., стр. 278—281.

⁵¹ В 343 г. до н. э. в ходе борьбы с Филиппом II афиняне выступили инициаторами поправки к заключенному в 346 г. до н. э. Филократову миру, смысл которой в том, что эллины, не принимавшие участия в договоре, должны были быть свободными и автономными, а если бы кто-либо пошел на них войной, то тогда афинянам и их союзникам следовало оказать им помощь как государствам, участвовавшим в договоре 346 г. до н. э. Этим Афины стремились привлечь к миру нейтральные государства, чтобы в договоре с Филиппом они выступали на их стороне. Но поправки были отвергнуты Филиппом II, так как в противном случае он признавал бы нейтральные государства союзниками Афин (См. F. Н а м р I, Zur angeblichen κοινή εἰρήνη von 346 und zum Philokratischen Frieden, Klio, XII, 4, 1938, стр. 377—380; Вискегт ап. п., ук. соч., стр. 278). Аналогичная ситуация и в 179 г. до н. э., когда Рим добивается включения в мирный договор нейтральных городов и царей, признавая их своими союзниками перед лицом обеих воюющих сторон.

вора 179 г. заключался в том, что если бы какое-либо государство из числа бывших воюющих установило дружественные отношения с Македонией и выступило на ее стороне в новой войне с Римом, которая была неизбежна, то это расценивалось бы как нарушение *κοινὴ εἰρήνη* 179 г. до н. э. и повлекло бы участие в войне на стороне Рима остальных включенных в мирный договор государств. Поскольку такое опасение у Рима вызывало каждый из воюющих династов и в особенности Фарнак как наиболее пострадавший из-за наложенных на него обязательств, то привлечение к этому договору государств нейтральных, но заинтересованных в том, чтобы быть в него включенными, рассматривалось как приобретение новых союзников в борьбе с Македонией. Это было тем более важно, что в Греции росло недовольство политикой римлян, чем умело пользовался Филипп V, а затем Персей⁵². Со своей стороны и Фарнаку было выгодно участие в мирном договоре греческих городов, поскольку он понимал, что если не ввязаться в антиримскую борьбу на стороне Македонии, то тогда можно рассчитывать привлечь эти города на свою сторону, поскольку римское влияние еще не охватило в полной мере Западное и Северное Причерноморье. Использование же внутрипонтийских связей помогло бы ему быстрее восстановить подорванные войной и огромной контрибуцией ресурсы Понтийского государства.

Таким образом, заключение мира 179 г. до н. э. между Фарнаком и коалицией малоазийских царей явилось важным дипломатическим успехом Рима в борьбе с Македонией, обеспечившим надежность его восточных союзников. По этому мирному договору включенные в него свободные греческие города, в том числе Гераклея и Херсонес, рассматривались как потенциальные союзники Рима, что обуславливалось лишь их нейтралитетом в ходе войны. Для Гераклеи Понтийской включение в мирный договор 179 г. до н. э. подтверждало ее тесные связи с Римом и гарантировало безопасность от нападений соседних эллинистических царей и галатов.

У Херсонеса же было не меньше оснований путем включения в договор заручиться поддержкой Рима или одной из воюющих сторон⁵³. Как свидетельствуют эпиграфические и нарративные источники, отношения Херсонеса и скифов в конце II в. до н. э. обострились. Под давлением сарматских племен скифы были оттеснены в Крым, где образовали сильное царство, проводившее во II в. до н. э. агрессивную внешнюю политику⁵⁴. В период с конца III в. и до середины II в. до н. э. скифы постепенно захватили херсонесские владения в Северо-Западном Крыму, причем на месте херсонесских укреплений возникают скифские поселения и крепости. К концу II в. до н. э. сельская территория Херсонеса ограничивалась лишь владениями на Гераклейском п-ве⁵⁵. Потеря

⁵² В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. I, М., 1938, стр. 112.

⁵³ В свое время Х. фон Фритце (H. von Fritze, Nomisma, I, 1908, стр. 1–13) высказал предположение, что *Χερρονησίται* в договоре 179 г. до н. э. являются жителями Херсонеса Фракийского. Однако включение в договор сарматского царя Гатала и обнаружение в Херсонесе Таврическом текста договора с Фарнаком убедительно свидетельствует против этого. Критику положений Х. фон Фритце см. A. Reinach, Les mercenaires et les colonies militaires de Pergame, RA, XIV, 1909, стр. 62, прим. 4; Ch. Picard, A. Reinach, Voyage dans la Chersonese et aux îles de la Mer de Thrace, BCH, 1912, стр. 302, прим. 6.

⁵⁴ Э. И. Соломоник, О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья, «Археология и история Боспора», I, Симферополь, 1952, стр. 195.

⁵⁵ А. Н. Щеглов, Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху, «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 339; А. М. Гильтевич, Хронология и топография кладов херсонесских монет

Херсонесом Северо-Западного Крыма неблагоприятно сказалась на его экономике. Город перестал чеканить серебряную монету, ухудшились торговые связи⁵⁶. Перемены во взаимоотношениях со скифами нашли отражение в тексте двустороннего договора Херсонеса с Фарнаком. В нем говорится, в частности, об обещании понтийского царя помогать херсонесцам, «если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев, и сии призовут меня». Упомянутые в договоре «варвары» — скифы, нападавшие на херсонесские владения в Северо-Западном Крыму. Из рассказа Полиена (VII, 56) о царице сарматов Амаге, который датируется концом III — началом II в. до н. э., следует, что Херсонес находился в союзе с сарматами⁵⁷. Сарматская царица в ходе войны со скифами вернула херсонесскую территорию, и это произошло до 179 г. до н. э., так как по двустороннему договору с Фарнаком, заключенному в это время, владения эти находились уже у Херсонеса. Включение Херсонеса и его вероятного союзника, царя сарматов Гатала в мирный договор 179 г. должно было юридически и политически укрепить союз Херсонеса и сарматов перед лицом нового скифского вторжения, а также закрепить возвращенные с сарматской помощью земли как неотъемлемую часть Херсонесского государства. С другой стороны, херсонеситы понимали, что союз с сарматами не мог быть прочным и долговечным. Это подтвердили уже последующие события, когда в ходе Диофантовых войн сарматское племя роксоланов выступило на стороне скифов против Херсонеса (IOSPE, I², 352). Поэтому херсонеситы старались также использовать свое участие в мирном договоре 179 г. до н. э. как гарантию от нового нападения скифов на городскую хору и возможность привлечь новых союзников, ибо вероломство варваров было известно грекам.

Остается неясным, каким образом Херсонес оказался включенным в мирный договор 179 г. до н. э. Полагают, что это было сделано при посредничестве Гераклеи. Однако это могло быть только в том случае, если бы Гераклея была одной из воюющих сторон. Мы уже убедились выше, что в ходе войны 183—179 гг. до н. э. она сохраняла нейтралитет. Херсонесцы могли воспользоваться общей политической ситуацией в Восточном Средиземноморье и выступить в поддержку политики Рима против Македонии⁵⁸. Римляне, не ждавшие от херсонеситов серьезной помощи в будущей войне, не препятствовали их⁵⁹ включению в мирное соглашение 179 г., поскольку стремились создать антимакедонскую коалицию. Не исключено, что здесь имели место прямые контакты римлян с Херсонесом. В первой половине II в. до н. э. по числу проксений в Дельфах Херсонес занимал первое место среди всех понтийских городов⁶⁰. Благодаря связям с Дельфами херсонеситы могли установить отношения с Этолийским союзом, выступавшим в ходе I и II Македонских войн на стороне Рима. Конечно, Херсонес не рассчитывал, что римляне, занятые подготовкой к войне с Македонией, окажут ему помощь в случае нового нападения скифов.

IV—II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений, «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир» (тезисы), Л., 1973, стр. 10—11.

⁵⁶ К. В. Голенико, А. Н. Щеглов, Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма, ВДИ, 1971, № 1, стр. 45.

⁵⁷ Ростовцев, Амага и Тиргатао, стр. 4; он же, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 137—138.

⁵⁸ А. Г. Кузьмина, Дипломатическая подготовка римского вторжения в Северном Причерноморье (III в. до н. э.), Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, вып. 6, т. CLIX, 1963, стр. 303.

⁵⁹ А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, II. Херсонес и Делос, ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 284; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 77.

Однако участие в мирном договоре 179 г. давало ему возможность сблизиться с Понтийским царством, помощь которого могла быть более своевременной. Ориентация Херсонеса на Понт в это время объяснялась его тесными связями с Синопой, возросла роль синопского импорта в экономике Херсонеса, где найдено огромное количество синопских амфорных клейм⁶⁰. Ко II в. до н. э. относится и херсонесский декрет в честь жителя Синопы Менофила, сына Менофила (IOSPE, I², 351), который связывают с договором Херсонеса и Фарнака, так как Менофил мог поддерживать послов Херсонеса, прибывших к понтийскому царю⁶¹.

Уже говорилось, что царь Фарнак сам стремился к дружбе с причерноморскими городами. В этом он не мог встретить противодействия Рима, заинтересованного в сближении с ними Фарнака: ведь это должно было отвлечь Фарнака от союза с Македонией. Поэтому весьма показательно включение в двусторонний договор Херсонеса с Фарнаком взаимного обязательства соблюдать дружбу с римлянами⁶². Обещание Херсонеса соблюдать эту дружбу объясняется тем, что он был включен в мирный договор 179 г. до н. э. как союзник римлян, и это позволило ему установить близкие отношения с Фарнаком. Подобное же обещание понтийского царя объясняется желанием подчеркнуть отсутствие у него стремления проводить антиримскую политику и присоединиться к сторонникам Македонии. Таким образом, упоминание о римлянах в двустороннем договоре Херсонеса с Фарнаком было прямым результатом политики Рима в ходе войны 183—179 гг. до н. э. и участия Херсонеса в мирном договоре 179 г., знаменовавшем окончание войны. Поэтому мы убеждены, что заключение союзного договора Херсонеса с понтийским царем было следствием включения города в мирное соглашение 179 г. до н. э. и результатом проведения римлянами антимакедонской политики.

Антимакедонским актом представляется включение в мирный договор 179 г. до н. э. Месембрии⁶³. В 179 г. до н. э. Филипп V заключил соглашение с бастарнами, чем обеспечил им проход через Фракию в земли дарданов. Угроза нападения бастарнов, союзников Филиппа, касалась в первую очередь Месембрии и Аполлонии⁶⁴. Поэтому включение Месембр-

⁶⁰ В. И. Кап, Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса (Канд. дисс.), М., 1967, стр. 275.

⁶¹ Лепер, Херсонесские надписи, стр. 41 сл., № 2, Diehl, ук. соч., стр. 1850. На это как будто указывают слова декрета *διὰ παντὸς ἀγαθοῦ τυνος παραίτος γίνεσθαι*.

⁶² По мнению Р. Х. Лепера (ук. соч., стр. 33), упоминание в договоре о римлянах показывает, что они выступали посредниками при заключении договора Фарнака с Херсонесом. В. Н. Дьяков (Пути римского проникновения в Северное Причерноморье, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 72; он же, Таврика в эпоху римской оккупации, Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, XXVIII, вып. I, стр. 28) и А. Г. Кузьмина (ук. соч., стр. 303) считают, что упоминание в договоре о римлянах было следствием того, что Понт вместе с Родосом и Пергамом принадлежал к антимакедонской коалиции. Но К. М. Колобова (ук. соч., стр. 31) считает это результатом новых отношений Фарнака к Риму. Е. А. Молев (ук. соч., стр. 17) полагает, что этим Фарнак желал подчеркнуть отсутствие в его политике антиримской направленности.

⁶³ Хр. Данов (Връзките..., стр. 64) считает, что Месембрия принимала участие в войне 183—179 гг.; К. М. Колобова (ук. соч., стр. 34) полагает, что Месембрия была дружественной Фарнаку. И. Шнайдервирт (ук. соч., стр. 18), Б. Низе (ук. соч., III, стр. 75) и Б. Ленк (RE, XV, стб. 1073) называют позицию Месембрии в войне дружественной Гераклеи и Херсонесу лишь на том основании, что три города имели общее мегарское происхождение.

⁶⁴ G. Patsch, Beiträge zur Völkerkunde von Südost-Europa, V: Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanubien, Wien, 1932, стр. 10; Хр. Данов, Из древната икономическа история на Западното Черноморие до установяването на римското владичество, Известия на Българския археологичен институт, XII, 1938, стр. 235. Однако Т. В. Елаватская (ук. соч., стр. 153) отрицает возможность нападения бастарнов на

рии в мирный договор 179 г. до н. э. могло быть результатом ее стремления заручиться поддержкой Рима или одной из воюющих сторон против бастарнов и Македонии, подобно тому как это пытался сделать Херсонес в связи с угрозой нападения скифов. Римская дипломатия могла воспользоваться этим и включить Месембрию в мирный договор как своего союзника против Македонии.

Фарнака связывали с Одессом дружественные отношения⁶⁵, следствием чего могло быть заключение определенного соглашения между ними. Мы не можем согласиться с мнением Т. В. Блаватской о том, что соглашение Одессы и Фарнака было проявлением антиримских тенденций⁶⁶. Поскольку Рим в ходе войны 183—179 гг. до н. э. не был заинтересован во вражде с Понтом, то и отношение его к Фарнаку после войны не могло существенно измениться. В интересах Рима было не допустить сближения Македонии и Понта, а потому стремление Фарнака установить добрые отношения с греческими городами, формально дружественными Риму, могло быть санкционировано им для вовлечения понтийского царя в орбиту своей политики. Так было с Херсонесом и Месембрией, так могло быть с Гераклеей, Одессом и другими припонтийскими городами. На это указывает взаимное клятвенное обещание соблюдать дружбу с римлянами в херсонесском договоре с Фарнаком.

Таким образом, римляне были заинтересованы в новых союзниках в предстоящей войне с Македонией. Их политика была направлена на поддержание дружественных отношений с Вифинией и Понтом — государствами, которые не всегда соблюдали покорность Риму. С другой стороны, римляне были заинтересованы в дружественных отношениях со свободными греческими городами. Поэтому, включив некоторые припонтийские города в мирное соглашение Пергама, Каппадокии и Вифинии с Фарнаком Понтийским, римляне признали их автономию и независимость, подчинив тем самым целям своей восточной политики. Свободные города рассматривали Рим в качестве нового союзника только в случае проведения угодной им политики. Поскольку Рим в ходе войны 183—179 гг. до н. э. сохранял нейтралитет, с одной стороны, поддерживая Пергам и его союзников, а с другой, — не давая им развить свой успех против Фарнака, то и позиция свободных городов могла быть соответственно нейтральной. Ввиду отсутствия дополнительных свидетельств трудно определить роль Гераклеи Понтийской при включении Херсонеса в мирный договор 179 г. до н. э. Гераклеоты имели перед собой цель — добиться возвращения утраченных территорий, поэтому они стремились к сближению с Римом, опираясь на заключенный в 179 г. договор о дружбе и союзе. В свою очередь Херсонес Таврический, испытывая давление со стороны скифов, вынужден был искать поддержку у понтийского царя, чтобы сохранить владения в Северо-Западном Крыму. Сближение Херсонеса с Фарнаком могло быть следствием тесных политических и экономических связей с Синопой, а не посредничества метрополии, о чем никаких сведений не имеется. Гераклея даже не упомянута в договоре о дружбе и союзе Херсонеса с Фарнаком. Это позволяет охарактеризовать политику Херсонеса в конце III — начале II в. до н. э. как самостоятельную и независимую от политики его метрополии Гераклеи. Нейтралитет обоих городов в ходе войны 183—179 гг. до н. э. определялся различными целями.

греческие города до смерти Филиппа V. Тем не менее угроза нападения на Месембрию и Аполлонию существовала. Это подтверждается частыми нападениями этих племен на греческие города во второй половине II в. до н. э.

⁶⁵ Д а н о в, В ръзките..., стр. 57.

⁶⁶ Б л а в а т с к а я, ук. соч., стр. 150.

ми и задачами, стоявшими перед ними. Можно предположить, что включение Херсонеса в мирный договор 179 г. до н. э. не было результатом поддержки его Гераклеей Понтийской. Общим для них являлось лишь соблюдение дружбы с Римом, что обеспечило их включение в мирное соглашение 179 г. до н. э. Херсонес же еще и стремился к установлению более тесных отношений с Фарнаком путем заключения договора о дружбе и союзе.

HERACLEA, CHERSONESUS AND PHARNACES I OF PONTUS

S. Yu. Saprykin

By the early 2nd century B. C. Heraclea Pontica had lost almost all its territory and was continually under attack from Galatians and the Bithynian kings. For this reason Heraclea turned to Rome, who was getting ready to fight Macedon again and was interested in acquiring allies in the East. Rome's policy in relation to Pharnaces was aimed at preventing an alliance between him and Macedon and at using his army to weaken the kingdom of Pergamum, which had grown excessively strong. Therefore in the war between Pontus and Pergamum in 183—179 the Romans gave every encouragement to the Pontic king. In the peace concluded in 179 several of the free Greek cities, who had all remained neutral in the war, were participants, among them Heraclea and her colony Chersonesus. The Romans had arranged this because they wanted to bring the Greek cities over to their side and away from Macedon and, by making the Pontic coastal cities' resources available to Pharnaces, to promote his recovery from the shattering effects of the war on his own resources and so to keep him from turning to Macedon. The result was that Pharnaces formed close ties with a number of Black Sea cities — including Chersonesus and Odessus — who counted on his aid to defeat the barbarians pressing at their gates. This latter consideration weighed heavily in the decision by Chersonesus to conclude a bilateral treaty with Pharnaces, a step made easier by the participation of Chersonesus in the peace of 179. The fact that the diplomatic moves made by Heraclea and Chersonesus at this time were actuated by different aims allows, in the author's opinion, the inference that relations between these two cities were not so close in the 2nd century as they had been earlier.

А. Л. Смышляев

ОБ ЭВОЛЮЦИИ КАНЦЕЛЯРСКОГО ПЕРСОНАЛА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III В. Н. Э.

Задача предлагаемой статьи — рассмотреть генезис канцелярского персонала Домината, выявить его связь с канцелярским персоналом Принципата. Такое исследование может помочь уточнить наши представления об общем характере преемственности Домината и Принципата.

Однако перед исследователем здесь оказываются серьезные трудности источниковедческого характера. Недаром А. Х. М. Джонс уподобляет период с 238 по 284 гг. темному туннелю, освещенному с обоих концов, но с очень редкими и тусклыми источниками света между ними. Единственное, что, по его мнению, можно сделать, чтобы нащупать дорогу в этом темном промежутке, — это проследить ведущие тенденции Северовской эпохи и в то же время рассмотреть положение дел при Диоклетиане¹. Иной способ изучения интересующего нас вопроса оказывается невозможным, а это в свою очередь приводит к тому, что некоторые выводы оказываются предположительными.

Канцелярский и вспомогательный персонал Принципата при всей его разнородности можно свести к нескольким составным частям. Прежде всего, в него входили унаследованные еще от Республики аппараторы из свободнорожденных граждан — ликторы, *viatores*, *praecones* и *scribae*, служившие в *ministeria* магистратов и промагистратов. Число служащих такого рода было, однако, невелико, а функции их с течением времени приобретали все более декоративный характер². Далее, определенную часть канцелярской работы выполняли, как и при Республике, рабы и вольноотпущенники наместников провинций и членов их свиты³. Однако редкость и отрывочность данных об этой группе служащих, видимо, указывает на то, что она не имела ни большого значения, ни широкого распространения. Напротив, большую роль играли воины и младшие командиры (*principales*), использовавшиеся для канцелярской и вспомогательной административной работы наместниками провинций и высшими

¹ A. H. M. Jones, *The Later Roman Empire (284—602)*, Oxf., 1964, стр. 23.

² E. Stein, *Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat*, Wien, 1932, стр. 86; A. H. M. Jones, *Studies in Roman Government and Law*, N. Y., 1968, стр. 156—158.

³ В посвящении, сделанном от имени проконсула Македонии и его приближенных, фигурируют — наряду с аппараторами, солдатами и императорским рабом — также 13 рабов проконсула и раб его *amicus* (AE, 1967, 444). Из Британии дошло посвящение, сделанное от имени *liberti et familia* легата одного из легионов (CIL, VII, 164 = RIB, I, 445).

префектами. Наконец, ключевое положение в составе канцелярского персонала Принципата занимали служащие из императорских рабов и отпущенников⁴, которыми были укомплектованы канцелярии императорских прокураторов и самого императора. Императорские рабы и вольноотпущенники были профессиональными чиновниками, обладавшими специальной подготовкой⁵. В период Принципата они «составляли основной костяк расширявшегося бюрократического аппарата империи»⁶.

Совершенно иначе выглядел канцелярский персонал Поздней Римской империи. Он комплектовался только из свободнорожденных и обозначался терминами *«militia officialis»* или *«militia cohortalina»*. Канцелярские работники именовались *«milites»*, их причисляли к мифическим I Вспомогательному легиону и когортам.

Большинство исследователей считает, что основой для создания *«militia officialis»* послужили кадры канцеляристов из военных, а канцеляристы из *«familia Caesaris»* были в IV в. изгнаны с государственной службы, причем процесс вытеснения их начинается уже при Адриане и особенно форсируется при Септимии Севере и его преемниках⁷. П. Вивер, правда, полагает, что *«familia Caesaris»* не была постепенно вытеснена с государственной службы, а исчезла в результате резкой деградации всех институтов империи в середине III в.⁸

Значительно отличается от всех прочих концепция А. Джонса. Он считал, что императорские рабы и отпущенники благополучно пережили кризис III в. и еще в конце правления Диоклетиана занимали некоторые государственные посты. Их последующее полное исчезновение он связывал с тем, что они окончательно слились с военными канцеляристами в одну однородную служилую прослойку — *milites*. Этот процесс начался еще в первые десятилетия III в. и в значительной мере был обусловлен тем, что прокураторы в эту эпоху часто замещали легатов и проконсулов. Диоклетиан и Константин своими законодательными мероприятиями способствовали завершению этого процесса⁹.

Таким образом, все исследователи, кроме Джонса, считают, что в III в. н. э. императорские рабы и отпущенники исчезли с государственной служ-

⁴ С легкой руки П. Вивера для их обозначения нередко применяют предложенный им термин *«familia Caesaris»*, хотя сами римляне его в таком значении не употребляли. См. P. R. C. Weaver, *Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves*, Cambr., 1972, стр. 299 сл.

⁵ Специальные *paedagogi* прививали детям императорских рабов и вольноотпущенников знания и навыки, необходимые для службы принципатом (S. L. Mohler, *Slave Education in the Roman Empire*, TAPA, LXXI, 1940, стр. 262 сл.; G. Boulevart, *Domestique et fonctionnaire sous le Haut Empire Romain*, P., 1974, стр. 161).

⁶ Е. М. Штадерман, М. К. Трофимова, *Рабовладельческие отношения в Ранней Римской империи*, М., 1971, стр. 146.

⁷ T. Mommsen, *Die Freigelassenen im römischen öffentlichen Dienst*, *«Hermes»*, 34, 1899, стр. 152—154; O. Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*, B., 1905, стр. 464, 472, 478—479, 482; H. G. Pflaum, *Essai sur les procurateurs equestres sous les Haut-Empire Romain*, P., 1950, стр. 107, 318—319; G. Boulevart, *Esclaves et affranchis impériaux sous le Haut-Empire Romain (Rôle politique et administratif)*, Napoli, 1970, стр. 319, 453—455; H. Chantaine, *Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser*, Wiesbaden, 1967, стр. 73, 396—397.

⁸ P. R. C. Weaver, *Social Mobility in the Early Roman Empire*, *«Studies in Ancient Society»*, London and Boston, 1974, стр. 127.

⁹ Jones, *Studies in Roman Government and Law...*, стр. 164—166; он же, *The Later Roman Empire...*, стр. 563—564. Точка зрения А. Джонса вызвала резкие возражения Шантрена и Бульвера, которые доказывали, строго говоря, лишь что в приведенных Джонсом свидетельствах нет прямых указаний на службу императорских рабов и отпущенников в государственном аппарате при Диоклетиане (*Chatrie*, ук. соч., стр. 71—72; Boulevart, *Esclaves et affranchis...*, стр. 455; см. также Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 26).

бы, а их место заняли военные. Гипотезы этих исследователей (кроме П. Вивера) базируются на двух основных положениях: 1) с правления Адриана начинается вытеснение императорских рабов и отпущенников с государственной службы, о чем свидетельствует их удаление с высших постов, а затем и со вспомогательных; 2) в связи с милитаризацией государственного аппарата при Септимии Севере их в значительной мере удаляют и с канцелярских постов; с этого времени их служебная деятельность — не более как анахронизм.

Чтобы решить вопрос о характере эволюции канцелярского персонала империи в III в., необходимо подробно рассмотреть оба эти положения.

Исследователи, которые говорят о вытеснении императорских рабов и отпущенников с государственной службы, начиная с Адриана, указывают в первую очередь на изменения в императорской канцелярии. Действительно, при Адриане во главе основных ведомств были поставлены всадники, а к началу III в. под их руководством оказались и все остальные ведомства. Однако по мере того как всадники сменяли отпущенников в качестве начальников ведомств, вводились новые посты: отпущенников — вспомогательных глав соответствующих ведомств. При этом названия должностей, занимаемых отпущенниками, не отличались от тех, которые занимали их начальники-всадники — *a rationibus*, *a libellis* и т. д.¹⁰. Фактически администраторы-отпущенники не были удалены со своих постов в императорской канцелярии, а были просто подчинены администраторам всаднического ранга.

Видимо, по мере того как административная служба приобретала престиж и из службы принципатам превращалась в регулярную государственную службу, распространялось убеждение, что императорские отпущенники не должны занимать в высшей администрации самостоятельных постов, но должны отойти на вторые роли¹¹. Во II — начале III в. было создано сравнительно немного самостоятельных прокураторских постов, предназначенных для императорских отпущенников¹², однако широкое распространение в это время получает система двойного прокураторства, при которой прокуратор-вольноотпущенник является помощником прокуратора-всадника.

Бульвер полагает, что эта система была повсеместно распространена и в сенатских и в императорских провинциях, уже начиная с правления Клавдия¹³. Ему возражает Вивер, указывая, что первые эпиграфические свидетельства об отпущенниках — прокураторах провинций появляются только при Адриане и широко представлены лишь со второй половины II в., а свидетельства нарративных источников чересчур расплывчаты и неопределены. По его мнению, система двойного прокураторства берет начало в I в. в районах с наибольшей концентрацией патrimonиальной собственности — Малой Азии и Африке (где она была связана с управлением государственным имуществом), в других же провинциях империи она распространяется лишь с Адриана, и достигает кульминации при Марке Аврелии¹⁴. Однако наибольшее количество эпиграфических свидетельств об отпущенниках — прокураторах провинций относится

¹⁰ CIL, VI, 455, 1585 б, 8440, 8606; XIV, 2104, 5309; AE, 1933, 273; 1961, 280; Dio Cass., LXXVII, 14, 2. Подробнее см., например, Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 264 сл.

¹¹ В речи Мецената Дион Кассий советует использовать труд отпущенников в финансовых ведомствах, но во главе этих ведомств должны стоять прокураторы-всадники (Dio Cass., LII, 25).

¹² Это особенно заметно на фоне множества новых прокураторских постов, созданных в то время для всадников.

¹³ Boulvert, *Esclaves et affranchis...*, стр. 392.

¹⁴ Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 276 сл.

к концу II — началу III в.¹⁵, и, по-видимому, распространение двойного прокураторства на этом уровне достигает апогея при Северах¹⁶.

Начиная с правления Септимия Севера, всадники появляются и на некоторых вспомогательных постах императорской канцелярии в качестве помощников начальников ведомств. Бивер считает, что Север, проводя курс на милитаризацию администрации, удалил вольноотпущенников со всех административных постов в императорской канцелярии¹⁷. Однако всадники на таких постах засвидетельствованы лишь в трех ведомствах из 10, причем в сравнительно малозначительных¹⁸. Видимо, престиж даже вспомогательных постов в императорской канцелярии к этому времени настолько вырос, что на них начали назначать наряду с отпущенниками также и всадников¹⁹.

В целом потеря отпущенниками некоторых высших постов была с лихвой компенсирована созданием новых вспомогательных прокураторских должностей. Число прокураторов-отпущенников во II — начале III в. не только не уменьшается, но, наоборот, возрастает²⁰.

С другой стороны, в новых условиях императоры чаще, чем раньше, наделяли фаворитов-отпущенников всадническим достоинством, даря им *ius anuli augei*²¹. Не исключено, что назначение всадников на посты, традиционно предназначавшиеся для отпущенников, могло способствовать проникновению некоторых императорских отпущенников во всадническое сословие²². Итак, удаление императорских отпущенников с некоторых высших постов вовсе не означало их удаления из государственного аппарата.

Мнение о том, что с конца II — начала III в. вытеснение императорских рабов и отпущенников с канцелярских и вспомогательных административных постов идет форсированными темпами, также не находит подтверждения в источниках.

Численность императорских рабов и отпущенников, занимающих такие посты в это время не только не падает, но, напротив, увеличивается.

¹⁵ CIL, III, 348; VI, 790; X, 6571; XI, 8; XIII, 1800; AE, 1910, 169; 1930, 96, 97, 152; 1933, 28, 273; IGR, IV, 749.

¹⁶ Это находит отражение и в номенклатуре. С начала III в. чиновники, исполнявшие при прокураторах секретарские обязанности, именуют себя в надписях не *adiutor procuratoris*, но *adiutor procuratorum* (CIL, VI, 738; VIII, 62; AE, 1930, 152; IGR, IV, 1651; См. Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 235).

¹⁷ Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 266.

¹⁸ В ведомстве *a studiis* (AE, 1932, 34; CP, № 231; CIL, VIII, 48909; CP, № 272; CIL, XIV, 5340; CP, № 352), в ведомстве *ratio privata* (CIL, X, 6657; AE, 1945, 80; CP, № 225), в ведомстве *a cognitionibus* (AE, 1935, 20; CIL, VI, 37099); имеются свидетельства об императорских отпущенниках — помощниках начальников ведомств в начале III в. (AE, 1933, 273; Dio Cass., LXXVII, 14, 2).

¹⁹ С начала III в. все начальники ведомств являются *ex officio* членами *consilium principis* (CJ, IX, 51, 1; P. Rousseau, F. de Visscher, *Les inscriptions du temple de Dmeir, «Syria»*, 23, 1942—1943, стр. 178).

²⁰ По подсчетам П. Бивера, на 125 лет от Августа до Траяна приходится 33 эпиграфических свидетельства о прокураторах-вольноотпущенниках, на 60 лет от Траяна до Марка Аврелия — 47 свидетельств и на примерно такой же промежуток от Марка Аврелия до Александра Севера — 59 свидетельств (Weaver, *Freedmen Procurators in the Imperial Administration*, «Historia», 14, 1965, стр. 461).

²¹ На 80 лет от Траяна до Коммода приходится лишь одно свидетельство такого рода (CIL, VI, 1598; CP, № 163), а на следующие 40 лет приходится уже 6 таких свидетельств — 2 при Коммоде (AE, 1961, 280; CP, № 180 bis; PIR¹, S 137) и 4 при Северах (PIR¹, T 117; PIR², A 1641, E 67; AE, 1935, 20). При Септимии Севере этого удостоился и 1 отпущенник частного лица (PIR¹, M 158).

²² В начале III в. единственный известный нам всадник на вспомогательном посту *a cognitionibus* — это Аврелий Александр, бывший императорский вольноотпущенник (AE, 1935, 20; Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 265, прим. 4).

Об этом свидетельствует появление должностей, относимых Вивером к старшим канцелярским рангам²³. Наибольшее число свидетельств об императорских рабах и отпущенниках на таких должностях в провинциях приходится на вторую половину II — начало III в.²⁴ В центральных ведомствах в Риме, начиная с Марка Аврелия, появляется должность проксима, который был главой канцелярского штата своего ведомства и подчинялся непосредственно начальнику ведомства или его помощнику²⁵.

Численность императорских рабов и отпущенников значительно возросла также при передаче сбора таможенных пошлин и некоторых косвенных налогов от откупщиков императорским прокураторам, которая была начата при поздних Антонинах и завершена первыми Северами²⁶. При этом многочисленные вишли, акторы, контраскрипторы и диспенсаторы, принадлежавшие откупщикам, были введены в число императорских рабов²⁷. В провинциях основная масса эпиграфических свидетельств об императорских рабах и отпущенниках падает на вторую половину II — начало III в. н. э.²⁸ О прочности их позиций в государственном аппарате во II — начале III в. свидетельствует отношение к их службе со стороны верхов. Как отмечает Е. М. Штаерман, к этому времени знать уже примирилась с тем положением, которое они занимали, а Дион Кассий «уже безоговорочно признает необходимость участия императорских отпущенников в администрации»²⁹.

Таким образом, можно отметить, что канцелярский персонал, укомплектованный императорскими рабами и отпущенниками, не пострадал от «милитаризации государственного аппарата империи» при Септимии Севере. Чем это можно объяснить? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться ко второй важнейшей составной части канцелярского персонала Принципата — к служащим военных *officia*³⁰.

В I в. легионеры, использовавшиеся для канцелярской и штабной работы, обозначались общим термином *beneficiarii*. Вегетий (II, 7) объясняет происхождение этого термина тем, что называвшиеся так солдаты получили повышение в чине благодаря милости (*beneficia*) трибунов. Однако эта «милость» выражалась, видимо, не в том, что солдат, выделенных для штабной и канцелярской работы, повышали в чине, а в том, что их освобождали от обычных армейских нарядов. В I в. эти солдаты, очевидно, рассматривали свои должности не как военный ранг, но как функцию или *munus*; их жалованье, как правило, не превышало жалованья осталь-

²³ Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 246, 248, 252.

²⁴ CIL, II, 6085; III, 251, 3964, 4800, 7127, 7955; V, 7253, 7882; VI, 8577; X, 6092, 7584; AE, 1903, 245; Dessaу, 1496; IGR, III, 1103.

²⁵ Weaver, *Familia Caesaris*, стр. 253, 258.

²⁶ М. Ростовцев, История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана), СПб., 1899, стр. 82 сл.; S. J. De Laet, *Portorium, Brugge, 1949*, стр. 404 сл.; Boulvert, *Esclaves et affranchis...*, стр. 308 сл.

²⁷ По подсчетам Де Лета (ук. соч., стр. 449) в начале III в. в таможенном ведомстве служило около 20 тыс. чел., значительная часть которых входила в число императорских рабов и отпущенников.

²⁸ Ю. К. Колосовская, Паннония в I—III вв., М., 1973, стр. 166—167; В. М. Смирин, в кн. Е. М. Штаерман и др., Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977, стр. 68; Е. С. Голубцов, в кн. Л. П. Маринович и др., Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977, стр. 107. Иная картина наблюдается только в Египте, о чем см. ниже.

²⁹ Штаерман, Трофимова, Рабовладельческие отношения..., стр. 157—158.

³⁰ К сожалению, в момент подготовки этой статьи к печати в моем распоряжении не было работы M. Clauss, *Untersuchungen zu den principales des römischen Heers von Augustus bis Diocletian*, Bochum, 1973.

ных легионеров³¹, и положение их было немногим лучше, чем положение их товарищей в легионах.

Все более и более широкое привлечение солдат к штабной и канцелярской работе вело к развитию специализации и дифференциации в их среде. Видимо, при Домициане (или несколько раньше) в штате наместников и высших префектов появляются наряду с бенефициариями в качестве старших канцелярских работников *cornicularii*³², а в качестве младших — *librarii* и *cerarii* (писари)³³. Примерно тогда же возникает должность *frumentarii* — солдат, использовавшихся для обеспечения снабжения легионов продовольствием, а также для связи наместников пограничных провинций с императором³⁴. Для размещения этих курьеров из пограничных легионов в Риме вправление Домициана было создан специальный военный лагерь — *Castra peregrinorum* под управлением старшего центуриона — *princeps peregrinorum*³⁵. Специализация в среде солдат, занятых штабной и канцелярской работой, продолжала развиваться и при Траяне, а при Адриане, видимо, достигла высшей точки.

С конца I — начала II в. солдаты, отобранные для штабной и канцелярской работы и освобожденные в силу этого от обычных армейских нарядов, начинают выделять себя из массы рядовых легионеров (*milites gregarii*), обозначая себя новым термином — *principales* (букв. «первые» или «главные»)³⁶.

Солдат одного из размещенных в Египте легионов в своем письме к матери (107 г.), рассказав ей о своем назначении на пост *librarius legionis*, далее с радостью констатирует: «Слава Серапису и Доброй судьбе, что, пока другие усердно трудятся весь день, обтесывая камни, я теперь, будучи принципалом, стою поблизости, ничего не делая»³⁷. Видимо, в это время термин *principalis* носил еще полуофициальный характер.

Первое эпиграфическое свидетельство о *principales* относится к 113 г. и представляет собой посвящение, сделанное штабными и канцелярскими работниками, а также младшими командирами, служившими в когортах вигилов³⁸. Эта надпись указывает на то, что в Риме новое обозначение начинает утверждаться в официальной терминологии.

Выделение солдат, занятых штабной и канцелярской работой, из массы рядовых легионеров было полностью признано верховной властью, видимо, лишь при Адриане³⁹. С этого времени римские легионеры подразделяются на *milites gregarii*, *immunes*⁴⁰ и *principales*.

³¹ E. Sande r, Zur Rangordnung des römischen Heers: Die gradus ex caliga, «Historia», 3, 1954, Ht. 1, стр. 89. Караппий Макрин специально упоминает (видимо, как знак особого отличия), что, проходя службу в канцелярии наместника Лугдунской Галлии при Домициане, он получал жалование кавалериста (CIL, XII, 2602).

³² Sue t., Domit. 17, 2; CIL, XII, 2602; AE, 1939, 60.

³³ Эти должности впервые упомянуты в папирусах, относящихся к правлению Домициана (G. R. Watson, The Roman Soldier, N. Y., 1969, стр. 79).

³⁴ Наместники использовали также как курьеров *speculatores* — солдат, прикомандированных к ним из легионов в качестве телохранителей или для поручений. Должность *speculator* в штате наместника упоминается уже при Нероне (CIL, XI, 395).

³⁵ W. Y. Sinnigen, The Roman Secret Service, «The Classical Journal», 57, 1961, № 13, стр. 66.

³⁶ Впервые этот термин встречается в папирусе, датируемом 90 г. н. э. (G. R. Watson, *Immunis Librarius*, в сб. «Britain and Rome», Kendal, 1966, стр. 51).

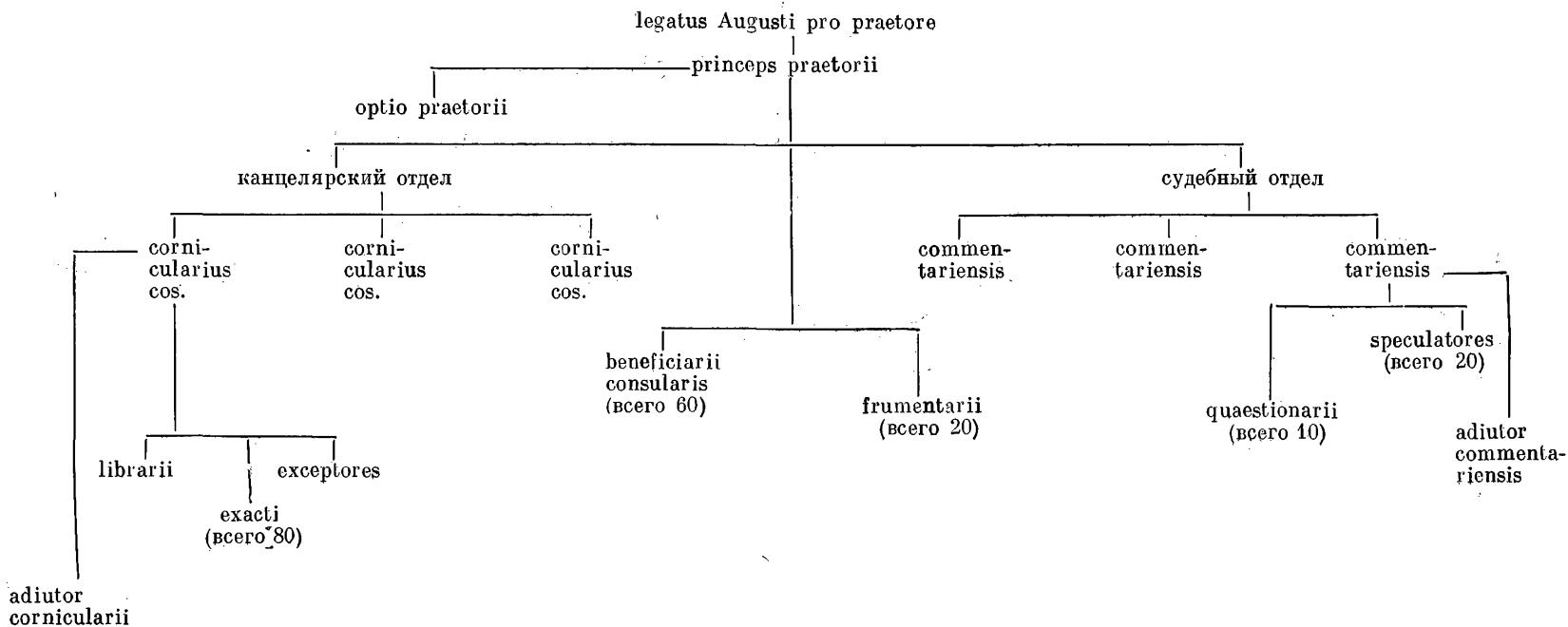
³⁷ Цит. по Watson, The Roman Soldier, стр. 78.

³⁸ CIL, VI, 221: «Principales infra scripti aediculam et Genium Centuriae dono derunt: beneficiarius subpraefecti; vexillario; optio; tesserarius; secutor tribuni; librarius... subpraefecti; librarius cohortis...».

³⁹ Sande r, Zur Rangordnung des römischen Heers..., стр. 93; Watson, *Immunis Librarius*, стр. 51.

⁴⁰ Первое упоминание термина *immunis* относится к 134 г. н. э. (CIL, III, 6178, 1, 9; 6179, 1, 11).

Officium наместника трехлегионной провинции II в. н. э.
(по данным А. Домашевского и Э. Штейна)

Всего около 200 чел., из которых около 90 чел.— *immunes*, а остальные — *principales*.

Словом *immunis* (букв. «свободный от повинностей» или «изъятый») обозначали солдата, который выполнял в легионе какую-то определенную функцию и был поэтому освобожден от обязательных для других легионеров нарядов и от участия в различных работах, не требующих особой квалификации, которые проводились легионами в мирное время. К категории *immunes* относились в основном специалисты-медики, оружейники горнисты, квалифицированные строители и ремесленники из легионных мастерских. Кроме того, к этой категории были причислены и младшие канцелярские работники из легионов — *librarii* (писари), *exacti* (счетоводы) и *exemptores* (стенографы)⁴¹. Принадлежность к *immunes* считалась в армии привилегией, но по рангу *immunes* не отличались от рядовых легионеров. Они получали такое же жалованье, как и *milites gregarii*.

Иное положение занимала другая категория — *principales*. Этим термином в легионах отныне стали обозначать младших командиров, которые по своему рангу занимали промежуточное положение между рядовыми легионерами и центурионами. Младшие *principales* получали в полтора, а старшие в два раза больше простого легионера⁴². Видимо, повышенное жалованье было, начиная с правления Адриана, основным отличительным признаком *principales*. Не случайно те из них, кто служил во вспомогательных частях, так и назывались (в соответствии с величиной получающего жалованья) *sesquiplicarii* и *duplicarii*.

По подсчетам Д. Бриза, на легион из 5000 человек приходилось 480 *principales* и 620 *immunes*⁴³. Таким образом, один легионер из 10 или 11 был *principalis*. Примерно такое же соотношение существовало и во вспомогательных частях.

Всех *principales* можно подразделить на две основные группы: тех, что служили в центуриях, и тех, кто был прикомандирован к канцеляриям (*officia*) старших командиров и чиновников. В центуриях было три штатные должности для принципалов: *tesserarius* (он передавал часовым патруль от старших командиров и проверял посты), *optio* (помощник центуриона) и *signifer* (знаменосец когорты и одновременно хранитель солдатских вкладов). В *officia* количество должностей и штатных мест *principales* колебалось в зависимости от ранга их начальников. Наибольшим оно было в *officia* наместников пограничных провинций с тремя легионами (см. схему на стр. 66).

Во главе *officium* наместника провинции или легата легиона стоял *princeps praetorii* (*Veget.*, 2, 8). Должность эту занимал обычно старший центурион, принадлежавший к *primi ordines*, который мог рассчитывать на производство в примипилы⁴⁴. К принципесу претория, возглавлявшему *officium* наместника провинции, был прикомандирован помощник (*adiutor*), который именовался *optio praetorii* или *optio legionis*⁴⁵. Центуриону, возглавлявшему *officium* легата, помогали в его административной работе также 5 опционов первой когорты (*optiones coh. I*)⁴⁶. В отличие от опционов, служивших в центуриях, опциионы претория и первой ко-

⁴¹ *Dig. L*, 6, 7 (6); *Watson*, *Immunis Librarius*, стр. 55.

⁴² D. G. Breeze, Pay Grades and Ranks below the Centurionate, *JRS*, 61, 1971, стр. 133—134.

⁴³ D. G. Breeze, The Career Structure below the Centurionate, «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt», Abt. 2, Bd. 1, B., 1974, стр. 435—436.

⁴⁴ *CIL*, III, 2917; 5293; VIII, 2586; XIII, 8187; *Deessa*, 8880; *IGR*, III, 1230; A. Domaszewski, Die Rangordnung des römischen Heers, Bonn, 1908, стр. 98.

⁴⁵ E. Stein, Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im Römischen Deutschland unter dem Prinzipat, Wien, 1932, стр. 76.

⁴⁶ *CIL*, VIII, 18072; *AE*, 1951, 194; R. D'aves, The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate, «Aufstieg und Niedergang...», Abt. 2, Bd. 1, стр. 312.

горты были связаны не со строевой службой, а исключительно с канцелярской работой⁴⁷.

Officium наместника провинции подразделялся на канцелярский отдел, во главе которого стояли три корникулярия, и судебный отдел, который возглавляли три *commentarienses* (или *a commentariis*)⁴⁸. Корникулярии и *commentarienses* составляли верхушку канцелярских работников. Численность их была незначительной (в штате наместника провинции было всего два-три корникулярия, а у легата легиона только один), и в своем непосредственном распоряжении они имели помощников (*adiutores*)⁴⁹.

В судебном отделе вслед за *commentarienses* шли по рангу *speculatores*, которые так же, как и *commentarienses*, использовались, главным образом, для помощи чиновникам высшего ранга в их судебной деятельности. *Speculatores*, кроме того, фигурируют в качестве палачей, стражников заключенных, курьеров и шпионов⁵⁰. Всех ниже по рангу стояли в судебном отделе *quaestionarii*, которые производили допросы и пытки обвиняемых. Судебный отдел мог входить в officium только чиновника, обладавшего высшей юрисдикцией, поэтому *commentarienses*, *speculatores* и *quaestionarii* нельзя обнаружить в officia легатов легионов и других военных командиров⁵¹.

В канцелярском отделе корникулярии руководили работой многочисленных писарей и счетоводов, которые находились в самом низу канцелярской иерархии и даже не входили в разряд *principales*.

Особое место в officia занимали *beneficiarii consularis* (ординарцы), которые использовались для выполнения различного рода поручений наместника провинции (SHA, Hadr. 2, 6).

Сходные функции имели также и *frumentarii*, стоявшие ниже по рангу. Они первоначально выполняли обязанности агентов по снабжению, а затем полицейских и курьеров, обеспечивающих постоянную связь между штаб-квартирой провинциального наместника и императорской резиденцией.

Frumentarii, *quaestionarii* и *бенефициари* принадлежали к младшим *principales* — их жалование было в полтора раза выше жалованья рядового легионера. К старшим *principales* принадлежали спекуляторы, *commentarienses* и корникулярии, а также *optio praetorii*, которые получали в два раза больше простого солдата⁵².

Вне officium стояли прикомандированные к наместнику провинций *stratores* (конюши), *equites* и *pedites singulares*, которые находились под командованием особых центурионов. Их общая численность превышала 1000 человек⁵³. Они служили в качестве телохранителей наместников и могли также использоватьсь для выполнения несложных поручений.

Officium наместника императорской провинции, где стоял только один легион или вообще не было легионов, по структуре почти не отличался от officium наместника трехлегионной провинции, но был в два раза меньше.

⁴⁷ Об этом свидетельствует изображение на могильной плите Цецилия Авита, занимавшего пост *optio legionis*. Авит изображен держащим в правой руке высокий посох с пишечкой на конце (видимо, символ его полномочий), а в левой — ларец с восковыми табличками (прототип современного портфеля) (RIB, I, 492).

⁴⁸ Stein, ук. соч., стр. 77—78.

⁴⁹ CIL, III, 894, 1471, 2052, 3543; VIII, 1875; AE, 1902, 138; 1904, 10; 1933, 61.

⁵⁰ Dig. XLVIII, 20, 6; P. K. B. Reynolds, The Troops Quartered in the Castra Peregrinorum, JRS, 13, 1923, стр. 169, 178; M. Dury, Les Cohortes Pretoriennes, P., 1938, стр. 108.

⁵¹ Domaszewski, ук. соч., стр. 31—32.

⁵² Greetze, Pay Grades and Ranks..., стр. 133, сл.

⁵³ Domaszewski, ук. соч., стр. 35—36; Stein, ук. соч., стр. 73—74.

В императорские провинции, лишенные легионов, откомандировывались *principales* и *immunes* из легионов, расположенных в соседних провинциях. В *officium* легата легиона не было судебного отдела и фрументариев. Наряду с корникулярием, старшим канцелярским работником, в этом *officium* был *actarius*, который, видимо, заведовал архивом легионной канцелярии⁵⁴. Небольшие *officia* имели в легионах *tribuni laticlavii* и *praefecti castrorum*. Во главе такого *officium* стоял корникулярий, под началом которого служили несколько бенефициариев и либрариев. Наконец, в распоряжение каждого трибуна ангустиклава было дано несколько бенефициариев для ведения канцелярской работы и выполнения различных поручений⁵⁵.

Officia имели не только военные командиры и наместники императорских провинций, но и служившие в этих провинциях прокураторы. Первое упоминание о таких *officia* содержится в переписке Плиния с Траяном, относящейся к началу II в. Из этой переписки можно узнать, что к прокуратору провинции Вифинии Гемеллину было постоянно прикомандировано 11 бенефициариев, а к вспомогательному прокуратору провинции — вольноотпущеннику императора Максиму — 4, и что эти воины использовались прокураторами в качестве охраны (Plin., Ep. X, 27—28). Канцелярская работа, видимо, вся выполнялась императорскими рабами и вольноотпущенниками, находившимися в подчинении у этих прокураторов.

Судя по эпиграфическим свидетельствам, во II в. складываются *officia* прокураторов, напоминающие по структуре *officia* военных трибунов. Во главе такого *officium* стоит корникулярий, в подчинении которого находятся бенефициарии⁵⁶.

Нет полной ясности в вопросе об *officia* проконсулов сенатских провинций. Только о проконсule Африки определенно известно, что в его штате были бенефициарии⁵⁷. Однако Африка занимала особое положение среди сенатских провинций, поскольку в ней был расположен III Августов легион.

Что же касается *officia* остальных проконсулов, то о них можно судить на основании уже упоминавшейся выше надписи проконсула Македонии. Вслед за именами рабов проконсула идут имена людей, положение которых охарактеризовано словом *milites*. После имен некоторых из них стоят еще не расшифрованные сокращения⁵⁸. Один из военных (*miles epistularius*) выполнял, видимо, функции курьера, другой — имеет ранг *a(diutor) centurionis*. Это, возможно, косвенно указывает на то, что в распоряжении проконсула было значительное количество солдат, которые действовали скорее всего почти исключительно в качестве охраны проконсула (с чем и связано отсутствие в надписи обозначений должностей *immunes* и *principales*). Видимо, канцелярская работа в основном выполнялась рабами и вольноотпущенниками проконсулов и их *amici*.

В Риме *officia* из военных были не только у преторианских префектов, префекта города и префекта вигилов, имевших под своим командованием войска, но и у чиновников с чисто гражданскими функциями: префекта

⁵⁴ CIL, II, 2663; VIII, 2554; XIV, 2255; AE, 1895, 204; 1898, 108.

⁵⁵ CIL, III, 196, 644, 2887, 3565, 4558, 14507; VIII, 2551, 2564, 2586, 2774; XIII, 8282; AE, 1895, 204; 1899, 60; 1917—1918, 57; 1930, 33; Domaszewski, ук. соч., стр. 48.

⁵⁶ *Cornicularii procuratorum* — CIL, XIII, 1810; AE, 1937, 87. *Beneficiarii proc.* — CIL, II, 2552—2556; III, 1289, 1295, 6179, 6180; VIII, 18042 *a*, *b*, 20366; XIII, 1856, 1868, 1880, 1881, 1905, 3983.

⁵⁷ Tac., Hist. IV, 48; AE, 1961, 224.

⁵⁸ AE, 1967, 444: «...milites Menander [...], Numenius [...] T. H. S., Pothinus *a(diutor) centurionis X.R.C., Iunius mi(les) ep(istularius)...*».

анноны и прокуратора анноны Остии (*procurator annonae Ostiensis*)⁵⁹. Очевидно, *officia* префектов города и вигилов (а также подчиненных им командиров) по своим размерам не уступали самым крупным *officia* пограничных провинций, а *officia* преторианских префектов и трибунов, возможно, даже превосходили их⁶⁰.

Кроме многочисленных *principales*, служивших в *officia* высших префектов, в Риме постоянно находилось значительное число *principales* из *officia* наместников императорских провинций. Это были фрументарии и спекуляторы, использовавшиеся для связи Рима с провинциями, а также для выполнения различных поручений полицейского характера. Численность их достигала 300—400 человек⁶¹.

Более ответственные поручения возлагались на центурионов, использовавшихся для штабной работы и снабжения легионов продовольствием: *centuriones frumentarii*, *supernumerarii* и *deputati*. В каждом легионе, видимо, была одна штатная должность *centurio frumentarius* и определенное количество сверхштатных центурионов, которые назывались *centuriones supernumerarii* и *deputati*⁶². В Риме откомандированные из легионов центурионы жили, как и фрументарии и спекуляторы, в *Castra peregrinorum*⁶³.

По мере того как складывались *officia*, укомплектованные *principales* и *immunes*, выкристаллизовывался и определенный тип карьеры *principalis*. Во II в. эта карьера состояла из чередования младших и старших канцелярских постов и постов в центурии. Центурион, прошедший такую карьеру, обладал как командным, так и административным опытом. Раньше всего и в наиболее заключенном виде карьера такого рода складывается у *principales*, служивших в преторианской гвардии и в городских когортах. В этих частях она, как правило, начиналась с младших канцелярских постов, за которыми следовали посты в центурии. С этих постов переходили на старшие канцелярские должности, вслед за которыми преторианцы посредством *evocatio* могли достигнуть центурионата⁶⁴.

Пример такого рода карьеры в преторианской гвардии можно найти уже при Флавиях⁶⁵, но полностью завершенный вид она принимает уже во II в. Чаще всего *principalis* из преторианцев после службы на низших канцелярских должностях проходил последовательно один за другим все три поста в центурии и затем заканчивал свою службу на должностях, *beneficiarius praefectorum praetorio*⁶⁶. Чтобы достигнуть поста центуриона, ему надо было после 16 лет службы в гвардии еще несколько лет служить в качестве *evocatus*. Особенno показательна с этой точки зрения карьера некоего Секстия, который был зачислен в преторианскую гвардию в

⁵⁹ *Cornicularius praef. annonae* — CIL, XI, 20; *centurio annonae* — CIL, XIV, 125; *Dig. XIII*, 7, 43, § 1. В *officium* прокуратора *annonae Ostiensis* — *cornicularius* (CIL, XIV, 160), *beneficiarii* (CIL, XIV, 409).

⁶⁰ Должность *subcornicularius tribuni* (CIL, VI, 3596), засвидетельствованная в преторианских когортах, указывает на то, что даже в низших преторианских *officia* служило немало военных канцеляристов.

⁶¹ CIL, VI, 3324—3366; *Sinnigen*, ук. соч., стр. 68. *Reynolds*, ук. соч., стр. 177 сл.

⁶² CIL, V, 8278; VI, 423; VIII, 2825, 16553, 18065; XI, 1836; XIII, 6804; IGR, III, 28; *Domaszewski*, ук. соч., стр. 97—98; *Stein*, ук. соч., стр. 68; *Reynolds*, ук. соч., стр. 177—178.

⁶³ CIL, VI, 428; 1110; XI, 5215; *Domaszewski*, ук. соч., стр. 267 (неизданная надпись).

⁶⁴ *Domaszewski*, ук. соч., стр. 1—6.

⁶⁵ Карьера Татиния Кноза: «*singulari et beneficiario trib(uni), optioni, beneficiario pr(aefecti) pr(aetorio), evoc(ato) Aug(usti), (centurioni)...*» (AE, 1933, 87).

⁶⁶ Судя по такому чинопроизводству, должность бенефициария преторианского префекта в отличие от должности бенефициария наместника провинции предназначалась для старших *principales*.

140 г., стал *principalis* в 146 г. и занимал должности: *exactus* — *tesseraarius* — *optio* — *signifer* — *beneficiarius praef.* *praetorio*, а в 157 г. стал *evocatus*. В 162 г. он получил пост центуриона и, прослужив на этом посту в нескольких легионах, в 192 г. был произведен в примипилы⁶⁷.

Другой тип карьеры был гораздо более редок и предназначался, видимо, только для лучших солдат⁶⁸. Такие преторианцы после службы на низших канцелярских должностях занимали только два поста в центурии, затем — должность *fisci curator*⁶⁹ и после этого назначались на должность корникулярия трибуна или преторианских префектов⁷⁰. Пост корникулярия преторианских префектов давал тому, кто его занимал, возможность стать центурионом до конца 16-летнего срока службы в гвардии, т. е. без *evocatio*⁷¹. Центурионы из корникуляриев преторианских префектов имели лучшие перспективы продвижения по службе, им было легче, чем прочим, получить ранг примипила и войти, таким образом, в ряды всаднического сословия⁷².

В целом можно отметить, что в преторианской гвардии канцелярские посты имели большее значение в карьере *principales*, чем строевые, и те, кто занимал больше канцелярских и меньше строевых постов, быстрее продвигались по службе. То же самое было и в городских когортах⁷³. Очевидно, это явление объясняется тем, что эти части редко принимали участие в боевых действиях и с настоящей строевой службой были связаны слабо. Вместе с тем они широко использовались для выполнения различных поручений административного и полицейского характера.

Предорианцы, прошедшие карьеру *principalis*, приобретали опыт канцелярской, а отчасти и административной работы. В том случае, если их дальнейшая карьера складывалась удачно, они могли закончить свою службу на посту прокуратора высшего ранга⁷⁴.

В III в. канцелярская работа *principales* из *officia* высших префектов приобретает еще большее значение, чем раньше, вследствие того, что административная и судебная компетенция этих префектов в то время значительно возросли.

Появляются новые канцелярские должности, до сих пор неизвестные. В преторианской гвардии засвидетельствована должность *eques sive tabularius*⁷⁵, а в когортах вигилов — *tabularius beneficiarius praefecti* и просто *tabularius*⁷⁶. Судя по характеру номенклатуры, можно заключить, что речь может идти не только о создании новых постов в *officia*, сколько о наделении *principales*, занимавших старые должности, новыми обязанностями. Видимо, им было поручено заниматься финансовым дело-

⁶⁷ CIL, XIII, 6728. Такого же рода карьеры мы находим в CIL, 2794; IX, 5839; XI, 710.

⁶⁸ Greeze, The Career Structure..., стр. 438.

⁶⁹ В легионах эта должность не засвидетельствована.

⁷⁰ CIL, III, 2887, 7334; X, 1763; XI, 5646.

⁷¹ CIL, III, 3846; VI, 1645; X, 1763; XI, 3108, 6055. Прямое производство в центурионы засвидетельствовано также с поста *cornicularius praefecti annonae* (CIL, XI, 20), *cornicularius praef. urbi* (CIL, VI, 32526, 2, 1), *cornic. praef. vigilum* (CIL, XI, 5693).

⁷² Некоторые примипилы, чтобы выделить себя из массы остальных центурионов, специально указывают в своих надписях, что они достигли этого ранга *ex corniculario praefecti praetorio* (CIL, II, 2664; IX, 5358).

⁷³ Об этом можно судить по карьере Караппия Макрина (CIL, XII, 2602), воина I городской когорты, расположенной в Лугдуне, который был зачислен в армию в 73 г., стал бенефициарием наместника Галлии Лугдунской в 77 г., корникулярием наместника в 83 г., эвокатом в 88 г., а в 90 г. — центурионом.

⁷⁴ CIL, XI, 395; CP, № 32; CIL, XIV, 3626, CP, № 189; CIL, XI, 6055, IX, 5898; CP, № 497; CIL, VI, 1645; CP, № 334; CIL, VI, 31871.

⁷⁵ CIL, VI, 2977.

⁷⁶ AE, 1902, 198; CIL, VI, 1057, 3, 5.

производством, т. е. выполнять работу, которая до тех пор по традиции поручалась императорским отпущенникам⁷⁷.

Тогда же появляются и такие должности, как *ostiarius* и *canalicularius*⁷⁸, не находящие аналогий в других отраслях администрации, вследствие чего трудно говорить с определенностью об их назначении⁷⁹. С другой стороны, можно утверждать, что *principales*, занимавшие новые должности *scrinarius* и *primiscrinus*⁸⁰, выполняли чисто канцелярские обязанности, поскольку уже со II в. в центральных ведомствах словом *scrinia* обозначали канцелярию или ее отдел⁸¹. Возможно, что *scrinarius* и *primiscrinus* были, как и табулярии, связаны с финансовой отчетностью, поскольку в Поздней империи термином *scrinarius* обозначали счетовода, а *primiscrinus* возглавлял финансовый отдел в ведомстве префекта города⁸².

На рубеже II и III вв. изменяется характер карьеры *principales*, служивших в частях, расположенных в Риме. Разносторонние карьеры, включавшие в себя посты и в центурии и в *officia* исчезают⁸³. Появляются *principales*, чья служба вся прошла в канцеляриях. Типичным примером подобной карьеры может служить карьера преторианца, который с поста *primiscrinus castrorum praetorianorum* был назначен *ostiarius* преторианских префектов, затем *canalicularius*, после чего был произведен в *centurio frumentarius*. Он достиг ранга примипила, так и не соприкоснувшись с тяготами строевой службы в армии⁸⁴.

Карьеры такого же рода можно обнаружить и у вигилов, один из которых после единственного строевого поста *vexillarius* занимал последовательно должности *beneficiarius subpraefecti*, *beneficiarius praefecti*, *tabularius beneficiarius praefecti*, *commentariensis praefecti*, и, наконец, *cornicularius praefecti*⁸⁵.

В новых условиях канцелярские карьеры *principales*, служивших в Риме, становятся более перспективными, чем раньше. В III в. в преторианской гвардии прямое производство в центурионы становится возможным не только для корникуляриев префекта, но и для занимавших канцелярские посты бенефициария префекта, остиария и табулярия⁸⁶.

Если раньше подавляющее большинство *principales*, прежде чем получить пост центуриона, должно было прослужить 16 лет в гвардии и еще несколько лет в качестве *evocati*, то теперь открылась возможность для более быстрого продвижения. Так, например, Аврелий Августин при поступлении в армию получил должность *exceptor* в *officia* наместника Мёзии, через четыре года был переведен в преторианскую гвардию

⁷⁷ Jones, Studies in Roman Government and Law, стр. 163 сл., 207.

⁷⁸ *Ostiarius* — Dessaу, 9074; AE, 1949, 108; *canalicularius* — CIL, VI, 231, 1110; Dessaу, 9074.

⁷⁹ Судя по тому, что из упоминаемых в надписях *canalicularii* один был произведен в *centurio frumentarius* (Dessaу, 9074), а двое других фигурируют в посвящениях из *Castra peregrinorum* (CIL, VI, 231, 1110), можно предположить, что эта должность была связана с обязанностями полицейского характера.

⁸⁰ AE, 1933, 248; 1947, 35; 1949, 108; Dessaу, 9074.

⁸¹ В надписи II в. засвидетельствован пост *adiutor commentariorum at scrinia praefectorum (urbis)* (Dessaу, 9076).

⁸² Соответствующие надписи приведены Джонсом (см. прим. 77).

⁸³ Последняя такая карьера засвидетельствована при Каракалле (CIL, IX, 1609; Вreeze, The Career Structure..., стр. 438. Аналогичные наблюдения сделаны Бризом и для карьер *principales* в провинциях, см. ниже).

⁸⁴ Dessaу, 9074; аналогичные карьеры: CIL, VI, 2977; AE, 1949, 108.

⁸⁵ AE, 1902, 198.

⁸⁶ Бенефициарий — CIL, XIII, 6823; остиарий — AE, 1949, 108; Dessaу, 9074; табулярий — CIL, VI, 2977.

на пост *eques sive tabularius* и еще через пять лет был произведен в центурионы⁸⁷.

Из *principales*, получивших прямое назначение в центурионы, чьи карьеры нам известны, один стал *centurio frumentarius*⁸⁸, другой — центурионом городской когорты⁸⁹, третий, видимо, занял пост сверхштатного центуриона при наместнике Сирии⁹⁰, какого рода службу нес четвертый — неясно, но, возможно, и он был занят не строевой, а штабной работой⁹¹. Вероятно, у многих *principales*, получивших пост центуриона после службы в *officia*, изменился не характер, а только масштабы их деятельности, и они по-прежнему были связаны с канцелярской и административной работой.

Как появление новых канцелярских должностей, так и окончательное оформление чисто канцелярской карьеры свидетельствуют о том, что с конца II — начала III в. *principales*, служившие в *officia* высших префектов, окончательно теряют связь со строевой службой и превращаются из военных, занятых канцелярской работой, в канцеляристов с военным званием.

Во II в. карьера *principales* из пограничных легионов так же, как и карьера их собратьев в Риме, состояла из чередования канцелярских постов и постов в центурии, причем последние имели в провинциях гораздо большее значение, чем в Риме. Ключевым постом в карьере *principalis* из легиона был в то время строевой пост опциона. В центурионы производили только с этого поста или, значительно реже, с другого старшего строевого поста — *signifer*, однако и с этой должности *principalis* не мог быть произведен в центурионы, если он до этого не занимал пост опциона⁹². Ни один из канцелярских постов не давал доступа к должности центуриона⁹³.

Но к началу III в. и в карьере *principales* из провинций канцелярские посты приобретают большее значение. Это связано с изменением характера деятельности и компетенции *principales* на канцелярских должностях. Самые значительные изменения претерпели должности *frumentarius* и *speculator*, поскольку занимавшие их *principales* были тесно связаны с Римом. Уже начиная с Адриана, тем из них, которые находились в *Castra peregrinorum*, стали поручать, кроме всего прочего, также работу осведомителей в императорском дворце (SHA, Hadr. 11, 4, 6). Затем использование *frumentarii* и *speculatores* в качестве тайной полиции расширяется. Постоянно курсируя между Римом и пограничными провинциями, они могли собирать обширную информацию о настроении в легионах и при штаб-квартирах наместников и выполнять работу осведомителей. С конца II в. фрументариям и спекуляторам стали поручать, наряду со сбором информации, расследованиями и арестами, также совершение политических убийств⁹⁴.

⁸⁷ CIL, VI, 2977.

⁸⁸ D e s s a u, 9074.

⁸⁹ AE, 1949, 108.

⁹⁰ Такое заключение можно сделать потому, что в надписи вместо традиционного указания на легион, в который он был назначен центурионом, читаем только: *«factus centurio in Syria»*. После службы в Сирии он был снова переведен в Рим на пост центуриона когорты вигилов (CIL, VI, 2977).

⁹¹ В надписи указано только: *«promotus centurio ex beneficiario praefectorum»* (CIL, XIII, 6823).

⁹² CIL, III, 12411; V, 7004; VI, 215; VIII, 217, 2554; AE, 1937, 101.

⁹³ Только в конце правления Марка Аврелия засвидетельствованы первые случаи производства в центурионы с поста корникулярия наместника провинции (*cognicularius consularis*) (CIL, XIII, 6542, 6543, 6598).

⁹⁴ Dio Cass., LXXVIII, 14, 15; 39, 3; SHA, Commodus, 4, 5; Did. Iul. 5, 6; S i n n i g e n, ук. соч., стр. 67—69; R e y n o l d s, The Troops Quartered..., стр. 180.

Появление таких обязанностей у фрументариев и спекуляторов привело к тому, что их статус и перспективы продвижения по службе изменились. Из младших *principales* фрументарии, видимо, в начале III в. переводятся в разряд старших⁹⁵. С того же времени и фрументарии и спекуляторы получают прямое производство на посты *centurio frumentarius* и *centurio deputatus*⁹⁶. В свою очередь с конца II — начала III в. люди, которые занимали эти посты, могли рассчитывать на прямое производство в ранг примипилов⁹⁷. Им была открыта дорога к блестящей административной карьере. Сохранились свидетельства о вышедших из числа этих центурионов в III в. четырех преторианских префектах⁹⁸, начальнике ведомства императорской канцелярии⁹⁹ и троих прокураторах высшего ранга¹⁰⁰. И хотя пост *centurio frumentarius* или *deputatus* можно было получить также и путем прямого назначения или с должности *canalicularius* в преторианской гвардии, тем не менее вряд ли приходится сомневаться, что определенная часть высших чиновников, начинавших свою карьеру в *Castra peregrinorum*, вышла из провинциальных фрументариев и спекуляторов¹⁰¹.

В течение II в. происходят также серьезные изменения в функциях и компетенции тех *principales*, которые занимали должность *beneficiarius consularis*. Начиная с правления Адриана, им часто поручается самостоятельное командование небольшими постами — *stationes*¹⁰². Эти посты, как показал А. Домашевский¹⁰³, подразделялись на две категории. К первой относились те, которые находились внутри военных лагерей и укреплений и были предназначены для управления располагавшимися отрядами из легионеров и воинов вспомогательных когорт, представляя собой временные канцелярии вексилляций¹⁰⁴. Ко второй категории относились посты, которые были расположены на *territorium legionis*, обеспечивая связь между соседними военными лагерями; а кроме того, самостоятельные посты, находившиеся на скрещении крупных и мелких дорог и обеспечивающие безопасность движения по этим дорогам. Посты последнего рода особенно широко распространяются с конца II в., причем не только в пограничных, но и во внутренних районах императорских

⁹⁵ Для III в. известен случай производства *optio* (входившего в число старших *principales*) во фрументарии (Domaszewski, ук. соч., стр. 267 — неизданная надпись).

⁹⁶ Dio Cass., LXXVIII, 14; CIL, III, 2063, 14479; VI, 36853; Dessaу, 484; AE, 1905, 68; Domaszewski, ук. соч., стр. 32, 35, 267 (неизданная надпись).

⁹⁷ CIL, VI, 1636; X, 6657; XI, 1836; Dessaу, 9074; IGR, III, 28.

⁹⁸ Dio Cass., LXXVIII, 14, 1—4; CP, № 247; Dio Cass., LXXVIII, 15, 1; CP, № 288, 289; CIL, XI, 1836, CP, № 347.

⁹⁹ CIL, X, 6657; AE, 1945, 80; CP, № 225.

¹⁰⁰ CIL, VI, 36853; V, 7870; CP, № 304; CIL, II, 484; CP, № 330; CIL, VI, 1636; CP, № 263.

¹⁰¹ Будущий преторианский префект Оклатиний Адвент начинал свою карьеру в должности *speculator* (Dio Cass., LXXVIII, 14, 1—4; CP, № 247), а прокуратор Клавдий Деметрий в должности фрументария (CIL, VI, 36853; V, 7870; CP, № 304).

¹⁰² М. И. Ростовцев, Святилище фракийских богов и надписи бенефициарии в Ай-Тодоре, ИАК, вып. 40, 1911, стр. 10.

¹⁰³ А. Домашевский, Die Religion des römischen Heers, Trier, 1895, стр. 98—100.

¹⁰⁴ В доказательство А. Домашевский ссылается на могильную плиту *beneficiarius consularis*, на которой с правой стороны изображена писарская сумка с грифелями, а с левой — шест с перекладиной — знак *statio* (CIL, III, 12895). Он указывает также на посвятительную надпись на месте *statio* в Базанисе; где вместе с бенефициарием наместника фигурируют *exemptores* (CIL, VIII, 17634). В добавление к этому можно указать также на могильную плиту *beneficiarius consularis* из Пальмиры (189 г.), на которой тот изображен держащим в правой руке *calamus* для письма (П. К. Коковцов, К пальмирской археологии и эпиграфике, «Известия Русского археологического Института в Константинополе», 1908, стр. 278—280, табл. IX).

провинций¹⁰⁵. Бенефициарии, стоявшие во главе этих постов, имели под своим командованием небольшие отряды полицейских солдат (*burgarii*), набиравшихся из состава местных войск (*numeri*). При Северах в задачу этих бенефициариев входит, кроме охраны торговых магистралей от разбойников, также помочь императорским чиновникам в сборе налогов, взимании различных повинностей, а возможно, и в проведении рекрутских наборов¹⁰⁶. В этих условиях бенефициарии наместников проводят значительную часть своего срока военной службы, возглавляя то одну, то другую *statio*¹⁰⁷. Нередко, видимо, *stationes* бенефициариев располагались в одном месте с таможенными, на которых несли службу императорские рабы и отпущенники¹⁰⁸. В этих случаях бенефициарии с подчиненными им командами охраняли таможенников, а возможно, также брали на себя часть канцелярской работы, которая велась на таможенных *stationes*¹⁰⁹.

В целом на протяжении III в. сфера деятельности бенефициариев, командовавших самостоятельными полицейскими постами, расширяется, а их функции усложняются. Они начинают подменять собой местных чиновников и судей, претендуют на то, чтобы самим взимать пошлины, судить и заключать в тюрьму¹¹⁰.

В связи с этим изменяется их статус. Видимо, в начале III в. они переводятся в разряд старших *principales*¹¹¹. Тогда же появляются случаи прямого производства с поста *beneficiarius consularis* на должность центуриона¹¹². И хотя подавляющее большинство бенефициариев наместника не могло рассчитывать на производство в центурионы и должно было выходить в отставку в этой же самой должности¹¹³, тем не менее их общественное и материальное положение не оставляли желать лучшего. Многие *beneficiarii consularis*, служившие в войсках Дунайского региона, после отставки становились декурионами пограничных муниципиев, что было возможно только при наличии ценза в 100 тыс. сестерциев¹¹⁴. Некоторые *beneficiarii consularis* после выхода в отставку получали пост в *militia equestris*, что, видимо, указывает на наличие у них ценза

¹⁰⁵ CIL, III, 3385; *De s a u*, 396, 5849, 8909, 8913, 9180; A. M o s c y, *Das territorium legionis und die canabae in Pannonia, «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae»*, 1953, т. 3, рис. 3. Тертулиан писал на рубеже II и III вв.: «Военные посты расположены повсюду в провинциях для выслеживания разбойников» (Apol. 2).

¹⁰⁶ M. R o s t o v t z e f f, *Synteleia Tironon*, JRS, 8, 1918, стр. 30, 33.

¹⁰⁷ H. L i e b, *Explata Statione*, в сб. «*Britain and Rome*», Kendal, 1966, стр. 143.

¹⁰⁸ От 181 г. н. э. сохранилась посвятительная надпись, содержащая обращение к *genio beneficiorum cos. Germaniae Superioris et loci et concordiae duarum stationum* (CIL, XIII, 6127). По убедительному предположению Э. Штейна под двумя *stationes* имеются в виду пост бенефициария и таможенная станция (S t e i n, ук. соч., стр. 80, прим. 69). В другой надписи упоминается *beneficiarius consularis*, служивший на *statio* в Майнце вместе с *vilicus* (CIL, XIII, 11816).

¹⁰⁹ Судя по приводившимся выше изображениям, бенефициарии должны были быть знакомы с канцелярской работой. Значительное количество посвятительных надписей, сделанных от имени различных начальников *statio* в Вазанисе (CIL, VIII; 17619; 17626, 17634, 17635), дает основание предположить здесь скорее существование постоянной таможенной станции, чем временной канцелярии вексилляции. В этом случае *exscriptores* из военных должны были выполнять ту же работу, что и *contrascriptores* из императорских рабов.

¹¹⁰ R. M a c u l l e n, *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*, Cambr., 1963, стр. 59—60; R. W. D a v i e s, *Police Work in Roman Times*, «*History Today*», v. 18, 1968, стр. 706; о н ж е, *The Daily Life of the Roman Soldier*, стр. 326 сл.

¹¹¹ На это указывает засвидетельствованное в начале III в. производство опциона на должность *beneficiarius consularis* (CIL, III, 1783).

¹¹² CIL, VIII, 17626; AE, 1932, 57.

¹¹³ В г е e z e, *The Career Structure...*, стр. 444, прим. 51.

¹¹⁴ CIL, III, 827, 1485, 7742, 12659, 18595; IGBR, *Serdica*, 1970, p. 1, 24 bis.

в 400 тыс. сестерциев¹¹⁵. Очевидно, что бенефициарии наместников, командовавшие самостоятельными полицейскими постами и активно вмешивавшиеся в сферу деятельности местных властей, обладали, кроме жалованья, и другими источниками доходов.

В начале III в. изменяется положение и характер деятельности тех военных, которые служили в канцелярском отделе *officia* наместников: корникуляриев и подначальных им разного рода писарей. Они начинают получать ответственные поручения. Так, в Нумидии в 198—201 гг. корникулярии наместника провинции проводили по его приказу наделение поселенцев полями, пастищами и источниками воды¹¹⁶. В Верхней Германии в надписи, относящейся к 219 г. н. э., фигурирует *miles leg. XXII Antoniniana P.P.F. immunis consularis, curas agens vico Saloduro*¹¹⁷.

С начала III в. канцелярских работников из военных привлекают к работе в областях, где они раньше почти не были представлены. В это время резко увеличивается численность и значение военных канцеляристов в *officia* императорских прокураторов. В надписи из Фригии говорится об *optio*, действовавшем в 200 г. н. э. в распоряжении прокуратора-отпущенника, управлявшего большим комплексом императорских имений¹¹⁸. В другой надписи из Лугдунской Галлии засвидетельствован *optio procuratoris ducenarii*, служивший в штате прокуратора этой провинции не ранее конца II — начала III в.¹¹⁹ От того же времени до нас дошли свидетельства о том, что в *officia* этого прокуратора служили *exacti*, избранные из вексилляций германских легионов, расположенных в Лугдуне¹²⁰.

Если и не в обеих надписях, упоминающих *optiones procuratoris*, то уж во всяком случае в последней из них говорится о должности *optio praetorii* — помощника *princeps praetorii* (центуриона, возглавлявшего крупный *officium*). Таким образом, можно предположить, что *officium* прокуратора Лугдунской Галлии стал столь большим, что для управления им пришлось выделить центуриона. О таком же *officium* свидетельствует надпись из Эфеса (215 г. н. э.) — посвящение в честь прокуратора Азии, которое поставили его *cornicularii et beneficiarii et exacti*¹²¹. В *officium* военных командующих несколько корникуляриев (двою или трое) могло быть только у наместников провинций. Поэтому возможно, что *officium* прокуратора Азии был немногим меньше, чем *officia* императорских наместников (100—200 служащих).

Чрезвычайно интересно упоминание либрариев и особенно *exacti* (счетоводов), служивших в *officia* прокураторов. Раньше эти должности в связи с деятельностью прокураторов не упоминались, поскольку канцелярскую работу и в первую очередь работу, связанную с финансовым делопроизводством, вели императорские рабы и отпущенники, служившие в табулярии прокуратора. Видимо, *exacti* прокураторов дублировали работу *adiutores* из «*familia Caesaris*», входивших в их штат. Таким образом, деятельность канцелярских работников из легионов приобретает

¹¹⁵ CIL, III, 12659; Dessaix, 8847; IGR, III, 1202.

¹¹⁶ АЕ, 1946, 38; Е. М. Штреман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 350.

¹¹⁷ CIL, XIII, 5170. *Immunis* — местное обозначение для *librarius* (Watson, *Immunis Librarius*, стр. 55).

¹¹⁸ W. H. C. Green, A Third-Century Inscription Relating to Angareia in Phrygia, JRS, 46, 1956, стр. 53.

¹¹⁹ CIL, XII, 1749.

¹²⁰ CIL, XIII, 1847, 1881.

¹²¹ Цит. по Н. Г. Пфлаум, Les carrières procuratoriennes equestres sous les Haut-Empire Romaine, Р., 1960, стр. 766.

черты, аналогичные с деятельностью канцелярских работников из *«familia Caesaris»*¹²².

В юридических сочинениях начала III в. упоминается о различного рода военных служителях в штате проконсулов. Ульпиан в трактате *«De officio proconsulis»* отмечал, что наместники сенатских провинций должны иметь в своем штате в качестве *stratores* (коюющих и телохранителей) не своих рабов, а воинов¹²³. В другом месте он говорит, что проконсул в случае нужды может придавать в помощь кураторам, руководящим строительством и ремонтом общественных зданий, военных служащих — *ministeria militaria*¹²⁴. Судя по этим упоминаниям, количество различного рода военных служащих в штате проконсулов возрастает к началу III в., и они начинают вытеснять прислуживавших проконсулам рабов. Не исключено, что в число этих служащих входило также и некоторое количество военных канцеляристов, потеснивших служащих из рабов и вольноотпущенников проконсула, однако отсутствие эпиграфических свидетельств мешает прийти к сколько-нибудь определенным выводам¹²⁵.

К началу III в. относится также первое свидетельство о службе *principales* в *officium* эпистратега¹²⁶.

Наметившееся в целом с начала III в. значительное расширение компетенции и области деятельности военных канцеляристов сказалось на их положении и характере их карьеры. Прямое производство в центурионы корникуляриев наместников и легатов легионов, впервые засвидетельствованное в конце правления Марка Аврелия, значительно расширяется при Септимии Севере¹²⁷. В то же самое время младшие канцеляристы из легионов (*librarii, exacti* и *exceptores*), которые до этого считались *immunes*, были возведены в ранг *principales* и стали получать полуторный оклад¹²⁸. Младшие канцеляристы из *officia* наместников провинций могли теперь при благоприятных обстоятельствах рассчитывать на быстрое продвижение по службе.

Итак, можно отметить, что к началу III в. как в армии, так и в государственном аппарате возросла роль почти всех категорий *principales*, занимавших посты в *officia* наместников провинций, старших командиров и прокураторов. Их социальный престиж повысился, материальное положение укрепилось, компетенция расширилась, а перспективы служебного продвижения значительно улучшились.

¹²² По-видимому, именно широким привлечением военных канцеляристов из *officia* прокураторов и сближением их деятельности с деятельностью канцеляристов из *«familia Caesaris»* вызвано указание Павла, что «(статусу) свободнорожденного из ведомства фиска не наносит ущерба внесение его в списки фамилии фиска» (Paul., *Sent. V, 1, 3*, пер. Е. М. Штаерман).

¹²³ «*Nemo proconsulum stratores suos habere potest, sed vice eorum milites ministerio in provinciis funguntur*» (*Dig. I, 16, 4, 1*).

¹²⁴ *Dig. I, 16, 7, 1*. Видимо, под *ministeria militaria* имелись в виду военные инженеры и технические советники из штата наместников (R. Mac Mullen, *Roman Imperial Building in the Provinces*, «Harvard Studies in Classical Philology», 64, 1959, стр. 209—211, 215).

¹²⁵ R. Mac Mullen, ссылаясь на неопубликованную работу Ваннемахера, указывает, что число гражданских служащих в штате наместников различных провинций (в первую очередь их рабов и вольноотпущенников) резко уменьшается при Септимии Севере благодаря широкому привлечению на службу в их канцелярии *principales* (Mac Mullen, *Soldier and Civilian...*, стр. 67).

¹²⁶ В папирусе, датируемом 215 г. н. э., упоминаются *principales*, служившие у эпистратега Фиваиды (J. D. Thomas, R. W. Davies, *A New Military Strength Report on Papyrus, JRS*, 67, 1977, стр. 56).

¹²⁷ CIL, VIII, 702; XIII, 1832, 6575, 6803; *Deessa*, 8880.

¹²⁸ *Vegetius, Epitome rei militaris*, II, 7; *Bræze*, *Pay grades...*; стр. 134.

Общая численность *principales*, служивших в расположенных в провинциях *officia*, значительно увеличилась по сравнению со II в.¹²⁹ Как и в Риме, постепенно изменяется характер их карьеры. Карьеры, включавшие в себя посты как в центурии, так и в *officia*, в первые десятилетия III в. тоже сходят на нет¹³⁰. Появляются чисто канцелярские карьеры. Пример такой карьеры, прошедшей целиком в канцелярии наместника провинции, дает продвижение по службе Флавия Сабина, который вслед за постом бенефициария наместника Аравии занимал в его *officium* должности *a commentariis*, корникулярия и под конец *princeps praetorii*¹³¹.

С другой стороны, можно отметить образование карьеры *principalis*, проходившей исключительно в центурии и завершавшейся легионным центурионатом¹³². Вероятно, значительная часть центурионов в римских легионах III в. имела исключительно тактическую подготовку. В то же самое время *principales* из *officia*, получившие хорошую административную подготовку, но не имевшие опыта строевой службы, видимо, редко служили центурионами в легионах. Можно предположить, что, получая повышение в чине, они, как правило, занимали должности *centurio frumentarius*, *deputatus*, *supernumerarius* или *princeps praetorii*.

Складывание у *principales* из *officia* чисто канцелярской карьеры вело, в конечном счете, к отрыву их от армии, порождало в их среде замкнутость и корпоративный дух. Этому же способствовали и такие нововведения Септимия Севера, как создание для *principales* и *immunes* узкоспециализированных коллегий, наделение *principales* дисциплинарной властью над рядовыми легионерами и дарование им права носить золотое кольцо¹³³.

Выделение канцелярских работников в замкнутую группу внутри армии и образование «канцелярской элиты» было вызвано также и изменением районов рекрутования римской армии в конце II — начале III в. Поскольку армия в это время стала набираться в основном не из жителей колоний, муниципиев и приписанных к ним территорий, как раньше, а из уроженцев сельских малороманизованных областей¹³⁴, большинство неграмотных и малограмотных солдат не имело почти никаких шансов быть зачисленными на должности, требующие определенного уровня образования.

Таким образом, можно отметить, что расширение и распространение военных *officia* в начале III в., рост компетенции их служащих и повышение их значения в государственном аппарате вели, по нашему мнению, не к милитаризации этого аппарата, а к бюрократизации самих *officia*, к отрыву их от армии.

¹²⁹ Выше уже говорилось об *officia* прокураторов. Что касается *officia* наместников, то, по подсчетам Уотсона, из числа поддающихся датировке надписей, собранных Домашевским по этим *officia*, 43 и, возможно, еще 11 относятся ко времени Северов или позже, 8 надписей дошли от времени не ранее второй половины II в., а 15 и, возможно, еще 5 — от более раннего времени (Watson, The Roman Soldier, стр. 183 сл.). Можно отметить также, что *officia* по типу легионных были созданы при командах *numeri*, количество которых в это время сильно выросло (F. Vittinghoff, Zur angeblichen Barbarisierung des römischen Heers durch die Verbände der *numeri*, «Historia», 1, 1950, стр. 401—402; E. Albergiani, L'Empire Romain, Р., 1929, стр. 249).

¹³⁰ Последняя такая карьера засвидетельствована при Максимине Фракийце (CIL, III, 11135; Вееze, The Career Structure..., стр. 450).

¹³¹ Dessaу, 8880; аналогичные карьеры: CIL, VIII, 702; AE, 1951, 194; 1973, 538.

¹³² Вееze, The Career Structure..., стр. 450 сл.

¹³³ Подробнее об этом см. А. Л. Смышляев, Септимий Север и *principales*, «Вестник МГУ (История)», 1976, № 6, стр. 88—90.

¹³⁴ Rostovtzeff, Social and Economical History..., стр. 128 сл.; Штадман, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 238.

Для этого же времени можно предположить тенденцию к сближению военных канцеляристов с профессиональными чиновниками из императорских рабов и отпущенников. В пользу такой гипотезы свидетельствуют и появление новых должностей *principales*, связанных с финансовым делопроизводством, и совместная служба (на *stationes*) бенефициариев и таможенников, и значительное увеличение *principales* в *officia* прокураторов¹³⁵.

На то, насколько тесно служба канцеляристов из легионов переплеталась со службой канцеляристов из *«familia Caesaris»*, указывают и изменения в терминологии. С конца II — начала III в. термин *officialis*, который до этого служил главным образом обозначением для канцеляристов из *«familia Caesaris»*, начинает использоваться также и для обозначения канцелярских служащих из легионов¹³⁶. В то же самое время службу императорских рабов и вольноотпущенников начинают обозначать термином *militia*¹³⁷. Появляется представление о государственной службе как об особого рода *militia*, отличающейся от *militia armata*¹³⁸.

Для разросшихся канцелярий, на которые возлагалась ответственная работа, были необходимы служащие, обладающие профессиональной подготовкой чиновников из *«familia Caesaris»*, и вместе с тем строгая иерархическая организация с системой различных рангов и соподчиненности, которая была в наличии в военных *officia*¹³⁹. Этим и объясняется необходимость сближения двух категорий канцелярских работников и их инкорпорации в единую служилую прослойку.

Таким образом, как можно предполагать, в начале III в. сложились определенные предпосылки для превращения служащих, принадлежавших к *«familia Caesaris»*, из привилегированной верхушки рабов и отпущенников в один из основных компонентов складывающегося общегосударственного служилого сословия, что в свою очередь требовало изменения их личного (рабского или отпущеннического) статуса¹⁴⁰.

¹³⁵ Чрезвычайно показательна с точки зрения связи двух указанных категорий надпись конца II в. — посвящение, сделанное императорским отпущенником за здоровье и благополучие его матери и брата, служившего корникулярием прокуратора Бельгики (CIL, X, 1679).

¹³⁶ CIL, XI, 4182; XIII, 6592; AE, 1899, 60; 1953, 90; 1973, 556; *officialis praesidis* — Dig. XII, 1, 34 (Павел); *officialis praefecti* — Dig. XXXVI, 4, 5, 27 (Ульпиан).

¹³⁷ См. Терт., *De corona*, 12: «...est et alia *militia regiarum familiarium»). На использование слова *militia* в таком контексте первым обратил внимание Г. Дессау (Hirschfeld, ук. соч., стр. 313, прим. 3).*

¹³⁸ Об этом свидетельствует само появление термина *«militia armata»* — Dig. XXXII, 1, 6, гр. (Ульпиан): «Miles, qui sub *armata* *militia* *stipendia* *meruit...*». Т. Моммзен (ук. соч., стр. 153) считает это место интерполяцией, однако, как доказывает О. Гиршфельд, для этого нет оснований (Hirschfeld, ук. соч., стр. 464, прим. 5).

¹³⁹ Армия с ее системой четкой иерархии постов, развитыми отношениями подчинения и соподчинения и корпоративным духом была удобной моделью для построения чисто гражданского бюрократического аппарата. Когда римским администраторам приходилось иметь дело с большим штатом служащих, они обычно организовывали его по военному образцу. Так, например, Адриан многочисленных художников, ремесленников и строителей, сопровождавших его в путешествиях, «разделил по центуриям и когортам наподобие военных легионов» (Аиг. Vic., Epit. XVI, 5). На военный лад были организованы рабские фамилии крупнейших римских магнатов, а также императорская *familia castrensis* с ее препозитами и опционами (Waege, *Familia Caesaris*, стр. 228).

¹⁴⁰ Это можно было осуществить переходом к новым принципам комплектования палатинских бюро и канцелярий прокураторов. В этой связи существенно, что значительная часть императорских рабов и вольноотпущенников (в Риме более $\frac{2}{3}$) были женаты на свободнорожденных и отпущенницах. Детей от этих браков можно было рассматривать как рабов (по *senatus consultum Claudianum*) или как свободных (по *ius gentium*). Обычно тех, кого императоры принимали на службу, причисляли к первой категории, а тех, кого не принимали — к последней (Waege, *Familia Caesaris*, стр. 162 сл., 177 сл.). Следование во всех случаях *ius gentium* могло изменить статус императорских служащих в течение одного-двух поколений.

Осуществлению такого рода преобразований в начале III в. препятствовали прежде всего традиционные римские представления о том, что находиться в чьем-либо услужении и получать за это жалованье недостойно свободного гражданина¹⁴¹. Возможно, играли свою роль и финансовые трудности, связанные с проведением таких мероприятий¹⁴².

Наиболее благоприятные условия для наметившихся изменений существовали в Египте, где издавна имелась в наличии обширная бюрократия, укомплектованная свободнорожденными. В этой провинции в отличие от остальных районов империи в конце II — начале III в. эпиграфические свидетельства об императорских рабах и вольноотпущенниках почти совершенно сходят на нет¹⁴³. По мнению А. И. Павловской, это было связано с тем, что «рабы-чиновники выслуживались и выкупались, переходя на положение отпущенников, а отпущеннические должности постепенно переходили к их потомкам — римским гражданам»; сам же этот процесс был обусловлен тем, что «специфика социальных отношений, существовавших в Египте... накладывала свой отпечаток на „фамилию Цезарей“»¹⁴⁴.

Таким образом, в Египте в силу особых условий растворение служащих из императорских рабов и отпущенников в рядах общегосударственного служилого сословия произошло в значительной мере уже в начале III в. В остальных провинциях империи благоприятные условия для завершения этого процесса возникли ко второй половине III в. Глубокий социально-экономический кризис, охвативший Римскую империю с конца II в., способствовал постепенному изменению старой сословной структуры, а вместе с тем и отказу от многих традиционных представлений. Вместе с тем, инфляция, достигшая своего апогея в середине III в., свела на нет все финансовые преимущества, связанные с сохранением *«familia Caesaris»*¹⁴⁵.

Можно лишь строить предположения по поводу того, каким именно образом произошел переход от служащих из *«familia Caesaris»* к чиновникам *militia officialis*. Вряд ли, однако, это было результатом какого-нибудь законодательного акта, изданного тем или иным императором. Скорее всего такой переход был более постепенным. Видимо, инкорпорация императорских рабов и отпущенников в состав общегосударственного служилого сословия в основном уже завершилась к тому времени, когда к власти приходит Диоклетиан, поскольку в источниках этой эпохи нет прямых указаний на службу императорских рабов и вольноотпущенников в государственном аппарате. Однако память о такой службе и о происхождении *militia cohortalini* и *palatini* была еще достаточно свежей в начале IV в. Об этом можно судить по описаниям гонения на христиан 303 г., во время которого пострадали в первую очередь исповедавшие эту религию чиновники и воины. В указе Диоклетиана говорилось, что за принадлежность к христианам должностные лица (*τοῖς...τιμῆς ἐπειλημμένοις*) теряют все должности и привилегии (*ἀτίμους sc. γενέσθαι*), а подчиненные (*οἱ ἐν οἰκετίᾳ = qui in familis erunt*) лишаются свободы (*ἐλευθερίας στερεῖσθαι*)¹⁴⁶. Большинство специалистов сходятся

¹⁴¹ Еще Александр Север, отвечая на вопрос получившего свободу городского раба, объявил, что его нельзя теперь против его воли привлечь на службу городу, поскольку *«servi eiusmodi officia administrare debeant»* (CJ, XI, 37, 1).

¹⁴² Мог потерпеть значительный ущерб *fiscus libertatis et peculiorum*.

¹⁴³ П а в л о в с к а я, в кн. М а р и н о в и ч и д р., Рабство в восточных провинциях..., стр. 206.

¹⁴⁴ Там же, стр. 207.

¹⁴⁵ По мнению А. Джонса, реальная ценность денария в течение III в. снизилась до 0,5% того, что было до инфляции (Jones, The Later Roman Empire, стр. 27).

¹⁴⁶ Euseb., H. E. VIII, 2, 4; De mart. Pal. pr. 1.

на том, что под последними имеются в виду служащие императорских канцелярий¹⁴⁷. Говоря о мучениках Палестины, Евсевий (*De mart. Pal. XI*, 24) упоминает пользовавшегося всеобщим уважением Феодула. $\tauῆς ἡγεμονικῆς οἰκετίας$ (= *familiae praesidialis*). Диоклетиан и Галерий подвергают одинаковым испытаниям, пыткам и наказаниям христиан-рабов из состава дворцовой челяди и христиан-чиновников, служивших в дворцовых канцеляриях¹⁴⁸. Все это свидетельствует о том, что старые представления о чиновниках-канцеляристах как членах *«familia Caesaris»* не были еще преодолены до конца.

Таким образом, можно отметить, что служащие из *«familia Caesaris»* и военные канцеляристы, из которых в первую очередь состоял канцелярский персонал Принципата, послужили основой для создания канцелярского персонала Домината, и гипотеза Джонса о характере формирования *militia officialis* если и не по срокам, то по сути соответствует, на наш взгляд, реальной действительности.

Тот факт, что чиновники из *«familia Caesaris»* в III в. сохранили свои служебные позиции, но потеряли свой сословный статус, является одним из ярких свидетельств отличия Принципата, где отношения типа *dominus — servus* играли громадную роль во всех областях жизни¹⁴⁹, от Домината, где они такой роли не играли.

ON THE EVOLUTION OF STATE CLERICAL PERSONNEL IN THE ROMAN EMPIRE (3rd century A. D.)

A. L. Smyshlyayev

The author examines the origins of the clerical personnel in the state apparatus of the Late Roman Empire in an attempt to trace the connection between the *Militia officialis* and the *Familia Caesaris* and army clerks who comprised the service personnel under the Principate. Most historians are of the opinion that the clerical staff under the Dominate was recruited mainly from army clerical personnel, while the imperial slaves and freedmen were banished from the state service in the 3rd century. Only A. H. M. Jones has suggested that the imperial slaves and freedmen along with the army clerks were included in the clerical staffs under the Dominate and were in the 4th century integrated into a single service class. Working from the evidence of epigraphical and narrative sources and the results of recent research the author of the present article argues that the numbers of slaves and freedmen serving in the state apparatus not only were not reduced to nought in the 3rd century but on the contrary, were increasing. At the same time the similarity in type of service performed by this group and that performed by the army clerical staffs was growing and is reflected in terminology. There apparently arose at this time conditions favouring the incorporation of both groups in one state service. This is in fact what happened towards the middle of the 3rd century, as one consequence of the political and military upheavals of that time. The original recruitment of a considerable part of the clerical personnel from the emperor's own slaves and freedmen was still fresh in memory at the beginning of the 4th century, as witness the frequent identification in the sources of the *Militia officialis* staff with the imperial household. Thus in the author's opinion Jones's hypothesis is valid historically if not chronologically. The fact that in the 3rd century imperial slaves and freedmen were still in the service but had lost their identity as a group clearly points up the difference between the period of the Principate, when the *dominus-servus* type of relationship permeated all spheres of life, and the period of the Dominate, when it had no such importance.

¹⁴⁷ N. H. Baynes, *The Great Persecution*, CAH, XII, стр. 606; U. E n s s l i n, Valerius (Diocletianus), RE, Bd. VII A., стб. 2485; J. M o r e a u, *Commentaire de Lactance, De la mort des persecuteurs*, P., 1954, стр. 279.

¹⁴⁸ L a c t., *De mort. pers.* X, 4; XIV, 3—5; XXII, 3.

¹⁴⁹ См. Смирин, в кн. III та е р м а н и др., *Рабство в Западных провинциях Римской империи в I—III вв.*, стр. 85.

ПУБЛИКАЦИИ

О. Д. Берлев, С. И. Ходжап

НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ФАРАОНА ЯХМЕСА I ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина хранится наконечник копья, захваченный в бою с гиксосами египетским фараоном Яхмесом I. Этот наконечник копья был приобретен русским востоковедом В. С. Голенищевым в Луксоре у торговца древностями Тодроса¹ во время путешествия в Египет в 1888—1889 гг. В 1909 г. наконечник копья вместе с другими египетскими памятниками, собранными В. С. Голенищевым, поступил в Музей изящных искусств. Академик Б. А. Тураев в «Истории древнего Востока» в разделе, посвященном гиксосскому завоеванию, ссылается на копье из коллекции В. С. Голенищева², упоминается оно и в путеводителе по Музею изящных искусств³. Но по непонятным причинам в последние полвека все исследователи гиксосского периода обходили это копье молчанием. В 1977 г. авторы настоящей заметки в числе других предметов с царскими надписями опубликовали в брюссельском египтологическом журнале и это копье⁴. В статье приведена прорисовка надписи и дан перевод текста с подробным комментарием. К сожалению, издатели не поместили фотографии копья и надписи.

С целью восполнить этот пробел в настоящей заметке воспроизводятся фотографии копья (рис. 1). Наконечник копья из ГМИИ им. А. С. Пушкина (инвентарный № 1, 1 а 1762, по инвентарю Голенищева № 859) сделан из бронзы, кое-где сохранились следы позолоты. Форма его — удлиненная ланцетовидная, характерная для гиксосских наконечников копий⁵, длина 36,7 см. Деревянная рукоятка закреплялась на втулке, полой внутри, при помощи металлического кольца. На выступающей полосе, идущей вдоль наконечника, выгравирована иероглифическая надпись:

¹ В. С. Голенищев, Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888—1889, «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», СПб., 1890, стр. 17.

² Б. А. Тураев, История древнего Востока, СПб., 1913, стр. 259.

³ «Краткий путеводитель по Музею изящных искусств», М., 1916, стр. 19.

⁴ Svetlana Hodjache et Oleg Berlev, Objets royaux du Musée des Beaux-Arts Pouchkine à Moscou, CdE, Tome LII, № 103, Bruxelles, 1977, стр. 22—37.

⁵ W. Wolf, Die Bewaffnung des altägyptischen Heers, Lpz., 1926, табл. XIV A.

Рис. 1. Наконечник копья фараона Яхмеса I. Общий вид

ntr nfr (nb-phtj-r) s; r' (j'h-mš) dj< n·f> 'nḥ jn·t·n·f m nhtwt·f m ḥwt—w'rt hst «Бог младший⁶ (Небпехтипа)⁷, сын солнца (Яхмес)⁸, которому дана жизнь⁸, (предмет), который он привез из своих побед⁹ в Аварисе¹⁰ презренном». Эта немногословная надпись содержит важные сведения по истории последнего периода владычества гиксосов (рис. 2, см. вклейку к стр. 89).

Судя по палеографической особенности написания имени Яхмеса с иероглифом полумесяца с опущенными книзу рожками, появившемся лишь на 17-м году правления фараона, копье было захвачено не ранее этой даты. Следовательно, столица гиксосов пала не на одиннадцатом году правления Яхмеса, как считалось прежде, а на семнадцатом. Эта дата подтверждается и иконографией написания слова «Аварис», характерной для самого начала XVIII династии. Покоритель вражеского города Яхмес с полным правом называет Аварис «презренным».

Неизвестно, было ли копье единственным предметом из многочисленных гиксосских трофеев, удостоенным победной надписи фараона, или все захваченное в битве оружие украшал аналогичный текст. Бесспорен в настоящее время лишь тот факт, что Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина обладает уникальным памятником, свидетельствующим о ярчайшем событии египетской истории — освобождении страны от чужеземного ига.

A SPEARHEAD OF THE PHARAOH AHMOSE IN THE PUSHKIN MUSEUM

O. D. Berlev, S. I. Khodzhash

The author discusses the bronze spearhead and the hieroglyphic inscription engraved on its side: ntr nfr (nb-phtj-r) s³ r' (j'h-mš) dj< n·f> 'nḥ jn·t·n·f m nhtwt·f m ḥwt—w'rt hst. This unique object testifies to a glorious moment in Egyptian history, the liberation of the country from a foreign yoke.

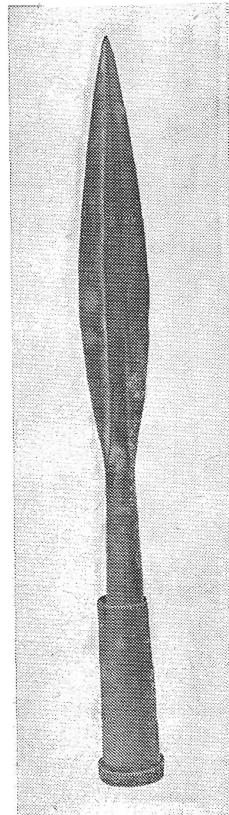
⁶ ntr nfr традиционно переводили как «бог благой», «бог добрый», «бог хорсий и т. д. См. Н. С то ск, *ntr nfr* der gute Gott, «Vorträge in Marburg», Hildesheim, 1951.

⁷ H. Gauthier, *Le livre des rois*, II, P., 1910, стр. 176—181.

⁸ Ch. Vandersleyen, *Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dinastie*, Bruxelles, 1917.

⁹ Wb. II, стр. 317, 16—22.

¹⁰ J. van Seters, *The Hyksos*, L., 1966, стр. 127.

Б. А. Захаров

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МОНЕТ ИЗ СОВХОЗА «ПРАВОБЕРЕЖНЫЙ»

(Предварительная публикация)

В 1974 г. при разработке рисовых чеков на территории совхоза «Правобережный» (Темрюкский р-н Краснодарского края) был найден клад медных боспорских монет III в. до н. э. Клад помещался в небольшом сосуде из красной глины, разбитом ковшом экскаватора. На место находки выезжал сотрудник Таманского археологического музея В. Н. Розов, который передал клад в музей. Клад насчитывает 925 экземпляров монет.

Клад состоит из монет периода денежного кризиса на Боспоре и хотя и аналогичен двум анапским кладам, опубликованным Е. О. Прушевской¹ и Д. Б. Шеловым², но имеет свои особенности.

Клад из совхоза «Правобережный» включает следующие типы монет:

1. Л. с.: Голова безбородого сатира в плюшевом венке влево
О. с.: Лук и стрела вправо; ПАН (*Б*, XX, 73; *З*, XLI, 4)³ — 74 экз.
2. Тот же тип, но чеканенный на монетных кружках меньшего размера со следами литер (деградированные) (*Б*, XX, 79; *З*, XLI, 5) — 848 экз.
3. Л. с.: Голова Аполлона вправо
О. с.: Орел, ПАН; надчеканка — треножник (*Б*, XXII, 165—167; *З*, XLI, 11) — 1 экз.
4. Л. с.: Голова безбородого сатира в плюшевом венке вправо (деградированный тип)
О. с.: Лук и стрела вправо. ПАН — 2 экз.

Монеты первого типа с изображением городского божества Пантикапея отчеканены на тщательно обработанных монетных кружках. Их вес не ниже 3,5 г и колеблется от 3,5 до 4,7, в то время как монеты второго

¹ Е. О. Прушевская, Анапский клад пантикапейских монет, ТОНГЭ, I, 1945, стр. 17—27.

² Д. Б. Шелов, Анапский клад монет 1954 г., НЭ, I, 1960, стр. 208—214.

³ Буквой *Б* обозначены ссылки на таблицы в книге: П. О. Бураков, Общий каталог монет, принадлежащих греческим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, ч. I, Одесса, 1884. Буквой *З* — ссылки на таблицы в книге: А. Н. Зограф, Айтические монеты, МИА, 16, 1951.

типа, составляющие большую часть клада, в весовом отношении резко отличаются от первых. Вес монет колеблется от 1,7 до 2,8 г. Все монеты чеканены на новых монетных кружках меньшего размера, плохо обработанных, со следами литников. Среди 848 экземпляров не обнаружено ни одной перечеканки. Правда, имеется три экземпляра *nimus incusī*. Две монеты повторяют на оборотной стороне изображение: лук и стрела, соотношение штемпелей $\uparrow \rightarrow$. Лицевая сторона сбита, просматривается лишь часть головы безбородого сатира. Третий *nimus incusī* представляет значительный интерес, поскольку она повторяет на обеих сторонах изображение верхнего штемпеля, т. е. лук и стрелу, что, как отметил А. Н. Зограф, в античной нумизматике встречается чрезвычайно редко⁴.

Анализируя вторую группу монет клада, можно с уверенностью подтвердить справедливость мнения Д. Б. Шелова, что на пантикопейском монетном дворе наряду с разъемными штемпелями входят в применение сопряженные между собой пары штемпелей⁵ с соотношением осей $\uparrow \uparrow$.

Третий тип с изображением головы Аполлона в лавровом венке на лицевой стороне и орла, под которым помещены буквы ПАН, с надчеканкой «треножник» на оборотной стороне, представлен в кладе всего одной монетой. Ее вес 1,5 г, отчеканена она на маленьком монетном кружке, со следами литников.

Четвертый тип представлен всего двумя экземплярами монет, которые выделяются из всех, до сих пор известных типов монет Боспора III в. до н. э. Он повторяет оборотную сторону первого типа (Б, табл. XX, 73), на лицевой стороне изображение головы безбородого сатира в плющевом венке, повернутой не влево, как на всех известных типах монет, а вправо. Монета отчеканена на небольшом монетном кружке, со следами литников с обеих сторон. Очень характерное для деградированного типа изображение профиля безбородого сатира, нос, губы, подбородок которого выполнены линией точек, присуще и данному экземпляру. Соотношение штемпелей $\uparrow \downarrow$. Как известно, вправо было повернуто изображение головы бородатого сатира. На нашем экземпляре поле монеты довольно чистое, и никаких следов бороды обнаружить не удалось. Этот тип монет может быть соотнесен с известными типами монет «голова сатира влево» (Б, табл. XX, 73) и датируется так же. В то же время можно видеть в этом типе монет ошибку резчика штемпеля, который должен был бы изгото- вить на матрице зеркальное изображение.

Первая находка столь большого клада пантикопейских монет позволяет подтвердить хронологию монетных выпусков Боспора III в. до н. э., предложенную К. В. Голенко⁶. Клад был зарыт в конце третьей четверти III в. до н. э. Столь точную датировку мы устанавливаем по следующим признакам. Ко времени надчеканки монет типа Б, табл. XXII, 165, представленной в нашем кладе одним экземпляром или 0,09% и датирующей концом третьей — началом четвертой четверти III в. до н. э., относительно полновесная пантикопейская медь типа Б, табл. XX, 73, датируемая второй четвертью III в. до н. э. — началом кризиса, вероятно, уже вышла из обращения, чем и объясняется ее незначительный удельный вес в кладе — 8%. Основной монетой, находящейся в обращении, был второй тип (Б, табл. XX, 79), который и составил основу клада — 91,7%.

В настоящее время известно семь кладов монет, найденных на территории азиатской части Боспорского царства, почти полностью состоящих

⁴ Зограф, ук. соч., стр. 34.

⁵ Шелов, ук. соч., стр. 211.

⁶ К. В. Голенко, К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э., НЭ, VIII, 1970, стр. 23.

из монет периода денежного кризиса, и один клад (№ 8), в котором присутствуют отдельные монеты этого периода. По времени находки эти клады располагаются в следующей последовательности:

1. 1879 г. «Не доезжая ст. Сенной на Таманском полуострове»⁷.
2. 1882 г. Клад обнаружен В. Г. Тизенгаузеном, опубликован Е. О. Прушевской⁸.
3. 1941 г. В Анапском р-не обнаружен клад из 136 монет⁹.
4. 1954 г. В городе Анапа. Опубликован Д. Б. Шеловым¹⁰.
5. 1973 г. Экспедиция Н. И. Сокольского во время раскопок таманского толоса и резиденции Хрисалиска обнаружила клад из 21 монеты. Опубликован К. В. Голенко¹¹.
6. 1974 г. Клад из совхоза «Правобережный».
7. 1977 г. В городе Анапа обнаружен клад, состоящий из 1044 монет. Находка поступила в Анапский археологический музей¹².
8. 1977 г. В виноградарском совхозе «Восточный» Анапского р-на Краснодарского края найден клад, содержащий монеты IV—I вв. до н. э. в количестве 1143 экземпляров. Поступил в Анапский археологический музей¹³.

Дальнейшее изучение клада из совхоза «Правобережный» позволит проследить взаимоотношения ряда штемпелей лицевой и оборотной сторон монет и составить их определенную классификацию. Публикуемый клад свидетельствует о широком ареале распространения пантикапейской меди в III в. до н. э. и служит интересным свидетельством денежного обращения на Боспоре.

A HOARD OF PANTICAPAEAN COINS FROM ASIATIC BOSPORUS

V. A. Zakharov

A hoard of Bosporan coins found in the Rice State Farm «Pravoberezhny» is the largest to be published among similar hoards found in Asiatic Bosphorus. Its discovery makes it possible to confirm K. V. Golenko's proposed chronology of Bosporan coin issues in the 3rd century B. C. The hoard was buried at the end of the third quarter of that century and presents interesting evidence of monetary circulation in Bosphorus.

⁷ См. Прушевская, ук. соч., стр. 23.

⁸ Там же, стр. 17—27.

⁹ См. газету «Знамя колхозника» (г. Анапа) за 20 июля 1941 г.

¹⁰ Шелов, ук. соч., стр. 208—214.

¹¹ См. К. В. Голенко, Заметки о медных боспорских монетах III в. до н. э., ВДИ, 1972, № 3, стр. 142; Н. И. Сокольский, Таманский толос и резиденция Хрисалиска, М., 1976, стр. 120.

¹² См. Н. Нестеренко, Три клада, «Комсомолец Кубани» (г. Краснодар) за 1 января 1978 г.

¹³ Там же.

Ж. Д. Хачатрян

ОБ АНТИЧНОЙ КОРОПЛАСТИКЕ АРМЕНИИ

При раскопках памятников Армении античной эпохи (в Гарни, Вагаршапате, Армавире и, прежде всего, в городе и некрополе Арташате) обнаружено более 30 терракотовых статуэток и их обломков.

Глиняные статуэтки преимущественно культового назначения в Армении известны с V—IV тыс. до н. э. Однако наибольшее распространение они получили в позднеэллинистическое время и в первых веках нашей эры. Эти позднейшие терракотовые статуэтки резко отличаются от древнейших и художественными достоинствами, и способом изготовления: они делались с расчетом на фронтальное рассмотрение.

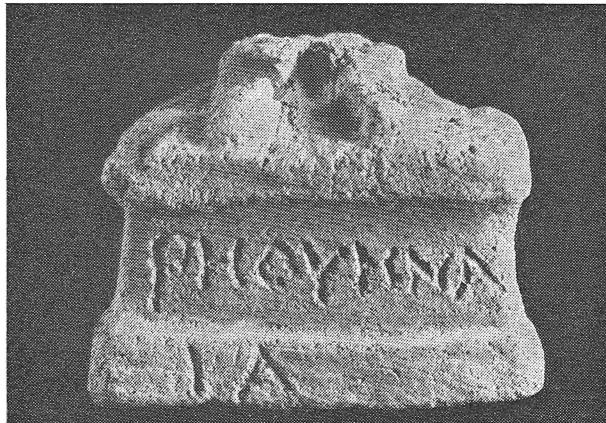

Рис. 1

Эти статуэтки изготавливались в односторонней форме посредством послойного вдавливания мягкой глины. Заднюю часть сглаживали стекой, а при обжиге, для более скорого остывания и для предотвращения трещин снизу проделывалось углубление. Часть терракот покрыта желтовато-зеленой глиняной обмазкой, а на трех — красной краской нанесены горизонтальные прямые и волнистые линии. Терракоты не подвергались дополнительной обработке.

На фрагменте одной из статуэток — постаменте из юго-восточного некрополя Арташата — имеется процарапанная до обжига греческая надпись *PHOYHNA* и ниже две буквы *IA* (рис. 1), вероятнее всего, имя владельца статуэтки и цифры (или дата) — 11.

Стилистически все статуэтки можно разделить на две большие группы. Первая характеризуется очень подробной передачей фигур с тщательной отделкой деталей и четкой проработкой материала. Вторая группа — тем, что мастера избегают подробностей в передаче форм и стремятся к обобщению. На первый взгляд кажется, что это — только разница в уровне технического исполнения, однако статуэтки обеих групп составляют большие серии. Это не позволяет сводить дело к различию мастеров по уров-

Рис. 2

нию исполнения, особенно если учесть, что терракоты второй группы, несмотря на отсутствие детализации в передаче пропорций, движения, не уступают образцам первой группы в обработке поверхности. Первая группа, несомненно, ближе к традициям эллинистического искусства, однако это отнюдь не означает, что мы имеем дело с чужеземным импортом. Скорее всего, речь может идти об определенной ориентации местных мастеров. Вторая группа статуэток ближе к местным, восточным традициям¹.

¹ Сходное наблюдение сделал Ф. И. Тер-Мартиросов на материале пяти терракот, обнаруженных случайно на холмах Артшата. Он, однако, ограничился предположением, что статуэтки, изображающие сидящую женщину, изготовлены на месте «мастером-переселенцем» и что в Артшате существовали две мастерские, из коих одна, изготовившая статуэтку женщины с ребенком, стояла ближе к традициям эллинистического мира, а вторая, которой принадлежит изображение лютнистки, была ближе к традициям Востока (Ф. И. Тер-Мартиросов, Терракоты из Артшата, «Вестник АН АрмССР. Общественные науки», № 4, стр. 85, 90).

Таблица I, 1—3

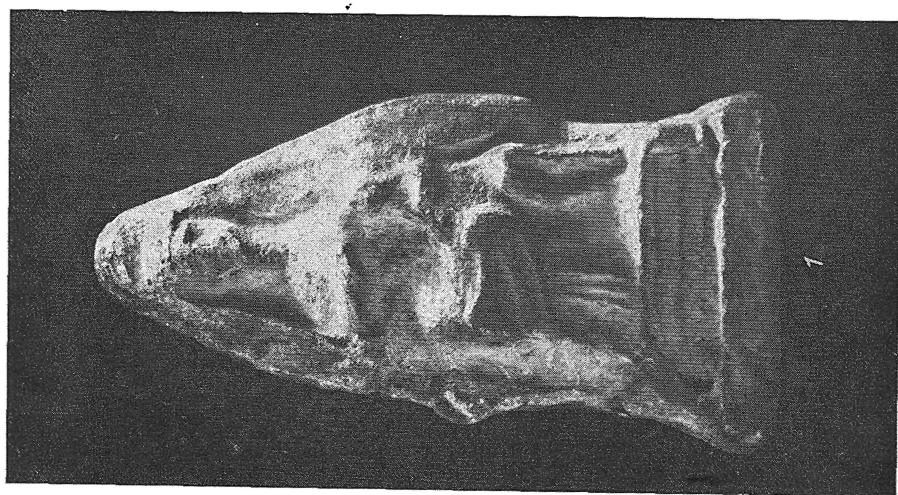

Таблица II, 1—2

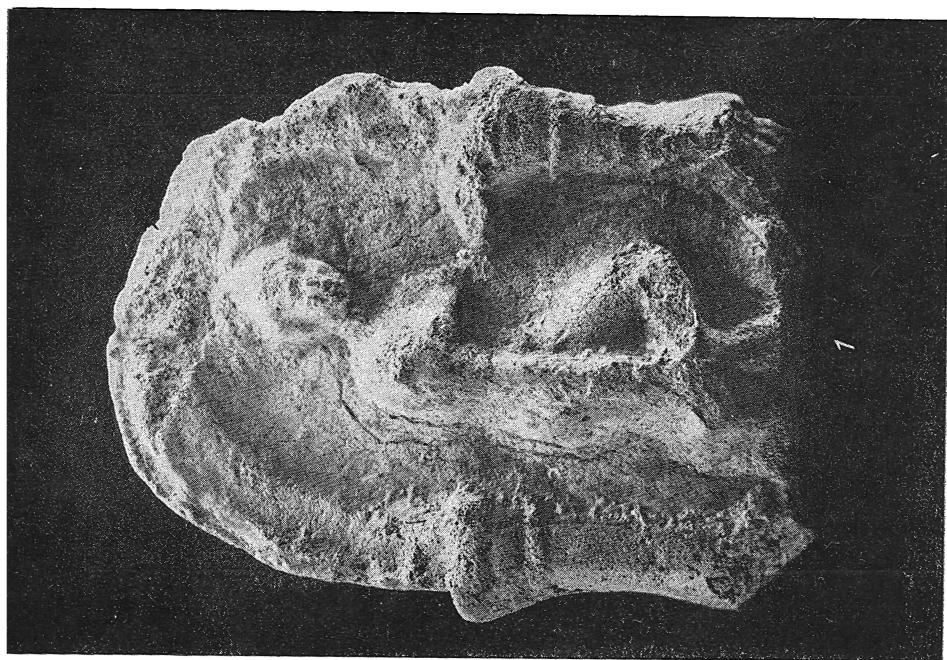

Таблица III

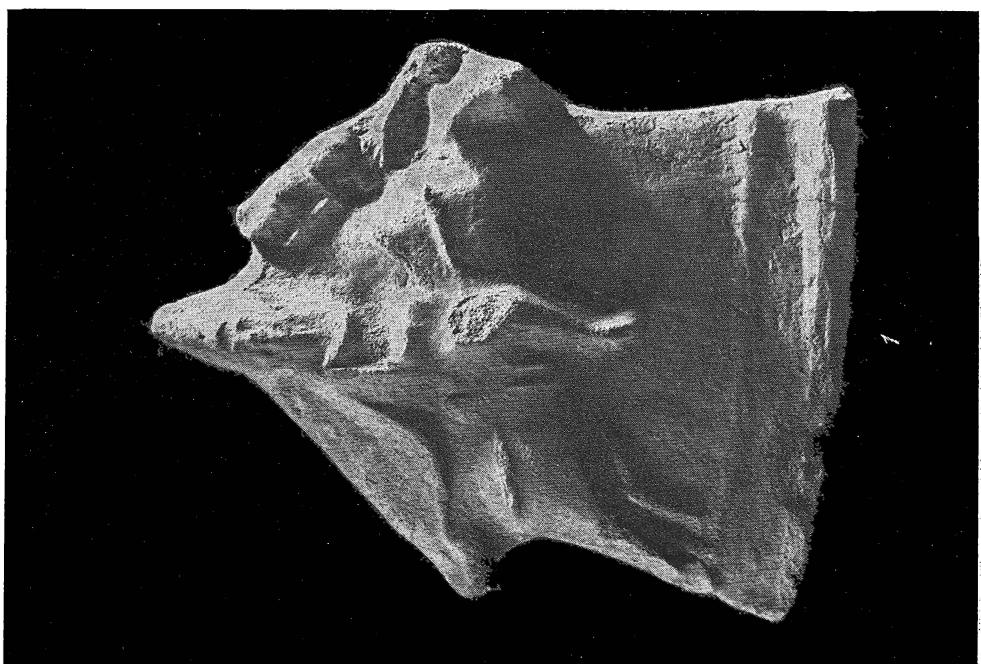
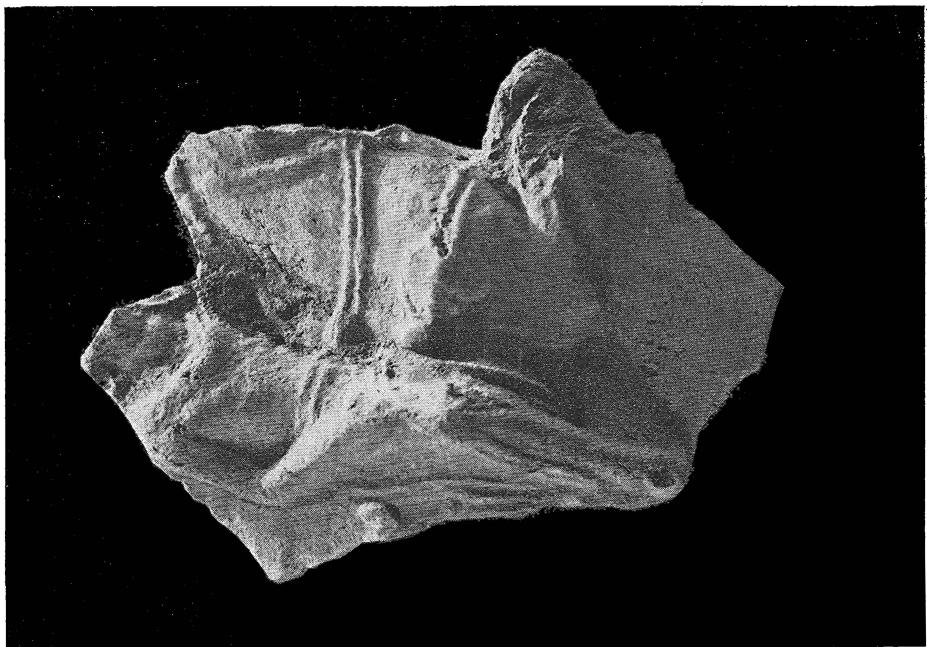
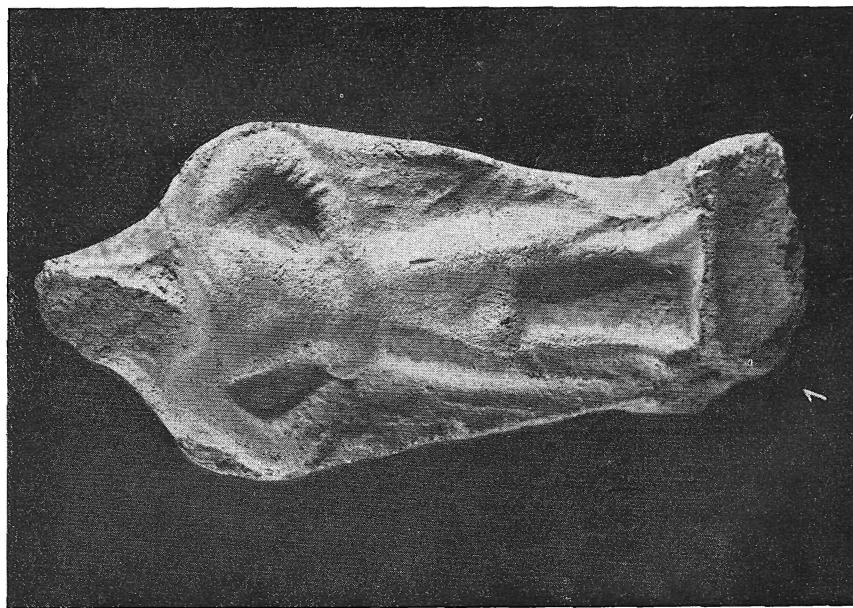
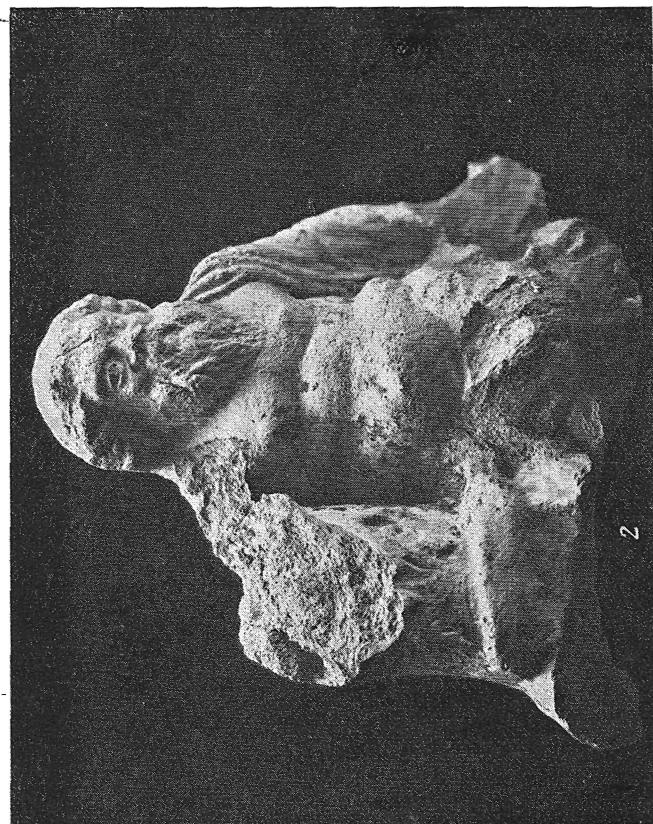

Таблица IV, 1—2

Таблица V, 1—2

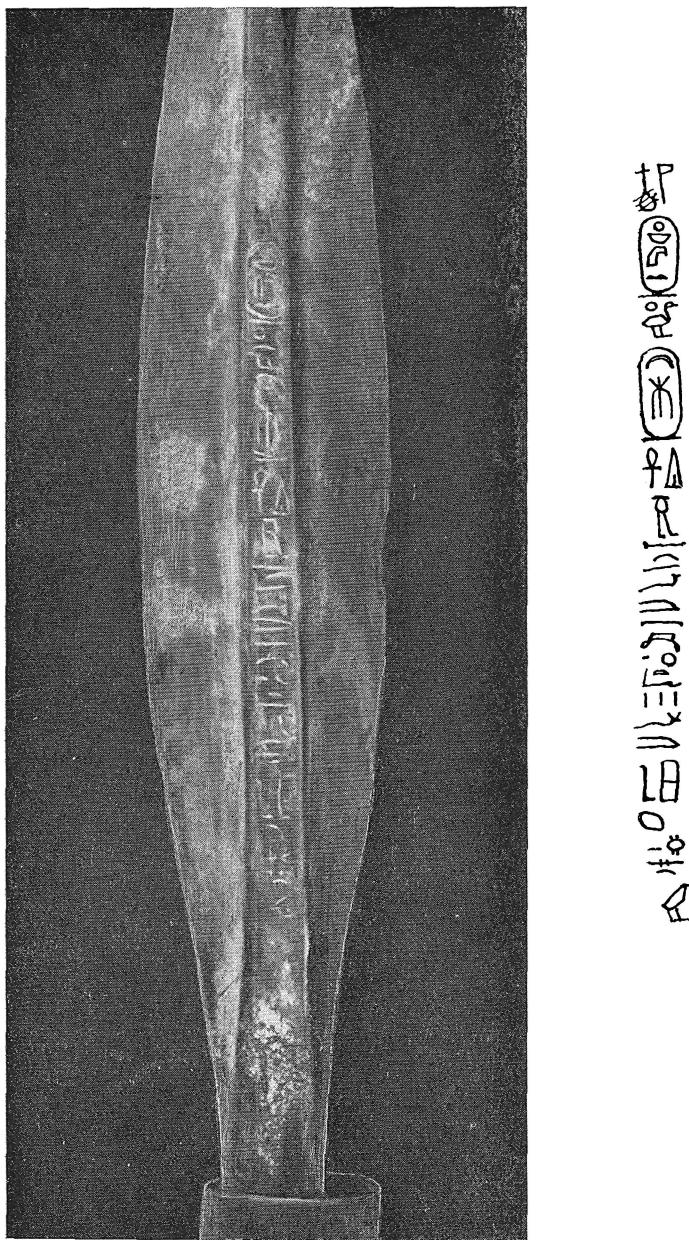

Рис. 2. Часть наконечника копья фараона Яхмеса I
с иероглифической надписью

Женские образы наиболее характерны для тематики мелкой пластики (табл. I, 1—3, рис. 2—4). Эти статуэтки представлены в основном артшатскими находками², известны также образы из Вагаршапата³ и Армавира⁴. Размеры терракот почти одинаковы (11—11,4 см), все известные экземпляры изготовлены в разных матрицах.

На терракотах одной из серий женщина изображена в фас, на руках у нее ребенок, которого она кормит. Ниже колен — складки ниспадаю-

Рис. 3

щей одежды. С правой стороны стоит обнаженный ребенок, прижавшийся к груди (рис. 2, табл. I, 1). Иконография женского образа (торжественно-пышное одеяние, подчеркнуто фронтальная композиция) указывает на то, что перед нами культовый предмет. Статуэтки связаны, вероятно, с культом плодородия.

С точки зрения богатства композиционного решения, наиболее интересен один из обломков. Сохранилась лишь нижняя часть терракоты, где изображены не две (как в других случаях), а три фигуры (табл. I, 3). Две из них повторяют фигуры остальных статуэток этой серии, что сви-

² Б. Н. Аракелян, Основные результаты раскопок древнего Артшата в 1970—1973 годах, ИФЖ, 1974, № 4, стр. 58, рис. 9; Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), Ереван, 1976, табл. LXXXIV, LXXXV; Тер-Мартirosов, ук. соч., рис. 1, 2.

³ Государственный исторический музей Армении, № 175.

⁴ Г. А. Тирацяна, Раскопки Армавира, «Вестник АН АрмССР. Общественные науки», 1974, № 12 (на арм. яз.), стр. 64.

детельствует о тождестве смысла композиции. Одного ребенка здесь женщина держит на коленях, а другой, постарше, стоит рядом и держит младшего за руку. Эта статуэтка отличается тщательностью обработки деталей (показаны даже пальчики младшего ребенка). Мастерство короплата особенно наглядно проявилось в трактовке общего объема, ощущения тела под складками одежды, хотя последние заметно стилизованы. В других статуэтках, хотя подобная стилизация и отсутствует, однако тонко

Рис. 4

найденная форма складок одежды явно превращена в общепринятый стандарт. К сожалению, верхняя часть статуэтки отсутствует, однако положение рук детей позволяет думать, что тема кормления в композиции не была единственной. Какую-то роль играло и взаимодействие между детьми.

Та же тема — женщина с ребенком — представлена еще в одной композиции. Изображение заключено в обрамление из боковых колонн с капителями и сводом арки. Обнаружены только две терракоты этой серии. От одной сохранилась верхняя часть с головой женщины, аркой и капителями (рис. 4), а от другой — часть бюста с ребенком и часть капители. Как первая, так и вторая обработаны детально и четко (табл. I, 2). Фигуры божеств, в частности женских, в аркадах храмов — широко распространенный образ в совершенно различных по тематике произведениях⁵. Можно полагать, что исходным образцом для подобного сюжета служили храмовые «идолы», которые обычно помещались между колоннами в специальных нишах.

Еще один вариант статуэток, по-видимому, относящихся к тому же культу, представлен найденным в Армавире фрагментом, на котором видно

⁵ См., например, К. В. Тревер, К вопросу о храмах богини Ахахиты в сасанидском Иране, ТГЭ, X, Л., 1969, стр. 48—55; она же, Золотая статуэтка из селения Хайт (Таджикистан) (К вопросу о кушанском пантеоне), ТГЭ, II, Л.—М., 1958, рис. 8, 18.

ложе, низкий стульчик и ноги младенца, стоящего на нем⁶. Этот образец относится к числу наиболее древних.

В пантеоне древней Армении, возглавляемом Арамаздом, исключительное место занимала богиня плодородия Анант. Как известно, ее кульп был распространен в Армении, Малой Азии, Передней Азии, Средней Азии, Иране. По свидетельству Страбона (ХI, 14, 16), «все персидские святыни почитались также марами и армянами, и особенно почиталась богиня Анант у армян». В Армении Анант было посвящено множество храмов, где стояли ее золотые и бронзовые статуи. Полагают, что она изображена, в частности, на золотом медальоне из села Аарат (район Камо)⁷. Как изображение Анант рассматривались и упомянутые терракотовые статуэтки⁸.

Мы также присоединяемся к этому мнению, которое хорошо согласуется с той большой популярностью, какой пользовалась в Армении «Великая мать», как здесь обычно обозначали Анант. Известно, что в эпоху эллинизма армянский пантеон сопоставляли с греческим. В позднеэллинистическую эпоху — и особенно в первых веках н. э. в восточных районах Средиземного моря и Передней Азии — многие боги приобретают ряд новых функций, отвечающих тенденции к универсализации и всеобщности⁹.

По всей вероятности, и Анант, почитавшаяся во многих странах, изображалась по-разному: в Средней Азии — с прижатой к груди рукой (иногда в одной руке она держит трилистник или гранат, а другая опущена вниз), там же, хоть и редко, встречаются ее изображения с обнаженным ребенком¹⁰. В этой связи интересны каменные статуи из Двина. Две из них¹¹, вероятно, также изображают Анант. На одной статуе (от нее сохранилась лишь верхняя часть) богиня облачена в роскошную одежду, на шее — ожерелье. У второй статуи (голова ее не сохранилась) нижняя часть не обработана, — вероятно, она стояла на постаменте. Пропорции не соблюdenы: тело изображено очень толстым и коротким, а одежда и атрибуты представлены обобщенно. Руки богини поддерживают грудь. Возможно, здесь перед нами образец местного, первоначального изображения, когда функции богини были ограничены, а ее кульп еще не стал всеобщим.

Можно предположить, что изображения Анант были подчинены определенному канону. Однако, когда боги армянского пантеона подверглись синкретизации с греческими и в армянских храмах стали устанавливаться, наряду с местными, малоазийские и греческие статуи божеств, канон должен был измениться. Анант могла изображаться по образцу богинь, кульп которых был принят и распространен в эллинистическом мире. По всей вероятности, из всех функций Анант в Армении в особенности подчерки-

⁶ Г. А. Тирапян, Из материалов раскопок Армавира в 1973 г., ИФЖ, 1974, № 3 (на арм. яз.), стр. 176, рис. 3.

⁷ К. В. Мелик-Пашаян, Культ богини Анант, Ереван, 1963 (на арм. яз.), стр. 117, рис. 15.

⁸ Аракелян, Основные результаты раскопок древнего Артшата, стр. 58; Тер-Мартиросов, ук. соч., стр. 84—86.

⁹ Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 181—182.

¹⁰ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи. Нисы, «Труды ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1949, стр. 332—337; Г. А. Пугаченков, Коропластика древнего Мерва, «Труды ЮТАКЭ», XI, стр. 118—123; она же, Материалы по коропластике Бактрии — Токаристана, «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967, стр. 177—179, 182—183; Г. А. Пугаченков, Л. И. Ремпель, История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в., М., 1965, стр. 72.

¹¹ К. Г. Кафадарян, Языческие погребения из Двина, ИФЖ, 1974, № 4 (на арм. яз.), стр. 41, рис. 2, 3.

вались ее функции «Великой богоматери», «Великой матери», «Великой госпожи», и она изображалась вместе с ребенком как покровительница и хранительница страны, как «Великая Анант, благодаря которой существует и возрождается земля армян»¹². Цари просили у нее покровительства. Она называлась Златоматерью, Златородной, Златоносной богиней¹³.

Мастера, изготавливавшие глиняные статуэтки, изображали Анант именно в этом качестве, хотя и в различных композициях. Популярность Анант в коропластике, применение различных композиционных построений для ее изображения хорошо подтверждают широчайшую популярность культа Анант, статуэтки которой, по-видимому, имелись не только в храмах, но и в домах, подвешивались на грудь в виде медальонов и т. д.

Прямых параллелей издаваемым здесь статуэткам как будто бы нет. Изображение женщины с ребенком было, конечно, широко распространено в коропластике, однако относительное сходство с армянскими статуэтками имеют лишь те, которые изготавливались в восточных центрах¹⁴. Среди них есть и такие, где богиня представлена с ребенком, которого она кормит или который опирается на ее колени.

Образ же богини с двуми детьми был, вероятно, первоначальным местным вариантом типа, распространенного в эллинистической иконографии. Такие статуэтки, датирующиеся концом I тыс. до н. э.— началом н. э., найдены в могильниках VII и VIII холмов Артшата и Армавира. Все они местного изготовления, причем статуэтки, изображающие женщину с грудным младенцем, теснее связанные с эллинистическими прототипами, более канонизированы и технически более совершенны. Даже поверхность одной из армавирских статуэток по примеру эллинистических покрыта розовой краской (по фиолетово-зелено).

Ни матриц, ни следов мастерских или производственного брака до сих пор не обнаружено.

Статуэтки могли изготавливаться и в Армавире, и в Артшате, и в Вагаршапате, и в других городах Армении. Не подлежит сомнению, что Артшат¹⁵ был одним из центров их производства, особенно если учесть, что время их изготовления совпадает со временем бурного расцвета этого города.

В юго-восточном могильнике Артшата были обнаружены две терракоты с профильным изображением женской фигуры в обрамлении двух колонн с капителями и аркой (высота сохранившейся части 11 см, ширина 7,5 см, ширина второй 6 см). Голова богини повернута к зрителю. Касаясь левой рукой капители, она красивым движением снимает сандалию (табл. II, 1). Несмотря на плохую сохранность дошедших фрагментов, видно, что терракоты исполнены с большим мастерством, великолепным чувством пропорций. Тело женщины изящно, движение легко и естественно, очертания лица каноничны. Волосы расчесаны по сторонам, прическа высокая. Статуэтки напоминают греческую скульптуру эллинистической эпохи, исполненную в лучших традициях позднеэллинистического периода.

Большой интерес представляет также терракота, обнаруженная на VII холме Артшата (высота сохранившейся части 8,5 см). Изображены две фигуры, разделенные колонной, сверху обрамленные двумя арками, опиравшимися на боковые колонны (табл. II, 2). Не исключена возмож-

¹² А г а ф а н г е л, История Армении, Тифлис, 1909 (на арм. яз.), стр. 47.

¹³ Там же, стр. 73, 422.

¹⁴ S. S. Ahm e d, Early Parthians — Philhellenism as Evidenced in Figurines from Seleucia on the Tigris, Level III, «Annales archéologiques arabes Syriennes», vol. 17, 1967, T. 1/2, стр. 85; T. 1, 3, 5, 8, 9; E. R o h d e, Griechische Terrakotten, Lpz, 1970, № 30; W. V a n I n g e n, Figurines from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1939, стр. 6, № 20, табл. III.

¹⁵ Т е р - М а р т и р о с о в, ук. соч., стр. 85, 90.

ность, что две фигуры изображают две фазы происходящего действия. Левая фигура повторяет движение фигуры на предыдущей терракоте. Она стоит прямо, опершись левой рукой на капитель, разделяющую колонны, а правой снимает сандалию. Можно указать на интересную деталь: на бедрах, как кажется, заметна какая-то нижняя одежда. Правая фигура изображена уже полностью обнаженной, она поворачивается спиной к зрителю и вешает одежду на колонну. Движения, несмотря на сложный поворот, переданы очень изящно. Интересно построение левой фигуры. Мастер несколько сместил вертикальную ось наклона, что придало исключительную естественность движению фигуры, опирающейся на колонну. Эта тонко подмеченная особенность движения, несомненно, восходит к реалистическим традициям греческого искусства. Детально показана только одежда. Тело воспроизведено весьма обобщенно. Из этой особенности можно, видимо, заключить, что здесь мы имеем дело с работой местных мастеров.

Говоря о позднеэллинистических параллелях, мы должны вспомнить, конечно, статуэтки Афродиты (обнаженной, вступающей в воду), известные по находкам, например, из Малой Азии¹⁶, Болгарии¹⁷ и других мест¹⁸. Одна из бронзовых статуэток Эрмитажа, найденная в Македонии, изготовлена в I в. римским мастером по образцу греческой статуэтки II в. до н. э., дошедшей до нас в большом количестве копий (более 70)¹⁹. Они носят явное влияние монументальной скульптуры, в частности Праксителя²⁰.

В наших статуэтках образ обнажающейся женщины представляет, вероятно, богиню Астгик, которая занимала видное место в армянском языческом пантеоне. Она — богиня любви и красоты — была также связана с культом воды и плодородия. Астгик посвящено одно из самых массовых празднеств — Вардавар²¹. В эллинистическую эпоху Астгик слилась с Афродитой. Существовал ряд храмов, посвященных Астгик. Ее культ был широко распространен в Армении. Особенно почитали ее в Тароне, где возникло предание о том, что Астгик по ночам купалась в притоке Евфрата. Юноши зажигали в ущелье костры, чтобы увидеть ее и полюбоваться ее красотой, но Астгик закрывала себя туманом²². Мраморная скульптура из Артшата, изданная Б. Н. Аракеляном²³, бесспорно изображает Афродиту-Астгик. И эта скульптура, и описанные статуэтки легкостью, передачей внутреннего ритма движения резко отличаются от изображений сидящей женщины, определяемой нами как изображение Анаит.

В статуэтках описываемых серий наблюдаются определенные каноны, преимущественно в изображении одежды. Выработанные первоначально на основе тонкой наблюдательности и реалистических тенденций, эти каноны порой приобретают характер схематизации. Для изображения отдельных частей тела были выработаны определенные формы складок одежды.

¹⁶ R o h d e , ук. соч., № 40; S. M o l l a r d - B e s q u e s , Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs et romains, t. II, Myrina, P., 1963, табл. 21, a; A. K ö s t e r , Die griechische Terrakotten, B., 1926, № 81; Н. Н. Б р и т о в а , Греческая терракота, М., 1969, стр. 119, № 127.

¹⁷ Ц. Д р е м с и з о в а - Н е л ч и н о в а , Г. Т о н ч е в а , Античные терракоты от България, София, 1971, № 127.

¹⁸ F. G. W i n t e r , Die Typen der figürlichen Terrakotten, Berlin — Stuttgart, 1903, табл. 206, 1—5; 207, 1, 3; M. B i e b e r , The Sculpture of the Hellenistic Age, N. Y., 1961, рис. 394, 395.

¹⁹ Античная художественная бронза, каталог выставки, Л., 1973, стр. 10, № 21.

²⁰ Б р и т о в а , Греческая терракота, стр. 119.

²¹ Л. А л и ш а н , Древняя вера или языческая религия армян, Венеция, 1895 (на арм. яз.), стр. 283.

²² Г. С р в а н д շ т յ ն , Гроц-бронц, Константинополь, 1874 (на арм. яз.), стр. 87—98.

²³ А р а к е л я н , Основные результаты раскопок древнего Артшата, стр. 52.

Так, на коленях складки одежды делались вогнутыми, внизу преобладали вертикальные, или дугообразные линии. Все это свойственно и фрагментам женских статуэток из Гарни и восточного некрополя Арташата. Женщины изображены стоящими, опираясь на левую ногу. Их одежды ниспадают такими же складками (рис. 5).

Среди терракот Арташата особенно многочисленны статуэтки женщин с музыкальными инструментами. Они делятся на две группы. Первая — арфистки (табл. III), инструмент которых расположен у левого плеча, а

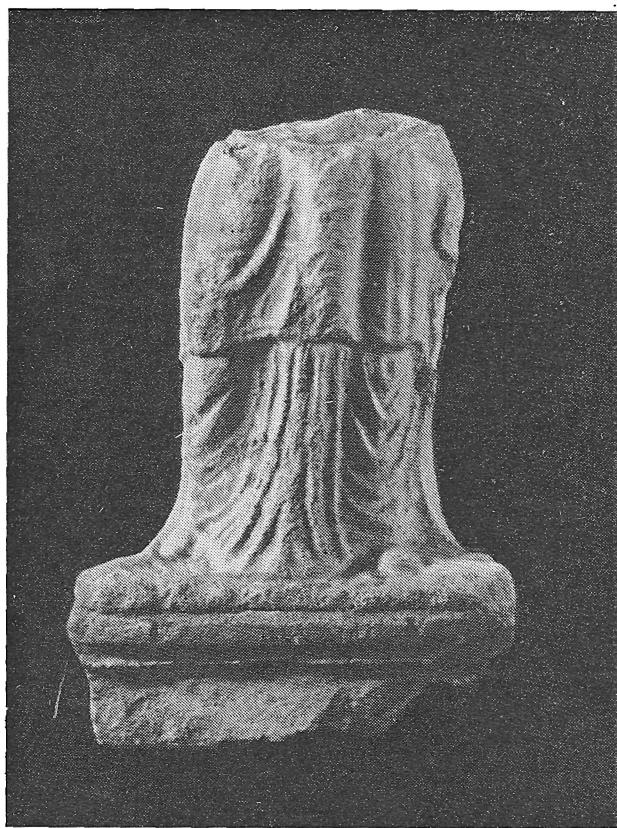

Рис. 5

другая — лютнистки²⁴, прижимающие инструмент к груди (рис. 6). Все статуэтки музыкантш довольно грубые. Это особенно заметно в обработке одежды, однако пропорции правильны, великолепно передано движение. Все музыкантши стоят в одинаковой позе, с опорой на одну ногу; одежда однообразно, массивными складками ниспадает к ногам. У одной арфистки шея украшена ожерельем. Особняком стоит статуэтка арфистки, обнаруженная в юго-восточном некрополе Арташата. Ее лицо и головной убор детально обработаны. Интересна форма носа с небольшой горбинкой. В этом изображении обнаруживается несомненное влияние римского портретного искусства, в котором подчеркивание этнических особенностей играло заметную роль. Данная статуэтка, по-видимому, может считаться уни-

²⁴ А рак е л я н, Очерки по истории искусства древней Армении, стр. 75, табл. LXXXVII, 2; Т е р - М а р т и р о с о в, ук. соч., стр. 88—90, рис. 4.

кальным образцом портретной скульптуры. Интересен также головной убор в виде усеченного конуса, который бытовал у армян до последнего времени.

Археологические исследования свидетельствуют о бытовании музыкальных инструментов в Армении еще до II тыс. до н. э.²⁵ Многочисленные данные о музыкальных инструментах сохранились также и в средневековых письменных источниках, миниатюре и скульптуре.

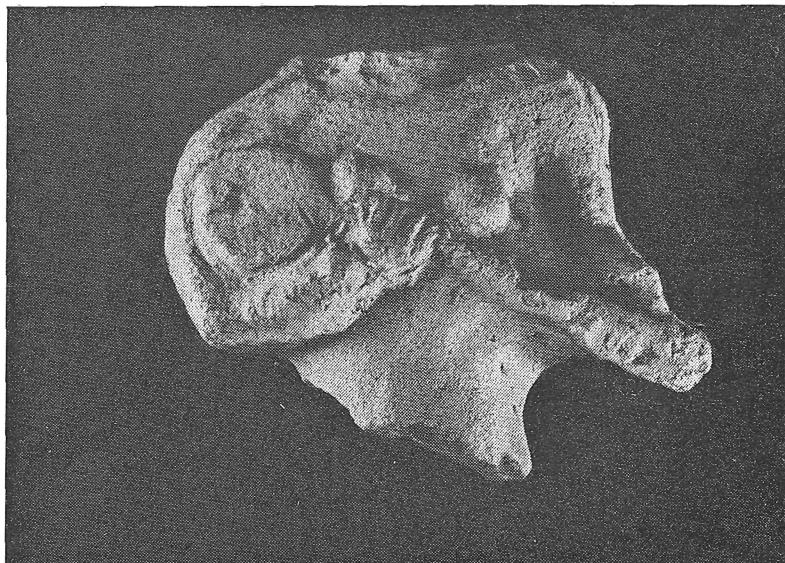

Рис. 6

Фавст Бузанд при описании убийства царя Папа наряду с другими инструментами (барабан, флейта) упоминает также арфу²⁶. Об арфе и лютне говорит Товма Арцруни, когда описывает сцену сражения армян с Бугой²⁷. В одной из рукописей Матенадарана (№ 732) сказано, что когда сыреют струны арфы и кожа барабана, они приятного звука не издают²⁸. Известен еще ряд упоминаний о лютне. Фавст Бузанд пишет, что после смерти католикоса Нерсеса снова стали скорбеть над мертвцами под музыкой бандуры, флейты и лютни²⁹. Мовсес Хоренаци рассказывает, как во времена пиршества Хосров Гардманаци, будучи пьяным, преследовал «храбрую женщину лютнистку»³⁰. Григор Магистрос пишет, что в Царе группа плакальщиц-лютисток оплакивала и воспевала павшего воина³¹.

Таким образом, глиняные статуэтки, как и письменные свидетельства, показывают, что арфа и лютня были также армянскими музыкальными инструментами.

²⁵ Э. Ханзадян, Армянские древние музыкальные инструменты, «Труды Гос. исторического музея Армении», V, Ереван, 1959 (на арм. яз.), стр. 63.

²⁶ Фавстос Бузанд, История Армении, Тифлис, 1912 (на арм. яз.), стр. 348—349.

²⁷ Фома Арцруни, История дома Арцрунидов, Тифлис, 1917 (на арм. яз.). стр. 296.

²⁸ Ханзадян, ук. соч., стр. 86.

²⁹ Фавстос Бузанд, ук. соч., стр. 339 сл.

³⁰ Мовсес Хоренаци, История Армении (русск. пер. Н. О. Эмина), М., 1893, кн. III, 55.

³¹ Бумаги Григора Магистроса, Александрополь, 1910 (на арм. яз.) стр. 209 сл.

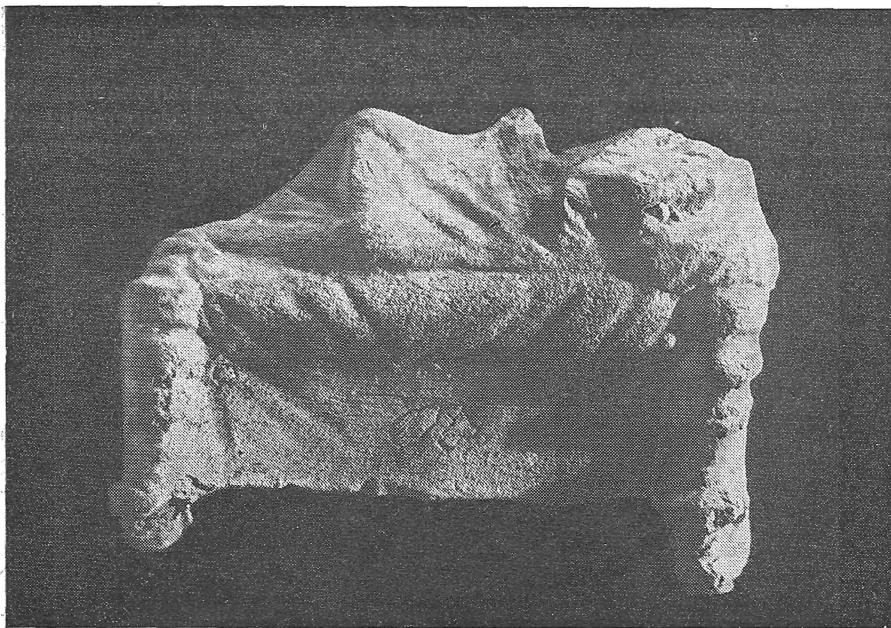

Рис. 7

Изображения женщин с музыкальными инструментами были одной из наиболее излюбленных тем античной коропластики³². Публикуемые здесь статуэтки музыкантш стоят ближе к восточному типу, каковы, например, статуэтки женщины, играющей на лютне, из Селевкии на Тигре³³ и статуэтки из Средней Азии³⁴. Среди глиняных статуэток Арташата есть изображение женщины, возлежащей на ложе (рис. 7), обломок такой статуэтки обнаружен на VII холме. На основании сохранившейся левой части другого обломка можно предположить, что на ложе вместе с женщиной возлежала еще одна фигура. Интересен также обломок с изображением ложа, найденный в Армавире³⁵.

Довольно большую группу терракотов составляют изображения всадников (табл. IV, 1—2; рис. 8—10). Они обнаружены как в некрополях, так и на холмах Арташата³⁶ и в Гарни, их размеры различны (от 7—8 до 18—20 см). В этих статуэтках наиболее ясно выражены особенности «западного» и «восточного» направлений. Некоторым из них присуща обобщенность форм, другие отличаются детальной обработкой и реалистическим ощущением поверхности материала. Все они изображают мужчин, всадывающих на несущихся в галопе или вздыбившихся конях. Всадники

³² Ch. Ziegler, *Die Terrakotten von Warka*, B., 1962, № 385, 389; Van Ingen, ук. соч., табл. XXXVII, 270, 271; M. Chehab, *Les terres cuites au Liban à l'Époque Hellénistique*, «Le Rayonnement des civilisations Grecque et romaine sur les cultures périphériques», Р., 1965, стр. 507—510, табл. 127, 1.

³³ Van Ingen, ук. соч., табл. XXXVIII, 275, XXXIX, 285; Ziegler, ук. соч., № 398.

³⁴ В. Н. Пилипко, Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва, ВДИ, 1969, № 2, стр. 101—104, рис. 1, 2 (литература указана там же).

³⁵ Тирацян, Из материалов раскопок Армавира 1973 г., стр. 176, рис. 3.

³⁶ Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, стр. 75, табл. LXXXIX, 1, 2.

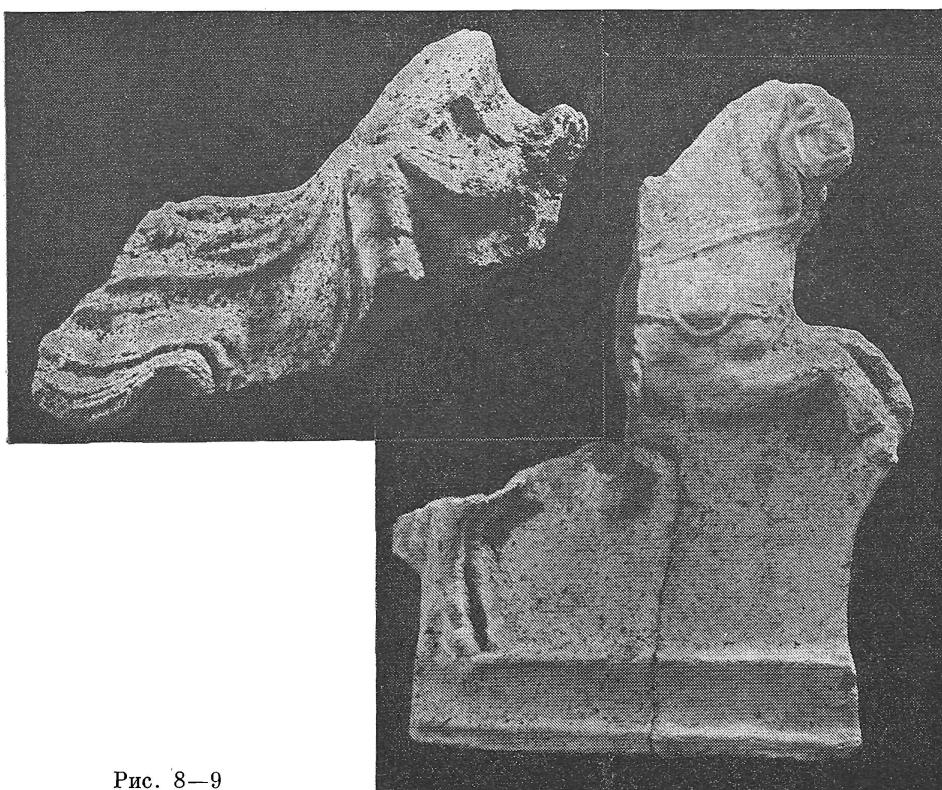

Рис. 8—9

изображены в трехчетвертом повороте. Такая поза стала впоследствии традиционной, она сохранялась в армянских бытовых рельефах до XVI—XVII вв. Однако наши образцы характеризуются ярко выраженными чертами эллинистического искусства — красотой гармоничных пропорций и реалистическим принципом изобразительного метода. Эта особенность наиболее наглядна в статуэтках «западного» направления, мастерски воспроизводящих тела людей и животных, одежду, складки, внутренний ритм движения (VIII холм, № 71/73). Одежды, в свою очередь, напоминают об одежде эллинистического периода (особенно плащи).

На двух статуэтках всадников (одна обнаружена при раскопках монгильника, другая — VIII холма Артшата) кони изображены спокойно стоящими с приподнятой левой ногой (рис. 10). Однаковы также поза всадника, одежда, передача движения. Не исключено, что обе статуэтки представляют один и тот же образ. Постамент статуэтки всадника из VIII холма покрыт красным ангобом. Кого же представляет всадник, образ которого, подобно образу матери с ребенком, принадлежал к наиболее распространенным среди античных терракотов Армении?

В парфянское время в Передней Азии и Римской империи широкое распространение получил героический образ бессмертного всадника³⁷. Возможно, что так же следует интерпретировать и наши статуэтки. Однако для эллинистической Армении отнюдь не исключена возможность рас-

³⁷ А. Н. Щеглов, Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического, сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье», М., 1969, стр. 173—177; Б. А. Кутин, Материалы по археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 216 сл.

сматривать такие статуэтки и как изображение бога Митры. Его культ, широко распространенный в эллинистическую эпоху, особенно в первых веках нашей эры³⁸, существовал и в Армении, где во время празднеств, посвященных этому божеству, приносились в жертву лошади. Вполне вероятно, что Митру здесь изображали с лошадью (в Хаме³⁹ и в митреуме Дура-Эвропоса⁴⁰ Митра изображен на коне). Во всяком случае роскошная амуниция всадника, манера изображения, стремительная поза, развевающийся плащ говорят о том, что это не простой смертный.

Рис. 10

Об этом свидетельствует также сходство одежд всадников и одеяний Митры и Антиоха Каллиника на рельефах Нимруд-дага и Арсамеи на Нимфеи (Коммагена)⁴¹.

Большой интерес представляют статуэтки всадников, где конь изображался с приподнятой передней ногой. В древневосточных культовых сценах нередко можно встретить изображения священных животных у древа жизни в такой позе. Эти изображения имеют символический смысл. В ка-

³⁸ Г. А. Копченко, Ранние этапы развития культа Митры, в сб. «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 79.

³⁹ L. A. Cambell, Mithraic Iconography and Ideology, Leiden, 1968, стр. 196, рис. 13, табл. IV, 52.

⁴⁰ M. Rostovtseff, Dura-Europos and Its Art, Oxf., 1938, табл. XVIII, 1.

⁴¹ К. Гуманн, P. Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, B., 1890, стр. 232—252; F. K. Dörner, Th. Goell, Arsameia am Nymphaios, B., 1963, рис. 28, табл. 27 a, b; 48—51.

честве примеров можно назвать рельефы Пальмиры (сцена жертвоприношения перед алтарем ⁴² или древом жизни ⁴³).

Датировка статуэток со всадником, исходя из стратиграфических данных, а также дат сопровождающего материала некрополей, может быть установлена в пределах I—III вв. н. э. Несмотря на то, что наши статуэтки всадников по стилю и по манере исполнения более близки к парфянским ⁴⁴, можно отметить и отличия в деталях. Вопрос о том, изображали ли статуэтки всадников армянского Митру, требует еще дальнейших исследований.

Одна из терракот, найденных в Арташате, изображает мужчину, который стоит, широко расставив ноги, и упершись руками в бедра (высота сохранившейся части 12 см) (табл. V, 1). Его одежда доходит до колен и почти лишена складок, которые заметны только на рукавах; с плеч свисает плащ. К сожалению, лицо не сохранилось, однако с левой стороны видны концы головного убора, спускающиеся на плечи. Головной убор напоминает о терракоте, изображающей воин-щитоносца из собрания Гос. исторического музея Армении. Она считается фракийской ⁴⁵, однако прямых параллелей этой статуэтке мы не знаем. Подобную одежду имеют изображения армянских воинов из II, V, VI могильников Персеполя ⁴⁶. Наша статуэтка, вероятно, изображает армянского военачальника или придворного.

Интересна еще одна статуэтка воина (рис. 11). Его левая нога слегка выдвинута вперед, правой рукой у пояса воин держит за рукоятку меч, а левой — почти овальный щит, украшенный ромбовидной фигурой. Статуэтка, подобная публикуемой, хранится в Гос. историческом музее Армении, она в лучшей сохранности и обработана с большим мастерством (рис. 12). Эти статуэтки воинов привлекают внимание короткими мечами и крупными овальными щитами, которые прикрывают левую часть тела от плеча до колен. На обратной стороне одной из монет Луция Вера, выпущенной в 163 г. н. э. в ознаменование покорения Армении, среди тро-

Рис. 11

⁴² E. Strohmenger, M. Hirmeg, *Fünf Jahrtausende Mesopotamien*, München, 1962, стр. 269, 273; К. Мачабели, *Позднеантичная торевтика Грузии*, Тбилиси, 1976, стр. 86.

⁴³ G. Lippold, *Die Skulpturen des Vatikanischen Museums*, Bd. III, 2, B., 1956, табл. 32, 609; 47, 621; R. Ghirsman, *Iran. Parthes et Sasanides*, F., 1962, стр. 75, табл. 86; G. Alföldy, *Das römische Pannonien*, «Das Alterum», Bd. 9, Heft 3, B., 1963, стр. 153, рис.; Мачабели, ук. соч., стр. 84 сл.

⁴⁴ R. Ghirsman, *Iran. From the Earliest Times to the Islamic Conquest*. Harmondsworth, 1954, табл. 38 a; L. Legrain, *Terracottas from Nippur*, Philadelphia, 1930, № 272; P. G. Riis, A. Horseman Figurine from Syria, *Acta archaeologica*, vol. 13, fasc. 1—3, 1942, стр. 198—203.

⁴⁵ В. И. Пр угло, *Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов*, в сб. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 208.

⁴⁶ E. F. Schmidt, *Persepolis*, III, Chicago, 1970, рис. 40, № 20.

феев изображен аналогичный овальный щит⁴⁷. Щиты подобной формы бытовали на протяжении долгого времени, вплоть до I в. до н. э. (Нимруддаг) и позже. Статуэтки воинов с такими щитами имеют довольно широкий ареал распространения⁴⁸. Статуэтка из Лувра с таким щитом считается

Рис. 12

александрийской. Известны аналогичные статуэтки из Боспора (датируются позднеэллинистическим периодом)⁴⁹, из Малой Азии⁵⁰, Сирии⁵¹ и других мест⁵².

В эпоху эллинизма овальные щиты благодаря их высоким боевым качествам были распространены у многих народов⁵³, особенно в Малой Азии. Щиты, имеющие форму, близкую к овальной, встречаются в более раннее

⁴⁷ З. Б т у к я н, Римские монеты и медальоны об Армении, Вена, 1971 (на арм. яз.), табл. 27, 5.

⁴⁸ W i n t e r, ук. соч., табл. 384, 1—4, 7, 11.

⁴⁹ Н. И. С о к о л ь с к и й, О боспорских щитах, КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 16—20, рис. 2, 1—3; 3; П р у г л о, ук. соч., стр. 205—210.

⁵⁰ M o l l a r d - B e s q u e s, Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs et romaines, II, Myrina, табл. 150 b; S. M o l l a r d - B e s q u e s, Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains, III, Epoques Hellenistique et Romaine grèce et Asie Mineure, vol. 1, P., 1971, табл. 69 c.

⁵¹ V a n I n g e n, ук. соч., табл. XXVIII, 195 (400), 196; XXV.

⁵² R. G h i r s h m a n, Bégram, Recherches Archéologiques et Historiques sur les Kouchans, Le Caire, 1946, стр. 185, табл. X, 5; Z i e g l e r, ук. соч., № 468—470.

⁵³ M. L a u n e y, Recherches sur les armées hellénistiques, I, P., 1949, стр. 282.

время, в IV в. до н. э., во Фракии⁵⁴. Во II в. до н. э. овальные щиты уже составляли часть военной амуниции греческих войск. Чаще с подобными щитами изображались кельты⁵⁵. Возможно, в период пребывания галатов в Малой Азии их военная амуниция была воспринята их соседями. За-

Рис. 13

тем галаты в качестве наемников служили в войсках эллинистических государств, в том числе Селевкидам (App., Syr. 32) и Митридату VI⁵⁶.

Можно предположить, что овальный щит в армянском войске использовался при Тигране II после перевооружения армии⁵⁷. Знакомство с этим щитом могло иметь место также при столкновениях с соседними эллинистическими государствами. Следовательно, не исключена возможность, что эти статуэтки изображают армянского пехотинца в характерной для эллинистического времени амуниции. Возможно также, что такие статуэтки изготовлены по моделям, привезенным из других стран. Статуэтка Исторического музея либо импортирована, либо изготовлена в импортированной матрице. Артшатская статуэтка — изделие местного мастера и может быть датирована I в. н. э.

Среди наших терракотов имеется фрагмент лица (рис. 13). Возможно, это маска, изображающая младенца с выпуклыми щечками. Великолепно обработано лицо — глаза, нос, полуоткрытый рот, в которых сохранился характер, присущий греческим изображениям. Эта маска, по-видимому, изготовлена в матрице не местного происхождения и датируется I в. н. э.

Одним из лучших образцов нашей коллекции является глиняная статуэтка Силена⁵⁸ (табл. V, 2), обнаруженная в слое I в. н. э. на VIII холме

⁵⁴ Сокольский, ук. соч., стр. 23.

⁵⁵ Прругло, ук. соч., стр. 207.

⁵⁶ Там же, стр. 210.

⁵⁷ Ср. Мовесе Хоренаци, ук. соч., кн. I, 24.

⁵⁸ Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, стр. 75, табл. XC.

Артшата. Старец изображен полуобнаженным, через плечо перекинут плащ, драпированный сложными и красивыми складками. Несмотря на малые размеры статуэтки (высота сохранившейся части 9 см), коропласту удалось воспроизвести особенности старческого тела с несколько выпуклым, дряблым животом и обвисшими мышцами. Особенno интересна постановка головы, втянутой в плечи. Нижняя часть скульптуры обломана и поэтому невозможно составить представление об одежде. Левая рука отведена назад, с правой стороны расположена колонна, покрытая растительным орнаментом. Верхняя часть колонны не сохранилась. Статуэтка выделяется совершенством исполнения, в котором можно видеть великолепное знание анатомии человеческого тела. Статуэтка Силена изготовлена наверняка в импортированной матрице. Местный мастер постарался и в раскраске следовать импортированным образцам, для этого поверх светлой длины статуэтка покрыта розоватой краской.

Итак, можно видеть, что в I в. до н. э. и I—II вв. н. э. коропластика в Армении достигла высокого художественного уровня и имела немалые достижения. В этом сказывалось прежде всего развитие городов и городской жизни позднеэллинистического периода, установление культурных и торговых связей с соседними странами, известную роль сыграло также насилиственное переселение городского населения из этих стран при Тигране II и Артавазде. Армянская коропластика античного периода, несмотря на ярко выраженные самобытные черты, имеет много общего с коропластикой других стран античного мира, особенно с продукцией центров коропластики Малой Азии, Сирии и Междуречья.

К сожалению, у многих глиняных статуэток Армении головы не сохранились, а на сохранившихся повреждены лица. Однако можно заметить, что независимо от композиции почти все статуэтки лицом фронтально обращены к зрителю. Это относится в равной мере как к культовым, так и к жанровым статуэткам. Так изображена Ананит в статуэтках матери с ребенком, Астгик хоть и представлена в профиль, однако головой повернута в фас. Скульптурные изображения всадников, которые в Междуречье были распространены с давних пор, теперь приобретают новые особенности в компоновке — фигура целиком повернута к зрителю⁵⁹. Статуэтка сделана по схеме, известной из росписей Дура-Европоса и скульптур Хатры, где животные изображены в профиль, а люди в фас. Фронтально изображены музыканты, воины и т. д.

В терракотах Армении очень сильно влияние эллинистической культуры, которое следует связывать с потребностями городского населения. Вероятно, большого распространения это искусство в других слоях не получило. В Армении в отличие от других стран коропластика не находилась под воздействием монументальной скульптуры, поскольку упомянутые терракоты античного периода не имеют непосредственных предшественников в монументальной скульптуре Армении. В то же время они резко отличаются и от народно-традиционной скульптуры⁶⁰. Эллинистическая коропластика Армении прошла самостоятельный путь развития. Подвергаясь влиянию развитых традиций коропластики эллинистического мира, она не копировала их слепо. Вначале статуэтки безусловно копировались или изготавливались в привозных формах из других стран. Однако, постепенно освоив технику, методы, средства выражения, мастера приспособили их к специфике собственной тематики несмотря на синкретизацию пантеона. Армянские мастера создали своеобразное направление коропластики, обусловленное местными условиями.

⁵⁹ Кошеленко, Культура Парфии, стр. 203.

⁶⁰ Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, стр. 14—20.

Наиболее высокого развития и расцвета армянская коропластика достигла в I—II вв., когда в основном она была связана с армянской действительностью, культом и бытом. Затем армянская коропластика переживает упадок, а с середины III в., как показывают раскопки Артшата, прекращает свое существование.

ANCIENT ARMENIAN COROPLASTICS

Zh. D. Khachatryan

Excavations in Garni, Vagarshapat, Armavir and Artashat have yielded more than 80 terracotta statuettes and fragments of statuettes, which has made it possible to study a hitherto unknown branch of Armenian art — coroplastics. The figurines were baked in a single mould, without further modelling, and with one exception are not inscribed. They were designed for both religious and ordinary uses. Two tendencies may be observed in their execution. Some show fine attention to detail and careful working of the material. In other cases details were passed over, forms generalised. The first tendency is closer to the traditions of Hellenistic art, the second to those of the East. Despite its strong individual characteristics Armenian coroplastic art has much in common stylistically with that of Asia Minor, Syria and Mesopotamia. Armenian terracottas, made on the spot, date from the 1st century B. C. to the 2nd century A. D. Armenian terracotta figurines reached a high point of development in the 1st and 2nd centuries A. D., a marked though gradual decline setting in in the middle of the 3rd century.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВЫЕ НАХОДКИ НАДПИСЕЙ АХЕМЕНИДОВ

Продолжающиеся на протяжении многих десятилетий археологические исследования в районе Персеполя и Суз дали интересные результаты¹ и позволили обнаружить большое количество эпиграфических памятников. В конце 60-х и в 70-х гг. здесь были найдены новые надписи и фрагменты копий уже известных текстов времени Дария I (DS_e, DS_f, DS_z, DS_a, DS_{ab} и др.), Ксеркса (XS_d 1, XS_d 2, X²P_f, XDN_b) и Артаксеркса II (A²S_a, A²S_d). Их издание подготовили и осуществили В. Хинц, Ф. Валла и Ж. Стев².

Все новые эпиграфические находки можно разделить на две группы: не известные ранее надписи и копии или варианты древнеперсидских, эламских и аккадских версий уже известных текстов Ахеменидов. К первой группе относятся: древнеперсидская надпись DS_z³ (ее аккадская версия, обнаруженная ранее, получила обозначение DS_a⁴), клинописные (DS_{ab}) и египетская надписи на статуе Дария I из Суз⁵, две трехязычные надписи Ксеркса (XS_d 1, XS_d 2)⁶. Вторая группа представлена следующими текстами и фрагментами таковых: DS_e, DS_f, A²S_a, XDN_b. Рассмотрим каждую из новых находок подробнее.

Клинописные надписи на статуе Дария I из Суз (DS_{ab}). Основной из них — древнеперсидский текст из четырех строк, с которого были сдела-

¹ О последних результатах археологических работ в Сузах см. М. Кегуран, *Les niveaux islamiques du secteur oriental du temple de Apadana*, CDAFI, 4, 1974, стр. 21 сл.; J. Pergot, *Recherches archéologiques à Suse et en Susiane en 1969 et 1970*, «Syria», 48, 1971, стр. 21 сл.; он же, *Historique des recherches*, CDAFI, 4, 1974, стр. 15 сл.; A. B. Tilia, *Studies and restoration at Persepolis and other sites of Fars*, Rome, 1972.

² W. Hinz, *Altiranische Funde und Forschungen*, B., 1969, стр. 45—62. См. также рецензию В. Г. Луконина и М. А. Дандамаева на книгу В. Хинца: ВДИ, 1971, № 3, стр. 157 сл.; F. Vallat, *Table élamite de Darius Ier*, RA, 64, 1970, стр. 149 сл.; он же, *Deux inscriptions élamites de Darius Ier* (DS_f и DS_z), «*Studia Iranica*», 1, 1972, стр. 3 сл.; он же, *Les textes cunéiformes de la statue de Darius*, CDAFI, 4, 1974, стр. 161 сл.; он же, *L'inscription trilingue de Xerxes à la porte de Darius*, CDAFI, 4, 1974, стр. 171 сл.; J. Steeve, *Inscriptions des Achéménides à Suse*, «*Studia Iranica*», 2, 1973, стр. 7 сл.; он же, *Inscriptions des Achéménides à Suse (suite)*, *Studia Iranica*, 3, 1974, стр. 135 сл.; он же, *Inscriptions des Achéménides à Suse (fin)*, «*Studia Iranica*», 4, 1975, стр. 7 сл.

³ Steeve, «*Studia Iranica*», 2, 1973, стр. 164.

⁴ W. Schramm, *Zur akkadischen Fassung von Darius Susa f.*, RA, 63, 1969, стр. 88 сл.

⁵ Vallat, *Les textes cunéiformes...*, стр. 161 сл. Частично они уже были рассмотрены в статье: А. В. Эдаков, *Новые надписи Ахеменидов*, ВДИ, 1976, № 1, стр. 91 сл. Однако публикация надписей в клинописи позволяет провести более подробное их исследование.

⁶ Vallat, *L'inscription trilingue de Xerxes...*, стр. 171 сл.

ны эламский и аккадский переводы. Приводим перевод древнеперсидской версии по публикации в клинописи ⁷:

«Бог великий Ахура-М[аз]да, который эту землю создал, который то небо создал, который человека создал, который благоденствие создал для человека, который Д[ар]ия царем сделал. Вот статуя каменная (patikara afaⁿgaina) ⁸, которую Дарий царь приказал (niyašatāya) сделать в Египте⁹ того ради, чтобы тому, кто со временем (aparam) ¹⁰ ее увидит, извест[ным] стало, что персидский человек Египтом правит (Mūdrāyam adāriya) ¹¹. Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, царь этой земли великой, Виштаспы сын, Ахеменид. Говорит Да[рий] царь: ме[ня] Ахура-Мазда да хранит и все то, что мною сделано!».

Результаты сравнения надписи DSab с другими древнеперсидскими текстами из Суз следующие. В ней нет идеограмм, которые обязательно присутствуют, причем не в единичной форме, в текстах Дария I и последующих Ахеменидов. Но для поздних образцов времени Дария они представляют редкое исключение. Обращает на себя внимание и лаконичность эпитетов. Весь текст, в котором нет новых, не известных по предыдущим ему по времени источникам слов, никак не назовешь уникальным. В нем нет и ошибок, которые часто встречаются в надписях Ксеркса и других Ахеменидов. И, наконец, обратим внимание на заключительную фразу надписи, на призыв-обращение к богу. В подобном виде он встречен только однажды (DSs). Таким образом, древнеперсидский текст — основной клинописный текст статуи Дария — по внешнему облику и по содержанию примыкает к тем надписям из Суз, которые являются позднейшими среди текстов Дария I.

Две трехязычные надписи Ксеркса из Суз (XSd 1 и XSd 2) были обнаружены в восточной части ападаны. Они состоят всего из двух строк, расположенных на основаниях двух колонн (A 916 и B 915), которые были поставлены Ксеркском в память о деяниях своего отца.

Древнеперсидский текст ¹², как и две другие версии, в обоих случаях совершенно тождествен: «₁Говорит Ксеркс царь: По воле Ахура-Мазды эту ₂ аллею из колонн ¹³ Дарий царь сделал, который мой отец» (XSd 1—2). Следовательно, надписи сообщают, что именно Дарий I поставил два параллельных ряда колонн на ападане. Ксеркс же по каким-то причинам решил этот в общем весьма рядовой факт увековечить. Сделано это было, нужно полагать, с той же самой целью, которая вызвала появление ряда других его надписей: рельефно выделить заслуги Дария I и вместе с тем подчеркнуть свой собственный вклад в строительство Персидского го-

⁷ V a l l a t, Les textes cunéiformes..., стр. 161 сл. В квадратных скобках — несохранившиеся места.

⁸ Тексты, позволяющие установить значение patikara «образ, картина, подобие, изображение»: DB IV, 71, 73, 77; DNa 41; DS_n 1. Бехистунский, Персепольские, Накш-и Рустамский рельефы — это тоже patikara. Для afaⁿgaina — DP₆; D²S_a, 1; A²Hb; A²Sc, 6; Dsf, 45 и др.

⁹ Локативный падеж.

¹⁰ Последующие глаголы vainātiy — «увидит» и bavātiy — «будет» — 3 л. ед. ч. буд. времени; арагам, следовательно, можно перевести и «будущем».

¹¹ Или: «Египет (крепко) держит», «Египтом управляет».

¹² V a l l a t, L'inscription trilingue de Xerxes..., стр. 171 сл.

¹³ duvarḍim < dvar-(duvar-) «дверь» и vaībi- от var- «покрывать». Но здесь принимаемое обычно значение «вход» или «Grande Porte» (V a l l a t, L'inscription trilingue de Xerxes..., стр. 176 сл.) не передает особого оттенка или определения харктера сооружения; по всей видимости, это нечто вроде «особого рода вход, аллея из колонн, колоннада, ведущая ко дворцу, и т. п.» R. Kent это слово переводит: portico, colonnade (R. Kent, Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon, New Haven, 1961, стр. 192). Ранее это слово встретилось всего один раз (ХРа, 12). Оно соответствует в текстах Ксеркса эламскому e-el. В текстах Дария duvarḍi/e-el, EL не засвидетельствовано.

сударства. Именно поэтому Ксеркс неоднократно заявляет, не забывая упомянуть при этом верховного бога персов: «Меня Ахура-Мазда да хранит и мое царство, и то, что мною сделано, и то, что моим отцом сделано, это тоже Ахура-Мазда да хранит!»¹⁴

Как следует из содержания Сузских надписей Дария, им здесь было построено не менее двух дворцов и ападана. Это не расходится и с фактами документов Ксеркса. Последний же, видимо, построил в Сузах лишь один дворец, *hadīš* (XSc), т. е. «резиденцию»¹⁵.

Согласно Ф. Валла, появление на ападане в Сузах надписей XSd 1—2 и статуи Дария взаимосвязано и относится к одному времени, а именно — к началу правления Ксеркса. Более точное время — «после 486 г. до н. э.», после подавления Ксерксом восстания в Египте и «конфискаций собственности многочисленных храмов»¹⁶. К аналогичным выводам пришел также В. Хинц¹⁷. Изменил свою точку зрения и Д. Стронах: если раньше он датировал время изготовления статуи Дария 490 г. до н. э., то сейчас относит время ее создания к 500 г. до н. э., а время транспортировки монумента в Сузы — к первым годам правления Ксеркса¹⁸, т. е. опять же «после 486 г. до н. э.». Этот вывод Д. Стронах сделал под несомненным влиянием гипотезы Ф. Валла. Однако необходимо заметить, что в 486 г. до н. э. антиперсидское восстание в Египте было в самом разгаре. Подавление же его относится примерно к 484 г. до н. э.¹⁹ Следовательно, только спустя два или немногим более двух лет после воцарения Ксеркса на престоле Персидской державы (и не ранее, как это полагает Ф. Валла и авторы, следующие в своих выводах за ним) стало возможным такое положение дел. У Геродота же подавление антиперсидского египетского восстания рассматривается только как отдельный, хотя и важный, эпизод в лихорадочной подготовке к вторжению в Элладу. В этих условиях Ксерксу явно было бы не до перевозки статуи и торжественного устройства ее на новом месте, как считает Ф. Валла, или до особой чувствительности, которая выразилась в «заботе о статуях своего отца в храмах мятежной страны», — как полагает В. Хинц²⁰. Итак, ныне предполагается не только существование довольно большого отрезка времени между изготовлением и транспортировкой статуи Дария в Сузы, но и датировка монумента стала, нужно признать, значительно менее определенной. Главными фактами, позволившими Ф. Валла и другим ученым прийти к необходимости пересмотра имеющихся датировок, являются, во-первых, находка статуи Дария I и указанных текстов Ксеркса (XSd 1, XSd 2) в одном археологическом слое, во-вторых, содержание древнеперсидской и эламской версий трехязычных надписей Ксеркса, где соответственно употреблены древнеперсидский термин *duvarfi* и эламский *e-el*, *EL*. Необходимо, однако, иметь в виду, что надпи-

¹⁴ См., например, XPa, 18—20.

¹⁵ От *had-* «сидеть». «Резиденция» — это гораздо больше, чем *tačaga*, *apadāna* и, тем более, *duvarfi*. *Hadīš* архитектурно включал в себя и эти части и многие другие, среди которых должны были находиться и различные вспомогательные помещения, постройки для жилья и работы прислуги, царской гвардии и т. п. Кроме *hadīš* «резиденции» Ксеркс в Сузах, насколько это известно по дошедшим источникам, сам не строил более ничего.

¹⁶ V. allat, *Les textes cunéiformes...*, стр. 168 — цитата из: A. T. O l m s t e a d, *History of the Persian Empire*, Chicago, 1948, стр. 235. А. Олмстед просто спутал здесь Ксеркса с Камбизом. Если о «злодеяниях» последнего античные авторы писали много и охотно, то о «конфискациях» Ксеркса в Египте они молчат.

¹⁷ W. H i n z, *Darius und der Suezkanal*, AMI, NF, Bd. 8, 1975, стр. 120.

¹⁸ D. S t r o n a c h, *Description and comment*, JA, CCLX, 1972, вып. 3—4, стр. 246; ср. о н же, *La statue de Darius le Grand découverte à Suse*, CDAFI, 4, 1974, стр. 69 сл.

¹⁹ Н е г о д ., VII, 7. Геродот, однако, самой даты не дает.

²⁰ H i n z, *Darius und der Suezkanal*, стр. 120.

си XSd 1—2 были все же сделаны не на статуе Дария, а на колоннах Ксеркса. Что же касается стратиграфического различия между археологическими памятниками времени Дария и Ксеркса, то оно вовсе не обязательно. И, наконец, возможность филологической и исторической увязки эламского термина *e-el*, *EL*, употребленного в надписях XSd 1—2, с древнеперсидским *duvarğī* уже в силу всего сказанного маловероятна. Параллель *duvarğī/e-el*, *EL* возможна только для времени Ксеркса, поскольку при Дарии она не имела места. Поэтому эламское слово *e-el*, *EL* для датировки статуи Дария I, а также и для времени Дария I вообще, не может играть той роли, которую отводят ему Ф. Валла, а вслед за ним В. Хинц и Д. Странах. Подводя предварительные итоги, можно констатировать следующее. Поиски путей для ответа на целый ряд вопросов, связанных со статуей Дария, должны быть продолжены. Попытки соединить вместе данные клинописных текстов Дария (на статуе DSab) и Ксеркса (на базах колонн XSd 1—2) и доказать на этой основе первоначальное изготовление монумента в Египте и последующую его перевозку Ксерксом в Сузу остаются в конечной своей части в значительной степени гипотетичными.

К сожалению, не оправдали возлагавшихся на них надежд результаты петрографического анализа минерала, из которого изготовлена статуя Дария. Эти исследования были проведены в лаборатории прикладной геологии Орлеанского университета, и выводы, к которым пришли геологи, не позволяют говорить ни о египетском, ни об иранском происхождении минерала²¹. Попытки Ф. Валла, Д. Странаха и М. Роафа²² доказать египетское происхождение камня также нельзя считать основанием для окончательных выводов. Пока можно говорить лишь о следующем. Статуя Дария была изготовлена «в Египте», как о том и говорится в надписи на ней. Важным основанием для такого вывода служат и следы раскраски, обнаруженные на статуе Дж. Тилиа²³. Если первое обстоятельство подчеркивается всеми исследователями, то на типично египетскую манеру украшения монумента должного внимания обращено не было. Вполне возможно, далее, что статуя Дария была изготовлена не в одном, а в нескольких экземплярах²⁴. И последнее. Этот образец искусства Ахеменидов был создан позднее стел канала²⁵ и Накш-и Рустамского комплекса Дария. В пользу такой относительной хронологии указанных памятников говорят прежде всего существенные отличия этнографического и антропологического характера между фигурами подвластных народов на рельефе Накш-и Рустама, на базе статуи и на стелах канала, а также отличия в их иконографии. Настоящий аспект уже получил в литературе частичное освещение²⁶. Разная техника исполнения при этом не может объяснить существенно важных отличий в деталях, например, в положении рук коленопреклоненных фигур над овальнообразными крепостями. 490 г.

²¹ J. Trichet et P. Poupert, Étude pétrographique de la roche constituant la statue de Darius, découverte à Suse en décembre 1972, CDAFI, 4, 1974, стр. 57 сл.

²² M. Roaf, The subject peoples on the base of the statue of Darius, CDAFI, 4, 1974, стр. 73 сл.

²³ Там же, стр. 74, прим. 8 со ссылкой на устное сообщение.

²⁴ Это мнение, впервые высказанное Ж. Ийоттом, разделяется всеми специалистами (J. Youtte, Les inscriptions hiéroglyphiques. Darius et l'Egypte, JA, CCLX, 1972, стр. 266).

²⁵ G. Posener, La première domination perse en Egypte. Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques, Le Caire, 1936, № 8—10.

²⁶ G. Walsler, Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Historisches Studien über sogenannten Tributzug an der Apadana-Treppe, B., 1966; A. B. Tilia, Studies and restorations at Persepolis and other sites of Fārs, Rome, 1972; A. Farkas, Achaemenid Sculpture, Leiden, 1974; A. B. Tilia, Appendix Persepolis sculptures. In: Farkas, ук. соч., стр. 127 сл.

до н. э. как дата создания статуи по-прежнему должен считаться наиболее вероятным²⁷. О причинах перевозки статуи из Египта в Сузы источники ничего не говорят.

Надпись DSe. Ж. Стев опубликовал фрагменты новых копий древнеперсидской, эламской и аккадской версий²⁸. Фрагмент аккадской версии содержит 19 строк, что значительно больше изданной ранее Ф. Вейссбахом и Э. Спайзером части аккадского текста. Надпись датируется Ж. Стевом временем после 493 г. до н. э. Основанием для этого служит название провинции Карию/Киликии, присутствующее в списке зависимых стран и народов. По мнению Ж. Стева, эта территория вошла в состав державы Ахеменидов около 493 г. до н. э., после экспедиции Дария против европейских скифов и восстания ионийских греков. Такая дата, несмотря на попытку Ж. Стева обосновать ее результатами ретроспективного анализа всех списков стран и народов, входивших в состав державы Дария, все же представляется нам ошибочной. Карию/Киликия как самостоятельная территория действительно появляется в поздних списках Дария: в Накш-и Рустамской надписи (NRA) и в надписи DSe. Но этот факт отнюдь не следует объяснять поздним завоеванием этой территории. Просто в поздних текстах Дария, а еще позднее — в списках Ксеркса был принят дробный принцип деления завоеванных областей. Возможно, этот принцип отражал и административные изменения, а именно — увеличение числа сатрапий (административных округов) с целью лучшего управления ими на местах и из центра. Территория же Карию/Киликии должна была войти в состав Персидского государства значительно ранее 493 г. до н. э., еще при Кире. Завоевание этим царем Лидии в 546 г. до н. э. развязало персам руки на всем Малоазийском полуострове. Лидия (Sparda древнеперсидских надписей) присутствует уже в Бехистунском списке Дария. Она названа там в числе первых (№ 8). Следовательно, такой принцип датировки надписи DSe, несомненно относящейся не к самым ранним текстам Дария, не может быть принят. Основное значение для определения даты текста имеют народы, названные в списках надписи DSe после Лидии: *yauna tyaiu drayahyā* «ионийцы, которые на море» (№ 22) и *yaunā tyaiu paradraya* «ионийцы, которые за морем» (№ 23)²⁹, а не название провинции Карию/Киликии. Согласно новейшим исследованиям³⁰, «морские народы» появились в царских списках Дария значительно раньше 500 г. до н. э., между 519 г. до н. э. (предполагаемая новейшая дата скифской экспедиции Дария³¹) и 510 г. н. э. (примерная дата начала строительства Персеполя). Строительство же в Сузах (правильнее было бы говорить скорее о частичной реконструкции древней эламской столицы завоевателями-персами, чем о строительстве как таковом) последовало не после строительства в Персеполе, как склонны полагать Ж. Стев и Ф. Валла, но почти параллельно с ним. И весь эпиграфический материал времени Дария, в том числе

²⁷ Египтологические аспекты проблемы датировки в CDAFI, 4, 1974 по существу не представлены. Изложить их в сколько-нибудь полном виде, а потому и дать обоснование более поздней датировки статуи Дария с позиций египетского материала в нашей работе невозможно. Мы надеемся это сделать в будущем.

²⁸ Steeve, «*Studia Iranica*», 2, 1973, стр. 8 сл.

²⁹ См. G. Сатегон, *Darius, Egypt and the land beyond the sea*, JNES, 1943, том 2, вып. 4, стр. 307 сл. Изложенные здесь выводы в значительной степени устарели. Однако то, что касается «морских народов», можно использовать для уточнения датировки официальных списков Ахеменидов.

³⁰ J. Balsiger, The date of Herodotus IV. 1 Darius' scythian expedition, HSCF, 76, 1972, стр. 99 сл.; G. Сатегон, The persian satrapies and related matters, JNES, 32, 1973, стр. 47 сл.; М. А. Даждамаев, Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках, ВДИ, 1977, № 1, стр. 32.

³¹ Balsiger, ук. соч.

и надпись DSe, которая была создана, возможно, сразу же после 510 г. до н. э., убеждает нас в правильности такого вывода.

Надпись DSf. Ж. Стевом опубликованы восемь фрагментов разной величины, из которых четыре с древнеперсидской версией (DSf, 10—13), два — с эламской (DSf, 05—06) и два с аккадской (DSf, 0025—26) версией надписи. Вновь публикуются и фрагменты текстов из ранних изданий В. Шейля³². Древнеперсидский текст, представленный у Ж. Стева в транскрипции, по существу тот же, что дан в издании Р. Кента³³. Новое издание надписи показывает, что имелось несколько ее вариантов. Об этом свидетельствует, в частности, форма написания слов *bišmiya* «земля» и *hādāufiūa* «царь». Так, на фрагментах DSf 12 и DSf 13 они переданы не посредством идеограмм, но полностью.

Надпись DSz. Первой была опубликована аккадская версия, получившая обозначение DSaa³⁴, затем — прекрасно сохранившаяся эламская³⁵. Наконец, Ж. Стев опубликовал, правда только в транскрипции, древнеперсидский текст³⁶. Соответствие эламского и аккадского текстов, насколько можно судить по дошедшей части последнего, полное. Сохранившиеся строки лицевой и оборотной сторон древнеперсидской версии (1; 11—18; 25—37) по существу дублируют содержание надписи DSf (5—7; 21—31; 39—55), отличаясь лишь деталями. Так, разнотечения мы находим в заключительной части:

*Надпись DSf*³⁷

55. «...Говорит Дарий царь:

56. „В Сузах много великолепного было приказано (сделать) и оно очень великолеп-

57. ным стало. Меня Ахура-Мазда да хранит и *Vištaspu*, моего

58. отца, и мою страну!“»

*Надпись DSz*³⁸:

35. «...Говорит Дарий царь:

36. „По воле Ахура-Мазды в Сузах много великолепного было прика-
зано (сделать) и оно очень

37. великолепным было сделано. Меня Ахура-Мазда да хранит и мою
страну!“»

В надписи DSz отсутствует далее обращение к Ахура-Мазде: «Бог великий Ахура-Мазда, который эту землю создал, который то небо создал, который благоденствие создал для человека, который Дария царем сделал, единственным над многими царем, единственным над многими повелителем (DSf, 1—5)». В надписи DSz мы не находим и упоминаний о Виштаспе, *hādāufiūa*. Кроме того, эламский текст (DSz, 22) вместе с аккадским указывают на одну любопытную деталь, связанную с выемкой грунта под котлован и следующим этапом строительства: «щебень был насыпан в некоторых (местах) в 20 локтей в высоту», в то время как надпись DSf (25—27) сообщает, что «щебень был насыпан в некоторых (местах) в 40 локтей в высоту, в не-
которых (местах) в 20 локтей в высоту». (Напомним, что древнеперсидская версия надписи DSz точно повторяет данные текста DSf: 20 и 40 локтей.) Последнее отличие Ж. Стев считает *divergence de détail*, а все вместе взятое, по его мнению, указывает лишь на то, что надпись в древнеперсидской версии является более поздней копией надписи DSf. С этим выводом следу-

³² S t e v e, «*Studia Iranica*», 3, 1974, стр. 135 сл. Обозначение надписей Ж. Стева.

³³ K e n t, *Old Persian*, стр. 143 сл.

³⁴ S c h r a m m, ук. соч., стр. 88 сл.

³⁵ V a l l a t, *Table élamite de Darius Ier*, стр. 149 сл.

³⁶ S t e v e, «*Studia Iranica*», 3, 1974, стр. 164.

³⁷ K e n t, *Old Persian*, стр. 142 сл.

³⁸ S t e v e, «*Studia Iranica*», 3, 1974, стр. 164.

ет согласиться. Действительно, отсутствие имени Виштаспы (DSz) не могло быть простой случайностью. Видимо, к моменту составления этой надписи отец Дария I умер. Однако в другом выводе Ж. Стева можно усомниться: как и Ф. Валла, он полагает, что DSz и DSaa — варианты одной и той же надписи, DSf³⁹.

Все надписи Дария подвергались его личной аттестации, которая в то же время являлась и официальной. Такие же документы, как DSf и DSz, должны были быть взяты царем под особый контроль: из содержания их ясно следует, что царь лично руководил всеми этапами работ. Надпись DSf имеет древнеперсидский⁴⁰, эламский⁴¹ и аккадский⁴² тексты. То же касается и надписи DSz⁴³. Таким образом, это уже само по себе означает, что мы имеем здесь дело с двумя разными текстами, предназначенными не для разных з а л о в одного и того же дворца (в фундамент которого щебень был засыпан на разном уровне, как полагает Ж. Стев), но для разных залов одного и того же дворца, строимых в разное время: только этим и возможно объяснить присутствие в одной надписи и, напротив, отсутствие во второй призыва к Ахура-Мазде хранить Виштаспу. Для разных залов одного и того же дворца предназначались копии с надписей DSf и DSz, которые и приведены в издании Ж. Стева⁴⁴. Очевидно, все три версии надписи DSz были списаны с предшествующего им по времени трехязычного текста (DSf). Использование своеобразного ранее сложившегося «трафарета» стало возможным по причине чрезвычайной стереотипности этапов работы на строительстве обоих дворцов (как и планов, чертежей и необходимых расчетов, а также и различного рода смет). Работники-курташ (или *karnivakā*) и отдельные группы мастеров по мере вы свобождения на одном строительстве переходили на другое.

Следует особо остановиться и на причине расхождения цифр, упомянутых в надписях, которые сообщают о мощности фундамента. Вполне вероятно, что при переписке текстов в эламскую и аккадскую версии (DSz и DSaa) могла вкрасться одна техническая неточность, а именно — пропуск цифры «40 (локтей)». Но текст позволяет допустить и другую возможность: при строительстве позднейшего дворца щебень был насыпан действительно на «20 локтей» в высоту, как того требовал его фундамент по причине своего ровного дна в различных частях котлована. В таком случае ошибку следует искать в древнеперсидской версии надписи DSz, где дано механическое повторение данных более ранней надписи DSf.

Ж. Стев полагает, что надпись DSaa была создана в 515—514 гг. до н. э., и она, вероятно, является самой ранней из всех текстов из Суз. Он помещает ее «между Бехистунской надписью (±520—519) и DPe»⁴⁵. Последнюю Ж. Стев датирует 513 г. до н.э. Относительно датировки Бехистунской надписи следует сказать, что этот срок является весьма приблизительным. Французский исследователь по непонятным причинам не использует крайних дат, нашедших отражение в тексте Бехистунской

³⁹ V a l l a t, *Deux inscriptions élamites de Darius Ier (DSf et DSz)*, стр. 3 сл.; S t e v e, «*Studia Iranica*», 3, 1974, стр. 163.

⁴⁰ Помимо указанной литературы см. также В. И. А ба е в, Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе, «Иранские языки, I». Серия «*Iranica*. Материалы и исследования по иранским языкам», вып. 3. Под ред. В. И. Абаева, М.—Л., 1945, стр. 127 сл.

⁴¹ W. H i n z, *The elamite version of the record of Darius' palace at Susa*, JNES, 9, 1950, стр. 2 сл.

⁴² S c h r a m m, ук. соч.

⁴³ Древнеперсидский вариант издан Ж. Стевом («*Studia Iranica*», 3, 1974, стр. 163 сл.); им же издан аккадский вариант (там же, стр. 154 сл.); эламский текст опубликован Ф. Валла (RA, 64, 1970, стр. 149 сл.).

⁴⁴ S t e v e, «*Studia Iranica*», 3, 1974, стр. 165 сл.

⁴⁵ Там же, стр. 169.

надписи: 27 ноября 521 г. и март 518 г. до н.э.⁴⁶ Что же касается предлагаемой Ж. Стевом даты текста DSaa, то и ее трудно принять из следующего соображения. Выше, рассматривая взгляды Ф. Валла и Ж. Стева, относящиеся к проблеме датировки надписи DSe, мы подчеркнули наше расхождение с этими авторами по вопросу о начале строительства Дария I в Сузах и в Персеполе. Оно относится примерно к 510 г. до н. э. Следовательно, и надписи DSz и DSaa необходимо отнести к этому же времени.

Надпись Артаксеркса II из Суз (A²Sa(2)). Р. Кентом были опубликованы только две надписи этого царя из Суз⁴⁷. Ж. Стев издал фрагменты четырех копий надписи A²Sa, состоящей из шести строк⁴⁸. На русский язык ни одна из надписей Артаксеркса II не переводилась. Предлагаем перевод текста:

«Говорит Артаксеркс, царь великий, царь царей, царь стран, царь этой земли, Дария⁴⁹ царя сынов, (того) Дария, (который) Артаксеркса⁵⁰ царя сынов, (того) Артаксеркса, (который) Ксеркса⁵¹ царя сынов, (того) Ксеркса, (который) Дария царя сынов, (того) Дария, (который) Виштаспы сыны Ахеменид: „Этот тронный зал⁵² Дарий, працадед⁵³ мой, сделал. Позднее, при Артаксерксе⁵⁴, моем деде, он (т. е. тронный зал.— А. Э.) сгорел⁵⁵. По воле Ахура-Мазды, Ахахиты и Митры я приказал тронный зал этот сделать (т. е. восстановить.— А. Э.). Ахура-Мазда, Ахахита и Митра ме₆ня да хранят от всякой скверны и то, что я сделал,— пусть не разрушают (?) (или: не поражают?) и не причиняют бедствий (?) (или: не вредят?)⁵⁶...“»

Новые надписи Ксеркса

Наки-и Рустамская надпись Ксеркса (XDNb) была обнаружена 24 января 1967 г. в 1,7 км западнее знаменитой террасы Персеполя, а опубликована в клинописи (фото) и транскрипции В. Хинцем⁵⁷. Как

⁴⁶ М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963, стр. 61—80.

⁴⁷ Kent, Old Persian, стр. 154 сл.

⁴⁸ Steeve, «*Studia Iranica*», 4, 1975, стр. 7 сл.

⁴⁹ Дария II. Имя склоняется здесь так, как будто оно имеет основу на -а (Dā-rayavausāhyā). Нужно Gen.: Dā-rayavahaus.

⁵⁰ Артаксеркса I.

⁵¹ Дважды имя Ксеркса выписано: Xšāyārča (Steve, «*Studia Iranica*», 4, 1975, табл. 1—2) вместо должного Xšāyāršā. Восстановление Ж. Стева в обоих случаях: Xšāyārča.

⁵² Лучше, конечно, переводить просто: «ападана». Ж. Стев (там же, стр. 10) переводит: «salle à colonnes». Для «ападаны с каменными колоннами» см. D²Sa, 1: apadānam stūnāya afa^{ngainam}.

⁵³ В тексте: nyakama «мой дед». Но Дарий I приходился Артаксеркса II працадедом.

⁵⁴ Artaxšāčā. Необходимо же: Artaxšāčām.

⁵⁵ В эламском варианте: li-ma-ik-ka₄; в аккадском — išatum tatakkalšu; в древнеперсидском -aθavā. См. Steeve, «*Studia Iranica*», 4, 1975, стр. 10. Слово aθavā восходит к иранск. ātar-, āθr-«огонь» (так же в авестийск.). В. Хинц читает это слово *āθavāna. М. Майерхойфер восстанавливает: āθ(r)avā. Библиографию см. Steeve, там же.

⁵⁶ mā yātum mā kayāda vi + + itu +. Перевод Ж. Стева: «(Puissent-ils) ne provoquer (?) ni dommage ni ruine!». Если yātum и kayāda — существительные, то после них должен скорее всего следовать глагол, от которого сохранились только следы vi + + itu +; mā — обычная конструкция для отрицания императива. Поэтому yāta и kayāda, очевидно, использованы в надписи в конструкции типа: существительное + + глагол (М. Майерхойфер сопоставляет yātum с авестийск. yātū). Оба слова имеют прежде всего религиозный, сакральный смысл и близки по значению, нечто вроде «наказание, ниспосланное богами на людей (человека) и на их (или: через их) деяния». Аккадские соответствия см. Steeve, «*Studia Iranica*», 4, 1975, стр. 11.

⁵⁷ Hinz, *Altiranische Funde...*, стр. 45—52. В этой же работе опубликованы эламский (В. Хинцем) и аккадский (Р. Боргером) варианты гробничной надписи Дария — DNb. См. Hinz, там же, стр. 53—62.

было указано В. Хинцем и М. А. Дандамаевым, настоящая надпись по содержанию дословно совпадает с гробничной надписью Дария — DNb⁵⁸. Тем не менее есть и отличия: чаще всего это просто графические варианты. Они свидетельствуют о том, что надпись Ксеркса была скопирована с текста Дария, но не механически: кроме замены имени Дария на имя Ксеркса текст также подвергся некоторой редакции. Так, например, во всей надписи проведена замена местоимения 1-го лица ед. числа амиу на ahmiy, вместо adadā «создал» дается форма adā, вместо īma — īmam и т. д. Очевидно, такая редакция отразила и зафиксировала в новом тексте и какие-то изменения в древнеперсидском языке. Имеются и другие отличия. Приводим перевод нового текста (XDNb):

«Бог великий Ахура-Мазда, который создал это великолепие, которое видится, который создал счастье для человека, который разум и энергию на Ксеркса царя ниспослал. Говорит Ксеркс царь: „По воле Ахура-Мазды я, такого рода есмь, что правдивому человеку другом я являюсь, а лживому человеку я недругом являюсь. У меня нет желания, чтобы слабый сильного ради зла испытывал; у меня нет (и) такого желания, чтобы сильный слабого ради зла испытывал, — чтобы правда (была) — таково мое желание. Человеку лживому я не друг есмь. Я не вспыльчив есмь. И в то время, когда я в сражении бываю, крепко я держу в своей душе (т. е. самого себя). Над собой крепко властующий я есмь. Человек, который сотрудничает со мной, его я согласно сделанному им — так я с ним обхожусь, который вредит — согласно сделанному им вреду я наказываю. Нет у меня желания, чтобы человек навредил и нет (и) такого желания, чтобы (коли уж) он навредил, ненаказанным оставался. Человек, который против человека говорит, ему я не верю, пока одного и другого вместе я не удовлетворю (допросом). Человек, который делает насколько способен или приносит согласно силам, — им я удовлетворен бываю. И (таково) мое сильное желание и хорошо удовлетворен я есмь, и сильно я дарую верность, людям, и такого рода мое понимание и мое повеление, что если мною сделанное ты увидишь или услышишь, (будь то) или дома, или на поле сражения, — это будет проявление(м) моей энергии и над духом и над пониманием. Такова у меня энергия, поскольку я сам в силах над (своим) духом. Полководец я есмь хороший полководец: сразу же в моем понимании все устанавливается, а именно: или вижу мятежника, или (если даже) я не вижу, — и пониманием и поведением тут же я первый улавливаю, когда я вижу мятежника и когда (если даже) я не вижу. Способность моя к быстрой реакции — и руками и ногами. Всадник — хороший всадник я есмь, стрелок из лука — хороший стрелок из лука я есмь: пеший и конный. Конемататель — хороший конемататель я есмь: и пеший и конный. Таково отменное мастерство, которое Ахура-Мазда на меня ниспослал, им я в силах владеть. По воле Ахура-Мазды мною сделанное я (благодаря) тому отменному мастерству совершил, которое на меня Ахура-Мазда ниспослал. Меня Ахура-Мазда да хранит и то, что мною сделано!».

Поскольку сохранность надписи DNb очень плоха, мы должны принять предложение В. Хинца исправлять и уточнять те ее восстановления, которые были сделаны Р. Кентом и Дж. Кэмероном. Основой здесь должен служить новый вариант, надпись XDNb.

Обе надписи настолько интересны и оригинальны по своему содержанию, что им трудно найти параллели среди известных эпиграфических памятников древности. Очевидно, и Ксеркс воспользовался надписью

⁵⁸ Луконин и Дандамаев, ук. рец., стр. 157.

своего отца именно по причине ее уникальности. Но не только поэтому. Однако вначале отметим основные изменения в новой надписи (XDНb) по сравнению с текстом Дария (DNb). Они следующие:

- 13–14 «...что мне подлежит сдерживанию, крепко я держу в своей душе⁵⁹»,
- 27–30 «...и хорошо удовлетворен⁶⁰ я есмь, и такого рода мое понимание и мое повеление, что если мною сделанное ты увидишь или услышишь,...»,
- 34–35 «...сразу же в моем понимании все мною видится, ...»,
- 38–40 «...тут же я первый⁶¹ улавливаю, когда я вижу мятежника и когда (даже) я не вижу.»,
- 45–47 «...и мастерство, которое Ахура-Мазда на меня ниспослал,...».
- 15–16 «И в то время, когда я в сражении бываю, крепко я держу в своей душе (т. е. самого себя)»,
- 29–32 «И (таково) мое сильное желание и хорошо удовлетворен я есмь, и сильно я дарую верность людям⁶¹, и такого рода мое понимание и мое повеление,...» (повтор),
- 38–39 «...сразу же в моем понимании все устанавливается⁶², ...»,
- 42–44 «...тут же я первый⁶³ улавливаю,...» (повтор),
- 50–52 «Таково отменное мастерство, которое Ахура-Мазда на меня ниспослал, ...».

Строки 50–60 надписи Дария в «сокращенном» варианте надписи Ксеркса отсутствуют. Здесь Дарий призывает «человека» (*marika*)⁶⁴ «крепко запомнить» те свои качества, о которых он пишет, а также читать и слушать написанное им, неукоснительно выполнять и не нарушать «этого закона» (*taiy dāta*, DNb, 58). По каким причинам эта часть текста оказалась выпущенной в надписи Ксеркса — сказать трудно. Но самый факт повторного копирования Ксеркса политического завещания своего отца весьма показателен и объяснению поддается. Он, несомненно, свидетельствует о неизменности принципов государственного правления, которые были в свое время установлены Дарием I, указывает, что они являлись образцом для Ксеркса и, очевидно, для последующих Ахеменидов⁶⁵. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Ксеркс излагает «этот закон» от своего имени и какие-либо ссылки на Дария и первоначальный текст отсутствуют. Но имеется призыв к Ахура-Мазде, который, как и начальная фраза, призван освятить излагаемые Ксеркском узаконенные установления (*dātā*). В действительности же надпись XDНb — не простая копия и не простой документ. Это программный текст, государственный

⁵⁹ *manahā* (DNb) — *Instrumentalis*; *manahyā* (XDНb) — *Genitivus*. Перевод строк не основан на уверенном восстановлении. Перевод В. Хинца для варианта XDНb, 15–16 такой: «Auch wenn es in mir Kämpft, bezwinge ich meinen Zorn» (H i n z, *Altiranische Funde...*, стр. 57.). Ключевые, но разящиеся в надписи Ксеркса слова: *partana*-*(partanāya*-, Loc. Sing.) и *manahyā*. Перевод Р. Кента первого слова — «battle» (K e n t, *Old Persian*, стр. 196); стр. DNa, 47, где оно явно значит «противник». *Manahyā* В. Хинц переводит «des Gemütes, Sinnes» (H i n z, *Altiranische Funde...*, стр. 47). Древнегреческое соответствие *μένος* — это и «гнев, ярость» и «дух, душа, разум».

⁶⁰ *h_ufaⁿdus* (XDНb) — более правильная форма, чем восстанавливавшаяся ранее в надписи Дария.

⁶¹ Перевод В. Хинца (*Altiranische Funde...*, стр. 50): «und vieles schenke ich treuen Mannes».

⁶² Перевод В. Хинца (там же): «festzustellen ist» (разрядка В. Хинца).

⁶³ *aruvāya* (DNb) и *aruvāyā* (XDНb). Оба слова от *aruvā* — «action» (K e n t, *Old Persian*, стр. 168, 170). В. Хинц принимает перевод К. Хоффмана: «Todesangst, Panik» (ук. соч.).

⁶⁴ Т. е. «подданного». См. Л у к о н и и и Д а н д а м а е в, ук. рец., стр. 158.

⁶⁵ Указанием на этот момент автор обязан М. А. Дандамаеву. Пользуясь случаем выразить ему глубокую благодарность за постоянную помощь в работе, в том числе и над настоящим сообщением.

закон⁶⁶ всей державы Ахеменидов. При копировании же такого документа ссылка на оригинал не была обязательной.

В заключение нашего сообщения отметим, что Ж. Стев опубликовал еще две надписи Ксеркса. Одна из них (обнаруженная и опубликованная во фрагментах) сообщает о строительстве дворца (*tačara*) в Персеполе (ХР⁶⁷), другая — аккадская версия надписи ХР⁶⁸.

A. B. Эдаков

RECENTLY DISCOVERED ACHAEMENID INSCRIPTIONS

A. V. Aedakov

The author discusses problems connected with recently discovered inscriptions of Darius I (DSz, DS ab), an Egyptian inscription cut on the statue of Darius from Susa, two trilingual inscriptions of Xerxes (XS d 1, XS d 2), the Nakš-i Rustam inscription of Xerxes (XDN b) and copies of Achaemenid texts found earlier. From the contents of XS d 1, XS d 2 and DS ab no certain conclusion is possible as to when the monument was put up in Susa. At present we may say only that the statue was made «in Egypt» (Müdrayai) since that is stated in DS ab. As to when it was erected, the Egyptian rather than the cuneiform source provides the main evidence. The inscription XDN b (published by W. Hinz in 1969) is examined in detail. It is a variant of the famous tomb inscription (DN b) of Darius I, his political testament. There are no substantial differences between the contents of the two inscriptions, only such as allow the inference that XDN b is a variant text or special copy of DN b. This is neither a simple document nor a simple copy but records a programmatic text, the State Law («legal institutions», *dātā*) of the Achaemenid empire, which was established by Darius I and served as a basic text for Xerxes and evidently also for the last Achaemenids. Hence the absence in XDN b of any direct reference to Darius or to his inscription (DN b), hence also the placing of XDN b in Nakš-i Rustam. This document is therefore a very important source for studying the internal policies of the Achaemenian kings and the state system of the Persian Empire. The author offers a Russian translation of XDN b and notes the principal changes in Darius's text as edited by his son Xerxes.

⁶⁶ В связи с этим вновь следует подчеркнуть очень большую близость целого ряда положений гробничной надписи Дария из Накш-и Рустама и, следовательно, рассматриваемого документа Ксеркса, тем моментам, которые нашли отражение в третьей книге «Истории» Геродота (III, 80—82). Ограничимся ссылкой на основные работы: В. В. Струве, Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I, ВДИ, 1948, № 3, стр. 12 сл.; В. Б. Маргулес, Геродот, III, 80—82 и софистическая литература, ВДИ, 1960, № 1, стр. 21 сл. Особо необходимо отметить удивительное совпадение заключительных строк надписи Дария, где все изложенное определено самим царем в качестве «закона», и заключительных, итоговых слов речи Дария у Геродота. «Отец истории» вкладывает в уста перса следующее программное положение: «нарушение отечественных законов (*τούτου πατρίους νόμους*) не принесет пользы» (Нерод., III, 82.). В обоих случаях этот заключительный аккорд очень четко устанавливаемой политической программы звучит одинаково: она определяется как государственный закон, которому всегда и во всем необходимо неукоснительно следовать.

⁶⁷ Струве, «*Studia Iranica*», 4, 1975, стр. 20 сл. и табл. 11—13.

⁶⁸ Там же, стр. 21 сл. и табл. 14—15.

К ВОПРОСУ О СЫРЬЕВОЙ БАЗЕ АНТИЧНОГО РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РАЙОНЕ ДНЕПРОВСКОГО И БУГСКОГО ЛИМАНОВ

(По материалам Ягорлыцкого поселения)

В хозяйственной деятельности античных городов и поселений на северных берегах Черного моря и в том числе в районе Днепровско-Бугского лимана важную роль занимало ремесленное производство, возникшее вскоре же после появления эллинов в Северном Причерноморье¹. В районе Днепровско-Бугского лимана в настоящее время известно три центра ремесла, возникших и функционировавших в архаическое время — Березань², Ягорлыцкое поселение³ и позже Ольвия⁴.

Существование более или менее развитого ремесленного производства предполагает наличие в близлежащих районах необходимого минимума сырьевых материалов. Без наличия некоторых категорий сырьевых ресурсов в близлежащих к району Днепровско-Бугского лимана территориях и более удаленных регионах ремесла здесь не могли возникнуть и нормально функционировать. Постараемся на примере Ягорлыцкого поселения рассмотреть, какие сырьевые материалы использовали древнегреческие ремесленники в самый начальный период своего пребывания на Северном Понте.

Как полагают исследователи, основанию древнегреческих центров ремесла в Северном Причерноморье должно было предшествовать предварительное знакомство эллинов с запасами сырьевых ресурсов, имевшихся в Скифии и особенно в прибрежных районах. По мнению ученых, это были предприятия отдельных лиц, торговавших предметами роскоши с верхушкой земного населения в период перед появлением ремесленного производства на античных поселениях⁵. Существует предположение, что информация о природных богатствах концентрировалась в святили-

¹ А. С. Островерхов, О роли ремесленной прослойки в греческой колонизации Днепро-Бугского региона, «Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений», Цхалтубо, 1977, стр. 52—53.

² В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 137.

³ А. С. Островерхов, Ягорлыцкое поселение. АО, 1973, М., 1974, стр. 323; он же, Ягорлыцкое поселение ремесленников, «Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов», ч. II, Киев, 1975, стр. 18—19; он же, О черной металлургии античных центров Днепровского и Бугского лиманов, «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции», Киев, 1975, стр. 132—134; он же, Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днепра, «Открытия молодых археологов Украины. Тезисы докладов», ч. II, Киев, 1976, стр. 21; он же, Склоробна майстерня на Ягорлыцькому поселенні, Археологія, вип. 25, Київ, 1978; он же. Про чорнуметаллургію на Ягорлыцькому поселенні, Археологія, вип. 28, Київ, 1978; Г. Ф. Загий, А. С. Островерхов, И. Т. Черняков, Исследования у Ягорлыцкого залива, АО, 1976, М., 1977, стр. 294; С. Б. Буйских, А. С. Островерхов, Работы на Ягорлыцком поселении, АО, 1977, М., 1978, стр. 315; М. А. Бездубров, А. С. Островерхов, Стеклоделательная мастерская в Северном Причерноморье в VI в. до н. э., «Стекло и керамика», № 2, 1978, стр. 32—33; А. С. Островерхов, Экономические связи Ольвии, Березань и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII—V вв. до н. э.), Автореф. канд. дисс., Киев, 1978, стр. 8—14; он же, Про металлургію кольорових металів на Ягорлыцькому поселенні, Археологія (в печати).

⁴ Археологія Української РСР, т. II, Київ, 1971, стр. 368 сл.

⁵ В. П. Яйленко, Зарубежная историография древнегреческой колонизации, ВИ, 1975, № 4, стр. 197.

щах оракулов, которые регулировали направление колонизационных потоков⁶.

Многие отрасли античного ремесла были связаны с высокотемпературными режимами. Единственным же видом горючего при этих процессах с древнейших времен, вплоть до позднего средневековья, служил древесный уголь. Металлурги скифской эпохи, например, использовали его даже в тех случаях, когда вблизи были выходы да поверхность каменного угля⁷. В связи с большой трудоемкостью добычи древесного угля и его пропорции к руде в среднем 4 : 1 производство локально тяготеет больше к углю, чем к руде. Поэтому оно могло возникнуть лишь в местах, вблизи которых находились большие лесные массивы⁸.

В районе Бугского лимана в настоящее время лесные массивы отсутствуют, однако данные палеоботаники свидетельствуют о том, что в I тыс. до н. э. большие площади в Северном Причерноморье занимали пойменные леса, которые доходили вплоть до Черноморского и Азовского побережий. Предполагается, что такие рощи росли и вдоль Бугского лимана⁹. Однако основным источником топлива, которое использовали Ольвия, Березань и Ягорлыцкое поселение, были леса Гилеи¹⁰, упоминаемые у античных авторов и в эпиграфике¹¹. Пыльцевой анализ, взятый из Кардашинского торфяника, расположенного недалеко от Цурюпинска, показал, что в Гилее в период позднего голоцена преобладали дуб, вяз, ольха, береза, граб, клен, орех, липа и сосна¹². Эти анализы подтверждаются и другими данными¹³.

Таким образом, в лесах Гилеи росли различные породы деревьев. Это давало возможность удовлетворить потребности различных производств. Так, согласно Феофрасту, кузнецы предпочитали сосновый уголь. Для сырдутных процессов, наоборот, больше подходил уголь, приготовленный из дуба или ореха¹⁴. Заготовка дров и выжигание угля требовали значительного количества дровосеков и углежеков, знавших особенности каждого вида древесного угля, а значит и его специализацию¹⁵.

Исследователи¹⁶ полагают, что Гилея входила в состав хоры Ольвии и эксплуатировалась этим крупным центром на продолжении всего античного периода. Это, по мнению Н. И. Сокольского¹⁷, привело к ее истощению и постепенному обезлесению. Следует думать, что возникновение Ягорлыцкого ремесленного поселения в самом центре Гилеи было также

⁶ И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов, Некоторые проблемы греческой колонизации, «Материалы симпозиума...», Цхалтубо, 1977, стр. 92.

⁷ Б. А. Шрамко, Новые данные о добыче железа в Скифии, КСИА АН СССР, вып. 91, 1963, стр. 76.

⁸ А. А. Иессен, Б. Б. Деген-Ковалевский, Из истории древней металлургии Кавказа, ИГАИМК, 120, 1935, стр. 263; М. С. Адреев, Выработка железа в долине Ванча, Ташкент, 1926, стр. 6.

⁹ В. И. Биков, Из истории голоценной фауны позвоночных в Восточной Европе, в сб. «Природная обстановка и фауна прошлого», вып. 1, Киев, 1963, стр. 130 сл.

¹⁰ Н. И. Сокольский, Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья, МИА, 178, 1971, стр. 14–18.

¹¹ Негод., IV, 18, 19, 76; Рип., NH, IV, 83; IOSPE, I², 34.

¹² М. И. Нейштадт, История лесов и палеогеография СССР в голоцене, М., 1957, стр. 362.

¹³ Ф. Брун, О позднейших названиях древней Гилеи, ЗООИД, IV, Одесса, 1860, стр. 238; Е. И. Бучинский, Очерки климата русской равнины в историческую эпоху, М., 1949, стр. 44.

¹⁴ Theophr., IV, 5, 2.

¹⁵ Theophr., V, 9, 1–4.

¹⁶ В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 54; С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 40; Сокольский, ук. соч., стр. 15.

¹⁷ Сокольский, ук. соч., стр. 16.

вызвано стремлением максимально приблизить производство к источникам топлива.

Ни одно крупное античное поселение, ни один древнегреческий город, возникшие на северных берегах Черного моря, не могли обойтись без черной металлургии как для удовлетворения своих внутренних потребностей¹⁸, так и при производстве изделий, предназначенных для сбыта скифским племенам¹⁹. Поэтому эта отрасль ремесленного производства на эллинских поселениях Днепровско-Бугского лимана, как и в других районах Причерноморья, должна была появиться одной из первых. Это и подтверждают имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы. Остатки железодобывающих и железообрабатывающих комплексов VI—V вв. до н. э. вскрыты на Березани²⁰, в Ольвии²¹ и на Ягорлыцком поселении²².

Вплоть до недавнего времени в литературе не поднимался вопрос об источниках железных руд, которые использовали древнегреческие металлурги района Днепровско-Бугского лимана. Между тем исследователи справедливо подчеркивают, что наличие железных и других руд в районах колонизации являлось одним из важных факторов появления античных поселений²³.

По данным геологии в районе Днепровско-Бугского лимана, в низовьях Днепра и Южного Буга запасов железных руд болотного происхождения нет²⁴. Как известно, при добыче железа сыродутным способом в лесостепной Скифии использовались исключительно месторождения болотных, дерновых, озерных и других разновидностей бурых железняков (лимонитов)²⁵. Железную руду невысокого качества с большим количеством тугоплавких примесей добывали из третичных отложений на Таманском²⁶ и Керченском²⁷ полуостровах. Эта руда после обогащения и выплавки в горнах шла на изготовление орудий труда и вооружения. Несколько противоречиво мнение о железорудной базе Каменского городища. В свое время Б. Н. Граков²⁸ предположил, что на этом крупном скифском металлургическом центре железо добывалось из криворожских руд. Б. А. Шрамко²⁹, полемизируя с ним, отметил, что криворожское месторождение удалено от Каменского городища на 60 км. Трудно представить себе, чтобы в ту эпоху место выплавки железа было удалено от

¹⁸ В. Д. Блаватский, Пантикеи. Очерки истории столицы Боспора, М., 1964, стр. 34.

¹⁹ Островерхов, О черной металлургии..., стр. 134; он же, Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні; он же, Экономические связи..., стр. 11.

²⁰ В. В. Лапин, Раскопки поселения на острове Березань в 1960 году, КСИА АН УССР, вып. 11, Киев, 1961; он же, Греческая колонизация..., стр. 137—138; он же, Раскопки древнегреческого поселения на острове Березань в 1966 г., АИУ, т. I, Киев, 1967, стр. 148.

²¹ И. И. Мещанинов, Отчет о работах ольвийской экспедиции, СГАИМК, вып. 2, М.—Л., 1931.

²² См. работы, указанные в прим. 19.

²³ Д. А. Хачатуров, Некоторые вопросы древнеколхиидской металлургии железа (В связи с проблемой греческой колонизации Колхиды), «Материалы симпозиума...», Цхалтубо, 1977, стр. 70.

²⁴ Консультация дана старшим научным сотрудником Института геологических наук АН УССР, кандидатом геолого-минералогических наук В. М. Семененко.

²⁵ Шрамко, Новые данные..., стр. 72.

²⁶ Н. А. Онейко, Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг., КСИИМК, вып. 77, М., 1959, стр. 33.

²⁷ О. Ю. Круг, Н. В. Рындина, К вопросу о железной металлургии Пантикея, МИА, 103, 1962, стр. 257; И. Д. Марченко, Материалы по металлообработке и металлургии Пантикея, МИА, 56, 1957, стр. 163.

²⁸ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 114.

²⁹ Шрамко, Новые данные..., стр. 72—74.

места добычи руды на столь большое расстояние и отрезанное к тому же широкой рекой. Стремясь подтвердить свой вывод, Б. А. Шрамко утверждает далее, что все известные ему образцы из раскопок Каменского городища есть «не что иное, как конкреции бурого железняка», которые значительно отличаются от гематито-магнетитовых руд Криворожского бассейна. Двойственную позицию по этому вопросу занял В. Ф. Петрунь³⁰. С одной стороны, он соглашается с Б. А. Шрамко о малой вероятности добычи железа на Каменском городище из Криворожской руды, а с другой, отмечает, что замерзающий на зиму Днепр не представляет серьезного препятствия для транспортировки сырья. Помимо этого, он замечает, что криворожская руда, хотя и в незначительном количестве, встречается среди материалов Каменского городища. Ближе всего к городищу расположены месторождения конкреционно-секреционных бурых железняков периферии Никопольского марганцевого бассейна³¹. Они и были, по мнению В. Ф. Петруни, сырьевой базой железопроизводящих мастерских Каменского городища.

В свете вышеизложенного очень важными оказались образцы железных руд, найденных на Ягорлыцком поселении³². Здесь они представлены магнетитовым кварцитом, месторождения которого сосредоточены в Криворожском бассейне и на Корсак-Могиле, в Северной Таврии³³. Эта руда содержит много железа. На последнем месторождении она могла добываться открытым способом. Помимо магнетита на поселении найдены куски железистого роговика, которые, по определению В. Ф. Петруни, имеют один источник происхождения с найденными на Каменском городище, т. е. Никопольский марганцевый бассейн. Интересно, что образцы руды имели вид прямоугольных брусков (15 × 5 × 3 см). Нам представляется, что это свидетельствует о специальной подготовке сырья для транспортировки на большие расстояния. Вывозу сырья из Криворожья способствовали прекрасные водные пути — Ингулец и сам Днепр. Как показали исследования, в античное время между населением Криворожского бассейна и античными поселениями Днепровско-Бугского лимана существовали тесные экономические связи³⁴. Посредником при этом уже с конца V в. до н. э. выступало Каменское городище³⁵.

Наше внимание привлекло наличие в районе Днепровско-Бугского лимана запасов гематитовых песков — выносов рек Буга и Днепра из кристаллического массива континента (рис. 1)³⁶. В их состав входят зерна магнетита, титаномагнетита, роговой обманки и других минералов. Особенно много железа концентрируется в осадках Одесского желоба и в западинах дна заливов, а также в кутовых частях бухт и заливов, где вследствие пониженной гидродинамической активности придонного слоя накапливаются илистые отложения.

³⁰ В. Ф. Петрунь, О достоверности петрографо-минералогических исследований в археологической практике, ЗОАО, т. 2 (35), Одесса, 1967, стр. 6.

³¹ Н. Соколов, Марганцевые руды третичных отложений Екатеринославской губернии, Труды Геологического комитета, т. 18, № 2, 1901.

³² Определение пород сделано кандидатом геолого-минералогических наук В. Ф. Петрунем.

³³ П. А. Двойченко, Гидрогеологический очерк Северной Таврии, Труды ЮОМО, вып. XV, Одесса, 1930, стр. 59—61.

³⁴ А. И. Фурманська, Бронзоливарне ремесло в Ольвії. Археологія, т. XV, Київ, 1963, стр. 65; В. Ф. Петрунь, О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья, КС ОАМ за 1963 г., Одесса, 1965, стр. 127.

³⁵ Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 148 сл.

³⁶ Е. Н. Невеский, Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря, М., 1967, стр. 189 сл., рис. 75.

Подобное сырье широко использовалось в древнем мире для получения железа. Пс.-Аристотель сообщает: «Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисского: оно образуется, по рассказам, из песка, несомого реками; песок этот, по одним рассказам, просто промывают и плавят на огне, а по другим — образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и плавят на огне, а по другим — образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и потом плавят, прибавляя так называемый огнеупорный камень,

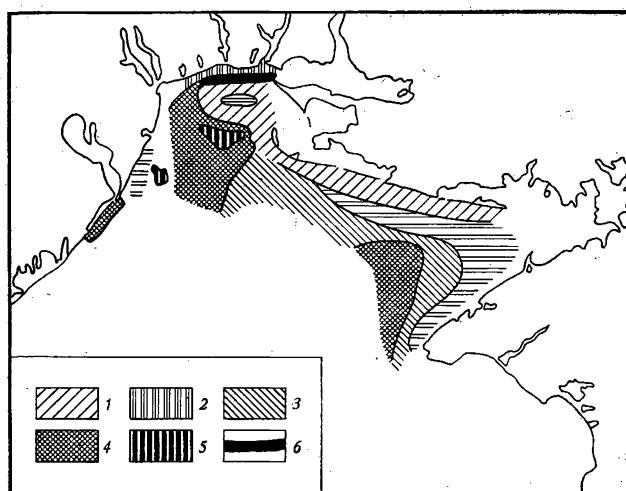

Рис. 1. Распределение железа (гематитовые пески) в поверхностном слое осадка на Одесском желобе, в устье Днепра (по Е. Н. Невескому): 1 — менее 1%; 2 — 2—2,5%; 3 — 2,5—3%; 4 — 3—4%; 5 — 4—5%; 6 — более 5%

коего много в той стране. Этот род железа гораздо лучше прочих, и если бы оно плавилось не в одной печи, то, кажется, ничем не отличалось бы от серебра. Только одно это железо, по рассказам, не подвергается ржавчине, но добывается оно в незначительном количестве»³⁷.

Наиболее широко описанный способ получения железа практиковался на морском побережье Грузии и в Малой Азии³⁸. Интересно, что до сих пор не найдены источники железной руды, которую использовали ремесленники Навкратиса в VI в. до н. э.³⁹. Между тем в дельте Нила гематитовые пески в отличие от других руд представлены в довольно значительных количествах⁴⁰.

В связи с поднятым вопросом следует остановиться на интерпретации нескольких комплексов, связанных с обработкой железа, вскрытых работами В. В. Лапина⁴¹ на Березани. Все они были однотипными по кон-

³⁷ Псевдо-Аристотель, О невероятных случаях, II, 48 (ВДИ, 1947, № 2, стр. 327).

³⁸ И. А. Гелишвили, Железоплавильное дело в древней Грузии, Тбилиси, 1964, стр. 16; Д. А. Хачутайшвили, К истории древнеколхидской металлургии железа, в кн. «Вопросы древней истории (Кавказско-близневосточный сборник, IV)», Тбилиси, 1973, стр. 170—179; он же, Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа. КСИА АН СССР, вып. 154, М., 1977, стр. 29—33.

³⁹ А. Лукас, Материалы и ремесленное производство древнего Египта, М., 1958, стр. 372.

⁴⁰ W. F. Ниме, The Geology of Egypt, vol. I, Cairo, 1925, стр. 58.

⁴¹ Лапин, Греческая колонизация..., стр. 137 сл.

струкции, а следовательно, и по назначению сооружениями. Так, первый комплекс, исследованный в 1960 г., представлял собой два круглых больших, но неглубоких бассейна, связанных между собой узким каналом. Оцементированное плотным беловатого цвета глинистым составом дно одного бассейна в момент раскрытия было покрыто слоем железной ржавчины толщиной до 0,5 см. В. В. Лапин справедливо предположил, что в подобных сооружениях производилась первичная очистка сырья от различных примесей и пород.

Нам представляется, что комплексы, вскрытые на Березани, предназначались для обогащения гематитовых песков, из которых затем плавилось железо. Аналогичное строение имели сооружения для обогащения гематитовых песков, вскрытые в прибрежной полосе Колхидской низменности⁴².

Таким образом, сырьевая база района Днепровско-Бугского лимана вполне отвечала требованиям для нормального функционирования железодобывающего и железообрабатывающего ремесел на античных поселениях. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать вывод о некоторых отличиях античной техники добычи железа от лесостепной скифской. В то время как в лесостепи черная металлургия базировалась на использовании болотных руд, добыча железа из которых в технологическом отношении была более простой, античная северо-причерноморская металлургия приспособилась к эксплуатации гематито-магнетитовых руд Криворожского бассейна, Северного Приазовья и Крыма. Есть веские основания считать, что древние греки владели секретами так называемого халибского способа получения железа из гематитовых песков, выносимых реками из кристаллического массива континента. Выделенное отличие может послужить в дальнейшем основой при изучении распространения в Скифии железных изделий древнегреческого происхождения. Нет сомнения, что между металлом, полученным из болотной руды, и железом, выплавленным из гематита, должны существовать значительные отличия, особенно в содержании микропримесей⁴³.

Приведенные материалы позволяют также не согласиться с исследователями, полагающими, что производство железа и железных изделий в связи с отсутствием железных руд не было налажено в Ольвии и на ремесленных поселениях ее округи или что античное железо было более низкого качества, чем скифское⁴⁴.

Другой важной отраслью ремесленного производства античных центров Днепровско-Бугского лимана, также возникшей вскоре после их основания, была металлургия и обработка цветных металлов. Археологическими материалами эти ремесла засвидетельствованы в Ольвии⁴⁵, на Березани⁴⁶ и Ягорлыцком поселении⁴⁷. Помимо этого литьевые формы

⁴² Хахутайшили, К истории древнеколхидской металлургии железа..., стр. 173.

⁴³ Круг, Рындина, ук. соч., стр. 257.

⁴⁴ В. М. Скуднова, Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии, ЗОАО, т. 1 (34), Одесса, 1960, стр. 74; Л. Д. Фомін, Техніка обробки заліза в Ольвії і Тірі, Археологія, вип. 13, 1974, стр. 25—31.

⁴⁵ Б. М. Граков, Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволж'ям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? Археологія, т. I, 1947; А. И. Фурманськая, К вопросу о литьевом ремесле в Ольвии, КСИА АН УССР, вып. 2, Киев, 1953; она же, Ливарні форми з розкопок Ольвії. АП УРСР, т. VII, 1958; она же, Бронзоливарне ремесло в Ольвії, Археологія, т. XV, 1963; Ф. М. Штильман, Раскопки мастерской по обработке металлов в Ольвии, КСИА АН УССР, вып. 4, 1955; Е. О. Прушевская, Художественная обработка металлов (торевтика), АГСП, М.—Л., 1955, и др.

⁴⁶ Лапин, Греческая колонизация..., стр. 137.

⁴⁷ Островерхов, Экономические связи..., стр. 11—12.

обнаружены, в Марицинском могильнике⁴⁸ и на архаическом поселении Чертоватое II под Ольвией⁴⁹.

В связи с большим значением металлургии цветных металлов в экономике античных поселений района Днепровско-Бугского лимана в VI—V вв. до н. э. весьма важно выявить источники цветных металлов. Несмотря на то что в литературе этот вопрос поднимался неоднократно, он и в настоящее время остается нерешенным. Существует несколько точек зрения. Одна группа исследователей считает, что использовалась местная северопричерноморская сырьевая база, а вторая — что медь и другие цветные металлы привозили из различных, иногда весьма удаленных уголков античного мира. В пользу первой точки зрения может свидетельствовать наличие месторождений медной руды в Донбассе и Криворожском бассейне. Сводки о месторождениях медных руд в Северном Причерноморье имеются у А. С. Федоровского⁵⁰, А. И. Фурманской⁵¹, Б. А. Шрамко⁵² и Е. Н. Черных⁵³ (наиболее полная).

Месторождения Донбасса, несмотря на скромность залежей медных руд, важны для истории развития металлургии Восточной Европы, так как они, несомненно, разрабатывались как в эпоху бронзы, так и в скифское время⁵⁴. Но по мнению Е. Н. Черных⁵⁵, наиболее вероятной меднорудной базой металлургов Северного Причерноморья были месторождения Карпатской горно-металлургической области, расположенные прежде всего на территории Румынии. Меднорудные месторождения Балканской горно-металлургической области (районы Болгарии и Югославии) для очагов металлообработки на юго-западе СССР имели меньшее значение. Это же относится и к северокарпатским рудникам, разбросанным на территории Словакии (рис. 2). Часть металла могла также поступать из уральских, среднеазиатских и сибирских источников⁵⁶, а также из Греции и Малой Азии⁵⁷.

С целью определения меднорудных источников античных центров Днепровско-Бугского лимана в архаическое время, в лаборатории технических методов при кафедре древнего мира Харьковского гос. университета был сделан спектральный количественно-качественный анализ 13 изделий, происходящих из Ягорлыцкого поселения⁵⁸. В коллекцию исследованных образцов входили наконечники стрел, сливы, стержни, пластины и обломки браслетов.

Исследования показали, что бронзы, из которых были сделаны изделия, принадлежат к группе высокооловянистых бронз, характерных для многих античных городов Северного Причерноморья и Средиземноморья. Встретились слитки из почти чистой меди и изделия из свинцовистой

⁴⁸ М. Еберг, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, PZ, Bd. V, Lpz, стр. 9.

⁴⁹ Сообщение В. В. Рубана.

⁵⁰ А. С. Федоровский, Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне, в сб. «Воронежский историко-филологический вестник», № 2, 1921, стр. 1—23.

⁵¹ А. И. Фурманская, Меднолитейное ремесло в Ольвии. Канд. дисс. НА ИА АН УССР, Киев, 1953.

⁵² Б. А. Шрамко, Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху, Автореф. докт. дисс., Киев, 1965.

⁵³ Е. Н. Черных, Древняя металлообработка на юго-западе СССР, М., 1976, стр. 11 слл.

⁵⁴ Черных, ук. соч., стр. 14.

⁵⁵ Там же, стр. 17.

⁵⁶ Б. М. Граков, Скифи, Киев, 1947, стр. 48; Шрамко, Хозяйство..., стр. 17.

⁵⁷ Б. Н. Граков, Литейное ремесло у скифов, КСИИМК, вып. 22, М., 1948, стр. 41.

⁵⁸ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Б. А. Шрамко и Л. Грубник-Буйнову за проведенные анализы и комментарии к ним.

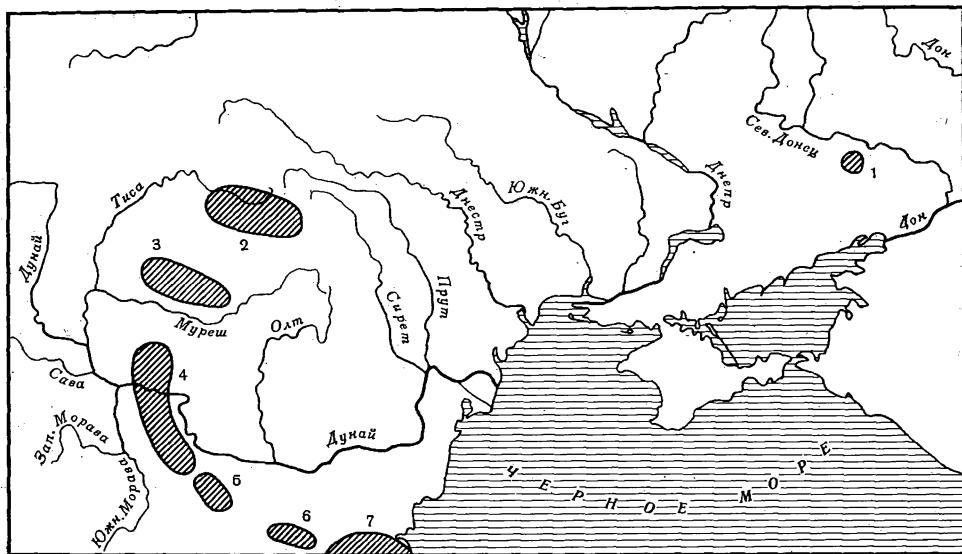

Рис. 2. Месторождения медных руд в Северном и Западном Причерноморье (по Е. Н. Черныху): 1 — Донецкие медиистые песчаники; 2 — Северная часть Восточных Карпат; 3 — Западные Горы; 4 — Группа месторождений Банат, Бор, Видин; 5 — Врачанская группа; 6 — Верхнефракийская группа; 7 — Странджанская группа

бронзы. Отсутствие серебра и в ряде случаев высокое содержание кобальта⁵⁹, возможно, могут свидетельствовать об использовании карпато-дунайских источников сырья⁶⁰. В свете этого, как нам представляется, становится понятным наличие фракийской прослойки в Ольвии и на поселениях ее округи в архаическое время⁶¹. Вероятно, именно эта часть варварского населения наиболее активно участвовала в торговле медной рудой и слитками цветного металла с древнегреческими ремесленниками поселений Днепровско-Бугского лимана.

Значительная часть изделий, производившихся античными центрами Днепровско-Бугского лимана в архаический и классический периоды, изготавливавалась из свинца⁶². Несмотря на значительное количество находок предметов, изготовленных из свинца, вопрос о его источниках в литературе практически не поднимался. Единственным трудом по этому вопросу является старая работа О. Драко⁶³, однако и она оставляет вопрос открытым. А. Драко был склонен полагать, что свинец в район Днепровско-Бугского лимана мог попадать из месторождений в верховьях реки Кубани, которые разрабатывались еще с эпохи бронзы⁶⁴.

⁵⁹ Островерхов, Экономические связи..., стр. 12.

⁶⁰ Е. Н. Черных, Исследование состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа, СА, 1963, № 3, стр. 155, рис. 6; он же, Древняя металлообработка на юго-западе СССР.

⁶¹ К. К. Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э., Автореф. канд. дисс., Л., 1974, стр. 15; он же, Лепная керамика Березани и Ольвии во второй половине VII — VI вв. до н. э. «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 164.

⁶² Островерхов, Про металлургию кольорових металів..., стр. 29.

⁶³ О. Драко, К вопросу о металлических находках (железных и свинцовых) по материалам раскопок Ольвии 1936—1939 гг., НА ИА АН УССР, д. 72, ф. 12.

⁶⁴ А. Домарев, Садонское серебряно-свинцовое месторождение. «Разведка недр», вып. 10, М., 1931.

По мнению М. В. Агбунова, свинец мог быть и местного происхождения. Однако основная масса этого металла наряду с бронзой, вероятно, поступала из карпато-дунайских источников.

Олово в Северное Причерноморье попадало, очевидно, в результате посреднической торговли из Испании, Британских островов и Балкан⁶⁵⁻⁶⁶. В лесостепную Скифию этот металл попадал в основном при посредничестве греков. Однако завозился он в значительно меньших количествах, чем требовалось. Этим и объясняется уменьшенное по сравнению с античным содержание олова в скифских бронзах⁶⁷.

Не решены еще и вопросы, откуда поступали в район Днепровско-Бугского лимана драгоценные металлы, в частности золото и серебро. Некоторые исследователи⁶⁸ высказывают предположение, что часть драгоценных металлов в скифоантичное время поступала в Северное Причерноморье из урало-алтайских рудников. Это, кажется, находит свое подтверждение во все большем количестве находок, которые свидетельствуют о реальности описанного Геродотом торгового пути из Ольвии на северо-восток⁶⁹. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда⁷⁰, месторождения обращавшихся на северных берегах Понта драгоценных металлов нужно искать «на путях мировой торговли», т. е. в Средиземноморье. Но если серебро Афины получали из эксплуатируемых ими Лаврийских рудников, то золото и электр в Афины и другие города Средиземноморья доставлялось из Фракии и Малой Азии. С. А. Жебелев⁷¹ полагал, что золото могло также поступать в античные города Северного Причерноморья из Колхиды, где оно добывалось еще в начале XIX в.

Иной отраслью античного ремесленного производства, возникшей в районе Днепровско-Бугского лимана еще в архаическое время, было стеклоделательное производство, археологически засвидетельствованное лишь в последние годы на Ягорлыцком поселении⁷².

С целью определения характера сырьевых материалов, использовавшихся для производства стекла, были сделаны химические анализы, в результате которых установлено, что стекла, изготавливавшиеся в Ягорлыцкой стекловаренной мастерской, принадлежат к группе античных натриево-кальциево-кремнеземных ($Na_2O-CaO-SiO_2$). Такие стекла называются трехкомпонентными. Для их изготовления применялись пески, щелочки и щелочные земли⁷³. Рецепт получения стекла из тройной шихты описан у Плиния Старшего: «Раковины и песок, выкопанный из ровов, варятся на легких и сухих дровах с добавлением меди и натра, более всего египетского»⁷⁴.

Из приведенного текста наглядно видно, что для целей стекловарения могли использоваться не только специальные пески из месторождений типа находящихся в устье реки Белус, в Восточном Средиземноморье⁷⁵, но и более широкие категории этого сырья, содержащие значительное

⁶⁵⁻⁶⁶ Х. М. Данов, Древна Тракия, София, 1968, стр. 224.

⁶⁷ Шрамко, Хозяйство..., стр. 24.

⁶⁸ А. С. Лаппо-Данилевский, Скифские древности, ЭРАО, т. IV, М., 1887; Шрамко, Хозяйство..., стр. 25.

⁶⁹ Островерхов, Экономические связи..., стр. 22.

⁷⁰ А. Л. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в первой половине IV в. до н. э. Нумизматический сборник, № 1, М., 1909, стр. 75.

⁷¹ Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 143.

⁷² Безбородов, Островерхов, ук. соч., стр. 32—33; Островерхов, Антична склоробна майстерня..., стр. 41—49.

⁷³ J. L. Szczarowa, Zasady interpretacji analiz składu szkła zabytkowego, Archeologia Polski, т. XVIII, z. 1, 1973, стр. 17.

⁷⁴ Plin., NH, XXXI—XXXV.

⁷⁵ Plin., NH, XXXVI, 194.

количество органогенного карбонатного материала в виде детрита и целых раковин моллюсков. Именно такими свойствами обладают пески из аллювиальных отложений Днепра и аккумулятивных форм на берегу Ягорлыцкого залива и Кинбурнской косы⁷⁶. Имеются здесь и высококачественные кварцевые пески⁷⁷, отвечающие самым взыскательным требованиям стекловаров. Особенность ягорлыцких стекол в том, что щелочи представлены в них только окисью натрия, таким образом, стекло сварено на соде. В стеклах, приготовленных на золе, присутствуют как окись натрия, так и окись калия. При этом абсолютное содержание последнего в золистых стеклах всегда больше 1,3 %⁷⁸. Последнее обстоятельство сближает ягорлыцкое стекло с древнеегипетским⁷⁹.

В одной из предыдущих публикаций⁸⁰ автор данной статьи предположил, что соде стеклоделы района Днепровско-Бугского лимана завозили из Египта при посредничестве Навкратиса, где имеются значительные запасы этого сырья⁸¹. Факт вывоза египетского натра в античное время на значительные расстояния общеизвестен⁸². Однако более углубленное знакомство с природными ресурсами района низовьев Днепра показало, что здесь имеются содовые озера, химический состав донных отложений которых включает природную соде $\text{Na}_2\text{CO}_3 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$, цементирующие илы и пески⁸³. Так, в Голопристанском озере на один литр воды приходится до 46,5 г натуральной соды⁸⁴. Не исключено, что античные стекловары добывали соде именно в этих озерах. Вполне возможен и импорт этого сырья из Египта, особенно на первых этапах деятельности греческих колонистов.

Техника стеклоделия, как и металлургия, для своего нормального функционирования требовала наличия в близлежащих районах пригодного сырья для выработки тиглей и оgneупорного кирпича для печей⁸⁵. Лучше всего требованиям стекловарения соответствуют так называемые полукислые оgneупорные глины. Их запасы в исследуемом районе сосредоточены по всей периферии Украинского кристаллического массива и в том числе в близлежащих к Днепровско-Бугскому лиману районах⁸⁶. В. Ф. Петрунем был исследован состав каменных пород, происходящих из Ягорлыцкого поселения. Его внимание привлекло большое ко-

⁷⁶ Невеский. Процессы осадкообразования..., стр. 213—218; В. М. Водяников, О роли биогенного материала в создании аккумулятивных форм на берегах Причерноморских лиманов, в кн. «Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР», вып. 3, Киев, 1961, стр. 79.

⁷⁷ А. И. Пирогский. Материалы по исследованию почв нижнеднепровских песков, Тр. ЮОМО, вып. 6, Одесса, 1926, стр. 95; П. Костычев, Состав днепровских песков, «Вестник виноделия», № 1, 1891; № 2, 1894.

⁷⁸ Ю. Л. Щапова, Из истории древнейшей технологии стекла, в кн. «Очерки технологии древнейших производств», М., 1975, стр. 136.

⁷⁹ М. А. Безбородов, Стеклоделие в древней Руси, Минск, 1956, стр. 25; Щапова, ук. соч., стр. 136.

⁸⁰ Островерхов, Антична склоробна майстерня..., стр. 43.

⁸¹ Лукас, ук. соч., стр. 408.

⁸² W. Geilmann, H. Jenemann, Der Phosphatgehalt alter Gläser und seine Bedeutung für die Geschichte der Schmelztechnik. Glastechnische Berichte, Bd. 26, 1953, стр. 259.

⁸³ А. И. Денис-Литовский. Соляной карст СССР, Л., 1966, стр. 7.

⁸⁴ Е. Буркес, Солоні озера та лимани України, Труди фізично-математичного відділу ВАН, т. VIII, вип. 4, Київ, 1928, стр. 215; Двойченко, ук. соч., стр. 149.

⁸⁵ Безбородов, Стеклоделие..., стр. 116, прим. 1; он же, Химия и технология древних и средневековых стекол, Минск, 1969, стр. 75.

⁸⁶ Двойченко, ук. соч., стр. 61.

личество привозных вулканических пород (андезит с порфировой структурой, кварцит, туфогенный песчаник-алеврит, эффузив щелочного ряда типа трахита, ультрабазит базитового ряда и др.). Такие породы широко распространены в Средиземноморье и совсем не характерны для Северного Причерноморья. На поселение они, вероятно, были завезены как балласт античных кораблей, который полностью снимался либо перед зимовкой, либо при ремонте, когда корабль вытаскивался на сушу. Подобная операция по возможности проделывалась в местах, защищенных как от стихийных сил природы, так и от нападения вероятного врага⁸⁷. Последнее обстоятельство может свидетельствовать о том, что Ягорлыцкое поселение в древности имело гавань, в которой производились как ремонт, так и зимовки античных кораблей. Состав привозных пород, происходящих из Ягорлыцкого поселения, резко отличается от привозных пород Ольвии, Березани, Тирры, Никония, Херсонеса и Пантикалея⁸⁸. По мнению В. Ф. Петрунья, это может свидетельствовать об особых связях Ягорлыцкого поселения.

Северопричерноморские породы на поселении представлены мелкозернистым кварцитом из отложений юга Украины, кристаллическим сланцем, залежи которого сосредоточены в Криворожье и магнетитом гранато-кварцево-полешиштатового состава из месторождений Украинского кристаллического массива. Выходы последнего имеются на Ингульце, Ингуле и Днепре. Оба типа пород широко использовались поселенцами в производственных целях⁸⁹. Это было обусловлено отсутствием в низовьях, на левобережье Днепра и в устье реки собственных месторождений камня⁹⁰.

Важное значение в экономике античных переселенцев занимала соль. Помимо того, что она шла к столу, соль использовалась в кожевенном производстве и заготовке продуктов впрок⁹¹. В районе Днепровского лимана осадочная соль добывалась на Кинбурнском полуострове, в многочисленных здесь соляных озерах. Об этом сообщают нам Геродот⁹² и Дион Хрисостом⁹³. В новое время главнейшими соляными озерами были Змиевское, Придорожное, Кривое, Пропадущее, Грицьково, Трактирное и др.⁹⁴

Изложенные в нашей статье материалы ни в коей мере не претендуют на исчерпывающую и однозначную сводку о сырьевой базе ремесленных центров Днепровско-Бугского лимана в античную эпоху. Предложенная работа носит в определенной степени постановочный характер. Однако и приведенные материалы наглядно свидетельствуют о значении разнообразных природных богатств края, о детальной ознакомленности с ними греков еще в архаический период. Наличие этих ресурсов служило

⁸⁷ В. Ф. Петрунья. К петрографической характеристике камня, МАСП, вып. 5, Одесса, 1966, стр. 131.

⁸⁸ В. Ф. Петрунья, Некоторые итоги археолого-петрографического изучения камня строительных комплексов древнего города Тирры. Третье годичное собрание Одесского археологического общества. Программа, Крым, 1963, стр. 9; он же. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березань, СА, 1964, № 3; он же, О двух интересных породах..., стр. 225; он же, К петрографической характеристике камня, стр. 131.

⁸⁹ Эти камни шли на изготовления различного типа растиральников, строительства очагов и т. п. Некоторые из них, как и на Березани, имели культовое значение (см. В. В. Самаркин, Историческая география, М., 1976, стр. 141).

⁹⁰ П. О. Бурачков, О местоположении древнего города Каркинитиса и монетам ему принадлежащих, ЗООИД, IX, Одесса, 1875, стр. 8.

⁹¹ В. В. Самаркин, Историческая география, М., 1976, стр. 141.

⁹² Негод., IV, 53.

⁹³ Дионисий, XXXVI, 437.

⁹⁴ Двойченко, ук. соч., стр. 78.

одним из важных условий возникновения и нормального функционирования различных отраслей ремесленного производства в районе Днепровско-Бугского лимана. Это обстоятельство в значительной степени и определило характер греческой колонизации края, обусловило значительный приток сюда ремесленников.

С самого начала, по-видимому, имела место как непосредственная, так и опосредованная эксплуатация греками природных ресурсов Северного Причерноморья⁹⁵. Однако нам представляется, что без тесных экономических и политических связей со скифами и покровительства правящей верхушки тех территорий, на которых находились месторождения сырья, древнегреческие ремесленники не могли бы регулярно получать необходимое ремесленное сырье. Вопрос же о том, кто добывал и доставлял это сырье к месту назначения, в силу отсутствия источников остается открытым. Можно лишь предполагать, что в добывче части материалов, особенно расположенных на удаленных территориях, принимали участие и варвары, получая в обмен на это античную продукцию. Не это ли обстоятельство являлось одной из причин присутствия варваров различной этнической принадлежности на античных поселениях исследуемого района⁹⁶ в архаический период? Обмен и доставка сырья вряд ли могли происходить без торговых посредников, которые хорошо знали пути и источники сырья, спрос населения, контролирующего добычу сырья.

A. S. Ostroverkhov

RAW-MATERIAL SOURCES OF ANCIENT GREEK HANDICRAFT PRODUCTION IN THE Dnieper-Bug Liman Area

A. S. Ostroverkhov

The author bases his study on materials found in the village of Yagorlyk. The principal raw materials needed for handicraft production were readily available: wood from the forests of Hylaea and clay for firing. Haematite ores were obtainable from the Krivograd basin; the Dnieper delta contains considerable quantities of haematite sand. Nonferrous metals were mainly imported from various parts of the ancient world. In the archaic period copper and some other metals were brought from the Carpatho-Danube basin. For making glass natural soda was available in lakes near by and there was quartziferous sand in the alluvial deposits of the Dnieper. This raw material was probably also supplied in part from Egypt through Naucratis. The availability of basic raw materials in the Dnieper-Bug liman region determined to a large extent the character of Greek colonization in the area and the early development there of diversified handicraft production.

⁹⁵ Брашинский, Щеглов, ук. соч., стр. 85.

⁹⁶ Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии..., стр. 15 сл.

УТОЧНЕННЫЙ СПИСОК ИМЕН МАГИСТРАТОВ, КОНТРОЛИРОВАВШИХ КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Херсонес Таврический — единственный греческий центр Северного Причерноморья, где в эпоху эллинизма осуществлялось регулярное и массовое клеймение керамической тары. Спорадически здесь клеймилась и черепица. К настоящему времени как в самом Херсонесе, так и за его пределами зафиксированы находки не менее четырех тысяч амфорных и около сотни черепичных клейм, содержащих имена херсонесских астиномов и агораномов, контролировавших керамическое производство города¹.

Этот обильный материал в последние десятилетия все чаще привлекается как полноценный, а часто и единственный источник для изучения ряда важных сторон экономической истории эллинистического Херсонеса². Еще шире используются херсонесские клейма в полевой археологической практике в качестве датирующего материала. Полученные выводы обычно считаются надежными, так как существует мнение, что клейма Херсонеса изучены достаточно полно, а хронология их проверена временем.

Действительно, мы располагаем целой серией работ, специально посвященных керамической эпиграфике Херсонеса³. Среди них четыре опубликованных списка — свода имен херсонесских астиномов и агораномов⁴, а также специальная статья, написанная в конце 40-х годов Р. Б. Ахмеровым и посвященная хронологической классификации херсонесских клейм⁵. Автор разбил всех известных ему магistrатов на четыре хронологические группы, определив абсолютные даты каждой из них. Эта классификация, если не считать отдельных частных критических замечаний⁶, не подвергалась пересмотру и долгое время считалась вполне надежной⁷.

Между тем относительно недавно появились материалы, не укладывающиеся в схему Р. Б. Ахмерова⁸. Они получены в результате анализа

¹ Кроме того, известно более 400 херсонесских штемпелей, содержащих монограммы и отдельные имена, данные чаще в сокращении, реже в полной форме (см. Р. Б. Ахмеров, О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1951, № 3).

² См. В. В. Борисова, Керамическое производство античного Херсонеса, Автореф. канд. дисс., Л., 1966; А. А. Нейхардт, Херсонесские клейма как источник для изучения торговых связей Херсонеса и Боспора в эллинистическую эпоху, в сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», Л., 1963; А. Н. Щеглов, Херсонес и Нижний Дон в IV—III вв. до н. э., в сб. «Археологические раскопки на Дону», Ростов н/Д, 1973.

³ История изучения херсонесских керамических клейм в общих чертах изложена в статье В. В. Борисовой (Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор, НЭ, XI, 1974, стр. 99—100).

⁴ И. Махов, Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов, ИТУАК, вып. 48, 1912; Е. Ридик, Die Astynomenstempel auf Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrussland, Б., 1928, стр. 28—30; Р. Б. Ахмеров, Об астиномах клеймах эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1949, № 4, стр. 112—122; Борисова, Керамические клейма Херсонеса..., стр. 112—124.

⁵ Ахмеров, Об астиномах клеймах..., стр. 99 сл.

⁶ Б. Н. Граков, Вступительный очерк к разделу о херсонесских керамических клеймах в IOSPE III (рукопись хранится в Архиве Института археологии АН СССР); Нейхардт, Херсонесские клейма..., стр. 313.

⁷ Показательно, что в недавно опубликованном В. В. Борисовой «каталоге херсонесских астиномных клейм» (НЭ, XI) их даты даны с учетом классификации Р. Б. Ахмерова.

⁸ См. И. В. Яценко, Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена, в сб. «Новое в археологии», М., 1972, стр. 77—78; Щеглов, Херсонес и Нижний Дон..., стр. 28.

весьма своеобразных комплексов — коллекций клейм с поселений, период существования которых был ограничен относительно небольшим промежутком времени. Особое место среди последних принадлежит усадьбе № 6 поселения Панское I в Северо-Западном Крыму⁹. При раскопках здания, построенного в конце IV в. до н. э. и внезапно погибшего в первой половине следующего столетия, обнаружено около ста херсонесских амфорных штемпелей, содержащих имена 13 различных астиномов. Шесть из них согласно классификации Р. Б. Ахмерова относятся к первой хронологической группе (конец IV — первая половина III в. до н. э.), четыре — ко второй (середина и конец III в.), три — к третьей (конец III — начало II в.). Таким образом, придерживаясь традиционных датировок, мы должны были бы гибель усадьбы отнести к рубежу III—II вв. до н.э., но этому противоречит дата, полученная с учетом всей совокупности материала из слоя.

Отмеченные противоречия в датировках, как нам представляется, не случайны. Они связаны в первую очередь с произвольной, а зачастую и необоснованной группировкой Р. Б. Ахмеровым херсонесских магистратов. Исследователь по ряду причин отказался от разработки типологической классификации клейм этого центра, ограничив свою задачу датированием отдельных клейм и отдельных астиномов¹⁰. В результате при объединении астиномов в группы ему не удалось избавиться от субъективизма и преодолеть элементы объективной случайности. Поэтому в каждую группу попали не только разнотипные, но, как теперь выясняется, и разновременные клейма.

Подробный анализ слабых сторон хронологической классификации Р. Б. Ахмерова не входит сейчас в нашу задачу. Мы только пытались показать, что имеются веские причины для ее коренного пересмотра. При этом надо начинать с создания развитой типологии херсонесских магистратских клейм. Однако работа в этом направлении затруднена по причине относительного в сравнении со штемпелями других центров однобразия клейм Херсонеса. Поэтому возникает необходимость провести предварительную детальную сверку списка известных в настоящее время херсонесских астиномов и агорономов. Это позволит с большей, чем это делалось раньше, точностью определить варианты легенд, присущие клеймам каждого из магистратов, и получить достаточные основания для объединения их в отдельные типологические группы. Уточнению списка имен херсонесских чиновников, наблюдавших за керамическим производством, и посвящена данная статья.

Как мы уже отмечали выше, было издано четыре списка — свода имен. Первый из них был подготовлен К. К. Косцюшко-Валюжиничем и издан И. Маховым в 1912 г.¹¹ В публикации приведено 97 имен астиномов и дана таблица образцово выполненных прорисей, сделанных по снятым с клейм точным эстампажам. Поэтому в воспроизведении клейм и в чтении надписей ошибки встречаются относительно редко, что нельзя сказать о следующем по времени выхода в свет своде, изданном Е. М. Придиком¹². Собственно это даже и не свод, а лишь список астиномов с указанием количества клейм каждого магистрата, известных автору. Данная публикация — предварительный итог многолетней работы автора над клеймами, собранными им для III тома IOSPE. Располагая крупной коллекцией клейм, Е. М. Придик сумел значительно дополнить список имен херсо-

⁹ А. Н. Щеглов, Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху, КСИА, 124, 1970, стр. 20; он же, Полис и хора, Симферополь, 1976, стр. 132.

¹⁰ Ахмеров, Об астиномных клеймах..., стр. 104 сл.

¹¹ Махов, Амфорные ручки Херсонеса..., стр. 150 сл.

¹² Pridik, Die Astynomennamen..., стр. 28—30.

несских астиномов¹³. Вместе с тем, как мы увидим ниже, его вариант списка содержит большое число спорных, а зачастую и заведомо ошибочных чтений и восстановлений надписей в поврежденных клеймах. Отсутствие же в работе воспроизведений этих штемпелей делало проверку правильности восстановления легенды в них весьма затруднительной. Однако нам удалось обнаружить источник, послуживший основой для данного списка, картотеку первого варианта III тома IOSPE, составленную Е. М. Придиком и хранящуюся в архиве Ленинградского отделения Института археологии¹⁴. В картотеке почти всем херсонесским клеймам, восстановление надписи которых вызывало затруднение, сопутствуют довольно хорошие прориси, позволяющие провести проверку предложенного Е. М. Придиком чтения.

Третий вариант списка имен херсонесских астиномов был опубликован Р. Б. Ахмеровым в приложении к статье, посвященной хронологии клейм Херсонеса. В основу списка положен свод И. Махова, пополненный новыми магистратскими именами, полученными при обработке Р. Б. Ахмеровым штемпелей из фондов Херсонесского музея¹⁵. Издатель списка обратил внимание на наличие омонимов среди херсонесских астиномов, однако при их выделении он не избежал некоторых неточностей и противоречий.

Последним по времени появления и наиболее полным является список имен херсонесских астиномов и агораномов, данный в приложении к уже отмеченной выше статье В. В. Борисовой¹⁶. В основные разделы (разделы *а* и *б* каталога) включены с учетом наличия омонимов 115 различных магистратов. Между тем расположены они под 130 номерами астиномного и 3 — агораномного списков. В данном случае мы сталкиваемся с явлением весьма своеобразным. Отдельным вариантам клейм явно одного и того же астинома в списке присвоены особые порядковые номера¹⁷. Такая система записи не только вносит путаницу и затрудняет работу со сводом, но и алогична, поскольку в «каталоге» существует специальная графа, где указано число штампов, присущих клеймам каждого магистрата. Кроме того, как мы увидим ниже, без должного на то основания некоторые несомненно астиномные клейма попали в разряд базмагистратных (раздел *в* списка).

В конце «каталога» приведен список из 37 имен астиномов, которые известны В. В. Борисовой только по изданиям, главным образом из списков Е. М. Придика и Р. Б. Ахмерова. К сожалению, здесь не была сделана попытка определить, какие из этих имен действительно принадлежат херсонесским магистратам, а также являются лишь результатом неправильного восстановления и чтения надписей в поврежденных клеймах.

¹³ Однако Е. М. Придик не отработал стройную систему записи имен астиномов. Поэтому под 143 номерами его списка дано всего 133 магистратских имени. Отдельным вариантам клейм явно одного и того же астинома присвоены особые номера.

¹⁴ Е. М. Придик, IOSPE III (карточка клейма), Архив ЛОИА, фонд 33, арх. № 21, раздел «Херсонесские клейма» (далее — IOSPE, III, ЛОИА).

¹⁵ Ахмеров, Об астиномных клеймах..., стр. 112. Следует отметить, что Р. Б. Ахмерову было известно всего 118 имен херсонесских магистратов, т. е. значительно меньше, чем Е. М. Придику. Видимо, с работой последнего Р. Б. Ахмеров не был знаком. Не случайно из 15 астиномных имен, которые, по его мнению, им публиковались впервые (ВДИ, 1949, № 4, стр. 101—102), семь присутствуют в ранее изданном списке Е. М. Придика.

¹⁶ Борисова, Керамические клейма..., стр. 112—124, приложение «Каталог керамических клейм Херсонеса».

¹⁷ Например, астиномам Диоскуриду, Героксену, Филиппу, Формиону, сыну Аполлы, Хорею отведено по два порядковых номера списка, а Агасиклу, Геродоту, Герократу, Герократу, сыну Невмения, Нанону, Пасиону I даже по три номера.

Все отмеченное выше не оставляет сомнения в необходимости проведения сверки и уточнения изданных ранее списков имен магистратов, осуществлявших контроль над керамическим производством в Херсонесе. Работа в этом направлении, как мы убедились, практически не проводилась. Не случайно неправильные атрибуции отдельных клейм и ошибочные восстановления имен и отчеств в поврежденных экземплярах кочуют из одного списка в другой.

Для предпринятой нами работы по уточнению списка имен херсонесских астиномов и агораномов потребовалось основательное знакомство с возможно большим числом подлинников клейм, в том числе и уже изданных. Были просмотрены практически все клейма, обнаруженные при исследовании самого Херсонеса и его округи, и основная масса штемпелей херсонесских магистратов, встреченных за пределами Гераклейского полуострова¹⁸.

В итоге был составлен список всех известных ранее и публикуемых впервые имен херсонесских астиномов и агораномов¹⁹. Список разделен на четыре части. В основной, первый раздел включены магистраты, восстановление и чтение имен и отчеств которых бесспорны. Во второй раздел выделены поврежденные астиномные клейма, содержащие имена и отчества, в восстановлении которых нет полной уверенности. Раздел третий составили опубликованные ранее херсонесские клейма, имена и отчества в которых были восстановлены и прочитаны ошибочно. Наконец, в раздел четвертый выделены клейма, чья атрибуция сомнительна, а также штемпеля, ошибочно отнесенные издателями к клеймам Херсонеса.

Раздел I

Астиномы и агораномы, восстановление и чтение имен и отчеств которых бесспорны

В раздел включены: магистраты, восстановление и чтение имен которых, предложенные ранее, подтвердились; чиновники, общепринятое чтение имен и отчеств которых было в ходе проверки подвергнуто исправлению; астиномы, чьи имена публикуются впервые. Общий список астиномов и агораномов, включенных в раздел I, содержится в приложении. Ниже приведены комментарии к отдельным магистратским именам.

№ 2—3. 'Αγασικλῆς I, II. Р. Б. Ахмеров и В. В. Борисова полагали, что в Херсонесе существовал лишь один астином Агасикл. На наш взгляд, имеются основания говорить о наличии двух, хотя и близких по времени магистратов, носивших это имя. Для клейм Агасикла I характерен крупный четкий шрифт надписи, сокращенное написание названия магистратуры в ней и наличие в окончании второй строки монограмм гончаров (см. табл. I, 1). Эти признаки сближают клейма Агасикла I со штемпелями астиномов Герея I и Геродота I, которых все исследователи единодушно относят к начальному периоду клеймения керамической тары в Херсонесе. Легенды клейм Агасикла II характеризуются полной формой магистратуры, отсутствием монограмм, устойчивым использованием лунарной сигмы (см. табл. I, 2).

№ 5. Ἀθαύδωρος ὁ Διονυσίου. Новый, ранее не издававшийся астином, известный по двум клеймам, оттиснутым разными штампами. Одно

¹⁸ Всего было просмотрено около трех тысяч экземпляров херсонесских магистратских клейм.

¹⁹ См. приложение.

Таблица I

из клейм обнаружено в Ольвии и, по данным Б. Н. Гракова, хранилось в Николаевском музее ²⁰, второе происходит из Тиры (см. табл. I, 3).

1. Ἀθανοδώρου τοῦ [άθανοδώρου τοῦ]
 Διονυσίου ἀστοῦ — [άθανοδώρου τοῦ]
 νομοῦντος [διονυσίου]

Ольвия, Ник. м., № 60. Тира, инв. № БД, 49/524.

№ 14. Ἀπολλω...ό Ἡρογείτον. Пока известно единственное поврежденное клеймо этого астинома, происходящее из Херсонеса (ГХМ, инв. № 1317/36886). Первый издатель клейма И. Махов отказался от полного восстановления имени магистрата. Начиная с Е. М. Придика во всех сводах во второй строке надписи восстанавливалось имя Аполлы. Такое чтение представляется сомнительным по двум причинам. Во-первых, пя-

²⁰ IOSPE, III, раздел «Херсонесские клейма», № 95. В дальнейшем — IOSPE, III, ИА.

тая буква имени астинома читается достаточно надежно (см. рис. 1, 1) и это не альфа, а курсивная омега. Во-вторых, во всех без исключения херсонесских клеймах, в которых название магистратуры целиком занимает первую строку надписи, оно стоит в форме *αστυνομούτος*²¹. Нет оснований сомневаться, что в той же форме название магистратуры было и в данном клейме. Тогда имя астинома, учитывая длину первой строки надписи, должно было состоять из 9—10 букв (см. табл. I, 4). Подходят в этом случае имена Аполлонид и Аполлоний, но никак не Аполла.

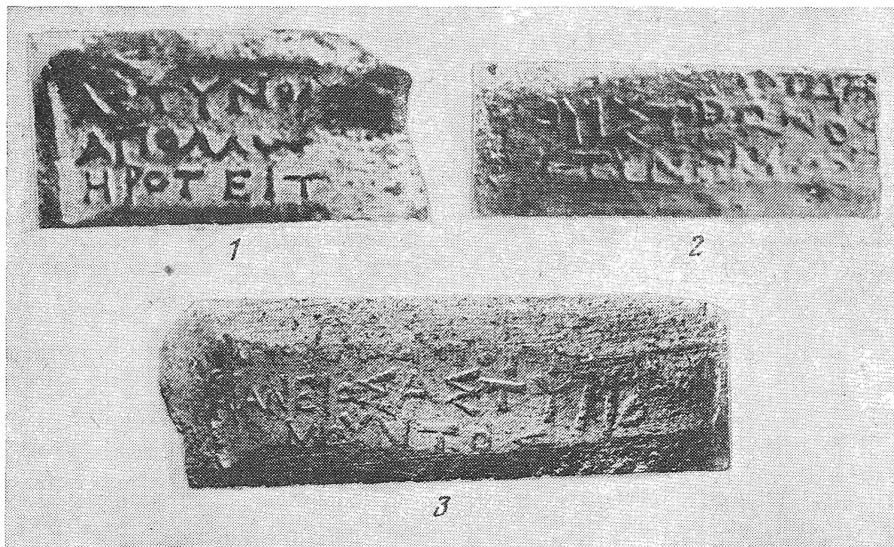

Рис. 1

№ 17. 'Απολλωνίδας ὁ Ιστρωνος. Данный астином впервые был включен в список херсонесских магистратов Е. М. Придиком по двум в настоящее время, видимо, утерянным клеймам (см. табл. I, 5)²². Еще одно клеймо, оттиснутое тем же штампом, нам удалось обнаружить в фондах Керченского музея (КМ, инв. № 6003, см. рис. 1, 2).

№ 21. 'Απολλώνιος ὁ Θεοφάνειος. Первым ошибочное чтение отчества астинома Аполлония (сын Фания) дал И. Махов, располагавший одним, смазанным справа клеймом (см. табл. I, 6). Предложенное чтение стало общепризнанным и повторено во всех последующих списках. Между тем В. В. Борисова опубликовала второе клеймо, оттиснутое тем же штампом (ГХМ, инв. № 1327/36886)²³. Несмотря на то, что первая строка клейма смазана, в конце ее уверено читаются три начальные буквы отчества астинома — ΘΕΟ (см. рис. 1, 3).

№ 25. Βάβων ὁ Βάβωνος. Новый астином. Единственное хорошо сохранившееся его клеймо (ГХМ, инв. № 70/36532) обнаружено недавно при исследовании Херсонеса (рис. 2, 3).

№ 32. Διονύσιος ὁ Αθανοδρόοι. Мы располагаем только одним поврежденным клеймом этого астинома (Ольвия, 1928. № 73, Ник. м., табл. I, 7).

²¹ Ср. Борисова, Керамические клейма Херсонеса..., табл. II, 13; VIII, 11; IX, 6; XIII, 13.

²² IOSPE, III, ЛОИА, № 185, 186. Одно из клейм происходит из Херсонеса и находилось в коллекции Савицкого. Место находки второго клейма неизвестно, оно было списано Е. М. Придиком в Одесском музее.

²³ Борисова, Керамические клейма Херсонеса..., табл. III, 6.

Первый издатель клейма Е. М. Придик восстановил во второй строке надписи отчество как 'Αθαυοδ[ότο]у²⁴. Между тем с большим основанием можно полагать, что данный Дионисий был сыном не Атанодота (это имя вообще неизвестно в херсонесской керамической эпиграфике), а Атанодора. Предположение это тем более вероятно, что в настоящее время нам известен херсонесский астином Атанодор Дионисиев.

№ 43. 'Ηράχλ[ειος] (ό) 'Ηροτ[ιμο]. Имя этого астинома впервые было отмечено в списке Е. М. Придика, располагавшего одним экземпляром клейма, из фондов Херсонесского музея (ГХМ, инв. № 1193/36886, см. табл. I, 8). Нам удалось обнаружить еще одно клеймо, выполненное тем же штампом (ГХМ, инв. № 1194/36886). Надписи в клеймах читаются с трудом, так как верхние строки смазаны, концы обоих клейм отбиты. Однако их херсонесское происхождение несомненно, клейма относятся к варианту астиномных штемпелей, в которых название магистратуры опущено (см. ниже № 65, 97).

№ 45, 46. 'Ηρέας I, II. Р. Б. Ахмеров знал об одном астиноме Герее, В. В. Борисова — уже о двух. Клейма Герея I однотипны со штемпелями астиномов Агасикла I и Геродота I и характеризуются сокращенным называнием магистратуры, наличием в поле клейма монограммы гончара (см. табл. I, 9). Характерными чертами клейм Герея II являются полная форма названия магистратуры, занимающая конец первой и начало второй строк, а также наличие в конце второй строки надписи сокращенных до 3—4 букв имен гончаров (см. табл. I, 10).

№ 49, 50. 'Ηρόδοτος I, II. Р. Б. Ахмеров и В. В. Борисова полагали, что существовал лишь один астином Геродот. На наш взгляд, есть основания предполагать наличие двух, хотя и близких по времени, астиномов, носивших это имя. Клейма Геродота I однотипны со штемпелями уже отмеченных выше астиномов Агасикла I и Герея I (см. табл. I, 11, ср. табл. I, 1, 9). Легенды клейм Геродота II содержат полную форму названия магистратуры (см. табл. I, 12).

№ 64. Κοτύτιον (ό) 'Αριστόνος. Е. М. Придик и Р. Б. Ахмеров считали Котитиона Аристонова магистратом. В. В. Борисова выделила его клейма в разряд безмагистратных. Между тем имеются достаточно веские основания считать, что они относятся к особому варианту херсонесских астиномных штемпелей, в котором опущено название магистратуры (см. ниже № 97). Показательно в этой связи наличие рядом с клеймами Котитиона Аристонова, оттиснутыми на черепицах, особых небольших прямоугольных штемпелей, содержащих монограммы или начальные буквы имен (см. табл. I, 13). Если эти дополнительные клейма являются метками гончарных мастеров, а в этом, кажется, не сомневается и В. В. Борисова, то основное клеймо на каждой черепице приходится тогда признать астиномным.

№ 71. Ματρία. Р. Б. Ахмеров колебался в хронологическом определении клейм астинома Матрия, отмечая, что по отдельным признакам они тяготеют к ранним, а по другим — к поздним штемпелям²⁵. В. В. Борисова разделила эти клейма на две группы: клейма Матрия I (конец IV — начало III в.) и штемпеля Матрия II (конец III — начало II в.). Однако различия в размерах и палеографии этих двух групп клейм, на наш взгляд, не столь существенны (см. табл. I, 14, 15), чтобы уверенно можно было бы говорить о наличии в данном случае омонимов. Видимо, мы имеем дело с клеймами одного астинома.

²⁴ Pridik, Die Astynomenplatten..., стр. 29, № 43а.

²⁵ Ахмеров, Об астиномных клеймах..., стр. 106. Признаки, которые автор имел в виду, четко им не определены.

№ 97. Πιθόδοτος ὁ Δαμοκλέος. Р. Б. Ахмерову и В. В. Борисовой было известно единственное клеймо Питодота Дамоклеева (ГХМ, инв. № 1371/36886, см. рис. 2, 2), а так как конец первой строки надписи в нем поврежден, издатели предложили, как это теперь выяснилось, неправильное восстановление окончания имени (см. раздел III, № 25). Кроме того, из-за отсутствия названия магистратуры в легенде клейма, мнения о его

Рис. 2

принадлежности разделились. Р. Б. Ахмеров отнес клеймо к астиномным, В. В. Борисова — к безмагистратным. Однако в фондах Эрмитажа находится еще одно клеймо, содержащее это же имя и отчество, но оттиснутое другим штампом (из Херсонеса, 1952, инв. № 15, см. рис. 2, 1). Хорошая сохранность клейма позволяет не только определить правильное чтение имени, но и подтверждает принадлежность Питодота Дамоклеева к херсонесским астиномам, так как надпись начинается с названия магистратуры.

Раздел II

Астиномы, в правильности восстановления имен и отчеств которых нет уверенности

№ 1. Ἀπολλώνιος ὁ... Известно два вытянутых двусторочных клейма этого астинома, оттиснутые одним штампом (ГХМ, инв. № 1174, 1325/36886). Оба экземпляра сбиты справа, что не позволяет восстановить отчество чиновника (см. рис. 2, 4), хотя можно согласиться с В. В. Борисовой, что оно должно было быть коротким²⁶.

²⁶ В. В. Борисова. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса, ВДИ, 1949, № 3, стр. 87, № 5.

№ 2. [’Αρίστων ὁ Χορείον. Плоское прямоугольное клеймо, хранится в Эрмитаже (из Херсонеса, 1953, инв. № 26). Надпись сильно затерта, уверенно читаются отчество и последние буквы имени астинома (см. табл. I, 17). В этой связи предлагаемое восстановление имени хотя и наиболее вероятно, но до появления новых экземпляров клейм, оттиснутых тем же штампом, не может считаться бесспорным.

№ 3. ‘Ηρότ[ιμος] (δ) ‘Ηρού[ικον]. Включено в состав херсонесских клейм Е. М. Придиком по одному поврежденному экземпляру, обнаруженному в 1910 г., видимо, при исследовании Страбонова Херсонеса (IOSPE, III, ЛОИА, № 648; см. табл. I, 16). Найти данное клеймо в фондах ГХМ пока не удалось, поэтому правильность восстановления и чтения надписи в нем остаются под вопросом.

№ 4.... ὁ Τελα[μόνος]. Данное клеймо (ГХМ, инв. № 1285/36886), несомненно, принадлежит новому, ранее не известному астиному. К сожалению, отбита левая половина клейма (см. рис. 2, 5), так что имя астинома восстановлению не поддается.

Раздел III

Ошибочные восстановления имен и отчеств в астиномных и агорономных клеймах

№ 1. Αἰσχίας ὁ Πασιάδα. Ошибочное восстановление имени астинома в клейме, первая строка надписи в котором смазана, было предложено Е. М. Придиком. При этом издатель отмечает, что само клеймо он не видел, а располагал только эстампажем, присланным К. К. Косцюшко-Валюжиничем из Херсонеса (IOSPE, III, ЛОИА, № 72; см. табл. II, 1). Данное клеймо обнаружить в фондах ГХМ пока не удалось, однако правильная прорись его имеется в своде И. Махова (см. табл. II, 2). Клеймо несомненно принадлежит астиному Артемидору, сыну Пасиада.

№ 2. Απολλᾶς. Данный астином присутствует во всех списках и сводах керамических клейм Херсонеса. Основой для его выделения послужила прорись одного двусторочного клейма, приведенная в своде И. Махова (см. табл. II, 3). Нам удалось обнаружить это клеймо в фондах Херсонесского музея (ГХМ, инв. № 1268/36886). Однако оказалось, что оно выполнено не двух-, а трехстрочным штампом, так как сохранились окончания букв верхней строки надписи (см. рис. 3, 1). Кроме того, клеймо, оттиснутое тем же штампом, но с лучше сохранившейся первой строкой легенды, было опубликовано уже И. Маховым (№ 94, см. табл. II, 4)²⁷, вполне обоснованно прочитавшим в первой строке имя астинома Формиона, сына Аполлы.

Следует заметить, что аналогичную картину мы наблюдаем и в других херсонесских трехстрочных желобчатых клеймах, выполненных на амфорных ручках. Обычно в них удовлетворительно оттиснута лишь средняя строка надписей, крайние же строки выходят либо частично, либо одна из строк оказывается полностью смазанной²⁸.

№ 3. Απολλᾶς ὁ Ηρούετον. Предложенное Е. М. Придиком и принятое другими исследователями восстановление окончания имени данного астинома представляется сомнительным (см. раздел I, № 14).

²⁷ Тем же штампом выполнено клеймо, фотографию которого опубликовала В. В. Борисова (НЭ, XI, табл. II, 2).

²⁸ См. Борисова, Керамические клейма..., табл. I, 1a; II, 12, 13; III, 8; VI, 12; VII, 7; XII, 1.

№ 4. 'Απολλοφάνης ὁ Ήρακλείου. Е. М. Придик дал ошибочное восстановление отчества астинома по двум поврежденным клеймам (IOSPE, III, ЛОИА, № 131, 132; см. табл. II, 5), которые явно принадлежат магистрату Аполлофану, сыну Героида (ср. табл. II, 6).

Таблица II

№ 5. 'Απολλώνιος ὁ Φάγειος. Начиная с И. Махова, все исследователи неправильно осуществляли чтение отчества астинома Аполлония, сына Теофана (см. раздел I, № 21).

№ 6. 'Αριστοχλῆς ὁ Απολλᾶ. Е. М. Придик осуществил восстановление имени и отчества астинома, располагая обломком амфорной ручки, на котором оттиснута лишь левая половина клейма (IOSPE, III, ЛОИА, № 260; см. табл. II, 7). В фондах Херсонесского музея удалось обнаружить не только этот, но и другой обломок той же амфорной ручки, содержащий

недостающую правую часть клейма. Оба фрагмента точно сложились по излому (рис. 3, 2). Сверка легенды штемпеля показала, что, несмотря на смазанность первой строки надписи, вполне надежно читается первая буква имени астинома — **Э**. Само же клеймо принадлежит магистрату Ксеноклу, сыну Аполлы.

№ 7. *Ἀρτεμίδωρος*. Предложенное Е. М. Придиком восстановление надписи в одном из клейм, обнаруженном в Херсонесе, ошибочно (IOSPE, III, ЛОИА, № 281; см. табл. II, 8). Клеймо в фондах ГХМ пока не встречено, но его принадлежность астиному Сокрите Артемидору несомненна (см. табл. II, 9). В трехстрочном желобчатом штемпеле оказалась смазанной первая строка.

№ 8. *[Ἀρτεμίδωρος ὁ Σπείρποο]*. Восстановление имени и отчества в данном астиномном клейме, предложенное Е. М. Придиком, ошибочно. Сохранившаяся прорись клейма (IOSPE, III, ЛОИА, № 263; см. табл. II, 10), хотя она и выполнена не совсем качественно, показывает, что мы имеем дело со штемпелем магистрата Матрдора, сына Лисиппа (ср. табл. II, 11).

№ 9. *[Ἀρχ]α[νδρος]ό Ἀριστωνος*. Неправильное восстановление имени астинома в поврежденном клейме из Зеленского кургана первоначально было дано В. В. Шкорпилом²⁹ и повторено Е. М. Придиком. Однако даже минускульное воспроизведение клейма (см. табл. II, 12) не оставляет сомнения в том, что оно принадлежит астиному Пританию Аристонову (ср. табл. II, 13).

№ 10. *Βόρος*. Восстановление имени астинома в поврежденном клейме (IOSPE, III, ЛОИА, № 307; см. табл. II, 14) проведено Е. М. Придиком неправильно. В первой строке надписи уверенно читается имя астинома Матрия (ср. табл. II, 15).

№ 11. *Δαμάτριος*. Предложенное Е. М. Придиком восстановление имени астинома в клейме со смазанной верхней строкой надписи ошибочно. Несмотря на то, что прорись клейма выполнена некачественно, так как нарушен масштаб (IOSPE, III, ЛОИА, № 308; см. табл. II, 16), его принадлежность астиному Аполлатею вряд ли может вызывать сомнения (ср. табл. II, 17).

№ 12. *Δέλφος*. Поврежденное клеймо, содержащее это имя, впервые было опубликовано специальным шрифтом П. Беккером, указавшим, что

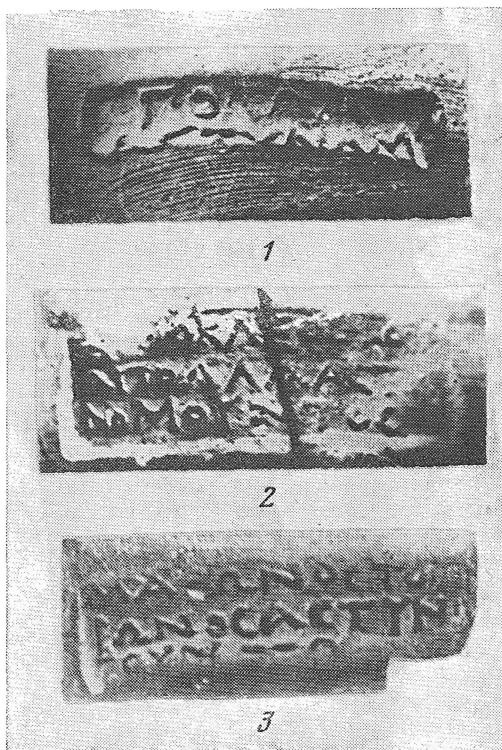

Рис. 3

²⁹ В. В. Шкорпил, Датированные керамические надписи из Зеленского кургана, ИАК, 51, 1914, стр. 122, № 7.

Таблица III

оно происходит из Ольвии и хранится в Одесском музее³⁰. Местонахождение клейма в настоящее время неизвестно, не видел его в музее уже и Е. М. Придик, хотя и включил астинома Дельфа в свой список. Между тем с большим основанием можно предположить, что здесь мы имеем дело с отбитым справа двусторочным клеймом хорошо известного астинома Дельфа Истронова.

№ 13. Ζώπιρος. Предложенное Е. М. Придиком восстановление имени астинома сомнительно. Прорись клейма показывает (IOSPE, III, ЛОИА, № 459; см. табл. III, 1), что оно, по всей видимости, принадлежит магистрату Сополию (ср. табл. III, 2).

№ 14. Μάρων ὁ Μάρωνος. И. Махов, впервые издавший это клеймо, неправильно прочитал первую букву второй строки надписи (см. табл. III, 3), что привело к ошибочному восстановлению им отчества астинома. Свер-

³⁰ P. Becker, Ueber eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem Südlichen Russland, «Jahrbuch für classische Philologie», V Supplbd., Lpz, 1869, стр. 492, № 3.

ка данного клейма (ГХМ, инв. № 1353/36886) показала, что оно принадлежит магистрату Марону Бабонову (см. рис. 3, 3).

№ 15. Ματρις ὁ 'Ηρο[δώρου]. Окончание отчества астинома Матрия Героксенова восстановлено Е. М. Придиком неверно по смазанному справа клейму (IOSPE, III, ЛОИА, № 770; см. табл. III, 4). Правильное восстановление надписи в этом клейме было осуществлено В. В. Борисовой³¹.

№ 16. Νευμήτους. Судя по прориси (IOSPE, III, ЛОИА, № 855; см. табл. III, 5), в распоряжении Е. М. Придика находилось поврежденное клеймо астинома Герократа, сына Невмения, первая строка надписи в котором была либо смазана, либо отбита (ср. табл. III, 6).

№ 17. [Νευ]μή[του]ς ὁ 'Απολλωνίου. Предложенное Е. М. Придиком восстановление имени астинома в поврежденном клейме, прорись которого им приводится (IOSPE, III, ЛОИА, № 856; см. табл. III, 7), не подтвердилось. Штемпель принадлежит (ГХМ, инв. № 644/36886) магистрату Евмелу, сыну Аполлония (ср. табл. III, 8).

№ 18. Ξενοκλῆς ὁ 'Απολλαθ[έου]. Впервые подобное восстановление отчества астинома Ксенокла было предложено И. Маховым. Данная им прорись (см. табл. III, 9) послужила основанием для включения этого астинома во все последующие списки херсонесских магистратов. Однако сверка самого клейма (ГХМ, инв. № 70/36886) с его прорисью показала, что последняя была выполнена некачественно. В связи с тем, что вторая строка надписи смазана и затерта, отдельные буквы в ней при прорисовке издателем были пропущены или неправильно поняты (см. табл. III, 10). Нетрудно заметить, что клеймо оттиснуто известным по другим экземплярам штампом астинома Ксенокла, сына Аполлы (ср. табл. III, 11)³².

№ 19. Παυ[θήρ]. Данное клеймо впервые было опубликовано Б. Юрьевичем³³. Местонахождение его в настоящее время не известно. Е. М. Придик, хотя и сомневался в предложенном издателем восстановлении имени астинома, но все же включил его в свой список. Судя по прориси (IOSPE, III, ЛОИА, № 911; см. табл. III, 12), клеймо могло принадлежать астиному Ксанфу.

№ 20. Πασιάδας. Восстановление надписи в данном клейме, предложенное Е. М. Придиком (IOSPE, III, ЛОИА, № 912; см. табл. III, 13), сомнительно. В первой строке штемпеля находится имя астинома Сотада (ср. табл. III, 14).

№ 21. [Πασιάδας ὁ [Διον]υσίου. Е. М. Придик неправильно восстановил имя астинома, располагая клеймом с отбитой левой стороной (IOSPE, III, ЛОИА, № 913; см. табл. III, 15). Штемпель несомненно принадлежит астиному Каллиаду, сыну Дионисия (ср. табл. III, 16).

№ 22, 23. Πασικλῆς I, II. Прориси клейм, представленных Е. М. Придиком (IOSPE, III, ЛОИА, № 919, 920; см. табл. II, 18, 19), свидетельствуют об ошибочности предложенного им чтения, так как первое из клейм несомненно принадлежит астиному Агасикулу I (ср. табл. I, 1), а второе Агасикулу II (ср. табл. I, 2).

№ 24. Πάσιχος. Е. М. Придик предположительно восстановил это имя в клейме со смазанной верхней строкой (IOSPE, III, ЛОИА, № 921; см. табл. IV, I). Оно же было прочитано Б. Н. Граковым (IOSPE, III, ИА, № 1559) в одном из клейм Эрмитажного собрания (из Херсонеса, 1955, № 10). Последнее восстановление явно ошибочно, так как в первой строке

³¹ Борисова, Амфорные ручки с именами астиномов..., стр. 90, № 24а.

³² Там же, стр. 90, № 27.

³³ В. Юрьевич, Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышовой и Стрелецкой в 1886—1887 гг., ЗОИД, XV, стр. 55, № 33.

надписи клейма уверенно читается имя астинома Пасиона (см. табл. IV, 2). Не исключено, что этому же магистрату принадлежит и первое клеймо.

№ 25. Πυθόδο[ρος] (sic!) ὁ Δαμοκλέος. Публикуя поврежденный экземпляр клейма, Р. Б. Ахмеров и В. В. Борисова неправильно восстановили в нем окончание имени астинома Питодота, сына Дамоклея (см. раздел I, № 97).

Таблица IV

№ 26. Σιμαῖος ὁ Δημητρίου]. В клейме со смазанной нижней строкой (ГХМ, инв. № 1375/36886; см. рис. 4, 1) Е. М. Придик неправильно восстановил отчество астинома Симайя, сына Аполлодора (IOSPE, III, ЛОИА, № 980; см. табл. IV, 3; ср. табл. IV, 4).

№ 27. Ἀπολλώνιος ἀγορανόμος. Восстановление окончания имени в клейме со смазанной слева надписью (см. рис. 4, 2) было предложено В. В. Борисовой³⁴. Однако правильность этого чтения спорна. С большим основанием клеймо можно отнести к агораному Аполлониду. Единственный известный штемпель этого магистрата по форме, составу и расположению легенды является аналогом данному клейму (ср. рис. 4, 3).

Раздел IV

Магистраты, херсонесское происхождение которых сомнительно

№ 1. Ἀπολλώνιος (ὁ) Πάρμιος. Включено в состав херсонесских клейм Е. М. Придиком по одному экземпляру Одесского музея. Сохранность его удовлетворительная, большая часть надписи читается вполне надежно (IOSPE, III, ЛОИА, № 251; см. табл. IV, 5). Однако атрибуция клейма далеко не бесспорна. Оно может принадлежать и синопскому астиному Аполлонию. Тогда в нижней строке находится имя нового, ранее

³⁴ Б о р и с о в а, Амфорные ручки с именами астиномов..., стр. 87, № 4.

не известного в синопском керамическом производстве фабриканта Пармия. К сожалению, мы не знаем характерные признаки глины амфорной ручки, на которой оттиснуто клеймо, так как обнаружить ее в фондах Одесского музея пока не удалось.

№ 2. Ἐπιφάνης. Данное клеймо (ГХМ, инв. № 21230; см. табл. IV, 6) было отнесено к херсонесским Р. Б. Ахмеровым и В. В. Борисовой.

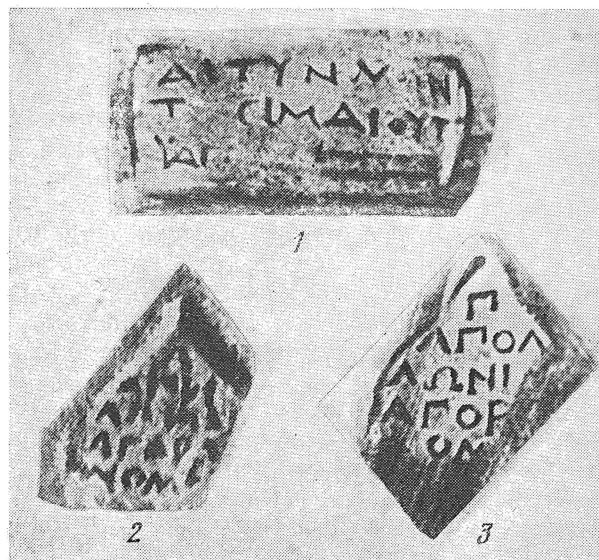

Рис. 4

Между тем оно же определено Б. Н. Граковым как книдское (IOSPE, III, ИА, раздел «Книдские клейма», № 485). Подтверждает атрибуцию Б. Н. Гракова как состав глины амфорной ручки, на которой оттиснуто клеймо, так и тот факт, что в книдских клеймах имя Эпифана встречается неоднократно и среди магistratov, и среди фабрикантов³⁵.

№ 3. Ἰστρων, Διονύσιος. Клеймо, обнаруженное в Ольвии и находившееся в коллекции Н. Мурзакевича, было издано специальным набором П. Беккером (см. табл. IV, 7)³⁶. Е. М. Придик клеймо не видел, чем, видимо, и объясняется факт включения штемпеля в разряд херсонесских (IOSPE, III, ЛОИА, № 717). Между тем более вероятно его книдское происхождение. Среди книдских клейм известны штемпеля с подобным расположением имен в легенде. Здесь же обычна практика постановки перед именем магистрата эпонимного предлога, что для херсонесских клейм нехарактерно.

№ 4. Καλλίνος (δ) Αἰσχίνος. Новый астином Каллин, сын Эсхина, включен в состав херсонесских магистратов Е. М. Придиком по единственному клейму, обнаруженному в Херсонесе и хранившемуся в коллекции Савицкого в Севастополе (IOSPE, III, ЛОИА, № 722; см. табл. IV, 8). По составу и расположению отдельных элементов легенды клеймо вполне может быть отнесено к штемпелям Херсонеса. Однако атрибуция эта

³⁵ A. Dumont, *Inscriptions céramiques de Grèce*, P., 1872, стр. 110, № 114; стр. 253, № 46—48; стр. 255, № 55, 56.

³⁶ P. Becke r, *Ueber die im Südlichen Russland gefundenen Henkelinschriften auf griechischen Thongefässen, Mélanges gréco-romaines*, I, 1850, стр. 426, № 64.

далеко не бесспорна. С еще большим основанием клеймо можно определить как принадлежащее синопскому астиному Эсхину и фабриканту Каллину. Во-первых, эти имена известны в синопской керамической эпиграфике³⁷. Во-вторых, вариант сочетания отдельных составных частей легенды, характерный для данного клейма, редко, но встречается в синопских штемпелях (третий вариант по Б. Н. Гракову)³⁸. В-третьих, окончание имени Эсхина в родительном падеже на -ου, обычное для синопских клейм³⁹, для херсонесских ввиду господства дорического диалекта маловероятно. Здесь формой родительного падежа в именах на -ας всегда была -α (Αἰσχία, Ἀπολλᾶ, Παξιάδα и т. п.).

№ 5. Μόρσιλος. Е. М. Придик внес этого астинома в свой список по одному находящемуся в Херсонесском музее клейму (инв. № 1430/36886). Клеймо смазано и оббито справа (см. табл. IV, 9), надпись в нем, особенно в нижней строке, где, как полагал Е. М. Придик, стояло название магистратуры, читается плохо. Кроме того, глина ручки, на которой оттиснуто клеймо, визуально отличается от типично херсонесской. В изломе она светло-коричневая, в ней относительно мало включений черных кристаллических и белых известковых частиц. Поверхность ручки покрыта темно-коричневым ангобом. Окончательная атрибуция данного клейма возможна лишь при появлении новых, лучше сохранившихся клейм, оттиснутых тем же штампом.

№ 6. Ναύποιον. Впервые прорись этого клейма была опубликована И. Маховым (см. табл. IV, 10), с легкой руки которого астином Навпон вошел во все списки имен херсонесских магистратов. Нам удалось обнаружить в фондах ГХМ (инв. № 112/36581) этот штемпель. Сверка показала, что надпись в клейме И. Маховым была прочитана правильно, но, судя по составу глины ручки, на которой клеймо оттиснуто, оно принадлежит не херсонесскому, а хорошо известному синопскому астиному⁴⁰. Ошибка в атрибуции клейма объясняется тем, что от трехстрочного клейма сохранились лишь две верхние строки, а нижняя, содержащая имя фабриканта, полностью смазана.

№ 7. Νεόπολις ὁ Μενεστράτος. Данный астином отмечен только в списке Р. Б. Ахмерова. При этом в таблицах отсутствует прорись самого клейма, указано только, что оно безмагистратное. Больше никто не видел это клеймо в фондах Херсонесского музея, поэтому его принадлежность Херсонесу остается под вопросом.

Завершая исследование по сверке почти 160 опубликованных ранее имен магистратов, контролировавших керамическое производство Херсонеса в период эллинизма, следует отметить, что чтения и атрибуции более 30 из них не подтвердились. Таким образом, уточненный список на сегодняшний день содержит имена 121 чиновника, из которых два агоронома, а остальные астиномы. Существенно этот список в ближайшее время вряд ли пополнится.

Проделанная работа позволяет перейти к следующему этапу в изучении херсонесских магистратских керамических клейм, к разработке их развитой типологической и хронологической классификации.

³⁷ Б. Н. Граков, Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929, стр. 113, № 1, стр. 118, № 17; стр. 138, № 1, 2.

³⁸ Там же, стр. 38.

³⁹ Там же, стр. 53, 54.

⁴⁰ Там же, стр. 133.

Приложение

СПИСОК ИМЕН ХЕРСОНЕССКИХ АСТИНОМОВ И АГОРАНОМОВ

Раздел I. Магистраты, восстановления и чтения имен которых бесспорны

а). Астиномы

№	имя, отчество	основные публикации
1	Αγάθων (ό) Γνάθωνος	М.4, Р.4, А.1, Б.1
2	Αγασικλῆς Ι	М.2а, б, Р.3,4, А.2, Б.3,4
3	Αγασικλῆς ΙΙ	М.2в, Р.2, Б.2
4	Αθαναῖος	М.3, Р.5, А.3,4, Б.5
5	Αθανόδωρος ὁ Διογούσιον	—
6	Αθανόδωρος ὁ Νικέα	М.4, Р.6, А.5, Б.6
7	Αἰσχίνας	М.5, Р.8, А.6, Б.7
8	Αἰσχίνας ὁ Ξενοκλεῖος	М.6, Р.9, А.7, Б.8
9	Αλέξανδρος	М.7, Р.11, А.8, Б.9
10	Αντιβίων	М.8, Р.13, А.9, Б.10
11	Απολλᾶς ὁ Χορείου	М.11, Р.16, А.13, Б.13
12	Απολλάθεος	М.12, Р.17, А.12, Б.14
13	Απολλωφάνης ὁ Ήρωΐδα	М.20, А.22, Б.15
14	Απολλω[...] ὁ Ήρογείτου	М.10
15	Απολλωνίδας	М.13, Р.19, А.15, Б.16
16	Απολλωνίδας ὁ Απολλωνίου	М.14, Р.20, А.16, Б.17
17	Απολλωνίδας ὁ Ιστρωνος	Р. 21, Б. стр. 123,5
18	Απολλωνίδας ὁ Σιμαίου	М.15, Р.22, А.17, Б.18
19	Απολλώνιος	М.16, Р.23, А.18, Б.19
20	Απολλώνιος ὁ Εύμηλου	М.17, Р.24, А.19, Б.21
21	Απολλώνιος ὁ Θεοφάνειος	—
22	Απολλώνιος ὁ Σωπόλιος	М. 19, Р.27, А.21, Б.22
23	Αρτεμιδωρος ὁ Πασιάδα	М.21, Р.31, А.23, Б.24
24	Αρχανδρος	М.22, Р.33, А.24, Б.25
25	Βάβων ὁ Βάβωνος	—
26	Βάθυλλος	М.23, Р.35, А.25, Б.26
27	Βολλίων ὁ Νικέα	М.24,25, Р.36, А.26, Б.27
28	Δαμοκλῆς	М.26, Р.39, А.27, Б.28
29	Δαμοτέλης	М.27, Р.40, А.28, Б.29
30	Δαμοτέλης ὁ Διαγόρα	М.28, Р.41, А.29, Б.30
31	Δέλφος ὁ Ιστρωνος	М.29, Р.43, А.30, Б.31
32	Διουνύσιος ὁ Αδανοδ[άρου]	Р.43а, Б.стр.123,12
33	Διουνύσιος ὁ Θάγωνος	Е.32
34	Διοσκουρίδας	М.30, Р.44,45, А.31, Б.33,34
35	Διοσκουρίδας ὁ Θεοδώρου	Р.46, А.33, Б.35
36	Διοσκουρίδας ὁ Πυθοδ[άρου?]	М.31, Р.47, А.32, Б.37
37	Εύκλειδας	М.32, Р.48, А.34, Б.38
38	Εύμηλος ὁ Απολλωνίου	М.33, Р.49, А.35, Б.39
39	Εύφρονος ὁ Φιλαθαναίου	М.34, Р.50, А.36, Б.40
40	Ηράκλειος Ι	М.35а,б, Р.52, А.38, Б.41
41	Ηράκλειος ΙΙ	М.36в, А.39, Б.42
42	Ηράκλειος ὁ Ηρακλείου	М.36, Р.53, А.41, Б.43
43	Ηράκλειος (ό) Ηροτίμου	Р.54, Б.стр.123,14
44	Ηράκλειος ὁ Φορμίωνος	М.37, Р.55, А.42, Б.44
45	Ηρέας Ι	М.38, Р.57, А.43, Б.46
46	Ηρέας ΙΙ	М.39, Р.56, Б.45,47
47	Ηρόχειτος	М.41, Р.58, А.44, Б.48
48	Ηρόγειτος (ό) Καλλιάδα	М.40, Р.59, А.45, Б.49
49	Ηρόδοτος Ι	М.42а,б,в, Р.61,62, А.46, Б.51,52
50	Ηρόδοτος ΙΙ	М.42г,д, Р.60, Б.50
51	Ηροκᾶς	М.43, Р.63, А.47, Б.53
52	Ηροκράτης	Р.64,65, А.48, Б.54,55,56
53	Ηροκράτης (ό) Νευμηνίου	М.44, Р.66, А.49, Б.57,58,59
54	Ηρώνικος	М.45, Р.67, А.50, Б.60
55	Ηρόξενος	М.46, Р.68, А.51, Б.61,62
56	Ηρόξενος ὁ Αλκίνου	А.52, Б.63
57	Θεογένης	М.47, Р.70, А.53, Б.64
58	Θεογένης (ό) Απολλωνίδα	Р.71, А.54, Б.стр.123,18
59	Θεόδωρος ὁ Πρυτάνιος	М.49, Р.72, А.55, Б.65

(продолжение приложения)

№	имя, отчество	основные публикации
60	Ιστρων	М.50, Р.73, А.56, Б.66
61	Ιστρων ὁ Ἀπολλωνίδας	М.51, Р.74, А.57, Б.67
62	Καλλιάδας ὁ Διονυσίου	М.52, Р.76, А.58, Б.68
63	Καλλιστράτος ὁ Καλλιστράτου	А.60, Б.69
64	Κοτυτίων (ὁ) Ἀρίστωνος	Р.78,79, А.61, Б.разд.в,2,3,4
65	Κράτων	М.53, Р.80, А.59, Б.70
66	Δαγορῖνος ὁ Λαγορίνου	А.65, Б.71
67	Δαγορῖνος ὁ Παρθενονέλεος	А.64, Б.72
68	Λύκων ὁ Ἀπολλωνίου	М.54, Р.81, А.62, Б.73
69	Λύκων ὁ Χορείου	М.55, Р.82, А.63, Б.74
70	Μάρων ὁ Βάβωνος	Р.83, А.67, Б.75
71	Μᾶτρις	М.57, Р.84, А.68, Б.76,77
72	Μᾶτρις ὁ Ἀγασικλεῖος	М.58, Р.85, А.69, Б.78
73	Μᾶτρις ὁ Ἀπολλωνίδα	А.71, Б.стр.123,22
74	Μᾶτρις ὁ Ἡροδέου	М.59, А.70, Б.79
75	Ματρόδωρος ὁ Λυσίππου	М.60, Р.87, А.72, Б.80
76	Μῆνις (ὁ) Δαμοκλέος	Р.88, А.73, Б.81
77	Νάνων	М.61, Р.90,91, А.74, Б.82,83,84
78	Νευμήνιος (ὁ) Φιλιστίου	М.63, Р.95, А.76, Б.86
79	Νικασίτειμος ὁ Πυθο[.....]	М.64, Р.96, А.78, Б.87
80	Νικέας ὁ Ἡρακλείου	М.65, Р.97, А.80, Б.88
81	Νικέας (ὁ) Ἡρογείτου	М.66, Р.98, А.79, Б.89
82	Νικέας ὁ Νικεά	М.67, Р.99, А.81,Б.90
83	Ξάνθος	М.68, Р.100, А.82, Б.91
84	Ξενοκλῆς ὁ Ἀπολλά	Р.101, А.84, Б.92
85	Ξένων	М.70, Р.103, А.85, Б.94
86	Πασιάδας ὁ Ἡροδότου	М.71, Р.107,108, А.86, Б.95
87	Πάσιχος ὁ Χαρμίππου	М.72, Р.112, А.87, Б.96
88	Πασίων I	М.73а, Р.113,114, А.88, Б.97—99
89	Πασίων II	М.73в,г, А.89, Б.100
90	Πολόκτωρος ὁ Μήνιος	М.74, А.90, Б.101
91	Πολύστρατος	М.75, Р.115, А.91, Б.102
92	Πολύστρατος ὁ Ξένωνος	Р.116, А.92, Б.стр.124,35
93	Προμαθίων ὁ Ἐσεικράτεος	М.76, Р.117, А.93, Б.103
94	Προμαθίων ὁ Θασίου	М.77, Р.118, А.94, Б.104
95	Πρύτανις ὁ Ἀρίστωνος	Б.119, А.95, Б.105
96	Πρύτανις ὁ Θεοδώρου	А.96, Б.106
97	Πυθόδοτος ὁ Δαμοκλέος	
98	Σίλανος	М.78, Р.120, А.98, Б.107
99	Σιμαῖος ὁ Ἀπολλοδώρου	М.79,80, Р.121, А.99, Б.108
100	Σιμαῖος ὁ Εδρυδάμου	М.81, Р.123, А.101, Б.109
101	Σιμαῖος ὁ Παρθενοκλέος	А.100, Б.110
102	Σιμος ὁ Δαμαστρίου	М.82, Р.124, А.102, Б.111
103	Σκύνθας ὁ Σωπόλιος	М.83, Р.125, А.103, Б.112
104	Συρίσκος	М.84, Р.127, А.104, Б.113
105	Σώκριτος	М.85, Р.128, А.105, Б.114
106	Σώκριτος ὁ Ἀρτεμιδώρου	М.86, Р.129, А.106, Б.115
107	Σώπολις	М.87, Р.130, А.107, Б.116
108	Σώπολις ὁ Παξιώνος	Б.117
109	Σώπολις ὁ Σωπόλιος	А.109, Б.стр.124,37
110	Σώπολις ὁ Ὑμνου	М.88, Р.131, А.108, Б.118
111	Σωτάδας	М.89, Р.132, А.110, Б.119
112	Τελαρμῶν	М.90, Р.134, А.111, Б.120
113	Ὕμνος ὁ Σκύθα	М.91, Р.135, А.112, Б.121
114	Φίλιππος	М.92, Р.136,137, А.113, Б.122,123
115	Φορμίων (ὁ) Αἰσχίνα	М.93, Р.138, А.114, Б.124
116	Φορμίων (ὁ) Ἀπολλᾶ	М.94, Р.139, А.115, Б.125,126
117	Φορμίων ὁ Πυθίωνος	М.95,96, Р.140, А.116, Б.127
118	Χορεῖος	М.97, Р.141,142, А.117, Б.128,129
119	Χορεῖος ὁ Λύκωνος	М.98. Р.143, А.118, Б.130
120	Ἀπολλωνίδα	
121	Ἀπολλώνιος (ὁ) Πασιάδα	
		б) Агораномы
		Б.раздел «б», стр.122,1,2
		Р.26, А.14, Б.раздел «б»,стр.122,3

Раздел II. Астиномы, в правильности восстановления имен и отчеств которых нет уверенности

1	¹ Απολλώνιος ὁ	E.20
2	[¹ Αρίσ]των ὁ Χορείου	—
3	¹ Ηρότ[ιμος] (ὁ) ¹ Ηρον[ικού]	P.69, Б. стр. 123,17
4	· · · · · ὁ Τελα[μώνος]	—

Раздел III. Ошибочные восстановления имен и отчеств в магистратских клеймах

№	ошибочные восстановления	публикации	правильные восстановления
1	Αἰσχίνας ὁ Πασιάδα	P.40, Б. стр. 123,2	[Αρτε]μίδ[ωρος] ὁ Πασιάδα
2	¹ Απολλᾶς	M.9, P.14, A.10, B.11	[Φορμίων] (ὁ) ¹ Απολλᾶς
3	¹ Απολλ[ᾶς ὁ] ¹ Ηρογείτου	M.10, P.15, A.11, B.12	¹ Απολλοφάνης ὁ ¹ Ηρωΐδας
4	¹ Απολλοφάνης ὁ ¹ Ηρακ[λείου]	P.18, Б.с.123,4	¹ Απολλώνιος ὁ Θεοφάνειος
5	¹ Απολλώνιος ὁ Φάνειος	M.18, P.28, A.20, B.23	[Εν]οικλῆς ὁ ¹ Απολλᾶς
6	[¹ Αριστοκλῆς ὁ] Απολλᾶς	P.29, Б.с.123,7	[Σώκριτος] ὁ ¹ Αριστεμίδωρος
7	¹ Αρ[τεμίδωρος	P.30, Б. стр. 123,8	[Ματρό]δωρος ὁ Αυσίππου
8	[¹ Αρτεμ]ίδωρ[ρος] ὁ Σπιευσίππου	P.32, Б. стр. 123,9	[Πρύτα]ν[ικ]ς ὁ] ¹ Αριστωνος
9	[¹ Αρχ]αν[δρος] ὁ] ¹ Αριστωνος	P.34	[Μάτη]ρις
10	[Βόρ]ιος	P.37	[Απο]λλάθεο[ς]
11	[Δα]μάτρι[ος	P.38, Б.с.123,10	Δέλφος[ὁ] ¹ Ιστρωνος]
12	Δέλφος	P.42	[Σ]ωπό[λιος]
13	[Ζ]ώπυ[ρος]	P.51, Б.с.123,13	Μάρων ὁ [Βά]βωνος
14	Μάρων [Μά]ρωνος	M.56, A.66, Б.стр. 123,21	Μάτρις ὁ ¹ Ηροξ[ένου]
15	Μάτρις ὁ ¹ Ηρο[δώρου]	P.86, Б.с.123,23	[Ηροκράτης] (ὁ) Νευμήνιον
16	Νευμήνιος	P.93, Б.с.124,25	[Εύμη]η[λ]ος
17	[Νευ]μήν[υ]ος	P.94, Б.стр.124,26	¹ Απολλωνίου
18	¹ Απολλωνίου	M.69, P.102, A.83, B.93	Ενοικλῆς ὁ ¹ Απολλᾶς
	Ενοικλῆς ὁ		Εάν[θος]
	¹ Απολλαθ[έου]		Σωτάδας
19	Παν[θήρ]	P.104, Б.с.124,28	Καλλιάδας ὁ [Διον]υσίου
20	Πασιάδας	P.105, Б.с.124,29	[Αγ]ασικλῆς I
21	Πασιάδας ὁ [Διον]υσίου	P.106, Б.с.124,30	[Αγ]ασικλῆς II
22	Π]ασικλῆς I	P.110, Б.с.124,33	Πασιω[ν]
23	Π]ασικλῆς II	P.110, Б.с.124,32	Πυθόδο[πος] ὁ
24	Πάσιχ[ος]	P.111, Б.с.124,34	Δαμοκλέος
25	Πυθόδο[ρος] (sic!) ὁ Διαμοκλέος	A.97, Б. раздел «в», стр.122,5	Σιμαῖος ὁ
26	Σιμαῖος ὁ	P.122, Б.стр.124,36	[Απο]λλοδώρου
	Δημητρίου]		¹ Απολλῶνος
27	¹ Απολλῶ[νιος]	Б. раздел «б», стр. 122, 2	Αγορανόμος

Раздел IV. Магистраты, херсонеское происхождение которых сомнительно

№	имя, отчество	публикации	вероятная атрибуция
1	¹ Απολλώνιος (ὁ) Πάρμιος	P.26, Б.стр.123,6	Херсонес? Синопа?
2	¹ Επιφάνης	A.37, Б.37	Книд?
3	¹ Ιστρων, Διονύσιος	P.75, Б.стр.123,19	Книд?
4	Καλλίνος (ὁ) Αἰσχίνου	P.77, Б.стр.123,20	Херсонес?, Синопа?
5	Μόριλος	P.89, Б.стр.124,24	Херсонес?, Синопа?
6	Ναύπων	M.62, P.92, A.75, B.85	Синопа
7	Νεύπολις ὁ Μενεστράτου	A.77, Б.стр.124,1	Херсонес?

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ:

- А.—Р. Б. Ахмеров, Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1949, № 4.
- Б.—В. Б. Борисова, Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор, НЭ, XI, 1974.
- М.—И. Махов, Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов, ИТУАК, вып. 48, 1912.
- Р.—E. Pridik, Die Astynomennamen auf Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrussland, Berlin, 1928.

B. I. Katz

CORRECTED LIST OF MAGISTRATES CONTROLLING POTTERY
PRODUCTION IN TAURIC CHERONESUS

V. I. Katz

Chersonesus is the only North Black Seacoast center where pottery containers were regularly stamped on a mass scale. Chersonesus pottery stamps are increasingly treated as a first-class source for the study of the city's economic history and in archaeological field work. Their usefulness is enhanced by the availability of four published lists of names of astynomoi and agoranomoi charged with oversight of ceramic production. The chronological classification of Chersonesus magistrates proposed by R. B. Akhmerov was accepted as valid until the appearance of strong indications that a radical revision was needed. Work on this is hampered by the relative uniformity of Chersonesus stamps. It was necessary first of all to make a detailed collation of the lists published earlier. When this was done it was discovered that the resulting corrected list contained the names of 121 officials. In more than 30 instances previous readings and attributions were not confirmed. It is now possible to proceed, on a sounder basis, to the next task, the working out of a typological and chronological classification of Chersonesus stamps with the names of magistrates.

МЕСТО И РОЛЬ АРМИИ В СИСТЕМЕ
РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Одним из объектов исследования первостепенного значения, несомненно, является проблема положения и роли армии в раннеэллинистическом государстве. Принимая непосредственное участие в ожесточенной борьбе за власть, армия сыграла значительную роль в строительстве новой государственной формы — эллинистической монархии. Между тем этот вопрос, решение которого может помочь в выяснении структуры эллинистического государства на раннем этапе его развития, еще не был темой специального исследования. Положение важного политического института — армии, в государствах диадохов разбиралось в ряде работ в основном в двух направлениях. Первое из них связано с интересом к военной истории, и в этом случае исследователи касаются нашей проблемы с точки зрения развития военного искусства в период эллинизма¹. Второе — включает в себя литературу о распространении наемни-

¹ A. Spendel, Untersuchungen zum Heerwesen der Diadochen, Diss., Breslau, 1915; W. W. Tarn, Hellenistic Military and Naval Developments, Cambr., 1930; E. E. Adcock, The Greek and Macedonian Art of War, Berkeley and Los Angeles, 1957.

чества в древней Греции². Из работ, касающихся интересующего нас периода диадохов, следует прежде всего назвать диссертацию К. Гроте «Греческие наемники эллинистического времени»³. Автор, охватывая в своем исследовании период от воцарения Александра Великого до падения эллинистических государств, в так называемой «Исторической части» уделяет специальное внимание разбору сведений Диодора, Плутарха и Полиена о численности наемников у диадохов. Во втором разделе его труда рассматриваются такие важные для жизни профессионального войска вопросы, как набор, плата, вооружение наемников, их организация, забота о снабжении их продовольствием и т. д.

В построенном по хронологическому принципу труде Г. В. Парка «Греческие наемные солдаты с древнейших времен до битвы при Ипсе» разбору данных для века Александра и диадохов посвящены части V и VI⁴. Они представляют собой подробный анализ участия наемных солдат в военно-политических событиях тех лет. Г. В. Парк, касаясь проблемы наемничества в этот период, выделяет прежде всего влияние профессионализма наемных воинов на развитие военного искусства⁵.

Своеобразным продолжением монографии Г. В. Парка является книга Г. Т. Гриффита «Наемники эллинистического мира», в которой главное внимание уделяется развитым эллинистическим государствам, но две первые главы его работы посвящены наемничеству во времена Филиппа, Александра и его преемников. Автор обращает внимание на экономическую сторону жизни наемников: на условия их набора, платы, снабжения их продовольствием⁶. Он касается и тех условий, которые в целом приводят к развитию наемничества. Но как и Г. В. Парк, Г. Т. Гриффит не поднимает проблемы роли наемников в политической жизни государств Греции и на Востоке.

Данная проблема некоторым образом освещена в построенной на исследовании богатого эпиграфического материала книге М. Лонея⁷. Автор делает попытку выяснить этнический состав наемников, уделяет большое внимание особому корпоративному духу солдат, при исследовании почетных декретов солдатских гарнизонов показывает ту весьма своеобразную организацию, которую представляло собой наемное войско⁸. Но весь этот материал имеет отношение к развитым эллинистическим государствам.

Наконец, для нас представляют определенный интерес и работы, связанные с исследованием некоторых вопросов государственного права, — в частности, функций такого стариинного органа управления в македонском царстве, как собрание воинов. Здесь прежде всего следует указать на работу Ф. Гранира «Македонское воинское собрание». Рассматривая вопросы политической и военной организации Македонии с древнейших времен, Ф. Гранир уделяет особое внимание этому органу, прослеживая последовательно его трансформацию у Александра, диадо-

² С этим направлением некоторым образом смыкается вышеуказанное исследование А. Шпенделя, посвященное не только численности и роли различных родов войск в армиях диадохов в ходе военных действий, но и их составу (см. Spindel, ук. соч., стр. 19—24; 30—31; 42—43).

³ K. G r o t e , *Das griechische Söldnerwesen der hellenistischen Zeit*, Diss., Jena, 1913.

⁴ H. W. P a r k e , *Greek Mercenary Soldier from the Earliest Times to the Battle of Ipsus*, Oxf., 1933, стр. 177—226.

⁵ Там же, стр. 235 сл.

⁶ G. T. G r i f f i t h , *The Mercenaries of the Hellenistic World*, Cambr., 1935, стр. 8—56, 236—316.

⁷ M. L a u n e y , *Recherches sur les armées hellénistiques*, I—II, Р., 1949—1950.

⁸ Там же, II, стр. 683—688, 699—1063.

хов и в развитых эллинистических монархиях⁹. Но с некоторыми выводами автора согласиться трудно. Об особой роли армии в жизни Македонии, примыкая в основном к выводам Ф. Граница, говорит в своих работах и А. Эймар¹⁰.

Действия армии и в частности собрания воинов продолжают привлекать пристальное внимание ученых и ныне. Причем, анализируя работы последних лет, можно прежде всего выделить два диаметрально противоположных вывода о месте и роли воинского собрания в период раннего эллинизма. В первом случае и эта тенденция связана с признанием правильности выводов Ф. Граница и А. Эймара, подчеркивается особый революционный характер собрания благодаря участию в нем «народной» македонской фаланги. На основании этого делается вывод о сохранении ограниченности царской власти в период похода Александра и после его смерти¹¹.

Напротив, Р. Локк, протестуя против вывода других исследователей о конституционном характере договора между войском и царем, о наличии закона — *νόμος*, регулировавшего отношения между ними, пытается доказать полное отсутствие политических прав и политической активности войска во время восточного похода¹². В сущности автор, несмотря на сделанные им оговорки¹³, присоединяется к мнению критикуемого им П. де Франциски и объясняет участие войска в политических событиях волей самого царя.

П. Гуковский сумел избежать крайностей П. Бриана и Р. Локка. В своей рецензии на книгу П. Бриана, не отрицая самого факта функционирования собрания воинов у Александра, он настаивает на следующем: армия Александра настолько была разбавлена царем контингентами азиатских сил, что ни о каком «народном» характере собраний фалангистов говорить не приходится. Кризис же после смерти Александра, по его мнению, следует рассматривать не столько как борьбу знати и рядовых пехотинцев-македонян, сколько как выражение разногласий различных группировок в среде знати¹⁴, но знати новой, созданной Александром¹⁵.

Разногласия среди ученых по данному вопросу, который к тому же решается в основном на материале, имеющем отношение только ко времени правления Александра, заставляют нас вновь обратиться к его рассмотрению. Нам представляется весьма целесообразным попытаться вы-

⁹ F. Granié, Die makedonische Heerversammlung (MBP, Ht. XIII), München, 1931.

¹⁰ A. Aymard, Sur l'assemblée macédonienne, REA, LII, 1952, № 1—2, стр. 115—197; он же, *Βασιλεὺς Μακεδόνων*, RIDA, IV, 1950, стр. 61—97.

¹¹ Так решает эту проблему П. Бриан. К сожалению, его работа [P. Briant, *Antigone le Borgne, les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne* (Annales littéraires de l'Université de Besançon, vol. 152), P., 1973] известна нам только по краткой аннотации (см. AC, XLIII, 1974, № 4, стр. 546—548) и рецензии на нее (P. Goukowsky, *Antigone, Alexandre et l'assemblée macédonienne*, RPh, XLIX, 1975, № 2, стр. 263—277).

¹² См. R. Lock, *The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great*, CPh, LXXII, 1977, № 2, стр. 91—107, особенно 98—107.

¹³ Р. Локк, упрекая Ф. Граница, А. Эймара и П. де Франциски в том, что у них нет источников, которые свидетельствовали бы о наличии в Македонии постановления, ограничивающего власть царя войсковым собранием, сам тем не менее прибегает к такому же методу. Он пытается объяснить характер монархии в македонском государстве, исходя из слов Аристотеля о существовании монархии, промежуточной между абсолютистской и конституционной. При этом автор замечает, что Аристотель не упоминает Македонское царство как пример подобной промежуточной формы (Lock, ук. соч., стр. 97 сл.).

¹⁴ Большой материал о борьбе группировок среди приближенных Александра собран А. С. Шофманом (Восточная политика Александра Македонского, Казань, 1976, стр. 307—403).

¹⁵ См. Goukowsky, ук. соч., стр. 266—271.

яснить состояние и положение армии в малоазийской державе одного из преемников Александра — Антигона I.

Стремление Антигона добиться перевеса в политической борьбе после смерти Александра заставило его уделять особое внимание своим военным силам. Анализ данных Диодора о наиболее важных этапах его карьеры показывает нам почти непрерывное увеличение численности его войск¹⁶. Испытывая острую нужду в людских ресурсах, Антигон и Деметрий прибегали к старому испытанному способу — вербовке наемников. Связь с Македонией за годы восточных походов была ослаблена, мешала ей и почти постоянная вражда Антигона с правителями македонского государства. Кроме того, населения Македонии было просто недостаточно, чтобы обеспечить армии диадохов воинами. В 315 г. до н. э. в разгар борьбы с Птолемеем, Селевком, Лисимахом и Кассандром Антигон поручил своему стратегу Аристодему из Милета набрать для себя наемников в Лаконии. Диодор сообщает о 8 тыс. спартанцев, нанятых Аристодемом. Равным образом в 312 г. племянник Антигона Птолемей завербовал в Беотии 2,2 тыс. пехоты и 1,5 тыс. конницы (Diod., XIX, 57,5; 77,4).

Эллада была не единственным местом вербовки наемников. Эвмен, став полномочным стратегом Азии, приказал своим агентам на средства из царских сокровищниц в Киликии вербовать солдат в Писидии, Ликии, Киликии, Кесарии, Финикии и городах Кипра (Diod., XVIII, 58,1; 61,4 — 5). В связи с этим нам представляется очень интересной попытка выяснить соотношение македонских и наемных солдат в армии Антигона.

Остановимся вначале на описании расстановки сил Антигона в битве с Эвменом в Паретакене (Diod., XIX, 29,1—6). Результат разбора этих данных Диодора весьма характерен. Из 28 тыс. пехоты, размещенной на левом фланге, лишь 8 тыс. принадлежали к македонскому ядру, 9 тыс. были наемниками, 3 тыс. — ликийцами и памфильцами. Оставшихся воинов Диодор определяет как «разного рода вооруженные по македонскому образцу». Прав, видимо, Г. Гриффит, который считает, что словом *παυτοδαποι* Диодор обозначает азиатские отряды¹⁷.

Так же характерно и соотношение конных сил Антигона. Македонскими были отряды правого фланга — один в 1 тыс. гетайров под командой Деметрия и другой в 300 всадников, которыми командовал сам Антигон и среди которых были размещены его пажи. Около 4,5 тыс. кавалеристов принадлежали к наемникам: 2,2 тыс. левого и 100 правого фланга — «тарентинцы» (*Ταραυτίοι*), т. е. наемники с определенного рода вооружением¹⁸, 500 азиатских наемников (*μιζθοφόροι παυτοδαποι*) и в общей сложности 1,8 тыс. фракийцев. Остальные 2 тыс. всадников — воины союзников Антигона, Пифона и других сатрапов. Оставшиеся конные отряды принадлежали к числу азиатских сил Антигона: мидийские и парфянские конные лучники и копьеметатели (*ἀριπποτοῦτοι λογχοφόροι*) — 1 тыс., всадники из Лидии и Фригии — 1 тыс., копьеносцы (*ξυστοφόροι*) под командой Лисания — 300 человек.

¹⁶ В битве с Эвменом в Каппадокии (319 г. до н. э.) в распоряжении Антигона было 10 тыс. пехотинцев, 2 тыс. всадников и 30 слонов; в битве в Писидии с Алкетом и Атталом (319 г.) — 40 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы; перед битвой с Эвменом в Паретакене (316 г.) — 28 тыс. пехоты, 8,5 тыс. конных воинов и 65 слонов. Для похода на Кипр (306 г.) Деметрий получил 110 триер, 58 тяжелых военных кораблей и грузовые суда, где были размещены 15 тыс. пехотинцев и 400 всадников. Объединенный поход Антигона и Деметрия в Египет (305 г.) совершился при участии в нем сухопутного войска — 80 тыс. пехоты, 8 тыс. конницы и 33 слона, флота — 150 военных и 100 грузовых судов. Наконец, и в последней, столь печальной для него «битве царей» в распоряжении Антигона были следующие силы: 70 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии и 75 слонов (см. Diod., XVIII, 40, 7; 50, 1; XIX, 28, 4; XX, 47, 1; 73, 2; Plut., Dem., XXVIII, 6).

¹⁷ Griffit, ук. соч., стр. 42.

¹⁸ Там же, стр. 240—250.

Оставленные в 314 г. для защиты Сирии под руководством Деметрия военные силы состояли из 10,5 тыс. наемников, 500 персидских лучников и прапорщиков, 2 тыс. македонян и 5 тыс. всадников, точный состав которых несколько проясняет описание плана битвы при Газе в 312 г. Из них 200 человек принадлежали к ближайшему окружению Деметрия — его «друзьям». Здесь же на левом фланге располагался и отряд гетайров, численностью в 800 человек. Далее, в состав конницы входили 100 наемников — «тарентинцев», 500 копьеметателей, 1,5 тыс. конников-туземцев; 1,5 тыс. всадников правого фланга под командой Андроника Диодор никак не характеризует (Diod., XIX, 69,1; 82,1—6).

В 302 г. перед битвой с Кассандром в распоряжении Деметрия была армия, состоящая по большей части из наемных отрядов. Из 56 тыс. пехоты 8 тыс. принадлежали к ядру армии Антигона (македонским ветеранам), 15 тыс. — к наемникам, 8 тыс. представляли собой отряды легковооруженной пехоты и нанятых Деметрием пиратов. Остальные 25 тыс. Деметрий получил от членов Панэллинской Лиги, греческих полисов; они вряд ли целиком состояли из гражданского ополчения. Во всяком случае, позднее, после битвы при Ипсе часть афинских граждан, сражавшаяся на стороне Антигона, вела себя согласно «кодексу чести» наемников и лишь сменила своего хозяина. В 287/6 г. афиняне издали в честь поэта Филиппида декрет за его заботу об оставшихся в Азии афинских гражданах. Использовав свою дружбу с Лисимахом, Филиппид помог одним из них вернуться на родину, а другим — вновь устроиться на военную службу (Syll.³, 374, сткк. 16—26).

Попытаемся теперь выяснить на основании этих числовых данных македонское ядро армии Антигона. Что касается пешего войска, то численность македонских ветеранов никогда не поднималась выше 8 тыс. человек. Антигон, вероятно, получил их для борьбы с Эвменом после того, как Антипат даровал ему звание стратега Азии. Ариан определяет их численность в 8,5 тыс. Диодор говорит приблизительно о 8 тыс. воинов. Сложнее обстоит дело с выявлением македонских сил в коннице Антигона и Деметрия. Нам известно только о наличии у них привилегированного немногочисленного отряда гетайров. Антигон получил его также из рук Антипатра (Diod., XIX, 29,3; Att., Succ. Alex. 43).

Значительное число наемников среди ближайшего окружения Антигона и Деметрия Полиоркета — «друзей»¹⁹ — и офицерства рангом ниже. Они принимали непосредственное участие в военных действиях своих повелителей, выполняли другие их поручения²⁰. Жители Мегар издали почетный декрет в честь беотийца Золия, сына Келена, главы гарнизона в местечке Эгосфены, сразу после завоевания Мегар в 307 г. (Syll.³, 334)²¹. Точно такие же почести даровали самосцы главе гарнизона Антигонидов на этом острове ликийцу Демарху, афиняне — гражданину карийского города Баргиллии Солону (Syll.³, 333, 347). В период кратковременного союза Деметрия с Селевком, родосец Никагор был послан Деметрием в Эфес с важной политической миссией, как об этом свидетельствует эфесский декрет в честь Никагора. В благодарность за помощь самосским гражданам при дворе царя Деметрия самосцы даровали ряд почестей Горисму

¹⁹ О наличии в этой среде наемников см. Г. С. С а м о х и н а, Роль так называемых друзей (φίλοι) в раннеэллинистической монархии, «Вестник ЛГУ», № 14, 1975, «Серия: история, язык, лит-ра», вып. 3, стр. 63—64.

²⁰ См. о военной и политической деятельности самосца Фемисона, навархов Гегесиппа из Галикарнаса и Плистия из Коса, эпирца Алкима и уроженца г. Лариссы Форака: D i o d., XIX, 72, 7; X X, 50, 4; P l u t., Dem. XXI, 6; XXIX, 20.

²¹ K. J. В е л о ч, Griechische Geschichte, 2. Aufl., Bd. IV, Abt. 2, B.—Lpz., 1927, стр. 196.

из Элеи. На службе у Деметрия некоторое время был и глава киликийских пиратов Тимокл (Diod., XX, 97,5; OGIS, 10; SEG, I, 356).

Таким образом, борьба Антигона и Деметрия со своими политическими соперниками осуществлялась по большей части силами наемников, что вообще характерно для IV в. до н. э.²² Наряду с наемниками-греками из районов материковой и островной Эллады и Малой Азии активно использовались и туземные военные силы²³. В этом вопросе диадохи шли по стопам Александра Великого, в армии которого македоняне в сущности сохранили лишь политическое превосходство, численное же принадлежало восточным народам²⁴. По подсчетам П. Гуковского к 323 г. в фаланге на 4 македонян приходилось 12 персов, контингенты восточных народов (в основном иранцев) были включены Александром и в конницу²⁵. Однако выяснить точное соотношение греческих и азиатских наемников в армиях диадохов невозможно. Вряд ли Диодор под *ένος* подразумевает наемника-туземца, а под *μεθοφόρος* — грека²⁶.

Важнейшим фактором, от которого зависели масштабы привлечения наемных сил, были финансы, находящиеся в распоряжении полководца. После того как в руки Антигона попали сокровища персидских царей в Экбатанах Сузах и Киниде, численность его армии резко возросла. До завладения этими средствами он вынужден был прибегать к незаконным с точки зрения верховной власти Македонии мерам. Диодор приводит один эпизод, который как нельзя лучше характеризует прежние затруднения Антигона. В 319 г. после успешной военной операции — занятия Эфеса — он захватил транспорт с деньгами, которые должны были быть переправлены к македонскому двору из Киликии, мотивируя свои действия личными нуждами — затруднениями с выплатой жалования наемникам (Diod. XVIII, 52,7; XIX, 46,6; 48,7—8; 56,5).

Финансовые затруднения полководца приводили иногда к своеобразным методам выплаты жалования солдатам. Очутившись в подобном положении, Эвмен стал распродавать своим солдатам усадьбы и крепости Верхней Фригии со всем имуществом. Покупатель — начальник македонского или иноземного отряда — получал от Эвмена военные машины и приступал к осаде предназначенней его отряду крепости. Военная добыча делилась в соответствии с причитавшейся каждому воину суммой невыплаченного жалования (Plut., Eum. XIII, 7—8). Этот прием — выплата жалования за счет военной добычи — не нов в истории войн IV в. до н. э.²⁷

То обстоятельство, что армии диадохов состояли преимущественно из наемных сил, определило и всю систему взаимоотношений воинов и полководца, которые характерны для периода раннего эллинизма. Наемникам было безразлично в принципе кому служить, лишь бы им показались подходящими условия службы. Прежде всего повинование их зависело от выплаты жалования и его размера. Используя беспринципность наемников,

²² Развитие наемничества в Греции и на Востоке до походов Александра Македонского подробно рассматривается в монографии Л. П. Маринович «Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса» (М., 1975, особенно стр. 18—121).

²³ См. о подобной же политике других диадохов: Эвмена — Diod., XVIII, 29, 3; 30, 1; Plut., Dem. IV, VII; Алкета — Diod., XVIII, 49,1; Певкеста — Diod., XIX, 14, 5; Птолемея — Diod., XIX, 80,4; Селевка — Diod., XIX, 91, 1—3.

²⁴ См. разбор данных о составе войска Александра и его изменений в ходе похода: А. С. Шофман, Армия и военные преобразования Александра Македонского, ВДИ, 1972, № 1, стр. 181 сл.; о ж е, Восточная политика Александра..., стр. 288—304; Griffith, ук. соч., стр. 41.

²⁵ Goukowsky, ук. соч., стр. 266—269.

²⁶ К такому выводу приходят Г. В. Парк (ук. соч., стр. 209) и Г. Т. Гриффит (ук. соч., стр. 16).

²⁷ См. материал о месте военной добычи в плате наемникам конца V — начала IV в.: Маринович, ук. соч., стр. 15 сл.

Птолемей I сумел переманить значительную часть воинов Антигона во время египетского похода последнего, пообещав каждому из солдат по мине, а офицерам — по таланту в награду за измену своему полководцу. Замысливший в 312 г. измену Антигону его родственник Телесфор, чтобы обеспечить себе поддержку солдат, выплатил им более 50 талантов, захваченных им в сокровищнице храма в Олимпии. Добившийся большего успеха в военных делах военачальник всегда мог надеяться на пополнение своей армии за счет воинов своего противника. Антигон неоднократно пользовался такой возможностью: в 319 г. после разгрома Эвмена в Каппадокии, после победы в Писидии над Алкетом и Аттадом, в 315 г. после небольшой стычки с воинами Птолемея. Численность сухопутного войска Деметрия после победы при Саламине возросла за счет гарнизонных солдат противника (Diod., XVIII, 41,4; 45,4; XIX, 59,2; 75,1—3; 87,1—2; XX, 53,1)²⁸.

В условиях постоянных войн периода диадохов между полководцем и его армией, к тому же по большей части наемной, складываются свои, собственные отношения. Их отличает прежде всего тесная связь командинра со своими воинами, зависимость их друг от друга²⁹. Но верность наемника своему полководцу, как видно из разобранного выше материала, не прочна и целиком зависит от состояния его финансов, его военных успехов и политики по отношению к войску.

Обязательной составной частью любого войска был обоз — *ἀποσκευή*, где помещались пожитки солдат, их добыча, продовольствие, инструменты разного рода и солдатские семьи³⁰. Потеря обоза или части его вела к деморализации и измене солдат. Антигон неоднократно вынуждал своего противника к сдаче, захватив в бою обоз его воинов³¹. «Из забот командинра о солдатских пожитках, об их женах и детях, — как замечает Г. Бенгтсон, — вырастала у солдат верность полководцу»³². Причиной бунта в войске Антигона в 316 г. во время похода по пустынным областям Мидии была потеря выночных животных. Антигон немедленно подавил недовольство, добившись бесперебойного снабжения войска продовольствием и подарив воинам взамен павших животных лошадей и мулов, конфискованных, видимо, у местного населения (Diod., XIX, 20,4). На взаимоотношения раннеэллинистического правителя и его воинов накладывало свой отпечаток не только то обстоятельство, что основой армий диадохов были наемники. Значительную роль сыграла здесь ситуация сложившаяся на Востоке после смерти Александра. Сражаясь в течение многих лет вдали от родины, принимая к тому же непосредственное участие в междуусобицах преемников Александра, солдат-македонянин по своим симпатиям и антипатиям ничем не отличался от наемника. Когда в 316 г. воины Антигона сумели захватить обоз аргираспидов, это привело к измене македонян Эвмену (Diod., XIX, 42,2; Plut., Eum. XVII—XVIII).

Правда, связь македонских солдат с военачальником была теснее. Обращает на себя внимание тот факт, что численность македонских воинов-пехотинцев с 320 г. у Антигона почти не изменилась — ими, по всей види-

²⁸ См. о сходном поведении Эвмена и Лисимаха: Diod., XVIII, 29, 5; XIX, 73, 10; Plut., Dem. V.

²⁹ На личный характер связей в наемном войске указывал К. К. Зельин (Принципы морфологической классификации форм зависимости, ВДИ, 1967, № 2, стр. 26 сл.).

³⁰ О составных частях обоза в армии диадохов см. Diod., XIX, 43, 6—9; Plut., Eum. IX. Яркую картину его дает в «Киропедии» Ксенофонт (Сутор. VI, 2, 25—39). Разбор его сведений см. Маринов, ук. соч., стр. 140 сл.

³¹ Diod., XVIII, 22, 6; 40, 3; 72, 6; XIX, 13, 3—4; 31, 3—4; 42, 2; 85, 5; Plut., Eum. V; IX, XVII—XVIII; Polyau., IV, 6, 13.

³² H. Bengtson, Griechische Geschichte, 3. Aufl., München, 1969, стр. 380, 438.

мости, дорожили. Но их интересы мало отличались от интересов прочих солдат — Плутарх специально посвящает несколько строк развращенности македонских воинов (Eum. XIV, 1).

Конечно, положение македонских ветеранов в армии было более привилегированным, что приводило иногда к столкновению их с военачальником. Примером такой внутренней борьбы является расправа Антигона с аргираспидами. Они были по приказу македонских царей в 318 г. переданы в распоряжение Эвмена. Антигон долгое время пытался привлечь на свою сторону этот привилегированный отряд, но его попытки окончились неудачей. Завоевать доверие аргираспидов было сложной задачей. Эвмену, казалось, удалось это сделать, но достаточно было небольшой неудачи Эвмена в сражении, как «серебряные щиты» с яростью потребовали его смерти. Понимая, что аргираспиды не будут беспрекословно выполнять его приказы, Антигон сразу после смерти Эвмена приступил к расправе с ними. Он передал отряд в распоряжение сатрапа Арахозии Сибиртия, как замечает Диодор, «на словах для нужд войны, на деле же — на гибель» — τῷ μὲν λόγῳ πρὸς τὰς ἐν τῷ πολέμῳ χρείας, τῷ δὲ ἔργῳ πρὸς ἀπώλειαν. Дело не ограничилось просто расчетом на их гибель в Арахозии, Антигон, видимо, приказал Сибиртию использовать аргираспидов в таких операциях, которые погубили бы их. Упоминания об этом отряде исчезают со страниц истории Диодора (Diod., XVIII, 56—63; XIX, 13; 15; 25; 30; 41; 44; 48,3; ср. Plut., Eum. XIII, XIX).

Несомненно, сложившиеся в период диадохов более тесные отношения между воинами и царем объясняются самой природой такой организации, как войско. Однако большее значение имели в данном случае состав его и особенно та военно-политическая ситуация, которая поставила и солдат и военачальника в особые условия. Диадохи вели длительную и жестокую борьбу за преобладание, и царь этого периода был прежде всего главнокомандующим, полководцем, ведущим в бой свои войска³³. Его власть опирается на войско, которое зависит от него лично. Но связь в этом случае обратная: жизнь и власть эллинистического правителя зависят от воли его солдат. Как велико было значение войска в этот период, показывает попытка Антигона использовать этот политический институт для решения важнейших внешнеполитических задач. При этом войску были переданы ранее не принадлежавшие этому органу функции.

Исходил Антигон при этом из неписаного македонского права. Македонское государство сохранило как характерную черту ограниченности царской власти особую роль собрания воинов³⁴. Важнейшей привилегией этого органа власти был выбор нового государя или в случае несовершеннолетия наследника — его опекуна и регента. После смерти Александра в результате ослабления центральной власти, в ходе междуусобных войн было несколько попыток македонских солдат воспользоваться своим правом. В первые дни после смерти царя Александра возникли разногласия между ближайшим его окружением и македонскими фалангистами, которые победили: царем стал сводный брат Александра Арридей³⁵. Впоследствии войско при выборе регента поочередно останавливало свое внимание на Пердикке, сатрапах Арридее и Пифоне, затем Антиатре. Всякий раз при этом Диодор подчеркивает, что решение принадлежит македонским солдатам — *οἱ Μακεδόνες* (Diod., XVIII, 2,4; 36,7; 39,2—3).

³³ E. B. Bickerman, Institutions des Séleucides, P., 1938, стр. 13.

³⁴ По нашему мнению, попытка Р. Локка опровергнуть это неудачна. Весь материал (хотя бы периода диадохов) свидетельствует о противоположном.

³⁵ Нам представляется весьма правдоподобным видеть в этом эпизоде, как это делает П. Гуковский, борьбу между сторонниками двух моделей монархического государства — традиционного македонского царства и эллинистической монархии, которая стала складываться при Александре (G o u k o w s k y, ук. соч., стр. 272 сл.).

Остановимся теперь на собрании воинов в Тире в 315 г., когда Антигон оказался в сложном положении, теснимый со всех сторон своими противниками — Птолемеем, Кассандром, Лисимахом и Селевком. Собрание это, собранное по инициативе самого Антигона, было несколько необычным. В нем прежде всего участвовали и принимали решения все воины Антигона и весь присутствующий в лагере народ. Совокупность воинов и народа Диодор определяет словом ὅχλος (Diod., XIX, 61,1—αὐτὸς [sc. Ἀντίγονος. — Г. С.] δὲ συναγαγὼν τῶν τε στρατιωτῶν καὶ τῶν παρεπιδημούντων κοινὴν ἐκκλησίαν κατηγόρεις Κασάνδρου].

Таким образом, Антигон привлек к решению будущей судьбы империи лиц, которые, не будучи македонянами, не имели в сущности на это права³⁶. Наемники в армии Антигона обладали теми же правами, что и македонские солдаты, и этот факт как нельзя лучше иллюстрирует взаимоотношения между полководцем и его солдатами. Ярким свидетельством роли воинов в событиях военных лет является эпизод из сирийской кампании Деметрия Полиоркета. В 312 г. между ним и членами совета «друзей», прикомандированными Антигоном для надзора за сыном, возникли разногласия. Последние были против сражения с Птолемеем. Деметрию пришлось разыграть сцену отчаяния на воинском собрании и таким путем получить согласие на сражение. Его солдаты заставили членов совета уступить (Diod., XIX, 81,1—2).

Выступив с обвинениями Кассандра перед собранием всех своих воинов и лиц, находящихся в его лагере, Антигон санкционировал сложившееся к тому времени положение. Он приспособил к новым условиям старинное право, прежней оставалась лишь форма и то чисто внешняя, содержание же ее резко изменилось³⁷.

Кроме того, войсковое собрание в Тире не только осудило Кассандра на смерть — измену македонского аристократа своей родине или правящей царской династии давала воинам право на такие решения, но и, избрав Антигона опекуном малолетнего царя Александра IV, приняло решение об эллинских полисах. Собрание воинов Антигона, разбирая, вопреки обычая, вопросы, не имеющие отношения к внутренней жизни македонского государства, постановило: «Быть и всем эллинам свободными, освобожденными от гарнизонов, автономными — εἶναι δὲ καὶ τοὺς Ἐλλήνας ἀπαντας ἐλευθέρους, ἀφορήτους, αὐτούμνους (Diod., XIX, 61, 8).

Несомненно, Антигон, ставший по воле своих солдат опекуном и регентом, мог, подобно Полиорхоту, облечь лозунг о свободе греков в форму царского указа. Но необходимость представить свои действия более законными, нежели поведение его соперников, неопределенность его положения, особая роль армии в то время заставили его изменить содержание македонского обычая и расширить компетенцию войскового собрания. Этот орган решал теперь внешнеполитические задачи, и постановления его должны были считаться столь же полноправными, что и декреты центральной македонской власти.

Неопределенное положение Антигона вплоть до принятия им царского титула, неразвитость других политических институтов и органов власти

³⁶ Это обстоятельство было в свое время отмечено Ф. Грациором (ук. соч., стр. 92).

³⁷ П. Гуковский отмечает, что в авторитарном государстве Александра македонский закон о правах воинов — он определяет его словом ὅφος — уже не имел прежней силы. Заметим, что это не совсем верно. Обычаи — а мы имеем дело здесь с неписанным македонским правом, традицией — изживаются довольно медленно. Свидетельством этому служат примеры функционирования воинского собрания (на наличие в Македонии не закона, а традиции указывает Р. Локк — ук. соч., стр. 94 сл.). К тому же о существовании авторитарных режимов в период диадохов говорить не приходится: идет сравнительно быстрый, но все-таки постепенный процесс складывания эллинистической монархии (ср. G o u k o w s k y, ук. соч., стр. 270, прим. 2).

в его державе, за исключением армии — все это ставило ее в особое положение. В случае внешнеполитических затруднений эллинистический правитель мог использовать традиционные черты самоуправляющейся организации³⁸. Для оправдания его действий нужно было, чтобы собрание воинов — в сущности враждебная монархии политическая форма — подтвердила законность его действий.

Г. С. Самохина

THE ROLE OF THE ARMY IN THE EARLY HELLENISTIC STATE

G. S. Samokhina

The author discusses the role played by the army in the formation of a new type of state, the Hellenistic monarchy. Narrative and epigraphical sources relating to one of Alexander's most powerful successors, Antigonus I (and his son Demetrius Poliorcetes), show that the Diadochi paid great attention to their troops. These consisted largely of mercenaries, which had a lot to do with shaping the relations between the early Hellenistic king-commander and his men. Indeed the very nature of an organised body like an army was bound to play a considerable political role at this time, in view of the military-political situation arising in the wake of Alexander's death. This combination of factors led to the special position held by the military organisation in the time of the Diadochi when the power of a ruler depended on it. At the soldiers' assembly called in Tyre in 315 B. C. Antigonus recognised this position, acknowledged its legitimacy and tried to exploit it in his own interests. Giving a new twist to the traditional right of the Macedonian army, he called upon the whole body of his troops to decide the fate of Alexander's empire, thus openly admitting that the Macedonians among them had no special privilege. The uncertainties of his own position and the crucial importance of the army virtually forced Antigonus to broaden the competence of the soldiers' assembly and accept its decision on matters of foreign policy. In this way the soldiers' assembly, an institution inimical to monarchy, had in effect a major part in determining the structure of the early Hellenistic monarchy.

³⁸ Ср. Гранат, ук. соч., стр. 92—95. На наш взгляд, нельзя решать собрания в Тире и сам факт его объяснять лишь волей самого Антигона.

К ИСТОЛКОВАНИЮ КУМРАНСКОГО ФРАГМЕНТА 4Q 161

(Исторический фон и датировка)

Автору этих строк уже доводилось писать об особенностях кумранского жанра *пешарим* — комментариев к пророческим текстам¹, а также о значении сочинений Иосифа Флавия для раскрытия смысла событий, зашифрово-

¹ J. A. mousine, Ephraim et Manassé dans le Pésher de Nahum (4Qp Nahum), RQ, 15, 1963, стр. 389—396; J. A. mousine, The Qumran Commentaries and Their Significance for the History of the Qumran Community, Moscow, 1967 (XXVII International Congress of Orientalists. Papers Presented by the USSR Delegation); о н же, Bemerkungen zu den Qumran-Kommentaren, «Bibel und Qumran. Beiträge zur Erforschung der Beziehungen zwischen Bibel- und Qumranwissenschaft», B., 1968, стр. 9—19; И. Д. А. мусин, Кумранские Комментарии, ВДИ, 1968, № 4, стр. 98—108; о н же, Тексты Кумрана, вып. 1, М., 1971, стр. 77—92.

ванных в кумранских произведениях². В настоящей статье, пользуясь той же методикой, а также сочинениями Флавия, мы попытаемся раскрыть *Sitz im Leben* крайне фрагментированного кумранского *pesher*-документа 4Qp Is^a., известного ныне под сиглом 4Q 161³.

Приведем сначала сохранившуюся лемму из Is. 10, 28—32 (= 4Q 161 fr. 5—6, сткк. 5—10)⁴: 5...] «Приходит в Айят, переходит [Мигрон], в Михма[се] устраивает склад оружия своего» (10, 28). «Минует (ущелье) Ма'бара, и в Гевале ночлег им; содро[гается] Рама, Гивеа] , [Саулова (в панике) разбегается» (10, 29). «Вознеси свой (громкий) глас, о Бат-Галлим, вним[ай], Лайш, отзовись Анатот» (10, 30). 8[Двинулась (в путь) Мадмена, жители Гевим — спасайтесь» (10, 31). «Еще [сегодня] (намеревается он) расположиться (лагерем) в Нове], [угрожающе] [протянути] руку свою (к) горе дщери Циона, (к) холму Иерусалима» (10, 32). В комментируемой цитате речь идет о подходе ассирийского царя Санхериба на Иерусалим, в 701/700 г. до н. э. Для правильного понимания кумранского комментария к этой цитате следует иметь в виду, что ассирийское нашествие, представившее вначале грозную опасность для страны, закончилось благополучным для нее образом или, как это изображено у Исаии, чудесным избавлением.

В следующем за леммой *pesher* (сткк. 10—13) сохранились лишь следующие слова:

- 10]PTGM L'HRYT HYMYM LBV[
 11]DH B'LWTW MBQ'T KW LLHM B'Y[
 12]DH W'YN KMWHW (?) WBKWL 'RY H[
 13]W'D GBWL YRSHLYM[

П е р е в о д

10[Толкование этого] речения (или: слова)¹ относительно конца дней: (речь идет о том), чтобы ввести² [. . . 11... . . . содро]галась, когда он поднялся³ из долины Акко⁴, чтобы воевать против [. . .⁵ 12 . . .]. . . и нет равного ей(^{?)}⁶, и во всех городах [. . . 13 . . .] и до границы Иерусалима [. . .]

Прежде чем перейти к рассмотрению этого *pesher* по существу, ограничимся самыми необходимыми примечаниями к чтению текста и его переводу.

П р и м е ч а н и я к п е р е в о д у

¹ PSR H]PTGM — дополнение Страгнела (J. Strugnell, Notes en marge..., RQ, 1970, № 26, стр. 184).

² Первоздатель Аллегро читает: LBW⁷ (букв. «чтобы прийти» в значении «предстоящего», «будущего» — *to come*). Мне представляется, что это слово может быть про-

² Кроме работ, указанных в прим. 1, см. также: И. Д. А м у с и н, Кумранский Комментарий на Наума (4Qp Nahum), ВДИ, 1962, № 4, стр. 101—110; о н же, Новые отрывки кумранского Комментария на Наума (4Qp Nahum II—IV), ВДИ, 1964, № 1, стр. 35—47; о н же, Кумранский Комментарий на Осию (3Qp Hos^b), ВДИ, 1969, № 3, стр. 82—88; о н же, Тексты Кумрана, М., 1971, стр. 203—245; J. D. A m u s i n, Observiunculae Qumranaeae, RQ, 28, 1971, стр. 545—552; J. D. A m u s i n, The Reflection of Historical Events of the First Century B. C. in Qumran Commentaries, HUCA, vol. 48, 1978.

³ J. M. Allegro, Further Messianic References in Qumran Literature, JBL, LXXV, 3, 1956, стр. 177—182; о н же, Discoveries in the Judaean Desert of Jordan—V. Qumran Cave 4. I (4Q 158—4Q 186), with the collaboration of A. A. Anderson, Oxf., 1968 (= DJD V, 1968), стр. 12—15; J. A. F i t z m u e r, A Bibliographical Aid to the Study of the Qumran Cave IV Texts 158—186, CBQ, 31, 1969, стр. 60, 61; J. S t r u g n e l l, Notes en marge du volume V des «Discoveries in the Judaean Desert of Jordan», RQ, 26, 1970, стр. 183—186; J. A m o u s s i n e, A propos de l'interpretation de 4Q 161, RQ, 31, 1974, стр. 381—392.

⁴ Восстановление несохранившихся слов производится по Масоретскому тексту. Слова, взятые в круглые скобки, вставлены для облегчения понимания смысла.

читано скорее как *LBY*⁵ = *LHBY*⁶ — «чтобы ввести». Опущение преформатива *he* в *Infinit. constr. hif'il* после предложного *ламед* — обычное явление в кумранских рукописях, особенно в *пещарим*. Ср. в следующей, 11-й строке — *Илт* вм. *lhlm* — «чтобы воевать». В 1Qp Наб. подобных случаев опущения преформатива *he* насчитывается около десяти: *lwsyp*, вм. *lhwsyp* (VIII, 12; XI, 15); *lkwt* вм. *lkwt* (III, 1) и др.

³ В *LWTW* — «когда он поднялся»; кто это «он» — пока неясно, так как антecedent местоименного суффикса этой глагольной формы в сохранившейся части текста отсутствует.

⁴ MBQ⁷ KW; географическое название «долина Акко» — ключевой пункт для понимания смысла сохранившегося отрывка. Подробно об этом речь будет ниже.

⁵ В *Y*[...]; вряд ли можно согласиться со Страгнелом (Strugnell, Notes en marge..., стр. 184), что следы двух знаков, находящихся за первым знаком *бет*, можно прочесть: первый — как *ne* (вм. *йод*), а второй — как *ламед*, *шин* или *коф*, а все слово, согласно Страгнелу, читалось как *br[st]* — «в Филистее». Однако сохранившиеся микроскопические верхние следы знаков не дают, как кажется, достаточных оснований для такой реконструкции. Наоборот, первый знак после *бет* вероятнее всего именно *йод*. Предлагаемое Страгнелом восстановление *brplst* трудно принять не только по палеографическим соображениям, но и по существу. В комментируемом тексте говорится о походе ассирийского войска с севера на юг, т. е. к Иерусалиму. Следует поэтому ожидать, что и в комментарии должна быть речь о походе именно в эту область, а не о войне в приморской Филистее. Исходя из чтения второго знака как *йод*, исследователями предложены следующие восстановления: *by[gr'l]* (A. van der Woude, Die Messianische Vorstellungen der Gemeinde von Qumran, Assen, 1957, стр. 176, 178; A. Dupont-Sommer, Les écrits esséniens découverts près de la Mer Morte, P., 1964, стр. 286, прим. 3; J. A. Fitzmyer, в CBQ, 31, 1969, стр. 237); *by[ršlym]* (Y. Yadin, Recent Developments in Dead Sea Scrolls Research, «Studies in the Dead Sea Scrolls», Jerusalem, 1957, стр. 52); возможно также восстановление: *by[hwdh]*.

⁶ Первоиздатель Аллегро читает: *ш'ун kmwhw* — «и нет равного ему». Карминяк полагает, что фотография не позволяет определить с достоверностью, идет ли речь о местоименном суффиксе мужского рода («и нет равного ему») или женского рода («и нет равного ей») (см. J. Carmignac, E. Cothenet et H. Lignée, Les Textes de Qumran. Traduits et annotés, P., 1963, стр. 71, прим. 14). Страгнел, однако, обратил внимание на то, что точка, которую Аллегро принимает за остаток знака *ав*, в действительности случайного происхождения (см. Strugnell, Notes en marge..., 1970, стр. 184). В качестве аналогии можно указать на такого рода случайную точку или кляксу в 4Q 162 (DJD, V, 1968), табл. VI, стб. II, 10 перед словом *hlswn* (снизу). Как бы там ни было, отсутствие контекста не позволяет установить с достоверностью, кто подразумевается под этим местоименным суффиксом, будь он мужского или женского рода.

* * *

Рассматриваемый нами документ вызвал разноречивые толкования. Первоиздатель фрагмента Аллегро в своей прелиминарной публикации высказал мнение, что речь здесь идет о явлении Мессии в Акко-Птолемаиде и его последующем триумфальном шествии к Иерусалиму⁵. Эта беспочвенная гипотеза сразу же вызвала справедливые возражения ряда исследователей⁶. Тем не менее Аллегро продолжал настаивать на своем предложении, не приводя, правда, новых аргументов⁷.

В свою очередь некоторые из оппонентов Аллегро выдвинули свои разноречивые предположения. Так, Бэрроуз в первом отклике на гипотезу Аллегро противопоставил «триумфальному шествию Мессии» из Акко в

⁵ Allegro, Further Messianic References..., стр. 181.

⁶ M. Burrows, The Ascent from Acco in 4Qp Is^a, VT, 7, 1957, № 1, стр. 104, 105; A. van der Woude, Messianische Vorstellungen der Gemeinde von Cumran, Assen, 1957, стр. 180, 181; Y. Yadin, Recent Developments in Dead Sea Scrolls Research, «Studies in the Deal Sea Scrolls», Jerusalem, 1957, стр. 52; A. Dupont-Sommer, Les écrits esséniens, découverts près de la Mer Morte, P., 1964, стр. 286, прим. 3.

⁷ J. M. Allegro, Addendum to Professor Milar Burrows Note on the Ascent from Acco in 4Qp Is^a, VT, 7, 1957, № 3, стр. 183. См. также J. Allegro, The Dead Sea Scrolls. A Reappraisal. Penguin Books, 1964, стр. 169, 170. Как известно, в своем окончательном издании текстов 4-й пещеры (DJD, V, 1968) Аллегро отказался от каких бы то ни было комментариев и от учета данных литературы вопроса.

Иерусалим «поход из долины Акко к пределам Иерусалима эсхатологического врага или „Антихриста“, Гога или Магога...»⁸. В другой своей работе Бэрроуз⁹, как и Ван дер Вуде¹⁰, полагает, что под «ассирийцами» текста, цитируемого в лемме, кумранский комментатор подразумевал римлян, для которых Акко-Птолемаида была, мол, естественным портом высадки. Названные авторы не уточняют, о каких римлянах и о каком именно времени идет речь. Однако анализ их аргументации, в частности критика ими гипотезы Рота — Драйвера, исходящей из датировки «римлян» нашего текста I в. н. э., показывает, что Бэрроуз и Ван дер Вуде подразумевали римлян I в. до н. э., периода восточного похода Помпея. Но в наших источниках нет никаких указаний на то, что поход Помпея на Иерусалим начался с высадки римлян в Птолемаиде. В подробном рассказе Иосифа Флавия о вмешательстве Скавра и Помпея в борьбу за власть между братьями Аристобулом II и Гирканом II и о последующем захвате Иерусалима Помпеем (Antt. XIII, 2, 3—XIV, 1—5) Акко-Птолемаида не фигурирует. Напротив, в сообщении Флавия ясно говорится, что Помпей, ведший тогда войну в Армении, направил своего легата Эмилия Скавра в Дамаск, где тот разбирал тяжбу враждующих братьев, а затем, вернувшись в Сирию, и сам пошел походом на Иерусалим через Иерихон (Antt. XIV, 4, 1).

Остановимся, наконец, на еще одной гипотезе группы исследователей (Рот, Драйвер, Хенгель), полагающих, что кумранские рукописи созданы в I в. н. э. и отражают события времени Иудейской войны с Римом 66—73 гг. н. э. По мнению С. Рота¹¹, поддержанному Драйвером¹², речь в нашем документе идет о походе Веспасиана на Иерусалим, начатом в 67 г. н. э. из Акко-Птолемаиды, где Веспасиан воссоединил свои войска с легионами, привезенными Титом из Египта. Согласно М. Хенгелю, в рассматриваемом фрагменте отражен поход прокуратора Цестия Галла из Птолемаиды на Иерусалим в 66 г. н. э.¹³

Обе эти гипотезы вызывают возражения. Как известно, археологически устанавливаемая история центра кумранской общины говорит о том, что Хирбет-Кумран был разрушен римлянами весной 68 г. н. э., и к этому времени большая часть рукописей была уже спрятана в окрестных пещерах. Палеографическое изучение рукописей и выявление заключенных в них реалий показало, что большая часть рукописей создана в I в. до н. э., во всяком случае до начала Иудейской войны 66—73 гг. н. э. В частности, изучение кумранских *pesharim*, особенно Комментариев на книги Наума и Осию, определенно убеждает в том, что в них в зашифрованном виде отражены известные из Иосифа Флавия события первой половины I в. до н. э., времена правления царя Александра-Йанная, его вдовы царицы Александры-Саломеи и их сыновей — Гиркана II и Аристобула II¹⁴.

И еще одно обстоятельство обязательно должно быть принято во внимание. Поход ассирийского царя Санхериба, о котором говорится в комментируемом тексте, как известно, закончился для Иудеи избавлением от грозившей ей опасности. По самой сути жанра *pesharim* такое событие не могло служить моделью для изображения наиболее катастрофического

⁸ B u r g r o w s, The Ascent from Acco in 4Qp Is^a, стр. 105.

⁹ M. B u r g r o w s, More Light on the Dead Sea Scrolls, N. Y., 1958, стр. 322.

¹⁰ Van der W o u d e, Die Messianische Vorstellungen, der Gemeinde von Qumran, стр. 179—181.

¹¹ C. R o t h, The Historical Background of the Dead Sea Scrolls, Tel-Aviv, 1958, (иврит), стр. 42—43; о н ю ж е. The Subject Matter of Qumran Exegesis, VT, 10, 1960, № 1, стр. 56, 57; о н ю ж е, The Dead Sea Scrolls. A New Approach, N. Y., 1965, стр. 36.

¹² G. R. D i v e r, The Judaean Scrolls, Oxf., 1965, стр. 204, 205.

¹³ M. H e n g e l, Die Zeloten. Untersuchungen zur jüdischen Freiheitsbewegung in der Zeit von Herodes I bis 70 N. Chr., Leiden, 1961, стр. 289, 290.

¹⁴ См. выше работы, указанные в прим. 1—2.

события в истории Иудеи. Если бы в нашем фрагменте действительно шла речь о походах Цестия Галла или Веспасиана, то следовало бы ожидать совершенно иного характера изложения. И не только характера изложения. Выбор леммы был бы совершенно иным. Достаточно вспомнить характер и пафос изложения в Комментарии на Хаваккука¹⁵, где речь идет о нашествии киттиев, которое по своим катастрофическим последствиям значительно уступало войне Веспасиана. По тем же причинам мы не можем согласиться с предложением «привязать» событие, отраженное в нашем фрагменте, ко времени завоевательного похода Помпея в 63 г. до н. э.

Таким образом, насколько мы можем судить, ни одна из рассмотренных гипотез не представляется убедительной. Коренной их недостаток заключается в том, что авторы их пренебрегли таким основным требованием и условием, предъявляемым жанром *пешарим*, как обязательная коррелятивная связь между комментируемым текстом и его истолкованием. Поэтому, несмотря на бедственное состояние, в каком дожел наш фрагмент, фигурирующее в нем географическое *Stichwort*, изучение которого еще не исчерпано, оправдывает, нам кажется, еще одну попытку осмысливания этого документа.

Ключевым словом в сохранившемся отрывке является географическое название Акко resp. долина Акко. В дожелших до нас *пешарим* это единственное, кроме Иерусалима, упоминание географического пункта с явно конкретно-историческим, а не символическим значением. *A priori* можно полагать, что с упоминанием Акко связан целый комплекс важных исторических событий. Скорее всего, как это обычно для *пешарим*, — первой половины I в. до н. э. При этом ни в коем случае не следует упускать из виду специфическую для кумранских комментариев соотнесенность, которая существует между леммой или комментируемым текстом, и *пешер*: в данном случае — между нашествием Санхериба, его ходом и исходом и какими-то событиями, связанными с Акко.

Акко — город и порт на финикийском побережье — упоминается уже в египетских текстах проклятий XIX в. до н. э.¹⁶, позднее — в амарнских текстах (XIV в. до н. э.) и в ассирийских документах VIII—VII вв. до н. э. В Библии Акко упоминается только один раз. В *Judic. I*, 31 сообщается, что племени Ашер не удалось овладеть Акко (LXX: Αχώ), Сидоном и другими городами этого района. При господстве Птолемеев (точно неизвестно когда) город получил название Птолемаида (*Ptolemais*)¹⁷. Во II—I вв. до н. э. Птолемаида играла значительную роль в истории хасмонейской Иудеи. Еще при жизни Иуды Маккавея его брат Ионатан разбивает враждебную коалицию и преследует ее вплоть до Акко-Птолемаиды (I Макк. 5, 14—22). Позднее сирийский царь Деметрий I в своем послании к иудеям обещает, между прочим, подарить им Акко. Сирийский полководец Трифон обманом завлекает Ионатана в Акко (*εἰς Πτολεμαΐδα*) (I Макк. 12, 39—48), а затем убивает его (I Макк. 13, 24). Особо важную роль Акко-Птолемаида играла в период правления хасмонейского царя Александра-Ианна (104—76 гг.). Подробно об этом рассказывает Иосиф Флавий в *Antt. XIII*, 12, 2—6 (§ 324—347)—13, 1—3 (§ 348—356) и кратко упоминает в *BJ*, I, 4, 2. Последуем за этим рассказом.

Вскоре после утверждения своей власти, в самом начале I в. до н. э. Ианнай предпринял поход на Птолемаиду и осадил ее (§ 324). Птолемаида

¹⁵ См. 1Qp Hab. II, 10—16; III, 1—16; IV, 1—14; V, 6—VI, 1—12; см. А м у с и н, Тексты Кумрана, стр. 133—202.

¹⁶ Этим указанием я обязан любезности профессора П. Герстенблита, которому приношу свою глубокую признательность.

¹⁷ Ср. *Strab.*, XVI, 14, 25: Εἰδούση Πτολεμαΐς ἐστὶ μεγάλη πόλις, ἡνὶ γένος πρότερον.

была в числе тех немногих городов побережья (Газа, Дора, Стратонова башня), которые еще не были завоеваны хасмонеями, стремившимися господствовать на побережье.

Жители Птолемаиды обратились за помощью к Птолемею Латиру, владевшему Кипром, после того как его мать Клеопатра III лишила его власти в Египте (§ 328). Воспользовавшись этим многообещающим предложением, Латир во главе 30-тысячного войска высадился в окрестностях Птолемаиды (§ 333). Однако в это время Птолемаида изменила свое отношение к призванному ею кипрскому властителю (§ 330—331). Под влиянием агитации оратора Деменета, указавшего на опасность, грозящую городу как со стороны Латира, так и от Клеопатры, которая, мол, не останется безучастной к укреплению позиции ее опального сына, город отказался от услуг Птолемея Латира.

Йаннай собрал 50-тысячную армию (по другим данным, как сообщает Флавий, 80-тысячную) и пошел навстречу Птолемею Латиру (§ 337). Внезапно напав в субботу на галилейский город Асоху, Латир взял его штурмом (§ 337), пересек Галилею и встретился с войсками Йаннай у Асофона, вблизи Иордана (§ 338). После ряда удачных маневров инициатива оказалась в руках Латира (§ 339—342). Обратив войска Йаннай в бегство, воины Латира так расправлялись с бегущими, что, по словам Флавия, «железное оружие их притупилось, а руки ослабели от убийств» (ἔως οὐ καὶ ὁ σιδῆρος αὐτοῖς ἥμιλύνθη κτείνουσιν καὶ αἱ χεῖρες παρεῖθησαν — § 343). Флавий при этом называет, вероятно, преувеличенное количество убитых — 30 000 (а ссылаясь на Тимагена — 50 000), кроме взятых в плен (§ 344). Для еще большего устрашения населения Иудеи Латир приказал в захваченных селениях, переполненных женщинами и детьми, убивать их, тела разрубать на мелкие части и бросать в кипящие котлы (§ 345—346). Тем временем войска Птолемея Латира овладели также Акко-Птолемаидой (§ 347). Разумеется, все эти события, начавшиеся с попытки Йаннай захватить Акко, должны были произвести сильное впечатление на современников.

Поворот в событиях принесла начавшаяся война между Птолемеем Латиром и его матерью Клеопатрой III (Antt. XIII, 13, 1—2 § 348—355). У Клеопатры, естественно, были серьезные основания опасаться усиливающегося могущества сына, который тем временем не только «безнаказанно опустошал Иудею» (τὴν τε Ιουδαίαν ἀδειῶς πορθοῦσα — § 348), но захватил Газу и приближался к Египту. Иосиф Флавий ничего не говорит о мотивах, побудивших Латира прекратить завоевание Иудеи и двинуться на Египет. Очевидно, перспектива завоевания Египта была куда более заманчивой, и Латир не хотел терять времени. Опасность казалась Клеопатре столь грозной, что она сочла необходимым отправить на остров Кос своих внуков, большую часть своих богатств и завещание. Мобилизовавшей все свои силы Клеопатре удалось изгнать Птолемея Латира из Египта, а также захватить после осады Птолемаиду. По настоящию влиятельно-

го полководца Анания, Клеопатра не вняла совету своих приближенных продолжить кампанию и завоевать заодно также и Иудею.

Мне представляется вероятным, что именно эти события начала I в. до н. э. могли быть тем историческим фоном, который нашел свое отражение в рассматриваемом нами фрагменте Комментария на кн. Исаии¹⁸. Из всех известных нам событий, связанных с Акко-Птолемаидой, только поход Латира, столь грозный в начале и пришедший к такому концу, мог рассматриваться кумранским комментатором как «зашифрованный» в рассказе Исаии о чудесным образом закончившемся походе Санхериба. Никакие другие известные нам события, связанные с походом на Иудею из Акко, не обладают столь тесной и точной корреляцией с комментируемой леммой. Как было уже отмечено, ни «поход» Тиграна в 70 г. до н. э., ни поход Скавра и Помпея в 63 г. до н. э. не могут быть приняты во внимание: первый, в сущности, не состоялся, а второй начался не из Акко-Птолемаиды и завершился завоеванием Иудеи. Походы же Цестия Галла и Веспасиана в 66—67 гг. н. э., хотя и начатые из Акко, не могут быть связаны с рассматриваемым фрагментом по причинам, о которых говорилось выше.

Мне представляется, что выдвинутая здесь гипотеза согласуется также с текстом фрагмента 8¹⁹, в котором сохранились цитаты из Исаии 10, 33—34 и комментарии к ним. Таким образом, фрагмент 8 непосредственно и семантически примыкает к рассмотренному выше тексту фрагментов 5—6, в которых, напомним, цитируется и комментируется текст Исаии, 28—32.

Приведем перевод фрагмента 8:

1. . . [«И (чрезмерно) возвысившиеся будут отсечены,
2. высокие — будут повержены»] (10, 33). [«И будут вырублены] чащи [лесные — железом, и Ливан от могучего
3. падет»] (10, 34). [Толкование этого: (это относится) к киттиям, которые побьют дом²⁰] Израиля и кроткие [бедные
4. . . , а, затем (?)²¹] все чужеземцы и воители будут устрашены и расстает сер[дце их].
5. . . А относительно того, что он сказал²²] «(чрезмерно) возвысившиеся будут отсечены» (10, 33) — имеются в виду воители киттиев.
6. . . А относительно того, что он сказал: «И будут вырублены чащи лесные железом» (10, 34) — имеются [в виду]
7. . . к войне с киттиями. «А Ливан от мо[гучего

¹⁸ Вряд ли следует при этом принимать в расчет захват Птолемаиды армянским царем Тиграном около 70 г. до н. э. Это был эпизод, который не имел дальнейшего развития, так как Тигран, узнав о вторжении Лукулла в Армению и об осаде Тигранакерта, вынужден был отказаться от намерения продолжить свои завоевания в Сирии и Иудее. См. J o s e p h u s F l a v i u s, *Antiquitates Judaicae*, XIII, 14, 4, § 419—421; *Bellum Judaicum* I, 5, 3 § 116. Никакие другие сколько-нибудь важные исторические события, связанные с Акко-Птолемаидой во II—I вв. до н. э., не засвидетельствованы в дошедших до нас источниках. С другой стороны, представляется маловероятным, чтобы кумранский комментатор имел в виду какое-либо значительное событие, ускользнувшее от внимания Иосифа Флавия.

¹⁹ О правильной позиции крохотного фрагмента 7, в котором сохранились лишь следующие знаки: (1) bry [. . .] (2) špl [. . .] и о возможной его связи с текстом Исаии 10, 33, если . špl . . . = y [špl] w, судить крайне трудно. См. A l l e g r o, DJD V, c. 14—15 (прим. к стк. 1, фр. 8); ср. J. A. F i t z t h u e r, в CBQ, XXXI, 1969, № 2, стр. 237. Страгнел, к сожалению, не остановился на этом вопросе.

²⁰ Ed. pr.: 'š[rl] ūkt[w] b'y ūšr'; Аллегро, судя по его переводу: «who will beat down the House of Israel», понимает: yktw=yakkētū (hif'il от ktt). По аналогии с 1QM XVIII, 2: wktyum yktw возможна также огласовка: yukkattū (hof'al) — «и киттии будут разбиты геср. разгромлены». Однако в этом случае трудность возникает со словом b'y, если эти знаки правильно восстановлены Аллегро.

²¹ w'hr. Предлагаю это восстановление по аналогии с 4Q 169 fr. 3—4, I, 3.

²² w'šr 'mr — восстановление Страгнела (S t r u g n e l l, Notes en marge..., стр. 185). См. начало стк. 6: w'šr 'm[r].

8 [падет] (10, 34). Толкование этого: это относится к] киттиям, которые будут отда[ны] в руки его великих. . .
 9. , когда он бежал от [. . .]

Несмотря на значительные повреждения, контекст фрагмента в самых общих чертах представляется ясным. Киттии, вначале одержавшие победы, затем потерпели поражение. В сохранившихся частях *peshér* нет ни одного предложения или части его, которое противоречило бы предположению, что под киттиями этого текста надо понимать войска Птолемея Латира. И то обстоятельство, что фрагмент 8 посвящен истолкованию стихов Is. 10, 33—34, находящихся в неразрывной смысловой связи со стихами Is. 10, 28—32, т. е. с леммой фрагмента 5—6, делает наше предположение еще более вероятным.

Обращают на себя внимание два оборота в обоих фрагментах:

fr. 5—6, 11: *b'lw̄tw* — «когда он поднялся (походом)»

fr. 8, 9: *bb̄fhw̄ ml̄pnu* — «Когда он бежал от...»

Не исключена возможность, что подразумеваемым субъектом этих двух глагольных форм является один и тот же Птолемей Латир.

Таким образом, хотя состояние дошедшего до нас текста не позволяет делать бесспорных заключений, мне представляется, что предложенная здесь гипотеза об историческом фоне, лежащем в основе рассмотренного *peshér*, находится в полном соответствии с сохранившимся текстом комментария и отражает закономерную для *pesharim* коррелятивную связь между комментируемым текстом и его истолкованием.²³

В исследованных нами²⁴ кумранских Комментариях на книги: Исаии (4Q 161), Наума (4Q 169) и Осии (4Q 166) отражены исторические события первой половины I в. до н. э. в такой последовательности:

4Q161 — события, связанные с попыткой царя Александра-Йанная (103—76 гг.) овладеть Акко-Птолемаидой (начало I в. до н. э.).

4Q169 — народное восстание против Александра-Йанная, возглавленное фарисеями; их призыв на помощь против Йанная сирийского царя Деметрия III Евпера; подавление Йаннаем восстания и свирепая расправа с восставшими (90—84 гг.); возвышение фарисеев и их приход к власти в период правления вдовы Йанная, царицы Александры-Саломеи (76—67 гг.) антисаддукейская реакция фарисеев и их преследования саддукеев.

²³ Если согласиться с предложенной здесь гипотезой, основанной на истолковании только сохранившегося текста, то одним из возможных вариантов восстановления строк 10—11 фрагмента 5—6 *exempli gratia* мог бы быть следующий:

¹⁰ PSR H]PTGM L'HYRT HYMYM LBY' [LYH HYL GW'YM WH'R\$]

¹¹ HR]DH B'LWTW MB'T 'KW LLHM B̄Y [...]

П е р е в о д

¹⁰ Толкование этого] речения относительно конца дней: (речь идет о том), чтобы ввести¹ [в нее (sc. страну) войско чужеземцев², и страна].

¹¹ содр]галась³, когда он поднялся⁴ из долины Акко, чтобы воевать против...⁵

П р и м е ч а н и я

¹ LBY'=LHBY'; см. выше.

² LBY' [PLYH HYL GW'YM];ср. Is. 60, 11 и 1QM XII, 14; XIX, 6 (lhby' lyk hyl gw'ym); возможно также дополнение: hyl rb (Ez. 38, 15); hyl gdwl (Ez. 17: 17; Dan. 11, 13; 11, 25); hyl kbd (II R. 18, 17; Jer. 36, 2).

³ [WH'R\$ HR]DH; ср. антоним: wh'rs šqth «и страна успокоилась» (Jehos. 11 : 23).

⁴ B'LWTW; как было отмечено, подразумеваемым антecedентом мог быть сам Птолемей Латир, либо hyl gw'ym — «войско чужеземцев» (также мужского рода).

⁵ В равной мере возможны восстановления: by [ršlym] — против Ие[русалима]; by [hwdh] — против Ие[худы]; by [srl'] — против Ии[саэля].

²⁴ Здесь и в работах, указанных в прим. 1—2.

4Q 166 — гражданская война между братьями Гирканом II, опиравшимся на фарисеев, и Аристобулом II, опиравшимся на саддукеев, что приводит к прямому вмешательству Рима в дела Иудеи (67—65 гг.); призыв Гирканом на помощь против Аристобула набатейского царя Аretы (65 г. до н. э.); в 1QpHab отражено завоевание Иудеи Помпеем Великим в 63 г. до н. э.

Названные Комментарии определенно выражают враждебное отношение идеологов кумранской общинны как к саддукеям, так и к фарисеям.

И. Д. Амусин

TOWARDS AN INTERPRETATION OF QUMRAN FRAGMENT 4Q161:
HISTORICAL BACKGROUND AND DATE

J. D. Amussin

The interpretations proposed (by Allegro, Burrows, Roth, Driver, Hengel et al.) for this badly damaged fragment have, in my judgment, not succeeded. All of them are seriously weakened by their proposers' failure to respect a fundamental requirement of the *pesharim* genre: the obligatory correlative connection between the lemma of a commentary and its interpretation — the *pesher*. Nor can I agree with Stegemann when he relegates 4Q161 and 4Q166 to the category of «geringfügig» texts (*Die Entstehung der Qumran-gemeinde*, Bonn 1971, p. 20). Yet another attempt to find the *Sitz im Leben* of our fragment, which is by now in a truly miserable state of preservation, is, I believe, justified by the occurrence in it of a geographical *Stichwort* whose possible implications have not yet been thoroughly studied. The clue I have in mind lies in the place-name Akko (Ptolemais) or valley of Akko.

In my view the historical background reflected in 4Q161 may be illuminated by Josephus's account of the abortive attempt made early in the 1st century B. C. by the king Alexander Janneus with the help of Ptolemy Lathyrus to gain possession of Akko-Ptolemais and the tangle of events tied in with this, in particular the campaign launched subsequently by Lathyrus against Judaea from Akko (Antt. XIII 324—356). No other known event connected with an attack on Judaea from Akko has so close and clear a correlation with the lemma of the commentary in 4Q161.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ПОЯВЛЕНИИ САБИР
В ЗАКАВКАЗЬЕ

Сообщение Прокопия Кесарийского о войне шаха Ковада с гуннами в северных областях его государства представляет значительный интерес для изучения истории народов Закавказья начала VI в., когда они впервые столкнулись с мощным объединением кочевников Северного Кавказа во главе с сабирами. В этом плане особое место занимает вопрос о времени первого появления сабир в Закавказье и областях Передней Азии, а также о путях их проникновения. Попытаемся на основании анализа синхронных источников выявить последовательность фактов, сообщаемых древними авторами, и реконструировать картину событий, имевших место в Закавказье в самом начале VI в.

По сообщению Иешу Стилита¹ в августе 502 г. шах Кавад (488—531 гг.) с большим войском вторгся в византийскую часть Армении². Отсутствие организованного сопротивления со стороны имперских войск позволило Каваду в короткий срок овладеть рядом городов (Феодосиополь, Мартирополь), а в начале октября 502 г. осадить важный опорный пункт Византии в Месопотамии — город Амиду. После продолжительной осады 10 января 503 г. город был взят. Оставив здесь трехтысячный гарнизон, Кавад с войском отошел к Нисибису. Отсюда в апреле 503 г. он отправил к императору Анастасию (491—518 гг.) послов с требованием: «Пришли мне золото или принимай войну»³. Анастасий вместо золота послал в мае на восток войска под командованием Ареобинда, Патриция и Ипатия. В результате несогласованных действий полководцев Ареобинд со своим отрядом был вынужден укрыться в городе Эдессе, куда 9 сентября подошел Кавад. Здесь шах через своего представителя Бави предложил Ареобинду заключить мир, потребовав за это выплатить немедленно 10 тысяч лир золота. Ареобинд согласился уплатить только 7 тысяч. Переговоры, длившиеся с рассвета до трех часов дня, ничем не окончились⁴. Пробыв под стенами Эдессы до конца сентября, Кавад двинулся на юг вдоль реки Евфрат и в начале декабря 503 г. достиг крепости Каллиник. По его приказу один из марзбанов (правитель местных областей) напал на крепость, не был разбит и попал в плен. Кавад потребовал выдачи марзбана, угрожая в противном случае уничтожить крепость. «Дукс испугался множества персидского войска и отдал его»⁵.

В это время новый главнокомандующий на Востоке — магистр Келер — двинулся с войском вдоль реки Евфрат на Кавада. Однако, достигнув Маббога (город, выше крепости Каллиник по Евфрату) «... и увидев, что Кавад ушел ранее его и что также приходит зимнее время и он не сможет идти за ним...», магистр отдал приказ войскам расположиться на зимние квартиры⁶. Вслед за этим «25 декабря 503 г. пришел эдикт императора, что снята подать со всей Месопотамии»⁷. В марте 504 г. византийцы приступили к осаде гор. Амиды с засевшим в нем персидским гарнизоном. После безуспешных попыток овладеть городом Келер, возложив продолжение осады на Патриция, летом 504 г. приказал Ареобинду выступить в персидскую Армению, а сам вторгся в Арзанену, разоряя и опустошая земли за Тигром⁸.

Шах Кавад, видя разорение своих западных провинций, возобновил переговоры о мире. Однако переговоры затянулись до конца 504 г., и лишь

¹ Хроника Иешу Стилита. Русский перевод в кн.: Н. В. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник, М.—Л., 1940, стр. 130—170 (далее ссылки на страницы указываются по этому изданию).

² В 387 г. Армения была разделена между Византией и Ираном. Восточная (большая) часть Армении вошла в состав Сасанидского государства, западная — в состав Византийской империи.

³ Хроника Иешу Стилита, стр. 152.

⁴ Там же, стр. 155.

⁵ Там же, стр. 157.

⁶ Очевидно, Келер достиг Маббога в декабре 503 г., так как Иешу Стилит пишет об этом уже после сообщения о действиях Кавада против крепости Каллиник, что имело место в последний месяц 503 г., ибо в тексте «Хроники» стоит дата — 815 г. селевкидской эры, т. е. 503—504 гг. н. э. Новый год по селевкидской эре, которой следует сирийский историк, начинается 1 октября 312 г. до н. э., в это время Кавад еще только начал двигаться вдоль Евфрата к Каллинику, около которого и появился в начале декабря (Хроника Иешу Стилита, стр. 157).

⁷ Там же, стр. 158.

⁸ Арзанена, персидская область, западная и южная границы которой проходили соответственно по нижнему течению реки Нимфий (Калат) до впадения ее в Тигр и по Тигру от места впадения Калата до колена, которое он образует после впадения реки Зирма.

в начале 505 г. было заключено перемирие. Город Амида был возвращен Византии, а последняя уплатила Каваду 11 кентинариев золота⁹.

Соглашение о перемирии, заключенное Келером в 505 г. со спахбедом (военачальником) персидского шаха, носило предварительный характер, поэтому Келер отправился в Константинополь, чтобы получить согласие императора на принятые им условия. Весной 505 г. Келер вновь возвратился на Восток и расположился у границы в ожидании персидского посла. Переговоры опять затянулись, так как спахбед, с которым Келер заключил перемирие, умер, а новый еще не был назначен, и лишь когда, наконец, прибыл уполномоченный Кавада, мирный договор был окончательно согласован (октябрь — ноябрь 506 г.)¹⁰.

В связи с сообщениями сирийских источников о ромейской кампании шаха Кавада необходимо отметить следующие моменты: после неудачи под Каллиником хронисты не упоминают имени персидского шаха вплоть до заключения мира¹¹; переговоры о мире с требованием золота велись самим Кавадом вплоть до конца сентября 503 г. под стенами Эдессы, а осенью 504 г. их возобновляет спахбед персидского шаха. Последний раз Кавад со всем своим войском появляется на Евфрате у Каллиника в начале декабря 503 г., а чуть позже подошедший Келер уже не застает его. Весной 504 г. византийские войска приступают к длительной осаде Амиды, Ареобинд вторгается в персидскую Армению, а Келер в Арзанену, нигде не встречая главных персидских сил во главе с Кавадом.

Выпадение сведений о Каваде с конца 503 г. в сирийских источниках объясняет сообщение Прокопия Кесарийского. Византийский историк указывает, что во время боевых действий Кавада в Месопотамии в Иран вторглись гунны. Кавад возвратился в свои земли со всем войском и с северных областях государства вел с гуннами долгую войну. А так как эта война оказалась затяжной, то персы и римляне согласились на 7-летнее перемирие (Прокор., *De bello pers.* I, 8, 9). Таким образом, сообщение Прокопия о войне Кавада с гуннами, восстанавливая связь событий, отвечает на вопрос, почему столь успешно начатая ромейская кампания была внезапно прервана, а сам персидский шах исчез с поля зрения сирийских историков.

В Хронике Захария Ритора имеется сообщение, позволяющее определить время вторжения гуннов в Иран. «Когда Пероз, царь персидских пределов, воцарился в своей земле, в 13-м году Анастасия гунны вышли через «ворота», которые охранялись персами, и через тамошние горные места достигли персидских пределов»¹². Анализ данного отрывка привел Н. В. Пигулевскую к выводу, что имя Пероза (459—484 гг.) представляет собой анахронизм, привнесенный автором «Хроники» в силу смешения двух различных традиций — борьбы этого шаха с эфталитами и нападения гуннов в царствование Анастасия¹³. Не исключая возможности того, что война с гуннами началась еще в 503 г., данный эпизод сирийского текста, как полагает исследователь, отражает событие о вторжении гуннов в 515 г., известное из сообщений византийских историков (Марцеллина, Малалы, Феофана), а сам факт нападения относит к 504 г. или к

⁹ Хроника Захарии Ритора, русский перевод в кн.: В. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 155 (далее ссылки на страницы даются по этому изданию); Прокор., *De bello pers.* I, 9.

¹⁰ Хроника Иешу Стилита, стр. 168 сл.; см. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв., стр. 126.

¹¹ Хроника Иешу Стилита, стр. 163; Хроника Захарии Ритора, стр. 154—155. Ср. сообщение Иешу Стилита (стр. 159): «... от Кавада было послано около 10 тысяч, чтобы идти против Патрикия».

¹² Хроника Захарии Ритора, стр. 149.

¹³ Пигулевская, Сирийские источники..., стр. 65—66.

15-году Анастасия¹⁴. М. И. Артамонов, датируя вторжение 504 г., также считает, что сирийский хронист имеет в виду поход гуннов в 515 г.¹⁵ Аналогичная точка зрения высказана К. Цегледи. Полагая, что северная кампания Кавада против гуннов началась поздним летом 503 г., исследователь подчеркивает, что этот же самый эпизод имеет в виду и Иоанн Малала, когда сообщает о вторжении гуннов в 515 г.¹⁶

В сообщениях византийских историков действительно имеется указание на вторжение гуннов в 515 г. В латинской хронике комита Марцеллина говорится о нападении в 515 г. гуннов-сабир на области Армении и Малой Азии¹⁷. Иоанн Малала отмечает, что воинственный народ гуны-сабиры, пройдя Каспийские ворота, дошли до Каппадокии, причиняя ужасающие опустошения ромейским областям¹⁸. Феофан датирует это же событие 508 годом (6008 г. от сотворения мира)¹⁹, сообщая, что в этом году гуны, называемые сабирами, пройдя через Каспийские ворота, вторглись в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию, Понт и остановились почти у самой Евхайты²⁰.

Таким образом, византийские историки единодушно указывают на вторжение гуннов во владения Византии, в то время как Захария Ритор имеет в виду нападение на Иран. Византийцы говорят о разорении ромейских областей в 515 г., сирийский автор указывает на 13-й год Анастасия, т. е. 503 г.²¹ Разница в 12 лет подчеркивает тот факт, что Захария Ритор действительно использует византийскую традицию о нападении гуннов при Анастасии, но берет сообщения не Марцеллина, Малалы и Феофана, а Прокопия. Задокументированные в источниках под 503 и 515 гг. вторжения гуннов — два совершенно разных события, как по времени, так и месту действия, а не одно и то же, как склонны считать исследователи.

Таким образом, согласуя данные Иешу Стилита, Прокопия и Захарии Ритора, есть основания полагать, что гуны вторглись в северные области Сасанидского Ирана в конце ноября — начале декабря 503 г. Шах Кавад в это время находился с главными силами персидской армии на Евфрате у Каллиника. Отсюда в декабре этого же года, получив известие о вторжении, Кавад форсированным маршем двинулся на север и, очевидно, в самом начале 504 г. вступил с гуннами в продолжительную войну.

Время окончания этой войны определяется с учетом следующих обстоятельств. Сразу же после заключения мира с Ираном в 506 г. последовал указ императора Анастасия выстроить стену вокруг селения Дара (вблизи персидской границы) с целью превратить последнюю в важный опорный пункт на восточной границе империи²². По сообщению Прокопия персы намеревались воспрепятствовать построению этой крепости, но не имели возможности, будучи связаны трудной войной с гуннами. А как только Кавад закончил ее, сразу же отправил послов к римлянам,

¹⁴ Там же, стр. 66*.

¹⁵ М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 69—70.

¹⁶ K. Czegledy, *Pseudo-Zacharias Rhetor on the nomads*, «*Studia Turcica*», Budapest, 1971, стр. 147.

¹⁷ M a r c e l l i n u s c o m e s *Chronicon*, Ed. Th. Mommsen, MGH, *Auctores Antiquissimi*, vol. II, t. XI, 1894, стр. 99.

¹⁸ I o a n n e s M a l a l a e, *Chronographie*, Ed. Dindorf, Bonnae, 1831, стр. 406.

¹⁹ Хронология Феофана отстает от действительности на 8 лет. См. V. G u m m e l, *L'année du monde dans la Chronographie de Theophane*, *Actes du IV Congrès de Études Byzantines*, Sophia, 1935, стр. 406.

²⁰ T h e o p h a n e s, *Chronographia*, ed. De Boor, Lipsiae, 1883, 161, 28—162, 2.

²¹ Захария точно указывает время правления Анастасия — 27 лет и три с половиной месяца; 13-й год, считая с 491 г. — 503 г. (Хроника Захарии Ритора, стр. 158).

²² Хроника Иешу Стилита, стр. 166.

жалуясь на то, что они выстроили крепость очень близко от его границ, что было запрещено прежними договорами между римлянами и персами²³. Иешу Стиллит датирует возведение стен у Дары 506 г., а так как строительство велось около двух-трех лет, то, возможно, было закончено к 508 г.²⁴ Это и есть дата окончания войны Кавада с гуннами.

Анализ сообщения Захария Ритора ставит очень важный вопрос: что надо понимать под «воротами», через которые «вышли гунны»?

В вопросе о «воротах» и вторжении гуннов при Анастасии среди исследователей существуют разногласия. И. Маркварт подчеркивал, что в сообщении Прокопия надо видеть не эфталитов, как считали некоторые ученые, а собственно гуннов, война с которыми велась Кавадом на севере, а не на востоке. По мнению И. Маркварта, это вторжение гуннов произошло через Дарьяльский проход, которым владел Амвазук²⁵. Аналогичная точка зрения высказана А. Кристенсеном²⁶. Противоположного мнения придерживался Д. Данлоп, считавший, что Каспийские ворота, находившиеся в руках Амвазука, — это Дербентский проход²⁷. По мнению К. Цегледи, Захария Ритор ошибочно связывает Каспийские ворота, через которые вторглись гунны в 13-й год Анастасия, с эфталитским нашествием через старые Каспийские ворота близ Тегерана в 484 г.²⁸

В исторических источниках V—VI вв. зафиксированы два прохода, которыми пользовались кочевники для вторжений в области Передней Азии через Кавказский хребет. Прокопию Кесарийскому известны оба эти прохода: «... один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот» (*De bello gothicō*, 4, 3).

«Тзур» Прокопия — не что иное, как проход Чор (варианты Чур, Чул), широко известный в армянских источниках и соответствующий узкой полосе земли, заключенной между отрогами Большого Кавказского хребта и Каспийским морем. Под этим проходом или воротами всегда подразумевалось одно и то же место, носившее часто различные наименования и известное в научной литературе как Дербентский проход²⁹.

Под Каспийскими воротами Прокопий понимает место, наиболее удобное для сообщений между северной и южной сторонами Большого Кавказского хребта (*De bello pers.* I, 10) и также хорошо известное в источниках и литературе под названием Аланских ворот (Дар-и Алан). Прокопий говорит, что этими проходами и пользуются племена гуннов для вторжений в земли персов и римлян (*De bello gothicō*, 4, 3). Действительно, чаще в персидские области кочевники вторгаются через первый из названных проходов, в византийские владения — через второй³⁰.

У Приска Панийского имеется сообщение, что в 10-й год царствования императора Льва (457—474 гг.), т. е. около 466 г., сарагуры и другие гуннские племена предприняли поход на Иран. Сначала они подошли

²³ Р г о с о р., *De bello pers.* I, 10. Имеется в виду договор 422 г., заключенный Феодосием II (408—450 гг.) и Бахрамом V Гуром (412—439 гг.).

²⁴ П и г у л е в с к а я, Сирийские источники..., стр. 64.

²⁵ J. M a g q u a r t, *Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci*, B., 1901, стр. 63—64.

²⁶ A. C h r i s t e n s e n, *L'Iran sous les Sassanides*, Copenhague, 1944, стр. 353.

²⁷ D. M. D u n l o p, *The History of the Jewish Khazars*, Princeton, New Jersey, 1954, стр. 27.

²⁸ C z e g l e d y, ук. соч., стр. 147.

²⁹ См. различные наименования: Е г и ш е, О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели, Ереван, 1971 — «пограничная крепость Чорах» (стр. 31), «хонинские ворота» (стр. 79), «хонинская крепость» (стр. 127), «шахак Чора» (стр. 169); Моисей Каланкатуйский (*The History of the Caucasian Albanians by Moses Dasxuranci*, Transl. by C. J. Dowsett, L., 1961) — «ворота Чора» (стр. 120), «ворота гуннов» (стр. 63).

³⁰ J. M a g q u a r t, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, L., 1903, стр. 12, 454, 489.

к Каспийским воротам, но, найдя их занятыми персидским гарнизоном, обратились к другой дороге. По ней гунны вторглись в Иберию, опустошили страну и делали набеги на армянские селения³¹. Шах Пероз, воевавший в это время на востоке с кидаритами, отправил в Византию посольство с требованием, чтобы император дал либо людей, либо денег для охраны крепости Юриопаах³². Из этого сообщения историка можно извлечь три важных вывода: во-первых, под Каспийскими воротами Приск подразумевает Дербентский проход, во-вторых, последний был занят персидским гарнизоном, что не дало возможности гуннам использовать его для набега, и в-третьих, Приску известен и другой проход — «другая дорога», в котором находилась крепость Юриопаах, на содержание которой персы требовали денег³³. Этим проходом и воспользовались гунны для вторжения в Иберию. Ясно, что в этом случае подразумевается Дарьядльское ущелье (Дар-и Алан).

Согласуя сведения Прокопия и Приска, можно заключить, что Каспийские ворота Прокопия (Дарьядль) есть та «другая дорога» Приска, в которой находилась крепость Юриопаах. Об этой крепости Прокопий говорит, что в правление императора Анастасия ею и проходом владел гунн Амвазук, который предложил Анастасию купить у него это место. Однако император отказался, не располагая возможностью содержать там гарнизон. Когда же Амвазук умер, шах Кавад сразу после окончания войны с гуннами овладел Каспийскими воротами, изгнав оттуда детей Амвазука (Procop., De bello pers. I, 10).

В тексте Захарии Ритора также упомянуты Каспийские ворота: «Базтун — земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских»³⁴. По заключению Н. В. Пигулевской, в сирийском тексте под Каспийскими воротами несомненно подразумевается проход у Дербента³⁵. Захария Ритор, сообщая о воротах, через которые в 13-м году Анастасия «вышли гунны», не называет их Каспийскими. Между тем это одни и те же ворота, в чем можно убедиться, исходя из сопоставления двух отрывков. Пленные, взятые Кавадом в 503 г. из Амиды, были проданы гуннам, «прошли за ворота и оставались в их земле (т. е. гуннов) более 30 лет...» (Хроника Захарии Ритора, стр. 166). Но гуннские пределы, как следует из вышеупомянутого отрывка (стр. 165), начинались сразу же за Каспийскими воротами и морем. «Море» в данном случае — это Каспийское море, ворота же, лежащие у моря, и есть Каспийские ворота, т. е. Дербентский проход.

У сирийского автора ворота, через которые вторглись гунны в 13-й год Анастасия, охранялись персами. Каспийские же ворота Прокопия (Дарьядль) находились в это время в руках Амвазука. Это значит, что в 503 г. гунны вторглись в Иран через Каспийские ворота Захарии Ритора, т. е. Дербентский проход. Под «тамошними горными местами», которыми гунны достигли персидских пределов, надо понимать проходы Вандамский и Карабурга, которые и в настоящее время связывают перевалы

³¹ Priscus Ralites, Fragmenta, 37. Fragmenta historicorum graecorum, ed. K. Müller, t. 4; Excerpta de legationibus, ed. De Boor, Berolini, 1903, pars. II.
³² Priscus, ук. соч., fr. 37; Юриопаах значит «Иберийское укрепление» от арм. Wiroj pahak; Wer — ибер, pahak — укрепление: Mag q a g t, ук. соч., стр. 103.

³³ Об этом свидетельствует и Иешу Стилит, который сообщает, что Пероз неоднократно получал золото от ромеев, чтобы «они (т. е. гунны) не перешли в нашу землю» (Хроника Иешу Стилита, стр. 131).

³⁴ Хроника Захарии Ритора, стр. 165.

³⁵ Пигулевская, Сирийские источники..., стр. 82.

Большого Кавказа с Дербентом³⁶, или перевалы, расположенные западнее Дербента, — Акбулакский, Салаватский и Базардюзи³⁷, служившие кратчайшей дорогой к Куре.

На основании приведенного материала представляется возможным решить и вопрос о том, кто именно были те гунны, с которыми вел войну Кавад.

Длительный характер этой войны (с 503 по 508 гг.) прежде всего указывает на тот факт, что это не был простой набег кочевников из-за Кавказа для грабежа и добычи, но столкновение с сильным врагом, пытавшимся закрепиться на завоеванных землях и удержать их. Возможность ведения такой войны с Сасанидским Ираном — государством, находившимся в зените могущества, обладавшим значительными материальными и людскими ресурсами, сильнейшей на Востоке армией, могло быть под силу только мощному объединению кочевников.

Такое объединение сложилось к концу V в. в степях Северного Кавказа во главе с сабирами. С этого времени стремление шире распространить свое политическое господство обусловило движение сабир на юг к линии Кавказских гор и проходам (Дербент, Дарьял). К началу VI в. сабирский союз племен сделал попытку распространить свою власть уже за Кавказским хребтом. Момент вторжения в северные провинции Ирана (конец 503 г.) как нельзя лучше соответствовал политической обстановке на Востоке этого времени. Внимание Сасанидского Ирана было сосредоточено на западе, в Месопотамии. Ромейская кампания только разгоралась, наиболее боеспособные части персидской армии во главе с самим шахом Кавадом находились на западном театре военных действий. Таким образом, за исключением небольших гарнизонов, расположенных в крупных административных центрах Закавказья, реальной силы для отпора не существовало. Это позволило сабирам в короткий срок захватить и контролировать значительную часть северных областей Сасанидского Ирана. И лишь после упорной, длившейся почти пять лет войны с главными силами персидской армии во главе с самим Кавадом сабиры вынуждены были оставить Закавказье и отойти на исходные рубежи.

Однако в 515 г. сабиры вновь появились в Передней Азии, опустошая и разоряя на этот раз уже византийские владения (см. сообщения Марцеллина, Малалы, Феофана). В отличие от первого вторжения в 503 г. через Дербентский проход в этом случае сабиры прошли через Дарьял. Это нападение, безусловно, было инспирировано Кавадом, пропустившим кочевников через занятый персидским гарнизоном Дарьяльский проход, находившийся в его руках с 508 г.

Таким образом, собирательный термин «гунны» в сообщении Прокопия и Захарии Ритора о нападении на Иран в 503 г. отразил этническое имя — сабиры, ставшее через 12 лет хорошо известным византийским историкам.

В научной литературе вопрос о врагах Кавада также остается дискуссионным. Н. В. Пигулевская, М. И. Артамонов и К. Цегледи считают, что ими были гунны-сабиры³⁸. По мнению же И. Маркварта и А. Кри-

³⁶ Ф. В. Гадиров, Северные оборонительные сооружения Азербайджана, Автореф. канд. дисс., Баку, 1969, стр. 6.

³⁷ З. М. Бунийтов, О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв., Известия АН АзербССР, серия общественных наук, № 1, 1961, стр. 26.

³⁸ Пигулевская, Сирийские источники..., стр. 65—66; Артамонов, ук. соч., стр. 69; Czeglédy, ук. соч., стр. 148.

стенсена, исходивших из сообщений указанных византийских историков, сабиры появляются впервые только в 515 г., а Кавад вел войну с гуннами ³⁹.

В отличие от византийской историографии арабская историческая традиция связывает борьбу шаха Кавада с хазарами. По сведениям крупнейшего арабского историка ал-Балазури (IX в.) Джурзан (Грузия) и Арран (Албания) находились в руках хазар. Это побудило Кобада (Кавада), сына Фироза (Пероза), отправить против них одного из своих великих полководцев с 12 тыс. воинов. Последний вступил в Арран и занял область между рекой Ар-Рассом (Аракс) и Ширваном. Вслед за этим полководцем выступил сам царь Кавад, который построил в Арране города Байлакан и Барду — главный город всей страны. Затем он (Кавад) выстроил преграду из необожженного кирпича между Ширваном и воротами Алан, а вдоль стены построил 360 городов, пришедших в разрушение после постройки Баб-ал-Абваба (Дербент) ⁴⁰. Сообщение Балазури в этой части повторено почти без изменения Ибн ал-Асиром (XII—XIII вв.) ⁴¹. Я'куби (IX в.) также говорит, что хазары завоевали все области Армении, но Кавад вернул их Ирану, и они перешли к его сыну, Хосрову Ануширвану ⁴².

Табари (X в.) сообщает, что Кавад собрал 100-тысячное войско и выступил в поход против хазарского царя, назначив главнокомандующим Шапура. Шах вел войну, одержал победу, опустошал, убивал и возвращался с богатой добычей ⁴³.

В связи с приведенными данными нельзя не обратить внимания на следующие обстоятельства: время и место действия описываемых событий, между кем идет война и результат. Шах Кавад умер 13 сентября 531 г., значит, описываемые события не могли произойти позже этого срока. Из византийских и сирийских источников известно большинство военных предприятий Кавада. В ромейскую кампанию (август 502 — декабрь 503 г.) Кавад не мог оказаться там, где его помещают арабские авторы.

Под 521 г. Феофан приводит рассказ о царе гуннов Зилигде, которого император Юстин (518—527 гг.) склонил воевать против персов. Однако, получив большие дары от Кавада, царь гуннов с 20-тысячным войском перешел на сторону персидского шаха. Тогда Юстин известил Кавада, что Зилигд задумал изменить персам, ибо раньше уже заключил союз с империей. Разгневанный Кавад убил Зилигда и, послав ночью большое войско персов, перебил его воинов ⁴⁴. Из этого сообщения следует, что данный эпизод имеет частный характер и стоит лишь в связи с желанием Кавада приобрести союзников в войне с Византией.

Под 527 г. Феофан сообщает, что в это время гуннами-сабирами правила вдова царя Балаха, Боарикс, которая заключила союз с императором Юстинианом (527—565 гг.). Кавад склонил двух вождей других гуннских племен к союзу в войне с Византией, но когда последние проходили через земли сабир, чтобы соединиться с персами, Боарикс напала на них и полностью уничтожила ⁴⁵. Следовательно, никакой войны Кавада с гуннами не было, его союзники были разбиты на пути к нему.

³⁹ Магъиагът, ук. соч., 63; Схристенсен, ук. соч., стр. 352.

⁴⁰ Баладзори (Ал-Балазури). Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана, Баку, 1927, стр. 5.

⁴¹ Из Тарих ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира. Пер. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана, 1940, стр. 9.

⁴² Я'куби. История. Пер. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана, вып. 4, Баку, 1927, стр. 6.

⁴³ Б. А. Дорин. Известия о хазарах восточного историка Табари, ЖМНП, 1844, ч. XLIII, стр. 6.

⁴⁴ Theophanes, Chronographia, 167, 4—23.

⁴⁵ Ibid. 175, 17—33.

С 528 г. начинаются военные действия в Армении и Лазике (Колхида), длившиеся с перерывами вплоть до 531 г. Во время этих событий кочевники Северного Кавказа служат в войсках Кавада в качестве наемников, а с прекращением военных действий возвращаются на родину (Росор., *De bello pers.* I, 21). Источники также не указывают на какие-либо столкновения Кавада с гуннами в это время. И лишь сообщение Прокопия и Захарии Ритора стоит в четкой связи с арабской традицией.

У Балазури Кавад отправляет одного из своих полководцев против хазар с 12-тысячным войском, а затем выступает и сам. Табари знает титул этого полководца — спахбед — и имя — Шапур. По Прокопию, Кавад возвращается в свою землю только после того, как туда уже вторглись гуны. Это значит, что сам шах не принял непосредственного участия в отражении врага, а с главными силами подошел позже, выслав против гуннов своего спахбеда.

Интересно место действия, где происходят столкновения шаха с хазарами. Это Албания и Грузия. По Прокопию, Кавад вел войну в северных областях своего государства. Известно, что северные границы сасанидских владений проходили по линии Кавказских гор, к которым примыкают указанные области, входившие в состав государства Сасанидов.

Как сообщает Прокопий, Кавад, закончив войну с гуннами, овладел Каспийскими воротами (Даръял). У Балазури Кавад выстроил стену из кирпича между Ширваном и воротами Алан (Даръял). В первом случае это стало возможным лишь после победы Кавада, так как ворота находились во власти детей Амвазука. Во втором случае постройка стены до ворот была связана с разгромом хазар⁴⁶.

По сообщению Прокопия, Кавад вел войну с гуннами. Гуннами их называет и Захария Ритор. Исходя из высказанных соображений, в гуннах Прокопия и Захарии надо видеть сабир, однако арабские историки врагов Кавада называют хазарами.

Согласно точке зрения М. И. Артамонова, такое смешение названий сабир и хазар может объясняться только тем, что эти племена перемешивались между собой, составляя одно военно-политическое объединение, во главе которого, однако, стояли сабиры, так как в первой половине VI в. в большинстве исторических известий именно их имя служит для обозначения прикаспийских кочевников, обитавших севернее Дербента. Балазури и Табари называли сабир хазарами, вероятно, потому, что последние были более известны арабским историкам, а также потому, что в составе сабир находились и хазары⁴⁷.

Таким образом, синтезируя приведенный материал, представляется возможным из разрозненных и на первый взгляд не связанных сообщений источников хронологически восстановить картину событий, имевших место в Закавказье в самом начале VI в.

В конце ноября 503 г. гуны-сабиры, прорвавшись через охраняемый персидским гарнизоном Дербентский проход и пройдя горные перевалы восточных отрогов Кавказского хребта, вторглись в Албанию. Внезапность нападения и отсутствие реальной силы для отпора позволили сабирам уничтожить незначительные персидские гарнизоны, сосредоточенные в

⁴⁶ Преграда из необожженного кирпича, выстроенная Кавадом, — не что иное, как стена Апсут-Кават (Афзуд-Кавад), иначе Шабранская, вдоль реки Гильгильчай, упомянутая в Армянской географии (Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Пер. К. Патканова, ЖМНП, март, 1883, стр. 31). Это отождествление было предложено С. Т. Еремяном (см. «Очерки истории СССР, III—IX вв.», т. II, М., 1958, стр. 316).

⁴⁷ Артамонов, ук. соч., стр. 127.

крупных городах Закавказья, и в короткий срок овладеть богатыми северными провинциями Сасанидского государства — Албанией и Иберией.

Политическое и экономическое значение этих областей в общегосударственной системе Сасанидского Ирана, их чрезвычайно важное стратегическое положение, вероятно, в полной мере учитывалось сабирами. Возможность держать в своих руках и контролировать проходы, ведущие в Закавказье (Дербент, Дарьял), позволяла сабирам в кратчайшие сроки обеспечить своевременную переброску с Северного Кавказа новых подкреплений и вести военные действия в выгодных для себя условиях. Очень может быть, что гунны если и не имели открытой поддержки со стороны оппозиционно настроенной по отношению к Ирану части местной знати и населения, то во всяком случае могли пользоваться их относительным нейтралитетом. Еще свежо было в памяти народов Закавказья восстание против сасанидского гната 481—484 гг. под руководством царей Иберии Вахтанга Горгасара и Вагана Мамиконяна.

Персидский шах, получив в начале декабря 503 г. известие о вторжении гуннов, находился с войсками на Евфрате у Каллиника. Оценив соответствующим образом создавшееся положение, Кавад, не медля, форсированным маршем двинул армию на север. Не рассчитывая, однако, быстро перебросить войска, отяжененные обозом, в район военных действий, Кавад выслал против врага спахбада Шапура с 12-тысячной конницей. Последнему удалось вытеснить гуннов из областей, расположенных между Араксом и Ширваном (Мильская, Муганская и Ширванская равнины).

Весной 504 г. в войну с гуннами вступил сам шах с главной персидской армией. Разорение западных провинций государства Келером и Ареобиндом летом 504 г. побудило Кавада заключить перемирие с Византией и сосредоточить максимум усилий на войне в Закавказье. Однако, несмотря на это, военные действия продолжались вплоть до 508 г., когда Кавад, окончательно разбив и отбросив сабир за Кавказский хребет, закрепил за собой оба прохода (Дербент и Дарьял), предъявив претензии Византии за выросшую у его границы крепость Дару.

Ю. Р. Джагаров

THE FIRST APPEARANCE OF THE SABIRAE IN THE TRANS-CAUCASUS

Yu. R. Dzhafarov

The author attempts to clear up several questions pertaining to 6th century Transcaucasian history, a period which has been little studied, and to reconstruct the course of events in that region in the years A. D. 503—508. Analysis of relevant information contained in Byzantine and Syrian sources helped determine some important elements of the story. In his account of the war waged by Kavadh against Huns in the northern parts of his kingdom Procopius of Caesarea uses the word «Huns» to describe a new group of nomads from the North Caucasus, the Sabirae. The Sabirae Huns appeared in the Transcaucasus in December 503, when they entered the region through the Derbent pass. This was not a mere raid but a serious attempt to capture and hold Albania and Iberia, two rich and strategically important districts in Sassanid Iran. It took Kavadh and the pick of his army five years of war to drive the Sabirae out of the Transcaucasus to their starting point behind the Caucasus range. The author establishes a link-up between the accounts in Arabian sources of Kavadh's war against the Khazars and the Byzantine and Syrian accounts of the same king's war against the Huns in the years under review.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Ф. ПОЛЯКОВА, *Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма B)*, М., «Наука», 1978, 270 стр.

Осуществленная в 1952 г. М. Вентрисом дешифровка линейного письма *B* стала одним из важнейших научных открытий XX века, поскольку она позволила прочесть древнейшие греческие тексты и тем самым удревнила письменную историю Европы сразу на несколько столетий, вплоть до XV в. до н. э. Правильность результатов, полученных безвредно ушедшим из жизни гениальным английским ученым, и их огромное значение быстро признали и оценили специалисты. Дальнейшую разработку проблем, связанных с прочтением и интерпретацией документов линейного *B* взяли на себя исследователи многих стран. Одними из первых включились в эту работу и представители нашей отечественной науки. Уже в 1957 г. увидела свет монография С. Я. Лурье «Язык и культура Микенской Греции», а в 1963 г. вышла книга Я. А. Ленцмана «Рабство в микенской и гомеровской Греции». Обе указанные капитальные работы внесли весьма существенный вклад в микенологию на первом этапе ее становления, и это по справедливости было отмечено соратником и продолжателем дела М. Вентриса — академиком Дж. Чэддиком¹. Традицию фундаментальных микенологических исследований в отечественной науке продолжает рецензируемая книга Г. Ф. Поляковой, посвященная анализу текстов линейного письма *B* с точки зрения выявления в них данных относительно земельных отношений в Пилосской державе, развития там животноводства, а также организационной роли дворца в общей системе государственной экономики Пилоса.

Изучение документов хозяйственной отчетности из архивов столиц ахейских государств второй половины II тыс. до н. э., в первую очередь Кносса и Пилоса, открывает широкие возможности для получения сведений о социально-политических структурах и принципах организации хозяйства, действовавших в этих государствах. Однако оно заключает в себе и немалые трудности, обусловленные особой спецификой данного вида письменных источников. Как стало теперь совершенно ясно, линейное письмо *B* явилось результатом самого первого и, надо сказать, довольно поспешного приспособления знаков критского додгреческого минойского письма — линейного *A*, с сохранением их фонетического значения, для насущных нужд ведения хозяйственной отчетности на греческом языке в подчиненной ахейцами Кносской державе на Крите (ставшим греко-минойским после грандиозной вулканической катастрофы середины XV в. до н. э., которая нанесла сокрушительный удар прежнему могуществу минойцев, и появления затем на опустошенном острове значительной массы греков-переселенцев, занявших здесь отныне господствующее положение) и в материковых ахей-

¹ См. предисловие к русскому изданию его книги «Дешифровка линейного письма *B*» (сб. «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки», М., 1976, стр. 109—111).

ских государствах². Оно выступало в качестве своего рода стенографии, так как позволяло лишь весьма приблизительно воспроизводить греческие слова и потому не могло применяться для записи более сложных текстов, например, литературного или исторического содержания. Такое несовершенство линейного *B* объясняется механическим заимствованием его создателями основных принципов у системы письма, предназначеннной для фиксации форм языка, коренным образом отличавшегося от греческого и всех других индоевропейских языков — того додреческого минойского языка с фонетической структурой СГСГСГ, на котором говорили создатели критской иероглифики и развившегося из нее линейного письма *A*. Правда, иногда высказываются сомнения относительно соответствия структуры минойской речи структуре минойского письма — линейного *A*³. При этом делаются ссылки на пример лувийской иероглифики (созданной для записи текстов на индоевропейском языке со скоплениями согласных), где знаки, передающие обычно слоги типа С + Г, могли использоваться условно и в значении С + нуль. Однако эти сомнения легко устраняются, если иметь в виду, что отмеченное несоответствие написания и действительного чтения возникло в лувийском иероглифическом письме (как и в линейном *B* и классическом кипрском слоговом письме, аналогичным образом приспособленных для другого индоевропейского языка — греческого) из-за заимствования у минойцев Крита — древнейшего письменного народа Эгейды — принципа силлабария со знаками только для слогов типа С + Г и Г, хотя и не позволяющего передавать скопления согласных, а также различия между удвоенными и неудвоенными, глухими, звонкими и аспирированными согласными, но достаточно удобного в употреблении и при обучении грамоте по причине сравнительно небольшого общего количества используемых силлабограмм. Выработать же впервые такой силлабарий мог только для языка с соответствующей ему фонетической структурой СГСГСГ.

Заимствование минойского силлабария ранее бесписьменными носителями совершенно иного по звуковой структуре языка неизбежно создавало большую разницу между послоговым написанием слов последнего и их реальным звучанием. Возникшие таким образом «слишком свободные» правила орфографии, применявшиеся при использовании линейного письма *B* для записи текстов хозяйственного назначения, по-видимому, вполне удовлетворяли не только авторов, но в равной степени и адресатов этих текстов, ибо, хорошо зная, о чем может идти речь в подобного рода документах, они легко узнавали в самом приблизительном написании употребительные термины и другие ходовые слова обиходной канцелярской лексики. Этого, к сожалению, никак нельзя сказать о современных исследователях, пытающихся проникнуть в смысл таких своеобразных стенографических отчетов первых грамотных греков о своих обычных текущих делах. Зачастую слишком велика оказывается возможная многозначность чтений отдельных слоговых знаков и тем более целых слов. К тому же фонетические значения некоторых силлабограмм еще не определены или требуют дальнейшего уточнения. Указанные обстоятельства крайне затрудняют задачу интерпретации многих текстов табличек линейного *B*. Автор рецензируемой книги как нельзя лучше отдает себе отчет во всем этом, и в его исследовании постоянно присутствует трезвый учет возможностей анализируемого вида письменных источников. Отсюда же его предельная осторожность в выводах, столь необходимая при работе с данным конкретным материалом.

Во введении (стр. 3—7) автор особо отмечает трудности, с которыми приходится встречаться исследователю текстов линейного *B*, причем справедливо говорит и о том,

² Другое, уже куда более длительное, растянувшееся на столетия и потому достаточно успешное приспособление минойского силлабария было осуществлено греками на Кипре и имело своим конечным итогом создание известного классического кипрского слогового письма с такими правилами орфографии, которые позволяли фиксировать практически все формы греческого языка.

³ Ср. И. М. Дьяконов, Карикийский алфавит и его место среди древнейших алфавитных письменностей, ВДИ, 1967, № 2, стр. 240, прим. 8; сб. «Тайны древних письмен...», стр. 83, прим. ред. 1.

что их понимание дополнительно усложняет наличие в них значительного числа слов, не встречающихся в греческом языке более поздней эпохи. Надо полагать, такие слова — суть не только и не столько вышедшие со временем из употребления собственно греческие формы, сколько гlosсы, попавшие в язык греков-ахейцев из языков других древних народов Восточного Средиземноморья, особенно таких, как их непосредственные предшественники на юге Балканского полуострова и островах Эгейиды — пеласги и минойцы, по сравнению с которыми ахейцы в момент своего появления в данном географическом регионе находились на куда более низком уровне экономического и общественного развития (это относится, разумеется, в первую очередь к культурным терминам).

Методические приемы, используемые автором, помогают ему преодолеть большую часть изложенных выше трудностей, к которым, к тому же, прибавляется еще и не совсем удовлетворительная физическая сохранность многих табличек линейного *B*. На первом месте здесь безусловно стоит умелое применение комбинаторного метода исследования, единственно способного дать вполне надежные результаты при дешифровке и интерпретации любых памятников забытых древних письменностей. Формальный анализ всей совокупности рассматриваемых хозяйственных текстов из пилосского архива позволяет выявить среди них по целому ряду признаков (прежде всего по тождеству содержащихся в записях идеограмм) отдельные комплексы (серии), отражающие практику составления деловой документации в определенной области хозяйственной деятельности.

Таблицки серии Е, касающиеся учета земельных участков и получаемой с них в виде зерна сельскохозяйственной продукции, послужили основой для попытки реконструировать достаточно сложную картину аграрных отношений в Пилосском государстве, предпринятой в наиболее объемной, I главе монографии (§ 1—10, стр. 8—176). При соединяясь к традиционному взгляду на два основных вида земельной собственности, упоминаемых в табличках линейного *B*, *kotona kitimena* и *kekemena kotona*, как на землю «частную» и землю общинную или общественную, автор основное внимание уделяет выявлению терминологической системы, применявшейся писцами при составлении кадастровых и инвентарных списков. Доскональный разбор вариантов формул записи владения и аренды различных категорий земель приводит автора к некоторым интересным выводам относительно того, как тот или иной характер держания земельных наделов мог отражаться в способах их канцелярского описания. Не вызывает сомнений подчёркиваемое автором единство терминологической лексики внутри стереотипных формуллярных схем типа «личное имя — общественный статус названного лица или его профессия — вид участка и принадлежность его к определенной категории земельной собственности — указание на владельца земли, предоставившего ее в пользование (частное лицо или народ) — количество зерна» и т. д.

Большое внимание автор уделяет установлению смысла некоторых ключевых терминов, встречающихся в текстах табличек, что является крайне важным для правильной интерпретации содержащих их записей. Приводя все существующие мнения о возможном значении слова *damate*, автор справедливо указывает на слабости их аргументации как со стороны филологической, так и в плане соответствия контексту (стр. 30—37). В своем собственном гипотетическом толковании этого слова он опирается на данные, полученные комбинаторным путем, и потому его точка зрения, заключающаяся в том, что данный термин определенным образом характеризует связанный с ним объект перечисления, выглядит в настоящее время наиболее обоснованной (стр. 39). Однако попытки отождествить форму *damate* с более или менее подходящими по смыслу греческими словами остаются по-прежнему всего лишь гадательными, в чем автор, кстати сказать, прекрасно отдает себе отчет. Следует только добавить, что нельзя недооценивать и возможность догреческого происхождения этого термина (о которой упоминает и автор на стр. 34, говоря о подобном мнении на сей счет, высказанном К. Руихом).

В данной связи особого внимания заслуживает, как нам кажется, вполне минойский (даже в свете тех немногих фактов языка минойцев, которыми мы располагаем)

облик слова *damate*. В нем выявляются корень *dam* и суффиксальный элемент *-t-*, часто встречающийся в словах на табличках линейного *A* и в личных именах, явно или предположительно додревеских, в кносских текстах линейного *B*. Однокоренным с ним может оказаться прежде всего слово *No-da-ma-te*, начертанное линейным письмом *A* на двух вотивных двусторонних секирах, золотой и серебряной, из пещерного святилища в Аркалохори⁴ и отличающееся от него лишь добавлением употребительного миноиского префикса *no-* (ср., например, личные имена текстов линейного *A* с корнем *dar-*: *Da-re* и *No-da-re*, а также соответствующие им *Da-ro* и *No-da-to* кносских табличек линейного *B*⁵). Весьма вероятным, по-видимому, должно показаться аналогичное предположение и по отношению к миноискому царскому имени Радамант (*Ῥάδαμανθος*; resp. миноиск. *Ra-da-ma-te*, где перед корнем *dam* стоит префикс *ga-?*), сохраненному античной традицией⁶. Не исключено, что тот же миноиский корень *dam* содержится и в критских личных именах линейного *B* *Wi-da-ma-ta₂* и *Wi-da-ma-go* (в сочетании с иным префиксом — *wi-*, а во втором случае и с суффиксальным элементом *-t-*, фигурирующим в додревеских топонимах Эгейды⁷, вместо *-t-*).

Проведенный автором текстологический анализ надписи Еq 146 приводит его к убедительному выводу о том, что слово *koto* в ней является обозначением земли, находящейся во владении теретов, и соответствует греч. *χώρος* (стр. 55—57). Сами же тереты безусловно предстают перед нами в качестве некоего слоя земельных собственников, связанных воедино присущими им правами, как держателей земли, конкретными экономическими обязательствами по отношению к центральной власти (стр. 59, 89—91).

Очень интересные данные о характере землепользования в Пилосе получает автор при рассмотрении документов, связанных с владением и арендой участков *kama*, входящих в категорию *kekemepa* (стр. 68—85). Присутствие в этих документах специальной «формулы долженствования» ясно указывает на существование особого рода административного контроля за проведением всех необходимых агротехнических мероприятий на учитываемых землях с целью предотвращения любых потерь урожая по небрежности владельца или арендатора. Автор справедливо отмечает, что такая практика официальной юридической защиты важнейшего экономического достояния государства — пахотной земли от возможных проявлений преступной бесхозяйственности находит себе близкие параллели в знаменитых Законах Хаммурапи. Ставясь выяснить, имелись ли различия между статусами двух групп землевладельцев — теретов и камаевсов, автор с помощью скрупулезного анализа приходит к выводу, что камаевсы по своим обязанностям перед государством скорее всего были связаны с земледелием только одного определенного типа — обладанием землей *kama*, в то время как тереты несли государственные повинности, по-видимому, вне зависимости от принадлежности их земельных участков к той или иной категории (стр. 85—90).

Раскрыть значение термина *egemo*, как выражающего отсутствие надлежащей обработки почвы, помогает автору очередное удачное обращение к некоторым статьям Законов Хаммурапи (стр. 92—95). Не вызывает возражений и основанная на тщательном изучении соответствующих контекстов интерпретация других терминов: *worokijonejo* (по отношению к земле — обработанная, обрабатываемая или подлежащая обработке), встречающегося в сочетаниях *worokijonejo kama* (земля, находящаяся во владении лиц, выполняющих требуемые от них по статусу обязательства) и *worokijonejo egemo* (запущенная и потому более трудная для обработки земля) (стр. 95—99); *koto-*

⁴ Ср. A. J. Evans, J. L. Muges, *Inscriptions in the Minoan linear script of class A*, Ed. by W. C. Brice, Oxf., 1961, табл. XXXI, a; V, 17, I—III; J. Raisoin, M. Prope, *Index du linéaire A*, Roma, 1971, рис. 195, 4—5.

⁵ *No-da-ma-te* — скорее всего имя посвятителя. Ср. А. А. Молчанов, К вопросу о репертуаре знаков миноиского иератического силлабария. Проблемный семинар по истории культуры. Авторефераты докладов, I. Вспомогательные исторические дисциплины. Эпиграфика, М., 1977, стр. 15.

⁶ Страбон различает двух Радамантов, первого критского царя-законодателя и брата Миноса (*Strabon*, X, 4, 8).

⁷ Ср. Л. А. Гиндина, Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967, стр. 66—67.

nooko и akotono (указывают на то, что поименованное в записи лицо является или не является владельцем участка типа kotona, причем принадлежность последнего к одной из возможных категорий земли, «частной» или общественной, во внимание не принимается) (стр. 100—106); onatere (применяется по отношению к арендаторам земли любого вида) (стр. 105—106).

Представляет интерес сопоставление средних величин участков (их количественные характеристики выражены в мерах зерна), связанных с различными видами земледержания (стр. 108—117), а также попытка наметить реальное числовое соотношение, характеризующее имущественное положение отдельных групп земледельцев (последние с некоторой долей условности делятся на пять групп: жрецы, пастухи, ремесленники, должностные лица и doero, главным образом *teojo doero*) (стр. 123—129). Правда, гипотетичность используемых чисел дает автору право лишь на предварительные выводы и самые осторожные предположения, в частности о возможных отличительных чертах рабов бога как земледельцев от других арендаторов, упоминаемых в пилосских табличках линейного *B* (стр. 132). Рассмотрение всей совокупности данных, извлекаемых из документов дворцового архива ахейского Пилоса, относительно группы лиц, которые обозначаются термином *doero/doera*, заставляет автора констатировать невозможность обнаружения каких-либо четких разграничений между отдельными категориями рабов, сходство положения рабов и части свободных в сфере аграрных отношений и ремесленно-производственных занятий, одинаково подчиненный статус рабов и нерабов относительно высшей государственной власти, связанный с общей централизующей ролью дворца в экономике Пилосского государства (стр. 129—172).

На материале табличек серии *E* автору удается восстановить в целом способ описания аграрных отношений, применявшийся чиновниками ахейских владык. Но создан ли он самими носителями языка линейного *B*, как считает автор (стр. 100)? Не заимствован ли он в большей или меньшей степени греками-ахейцами у тех же критян-минойцев, у которых была заимствована их письменность? Ведь общегосударственная система землепользования ахейского времени на Крите, где, надо полагать, и произошло приспособление минойской грамоты к микенскому диалекту греческого языка, не могла быть созданной заново, ибо она складывалась не на пустом месте, а в стране с высокоразвитыми земледельческими традициями, сохранившей к тому же довольно значительный (как минимум) контингент прежнего сельскохозяйственного населения. Как известно, для послеминойского Крита была очень характерна большая живучесть многих минойских традиций: религиозной — там до римского времени (по крайней мере вплоть до III в. н. э.) сохранялось почитание все тех же минойских святынь и божеств, жили все те же сакральные мифы додревеского происхождения; культурно-исторической — у античных авторов имелось довольно ясное, общее и в отдельных деталях представление о могуществе Кносской морской державы середины II тыс. до н. э. (такассократии Миноса), ими признавалось и важное значение технических и художественных достижений минойских мастеров, унаследованных греками; этническо-языковой — исконные обитатели острова, так называемые этеокритяне («истинные критяне»), которым, в частности, принадлежал город Прес со святилищем Зевса Диктейского, еще во времена Геродота отличали себя от эллинов и говорили на древнем додревеском наречии; династической — для критско-греческих и общеэллинских исторических преданий кносские цари-ахеицы времен Троянской войны и ближайших к ней суть несомненные потомки древнего Миноса⁸; административно-правовой —

⁸ Престиж старинного минойского происхождения их династии (действительного или мнимого) был настолько велик, что самые могущественные из ахейских владык — цари Микен — стремились породниться с ними и очень дорожили этим родством. Недаром в песнях аэдов, из которых сложились со временем «Иллиада» и «Одиссея» и которые исполнялись во дворцах правителей на острове Лесбос и в малоазийской Киме, возводивших свой род к верховному предводителю коалиции ахейских анактов при осаде и взятии Трои Агамемнону, прославлялись не только он сам и его брат Менелай (сыновья Атрея и критской царевны Аэропы, дочери Катрея), но и их царственная родня с Крита — Идоменей и Мерион, а особенно общий предок всех этих героев Минос, удостоенный неслыханной чести быть собеседником самого Зевса (ср. Од. XIX, 179).

унаследованными дорийскими полисами Крита от минойской эпохи, согласно данным античной традиции, можно считать такие институты, как критские государственные рабы «миноиты», основные полисные должностные лица (космы, старейшины-геронты, «всадники»), система воспитания юношества, общественные трапезы и т. п. Поэтому многие важные элементы как общегосударственной системы землепользования, так и процедуры осуществления постоянного контроля над ней, включая составление отчетной документации, могут оказаться на ахейском Крите также восходящими к соответствующей минойской традиции. То, что эту систему и эту процедуру мы застаем в документах кносского и пилосского дворцовых архивов уже вполне развитыми и хорошо отложенными, говорит в пользу их куда более давнего происхождения по сравнению со временем создания на базе минойского силлабария линейного письма *B*.

Во II главе рецензируемой книги (стр. 177—212) — «К интерпретации надписей серии Сп» — автор восстанавливает картину организации животноводства — второй важнейшей отрасли сельского хозяйства в Пилосском государстве. Проанализировав вариации численности и качественный состав стад, принципы их территориального размещения и точного учета, автор приходит к убеждению, что эта организация была ориентирована на распределение животных группами с определенным числом голов в каждой по нескольким населенным пунктам под постоянным наблюдением и руководством некоего центрального органа (очень близкие и важные аналогии этому приводятся из хорошо известной скотоводческой практики средневековой Англии), в роли которого должен был, по всей видимости, выступать дворец, т. е. само государство через своих специальных представителей — «организаторов производства». При этом собственником всего поголовья скота, учитываемого писцами, признается носитель верховной государственной власти, а правильное функционирование максимально высокопродуктивного животноводства обеспечивалось следовательно тем, что оно являлось организованным в государственном масштабе.

III глава монографии (стр. 213—266) посвящена изучению на материале табличек дворцового хозяйственного архива политico-административного устройства Пилосского государства. Особое место здесь занимает, естественно, возможность получения хоть каких-то новых данных о конкретных функциях верховного правителя — царя Пилоса. В этой связи автору приходится вернуться к вопросу о правильной интерпретации в каждом отдельном случае термина *wanaka*, употребляемого в двух значениях: «бог», и «царь» (§ 1, стр. 213—219). В конечном итоге констатируется, что из документов линейного *B*, упоминающих царя, пока удается извлечь очень мало информации. В них надежно засвидетельствована только культовая роль *wanaka* Пилоса, а также его право назначать на административные должности и, быть может, освобождать от обязанности выплачивать налог (стр. 220). Автором очерчивается круг должностных лиц, принадлежащих к разветвленному государственному аппарату во всем его терминологическом разнообразии. Однако распределение функций между ними (*qasireu*, *korete*, *duma/dama*, *mogoqa*, *atomo* и др.) остается при вынешнем состоянии источников неясной задачей (§ 2, стр. 220—249). Весьма важным представляется замечание автора о необходимости осторожного отношения к основанному на распространенной этимологии толкованию наименования одной из высших должностей в Пилосской державе — *rawaketa*, как обозначающего нечто вроде постоянного верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами государства (стр. 223).

Термин *damo* (с общим значением «народ») не находит в существующих контекстах полного разъяснения, но некоторые важные аспекты применения связанных с ним обозначений административно-хозяйственного характера получают освещение благодаря проделанному автором анализу зафиксированных ситуаций его употребления (§ 3, стр. 249—258).

В заключительном параграфе последней главы монографии (§ 4, стр. 258—266), на основании данных табличек линейного *B* выявляется ведущая организаторская роль дворца в хозяйственной жизни пилосского общества. Под контролем государства, согласно документам дворцового архива Пилоса, находилось ремесленное производство различных видов, включая распределение сырья и произведенной из него продук-

ции, а также учет количества квалифицированной рабочей силы, имеющейся в наличии или отсутствующей, что находит себе параллели на Востоке (Ур времени III династии и Алалах). Судя по тексту таблички Eq 213, дворец осуществлял контроль над пахотными землями в разных районах государственной территории. Функционирование разработанной в масштабах всего государства системы налогообложения подразумевало, как видно, выявление и обязательное покрытие обнаружившихся недоимок. На достаточно высокую степень централизованности Пилосской державы указывает ее военная организация, отраженная в документах линейного *B*. В сложном вопросе о возможности общинного устройства поселений — единиц, составлявших государственный организм, разрешение которого весьма затруднительно при нынешнем состоянии источников, точка зрения автора, пришедшего к выводу, что «тексты линейного письма *B* не противоречат положению о существовании общины в Пилосе, однако они не дают конкретных данных о функционировании этой системы», представляется наиболее обоснованной.

Суммируя в кратком заключении (стр. 267—268) результаты рассмотрения документов дворцового архива Пилоса, автор выделяет три важных момента, характеризующих пилосское общество второй половины II тыс. до н. э. Во-первых, земельные отношения эволюционировали здесь в сторону не развития частного землевладения в противовес общинному, а наступления государственной власти, установившей свое верховное право собственника на всю землю. Во-вторых, определение социального статуса лиц, как оно отразилось в терминологической системе табличек линейного *B*, относящихся к аграрным отношениям, опирается прежде всего на критерий качественный, а не только количественный, т. е. принадлежность конкретного индивидуума к той или иной категории людей определяется юридически, исходя из факта владения им землей какого-либо типа, а не просто обладанием земельной собственностью неких размеров. В-третьих, анализ способа ведения отчетности не оставляет сомнений в общегосударственном (дворцовом) характере зафиксированного в ней принципа организации хозяйства, при котором государство в лице царя выступает в качестве верховного собственника земли и главного распорядителя материальных ценностей.

Выполнение на самом высоком методическом уровне фундаментальное исследование Г. Ф. Поляковой позволяет лучше оценить значение документов линейного *B*, составленных на древнейшем диалекте греческого языка, как исторического источника. Детальная специализация терминологии и повсеместное наличие в текстах хозяйственных табличек твердо устоявшихся лапидарных формул говорят о том, что система ведения отчетности, которой пользовались писцы-ахейцы дворцовых канцелярий Пилоса и Кносса, отличалась большой разработанностью и это ставит ахейские державы в один ряд с современными им древневосточными государствами.

А. А. Молчанов

ИРРИГАЦИЯ В ДРЕВНЕМ ЙЕМЕНЕ

По поводу книги *J. PIRENNE, La Maîtrise de l'eau en Arabie du Sud Antique. Six types de monuments techniques. «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», t. II, Paris, 1977*

Основой хозяйства древней Южной Аравии, как и других государств древнего Востока, было ирригационное земледелие. Для древнего Йемена это обстоятельство несколько затушевывается тем, что в некоторых климатических зонах, например, в обширных горных районах, окаймляющих побережье Красного моря и Индийского океана, земледелие основывается на естественном орошении в периоды муссонных дождей,

однако для центральных районов Южной Аравии, где и зародились древние государства, ирригация была обязательным условием земледелия. Появление искусственного орошения полей вызвало резкий подъем производства продуктов земледелия, повышение численности населения и уровня его жизни, за которыми последовало имущественное расслоение и появление классового общества и государства, появление цивилизации.

Это положение, давно установленное марксистской исторической наукой, для западных исследователей представляется значительным и положительным новшеством. Работа Ж. Пиренна впервые в исследовании древнего Йемена ставит проблему искусственного орошения во всей ее важности¹. Она рассматривает использование воды именно как основу древнейеменской цивилизации, как «непременное условие жизни в этой полупустынной зоне» (стр. 12). Ж. Пиренн справедливо подчеркивает, что без учета той роли, которую играла вода, невозможно понять не только хозяйственную, но и социальную и культурную жизнь древней Южной Аравии, нельзя даже правильно интерпретировать южноарабские надписи.

Исходя из этого положения, Ж. Пиренн ставит своей задачей заново рассмотреть все данные об использовании воды в древнем Йемене. При этом она систематически сочетает данные письменных источников, зачастую заново интерпретируемых, с археологическим материалом, привлекая и данные немногочисленных экспедиций, и описания и иллюстративный материал предыдущих исследователей, и собственные наблюдения в разных районах Йемена. Еще шире использует Ж. Пиренн сравнительный материал, как письменные памятники, так и археологические, не только Ближнего Востока и Северной Африки, но и более отдаленных областей, от Северного Причерноморья до Прованса. Ж. Пиренн привлекает также данные современных исследований по использованию влаги в аридных областях, уделяя особое внимание попыткам использовать процесс конденсации атмосферной влаги. По этой теме в книге собран богатейший материал, представляющий большой интерес.

Такой подход автора объясняет, почему основное внимание обращено на необычные способы использования влаги, тогда как орошение при помощи плотин и каналов, лучше известное и лучше исследованное, остается вне поля зрения автора.

Ж. Пиренн подробно исследует три вида гидротехнических сооружений, распространенных в древнем Йемене. Первые два раздела посвящены системам сообщающихся бассейнов, расположенных на разных уровнях по склону горы. Она описывает такую систему, действующую в настоящее время на острове Майорка (стр. 21—34), устанавливая ее южноаравийское происхождение, и выясняет, что назначение системы — регулировать сток источников с непостоянным дебитом. В следующем разделе Ж. Пиренн устанавливает наличие аналогичных сооружений в вади Ширджан в НДРЙ, обозначаемых термином *m'gl* (стр. 37—53), и приходит к выводу, что термин *m'gl* обозначал именно такие системы. Видимо, здесь же следовало бы рассмотреть и знаменитые аденыские водохранилища, еще более схожие с системой на острове Майорка² и имевшие аналогичное назначение: обеспечить постепенное поступление в город запасов воды, собранных в период дождей.

Два раздела посвящены храмовым бассейнам. Ж. Пиренн выделяет системы бассейнов, называемые, по ее мнению, *rs.fm* (стр. 57—85: она называет их «temples à corrélation de bassins»), и устройства для сбора поверхностного стока — *tr't* и *mrbd* (стр. 89—101). Бассейны при храмах были, несомненно, обязательной принадлежностью южноаравийских храмов и имели важное сакральное значение: может быть, мусульманский обычай обязательного омовения перед молитвой коренится именно в южноаравийских сакральных обрядах. Ж. Пиренн впервые обратила внимание на эту особенность южноаравийских храмов. Но термины, обозначающие эти бассейны, Ж. Пиренн ищет в собственных именах — названиях храмов: *rs.fm* — Расафум, храм бога 'Анбайа в Хейд

¹ См. А. Г. Луиди и, О праве на воду в сабейском государстве эпохи мухаррибов, ПС, 1964, № 11, стр. 45—57.

² H. T. Norris and F. W. Penhely, An Archaeological and Historical Survey of the Aden Tanks, L., 1955.

бин 'Ақил, на некрополе Тимна'; *tr't* — Тур'ат, храм Та'лаба Рийамума в Рийаме; *mrbd* — Марбад, храм Та'лаба Рийамума в городе Мадар. Толкование их как нарицательных остается сомнительным. Покажем это на примере термина *ršfm*.

Заново изучив материалы раскопок в Хейд бин 'Ақил и в Хаджар бин Хумайд, Ж. Пиренн пришла к выводу, что там в храмовые комплексы входили очень схожие системы сообщающихся бассейнов (стр. 59—73). Надписи недвусмысленно свидетельствуют, что храм в Хейд бин 'Ақил назывался Расафум; см. *ršfm/mṛqm/ḥy/šum* «Расафум, святилище 'Анбайа Шаймана» (RES 3689, 2; 3691, 1—2; 3692, 1). Ж. Пиренн указывает, что и при раскопках в Хаджар бин Хумайд была найдена надпись НI 18 с посвящением *bršfm* «в Расафум», которая и служит ей основанием для толкования термина не как названия храма, а как обозначения «системы бассейнов» (стр. 74—76).

Однако надпись, совершенно схожая с НI 18, также предназначенная *bršfm* «в Расафум», была найдена также и при раскопках «дома Иафаши» в Тимна³ (Ja 119 bis), а надпись с посвящением дочерям бога *d/ršfm* «в Расафум» — при раскопках общественного здания или храма в центре города Тимна⁴ (Ja 871). Эти тексты свидетельствуют, что приношения «в Расафум», хотя и были адресованы в определенный храм, могли помещаться и в других местах: в частных (Ja 119 bis) или общественных (Ja 871) зданиях, может быть, и в других храмах (НI 18), но не опровергают понимания термина как названия храма⁵.

Наибольшее внимание Ж. Пиренн уделяет проблеме конденсации и использования росы (стр. 105—224), привлекая обширный сравнительный материал как древних памятников, так и современных этнографических и даже технических данных. Она справедливо подчеркивает большое значение, которое имеет роса для выпаса стад в местностях с обильной росой и редкими источниками, и убедительно показывает, какое исключительное значение придается росе в Библии (стр. 105—108). По-видимому, это следует непосредственно связывать с тем, что представления, отраженные Библией, сформировались в эпоху скотоводческого хозяйства.

Заключительный раздел посвящен устройствам для сбора росы в древней Южной Аравии (стр. 159—224). Развивая свои идеи об использовании казематных стен как конденсаторов атмосферной влаги⁴, Ж. Пиренн приводит и значительный новый материал по этому вопросу.

Ж. Пиренн интерпретирует надписи Sh 18 и Fa 71 как «акты благодарности за спасительную росу» (стр. 162—169), отрывая их от аналогичных текстов (Ja 563, 735, 851; Sh 7, 8; и, видимо, RES 4966), которые можно назвать молениями об орошении. Поэтому толкование Ж. Пиренн представляется совершенно неубедительным. Так, три ключевых термина Ж. Пиренн переводит следующим образом: *d* «роса», *ḥrf* «дождь» и *brq* «случай» (стр. 168). Между тем, все три термина являются общесемитскими, и их значение хорошо известно: «весна», «осень» и «гроза»⁵. В южноаравийских надписях они имеют те же значения, лишь для термина *brq* можно установить линию семантического развития: гроза → сезон гроз, дождей → сезон года → период времени. Почти все звенья этой цепи значений засвидетельствованы сабейскими надписями.

Значение «период времени» отчетливо выступает в контексте надписи Ja 585,7: *brqm/wtny/ḥrfn* «сезон и два года» или Er 19: *bkl/ḥrf/t/w'brq* «во все годы и сезоны». Столь же ясно значение «сезон года» в тех случаях, когда за словами *brq/N* «такой-то сезон» следует дата по эпониму (см. Ja 610, 553; Sh 7, 8, 18 и т. д.; ср. также Ja 658, 33: *'brq/cdqmt* «хорошие сезоны»). Смысл «дождливый сезон, сезон гроз» также кажется достаточно ясным в надписи Er 24: *lh'nnhm... bn/ḥybt/brqn* «чтобы он сохранил их...

³ Аналогичную картину рисует, видимо, надпись АМ 757, которая упоминает посвящение «'Амму зу-Давнаму в святилище его Хатабам в городе зу-Гайлам», тогда как по другим кatabанским надписям хорошо известен храм Хатабам в Тимна (RES 3566, 3689 и т. д.). Это признает и Ж. Пиренн (*Corpus des Inscriptions et Antiquités sud-arabes. Tome 1, section 1*, Louvain, 1977, стр. 149 сл.).

⁴ J. Pirenne, *Le mur du temple sabéen de Marib et ses inscriptions*, «Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», P., 1969, стр. 80—91.

⁵ P. Frontzaro, *Studi sul lessico comune semítico*, III, «Rendiconti Accademia Nazionale dei Lincei», ser. VIII, vol. XX, 1965, стр. 146, 148.

от скучности (сухости) сезонов дождей»⁶. Наконец, первоначальное значение «гроза», вероятно, проявляется в надписи *Er 19: 7* *vrq/wf* «грозы и дожди».

Все системы использования воды, описанные Ж. Пиренни, имеют лишь второстепенное значение: ни одна из них, за исключением, может быть, водоемов в вади Ширджан, не предназначалась для орошения полей. Между тем, основой хозяйства древнего Йемена было земледелие, и основной задачей использования воды — орошение полей. В этом отношении ирригация Йемена также достаточно своеобразна и заслуживает более подробного описания. Главная причина этого своеобразия — муссонный климат Южной Аравии, основной чертой которого являются два сезона дождей в год, в периоды смены муссонов, разделенные двумя засушливыми периодами. Это отличает Йемен от стран Средиземноморья, где климат характеризуется одним периодом зимних дождей, и затрудняет использование параллелей из практики стран Ближнего Востока и Северной Африки. В Йемене периоды дождей приходятся примерно на март и август, но, видимо, могут заметно смещаться во времени в разных областях⁷.

Центральные области Йемена, расположенные у границ пустыни Рамлат ас-Сабатайн (Сайхад), где находились столицы всех древнейших государств — Ма'ина, Саба', Катабана и Хадрамаута, отделены от моря высокими горными хребтами. Влага муссонов в значительной мере осаждается в этих горах. Поэтому в этих районах периоды дождей не выражены резко, а иногда (во всяком случае, в современных условиях) могут просто отсутствовать. Но и здесь сохраняется основная особенность муссонного климата: два периода орошения. Это время, когда после дождей в горах в руслах вади, стекающих к пустыне, появляется вода, обычно в виде внезапных бурных потоков — селей. Вода появляется, даже если дождевые облака полностью задерживаются горами и не доходят до внутренних районов — вода попадает сюда с некоторым запозданием, зависящим от расстояния между местом выпадения дождя и местом использования влаги, и продолжает течь все время, пока идут дожди.

Характерной особенностью системы орошения в Южной Аравии было то, что вода для полей не запасалась на сухое время года, и системы регулярных поливов не существовало. Поля получали запас влаги лишь в период орошения. Этот запас влаги накапливался в почве и обеспечивал очередной урожай без дополнительных поливов.

Вода запасалась лишь для людей и животных в системах водоемов и резервуаров. Колодцы применялись, судя по всему, сравнительно редко. Но водоемы существовали у каждого дома и при каждом храме, иногда — по несколько, образуя сложные системы. Известны и большие городские водоемы, видимо, обеспечивавшие водой все население города; хорошо сохранился такой водоем в Нас'ите⁸. Однако все устройство таких водоемов, часто сохранившихся и до наших дней, показывает, что они не использовались и не используются для орошения полей; в них содержится лишь запас питьевой воды для людей и животных.

В таких водоемах, по-видимому, собиралась в основном дождевая вода. Многочисленные водостоки, которые устраивались на крышах зданий в древнем Йемене, тщательно выполненные и часто украшенные головами быков или львов (примером может служить бронзовый водосток с головой льва из раскопок в Хукуке), предназначались не столько для украшения зданий или предохранения стен, сколько для того, чтобы сохранить дождевую воду и направить ее в водоемы.

Надписи из Марибского храма Алмакаха дают богатые сведения об орошении земель Марибского оазиса. Об этом сообщают не только моления об орошении, упомянутые выше, но и серия надписей с благодарностью за хорошие урожаи: *Ja 610, 611, 615, 617; Er 20, 22, 24* и т. д.⁹ Эти тексты рисуют достаточно подробную картину орошения полей.

⁶ J. Ruckmann, *Himyaritica* 4, «Le Muséon», 87, 1974, стр. 514 и прим. 12.

⁷ Поэтому результаты метеорологических наблюдений в Сан'а нельзя безоговорочно распространять и на другие области, как это делает Ж. Пиренни (стр. 163).

⁸ W. Radt, *Bericht über eine Forschungsreise in die Arabische Republik Jemen, «Archäologische Anzeiger»*, 1971, стр. 274 сл., рис. 40—41.

⁹ О них см. Ruckmann, ук. соч., стр. 510 сл., 515—516; о них же, *Himyaritica* 5, «Le Muséon», 88, 1975, стр. 206—208.

Обычно в текстах говорится просто об орошении (sqy), причем имеется в виду, вероятно, орошение водой, текущей по вади. Однако нередко упоминаются и дожди: *dnm* мн. *dnm*: Ja 651, 653, 735; Er 19, 22; Sh 13. Упоминаются также селевые потоки, *q'b* мн. *q'b*: Ja 651, 33; 671, 17; 735, 12; Er 22. Иногда упоминается даже месяц, когда выпадали дожди: *zu*²Абхай (Ja 651, 735) или *zu*-Малият (Ja 653); Fa 71 и Sh 18 говорят об орошении в месяце *zu*-Ал'алат, но соответствия этих месяцев современным неизвестны¹⁰. Однако из текста Ja 653 следует, что дождь в месяце *zu*-Малият — необычное явление. Таким образом, надписи показывают существование двух периодов дождей (или орошения) — в месяце *zu*-Абхай и в месяце *zu*-Ал'алат.

Значительно чаще, чем месяцем, время дождя или орошения датируется сельскохозяйственным сезоном — *brq*. Такая датировка по сезонам сохранилась в Йемене до настоящего времени, хотя время сезонов и их названия различны в разных местностях. В надписях упоминается шесть сезонов, причем обычно они сочетаются попарно: *hrf/wd²*, *qyz/wsrb*, *s²/wmly*¹¹. Такое употребление, вероятно, отражает функциональную идентичность сезонов: так, *dt*² и *hrf* — сезоны орошения полей, а *qyz* и *sr²* — сезоны уборки урожая. Можно даже соотнести некоторые названия месяцев с названиями сезонов. Так, *zu*²Абхай относится к осеннему сезону дождей (*hrf*), а *zu*²Ал'алат — к весеннему (*dt*²).

Формула *hrf/wd²*, известная по надписям списка сабейских эпонимов племени Халил, означает осенний и весенний периоды дождей¹². Надписи Марибского храма дают дополнительные подтверждения этому выводу. Так, уже А. Жамм отметил, что термин *brq* сочетается лишь с двумя из названий сезонов, *dt*² «весна» и *hrf* «осень»¹³. Наиболее четко это выражено в надписи W Sh 13: *dnm/dt²/wrf* «дожди весны и осени»¹⁴.

Подробно описано орошение Марибского оазиса в надписи Ja 735, детально разобранной Ж. Рикманом; хотя основное внимание автора привлекал ритуал моления о дожде, он достаточно подробно описывает и орошение, последовавшее за удачным молением¹⁵. Текст настолько ярко описывает последствия засухи и процесс орошения, что мы приводим его перевод, опуская лишь самые незначительные формальные части. «Племя Саба² Кахлан в городе Марибе¹⁶ и в долинах его Кахлан, которые на орошенных землях (*sd/dhbn*) посвятили господину их *'Alma²kh*, господу *'Avvama*, две бронзовые статуи в благодарность за то, что он даровал и обещал слугам его, племени Саба² Кахлан даровать орошение в сезон осенних дождей (*ku²lmrn/ws²qy/Brq/hrf*) в месяце *zu*²Абхай в девятый год эпонимата Тубба² — кариба сына Вадад² ила из кабиров Ха-

¹⁰ Ж. Пиренн отмечает соответствие месяца *dt²* январю, ссылаясь на А. Вестона, *New Light on the Himyaritic Calendar*, *«Arabian Studies*», I, 1974, стр. 1—6. Но статья А. Бистона посвящена хымьяритскому календарю, встречающемуся в надписях, датированных по эре, а надписи Марибского храма, датированные по эпонимам, используют сабейский календарь. В этих календарях нет совпадающих месяцев, и в сабейском нет месяца *dt²*. Этот месяц, как и *qyz*, кроме надписей, датированных по эре, встречается только в текстах, датированных по эпонимам из Йухасхам (см. *dt²* СИН 343, 357, *qyz* СИН 323), в которых, видимо, также использован особый календарь (ср. месяц *sr²* в СИН 606 из Итвы и *swrm* в CL 1369).

¹¹ Изредка упоминается также сезон *'In* (*'Allan*), вероятно, эквивалентный *sr²* (*Сурабу*): *R us k m a n s*, *Himyaritic*, стр. 5, стр. 206 и прим. 10. Ср. месяц *allana-tum* в ассирийском календаре: Н. Б. Яиковская, *Календарь хурритской Аррапхи*, ВДИ, 1978, № 1, стр. 110. Название сезона *mly* следует отличать от названия месяца *mlyt*.

¹² А. Г. Луидин, *Государство мухаррибов Саба²* (Сабейский эпонимат), М., 1971, стр. 146—149.

¹³ А. J'amm, *Sabaeen Inscriptions from Ma²hram Bilqis (Marib)*, Baltimore, 1962, стр. 92—93.

¹⁴ К сожалению, текст надписи, даваемый А. Шарафаддином, не вполне надежен.

¹⁵ J. R us k m a n s, *Un rite d'istisqa'au temple sabéen de Marib*, *«Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, XX, Bruxelles, 1973, стр. 379—388; А. Вестон, *BSOAS* 25, 1971, стр. 352—353; J. R us k m a n s, *Himyaritic* 2, *«Le Muséon*» 79, 1966, стр. 499—500.

¹⁶ Т. е. гражданская община Мариба. Отметим, что значительная часть надписей с молениями об орошении поставлена именно общиной Мариба, см. Sh 7, 8, 18 и т. д.

лил¹⁷, потому что были скучными орошение и дождь (lqblly/dh̄bt/sqy/wd̄nm) в земле Мариба и долинах его и на полях его три дождливых сезона перед этим сезоном (t̄lt/ /'brqm/dqdm̄/dt/brq)¹⁸; и высохли каналы ('m̄grn) и не плодоносили (hm̄hl) долины и поля Мариба, и погибли деревья от жажды, и иссохли колодцы. И пошли все племя Саба¹ и дочери Мариба к господину их 'Алмақаху в святилище զу²-Аввам, и они приказали колдуньям их дать залог покорности господину их 'Алмақаху, а рядом с ними женщины. И они просили и молили господина их 'Алмақаха, чтобы он даровал им орошение и полив (sqy/wḡln) Мариба и каналов и долин ... [чтобы даровал] 'Алмақах урожай хлебов ('m̄rm/fr̄m), когда они оросят их. В тот же день (ws̄r/bn/hwt/ywmn), когда они вернулись со священного участка святилища զу²-Аввам (bn/mn/mh̄rn/d̄wm), пошел дождь, и пришел ночью поток (d̄sh/wmz'/d̄bn/blyln) и наполнил каналы, и они оросили полностью все долины, и (дождь) продолжал идти и оросил все пальмовые плантации и земли обильно, достаточными потоками. И после этого покрыли (воды) полива и дождь все поля. И восславили слуги его, племя Саба¹ Кахлан, силу и могущество господина их 'Алмақаха, господа 'Аввама, за то, что он (им) даровал и сделал благополучным этот сезон, как он обещал слугам своим...».

Реальная картина орошения Марибского оазиса, как ее изображают надписи, в основном соответствует современным климатическим условиям этого района и значительно отличается от той картины, которую рисует Ж. Пиренн. Соответственно тезис о существовании «эры росы» (стр. 143) остается недоказанным. Видимо, система орошения во всем центральном районе древней Южной Аравии, охватывавшем Маин, Катабан и запад Хадрамаута, совпадала с марисской. В горных районах (Хымъяр, окрестности Сан^а, Архаб и т. п.) условия несколько отличались, но материалы об орошении в этих областях недостаточны и нуждаются в специальном исследовании.

Заслугой Ж. Пиренн всегда останется постановка важнейшей проблемы исследования древнего Йемена: она впервые обратила внимание на проблемы орошения и использования воды, показала важность и многосторонность этой темы, ее значение для изучения хозяйства, социального строя и религии Южной Аравии и даже просто для чтения и толкования древнейеменских надписей.

¹⁷ Т. е. в 215 г. н. э.: Л у н д и н, Государство мухаррибов, стр. 122.

¹⁸ Ж. Рикманс показал, что подразумеваются именно сезоны дождей: весенний сезон седьмого года Тубба¹ кариба и оба сезона восьмого года. Именно этим объясняется необычная дата надписи: R u s k a n s, Un rite d'istisqa', стр. 386—388.

А. Г. Лундин

ПРОБЛЕМЫ РИМСКОГО ГОРОДА В [НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ]

Всегда более или менее привлекавшая внимание историков древнего Рима проблема урбанизации как основной движущей силы романизации продолжает обсуждаться и теперь. Однако в современных работах в значительно большей мере учитываются взаимоотношения города с его сельской территорией и соответственно история формирования поселений, из которых одни превратились в города и стали под властью Рима колониями и муниципиями, а другие так и остались более или менее значительными селами на территории римских *civitates*.

В связи с этим обсуждается, между прочим, и вопрос о том, с какого момента можно считать, что поселение стало городом, т. е. каковы критерии, определяющие город, и могут ли они быть идентичны для городов разных эпох или в каждой эпохе надо для города применять свои особые, определяемые всей ее спецификой критерии.

Так, на конференции, посвященной античным городам Италии¹, А. Сартори высказал мнение, что городом можно считать населенный пункт, в котором здания сгруппированы по определенному плану и разделены улицами, который имеет агору или форум, где происходит обмен товарами, акрополь, укрепления, участки, выделенные для храмов, пути сообщения, некрополь, органы управления в виде народного собрания, магistrатов, царя, военную организацию и, наконец, население, созидающее свое единство, свое отличие от обитателей других поселений. Л. Вельскопф подчеркнула такие факторы, как наличие и дальнейшее развитие разделения труда, вызывающее к жизни новые классы и новые формы собственности, новые формы господства как внутри города, так и города над его территорией. Общего определения города, действительного для всех городов от неолита до современного Нью-Йорка, говорила она, дать нельзя. Античный город имел свою специфику, свое место в мировой истории. Для него характерно то, что он не был жреческим или царским, но представлял собой аристократическую или демократическую республику, что в нем всегда имелась какая-то доля бесправного населения, что он отличался быстрыми темпами развития и упадка в области экономики, права, рационализма, философии, что в нем большое значение приобрела частная собственность граждан на землю.

О неправомерности одинакового подхода к городам всех эпох писала и М. Клавель-Левек. Она также придает большое значение разделению труда, изменениям в формах собственности (центуриация), уровню развития производительных сил, обмена, условиям, обеспечивающим развитие рабовладельческого способа производства, миграциям населения из сел в города. Подчеркивая, что город — не замкнутый микрокосм, изолированный от своей формации, и изучать его можно лишь в связи со всеми взаимоотношениями с окружающими его структурами, она особо выделяет тот фактор, который теперь в отличие от прежнего метода изучения городов начинают признавать одним из основных: специфику отношения города и деревни, вернее сельской его территории, в рамках *civitas*, а также отношений город — вилла, вилла — территория, вилла — село. С этим комплексом отношений М. Клавель-Левек связывает проблему этнической, экономической, юридической гомогениности или гетерогенности городских и сельских структур, причем особое значение придает изучению социальной организации как города, так и окружающих его «варваров». Важным вопросом автор считает выяснение, на какой стадии эволюции появляются и развиваются городские структуры и как они соотносятся с генезисом государства, как складываются во всех их формах отношения между завоевателями и завоеванными, римлянами и варварами, какую роль играли группы чужеземцев — торговцев, солдат, иммигрантов, каково было взаимодействие юридических статусов — римских граждан и перегривнов, связанных с городами и пагами. Так, в Африке паги римских граждан и туземные города были гетерогенными образованиями вплоть до их слияния. Сходно было положение и пагов ветеранов. Но были и паги перегривнов с их принципами, советами старейшин, родовой организацией, и их романизация и урбанизация зависела от темпов развития племен. В этом процессе значительнейшую роль играла туземная знать; так, например, в столицу аллобровов Вьенну стала переселяться родо-племенная аристократия, что способствовало, по словам Страбона, превращению Вьенны из села в город, полис. Но даже получив римское гражданство, туземная знать не всегда сливалась с италиками, гетерогенность сохранялась, что и обусловливало возглавлявшиеся знатью антиримские движения, часто направленные против городов. Гомогенность и гетерогенность отражались также в формах и степени культурной романизации, в частности в взаимовлиянии туземных и римских культов².

В другой работе М. Клавель-Левек отмечает, что прежде ведущая роль в урбанизации Запада приписывалась выходцам с Востока этрускам, грекам, позже италикам. Но теперь ясно, что процесс отделения города от деревни начался у местного насе-

¹ Centro Studi e Documentazione sull'Italia Romana, *Atti*, — далее (*Atti*), 1970—71, III, стр. 16—18.

² M. Clavel-Lévy, *Structures urbaines et groupes hétérogènes*, *Atti*, 1973—74, v. V, стр. 7—39.

ния в результате его собственного внутреннего развития, а римская колонизация была лишь этапом этого процесса. На западе урбанизация началась с IX—VII вв. до н. э., причем уже очень рано проявилась неравномерность развития отдельных районов, что сказалось на времени появления и темпе роста городов. Первым их ядром были кастеллы — укрепленные убежища, постепенно превращавшиеся в города с зависимой от них территорией, разделением труда, процессом классообразования, вновь возникшими отношениями города и деревни. Выделение города из традиционных форм организации — фамилий, родов, племен — стало возможно с развитием производительных сил, ремесла, обмена. Так, города возникают в долине Гвадалквирира в связи с развитием металлургии, в долине Роны и Гароны — в связи с использованием для обмена удобных путей сообщения. Однако старые структуры были очень живучи. Отношения город — деревня менялись в связи с изменениями форм собственности, форм эксплуатации, в результате чего город и его территория могли стать гомогенным целым при гегемонии города. Так создается (автор ссылается здесь на формулировку Э. Серени) новая историческая целостность: город — сельская территория, целостность, которая должна изучаться именно как таковая. Большое значение автор придает противоречию между городом и зависимыми работниками, которые эксплуатировались живущей в городах знатью, а также противоречиям внутри самой знати, между слоями, чье господство висяло на земле и войне, и теми, кто оказался связанным с ремеслом и обменом. Так возникала *proto-civitas* с господством аристократии, с сильными общиными связями, смягчавшими отношения зависимости, с идеологией, в основе которой лежала необходимость воспроизводства общины, объединенной вокруг ее глав, героев, предков, богов-эпонимов, гарантов процветания социально-политического целого (в качестве примера автор приводит знаменитое доримское святилище в Энтримоне). Римское завоевание, опиравшееся на заинтересованные в нем слои, создало новые формы собственности и повлияло на дальнейшую эволюцию традиционных отношений. Римские города основывались в зонах распространения *proto-civitates*, развитие которых, таким образом, завершалось. Римские колонии, следовательно, не были навязаны извне и в этом была причина их успеха и жизненности. Но местные, традиционные отношения сохранялись, переплетаясь с рабовладельческими. Сельское население подвергалось эксплуатации городов и оставалось чуждым *civitas*, в рамках которой оно было организовано³.

Свои положения М. Клавель-Левек конкретизирует на примере Южной Галлии, исходя из задачи изучить генезис римских городов на базе туземных *oppida*, и анализировать город не как нечто замкнутое в себе и ни от чего не зависимое, а как элемент нового исторического единства город — сельская территория. На юге Галлии урбанизация начинается с VI в. до н. э. в недрах аристократического и воинственного общества. Развитие производительных сил, ремесла, обмена, потребность в создании укрепленных центров способствовали усилиению знати, возникновению и гегемонии городов. Процесс этот шел по-разному, в зависимости от условий географических и демографических, состояния техники и т. п. показателей уровня развития туземного общества. Большое значение имело соотношение частного и общинного землевладения. Народы Южной Галлии, наиболее развитые — аллоборги, вольски, воконтии, сравнительно недавно туда пришедшие, были по этносам организованы в паги, включавшие деревни, из которых одна становилась метрополией и превращалась в полис, как, например, Бьенна или Немаус, ставший метрополией 24 деревень, делавших в его пользу какие-то взносы. Хотя точных данных нет, можно полагать, что сельское население было в клиентской зависимости от проживавшей в городах знати. На этой основе и создавались римские *civitates*, которые были не только политическими, но и всеохватывающими, глобальными организациями и, что особенно важно, включали в свои институты виды и формы доступа к земле в качестве основы гражданства⁴.

³ M. Clavel-Léveillé, *Urbanisation et cités dans l'occident antique*, «Cahier d'histoire de l'Institut Maurice Thorez», 1976, № 11, стр. 240—246.

⁴ M. Clavel-Léveillé, *Pour une problematique des conditions économiques de l'implantation romaine dans le Midi Caulois*, «Cahier figures de préhistoire et d'archéologie», 1975, № 4, стр. 41—63.

Живучесть доримских организаций сельского населения подчеркивал А. Мансуэлли в докладе, посвященном романизации Цизальпийской Галлии. Данные о культурах и топонимике показывают, что даже в рамках полной урбанизации сохранялись старые структуры. Они отразились в наименованиях пагов, а затем раннесредневековых поселений, по которым можно проследить и традиционную раздробленность собственности, и формирование латифундий в поздней античности. Автор считает возможным предполагать, что сохранялась автономия или полуавтономия не только у атрибуированных городу племен, но и у сел, зависевших от города⁵.

Под соответственным углом зрения изучаются города Паданской области. Так, статья Дж. Понтириоли посвящена Кремоне⁶. Основанная в 218 г. до н. э. по стратегическим соображениям, она сменила не туземное поселение, а *castra stativa*. Точные размеры ее территории неизвестны, но она включала ряд доримских поселений. Самым значительным из них был Бетриак, но топонимика позволяет определить и другие села по названиям, включающим слово *vicus*.

В статье Л. Брицио рассматривается история Бергома⁷. Римские авторы приписывали его основание оробиям, по мнению современных исследователей, лигурийскому племени, смешавшемуся с кельтами. Впоследствии он принадлежал племени инсубров, а затем ценоманов. После дарования, по закону Помпея Страбона, латинского права Цизальпийской Галлии Бергом стал латинской колонией, а при Августе муниципием. На его территории, подвергшейся лимитации после окончания гражданских войн, в связи с земельными раздачами известны села *vicus Anesiates* и *vicus Brotanenses*. Римское правительство, замечает автор, не проявляло к *vici* ни враждебности, ни поощрения, но сохраняло их как наиболее адекватную форму организации местного населения для пользования общими пастищами, лесами, водными источниками, совместного управления культов, охраны порядка, дорог, границ. Села сохраняли характер территориальных общин на земле муниципия. На юго-западе территории Бергома имелся паг с экономическими, административными и религиозными функциями — *pagus Fortunensis*, посвятивший надпись Юноне. На его территории также было расположено несколько сел. На территории Бергома найден ряд надписей, среди них отрывок какого-то решения арбитра, видимо, о правах на водные источники. Для I в. в районе Бергома известны земельные владения Серториев и галльского рода Магиев, в III в. — сенаторской семьи Нонниев, происходивших из Бриксии. Мелкое землевладение преобладало в долинах, крупное — в горах, где находились пастища. Видимо, крупными землевладельцами помимо Нонниев были два бергомских всадника Г. Корнелий Милиций и П. Марий Луперциан, а также семья Статиев, один из которых посвятил надпись Антонину Пию (по имени Статиев получила свое название современная деревня *Stezzano*). Автор отмечает незначительное число несвободнорожденных в надписях Бергома и его территории (в городе 54 *ingenui*, 19 отпущенников, 2 раба и 49 лиц неясного статуса; на территории — 12 свободнорожденных, 6 отпущенников и 12 с неясным статусом, т. е. без имен отцов, что, однако, не может служить надежным критерием для причисления их к либертинам), и связывает этот факт, с одной стороны, с распространением мелкого землевладения, с другой — с пастищным хозяйством, не требовавшим большого количества рабочей силы. Население было смешанным: было много галлов, принимавших фамильные имена своих римских патронов — Корнелиев, Сульпициев и др. Этническая пестрота отразилась и в культурах: здесь почитались местный бог *Bergimus*, Юнона, Марс и Минерва, как кельтские *interpretatio romana* римский Юпитер, Сильван, Геркулес, Либитина (ей была посвящена роща), Приап, Пантелей.

На основании раскопок Падуи установлено, что принадлежавший венетам город возник из синойкизма небольших групп домов — сел, или пагов, имевших свои некрополи и культовые центры. С постепенным возрастанием числа таких поселений по обо-

⁵ Atti, 1970—71, v. III, стр. 31.

⁶ G. Pontiroli, Cremona e il suo territorio in età romana, Atti, 1967—68, v. I, стр. 163—218.

⁷ L. B. Grizzi, Bergamo Romano, Atti, 1967—68, v. I, стр. 53—105.

им берегам реки Бренты они слились в город. С VI в. до н. э. там появляются погребения знати с греческими надгробными стелами, многочисленные изображения воинов и всадников. К IV в. город настолько окреп, что в 302 г. до н. э. смог разбить спартанцев Клеонима, опустошивших расположенные на территории города села⁸.

Изучаются также и отдельные села. Так, статья Е. Ратти посвящена селу Себуину, находившемуся между Медиоланом и Комом⁹. Автор пишет, что Себуин — построенное по определенному плану большое придорожное село, раскопки которого дали много предметов римского времени — керамику, статуэтки, монеты, водопроводные трубы, обломки колонн, остатки круглого храма, алтари Юпитера, Матрон, посвящение Каупату, рельеф Митры. Название села известно из надписи на постаменте статуи Юпитера, подаренной М. Кальвием Сатуллием *vicani Sebuini*. Из того же района происходит посвящение Юпитеру от *vicani Montunates*, сделанное неким Лованием. Село, возможно, получило свое название от имени племенной группы, жившей там до римлян (названия сел часто возникали таким образом, например, расположенных в той же области *vicani Votordones, Subinates vicani*). Однако не исключено, что топоним *Sebuinus* связан с кельтским именем (в Лугдунской Галлии известна *Seboddu Remi filia*), главы некоей родственной группы, основавшей село.

Данные о селах III—II вв. до н. э. на территории марсов собраны в комментариях к соответственным надписям в книге Ч. Летта и С. д'Амато «Эпиграфика района Марсов»¹⁰. Названия сел, как и в вышеупомянутом случае, происходили большей частью от родовых имен. Их надписи позволяют по языку, магистратурам, культам проследить постепенную, шедшую разными темпами романизацию, сходную с аналогичными процессами, шедшими в селах на территории умбров и осков. Вместе с тем, даже когда села подчинялись юрисдикции городов, сохранялись и значительные местные элементы (например, в *vicus Supinas*, подчинявшемся гор. Маррувию, посвященная Виктории надпись датируется двумя сельскими квесторами эпонимами; заменившими магистратов, носивших местные наименования).

Особенно систематически и подробно рассмотрены этапы формирования римской *civitas*, начиная от палеолитического поселения, Дж. Лураски на примере истории Комы¹¹. Первоначальным населением района были лигуры, оттесненные затем в горы кельтами, о чем свидетельствует преобладание в гористых местностях топонимов с лигурийским суффиксом *-asco*, в долинах с кельтским суффиксом *-acum*. Суффикс *-asco*, соответствующий латинскому *-anus*, *-inus*, *-ensis*, указывает на принадлежность; впоследствии из контаминации с римской ономастикой получились такие названия, как *Romanasco*, *Villasco* и т. п. По Плинию Старшему, территория Комы, так же как и Бергома, была населена орумбовиями, или орубиями, но это скорее не наименование племени, а слово, означающее «жители гор», что подтверждает переселение лигуров в горы под нападом кельтов. Тогда возникло их первое стабильное поселение на южном холме Комы, а также другие села этого района. На их культуре и языке, при значительной роли лигурийского субстрата, сказывалось сильное кельтское влияние, вероятно, отразившееся и на социальной организации: переход от матрилинейного рода к патрилинейному, распространение плужного земледелия и металлургии, частые войны между бродячими пастухами и земледельцами обусловили усиление влияния мужчин. В это время наблюдается численный рост населения, зачатки обмена и индивидуального присвоения земли. Община на территории Комы до присоединения к Риму прошла две фазы: родовую (XII—VII вв. до н. э.) и территориальную (VI в. до н. э.—романизация). Население было организовано по родам (*gens*) или кланам, жило маленькими компактными поселениями, расположенными в наиболее защищенных местах. Жилища, погребения, места культа камней и богинь матерей, были приспособлены к пейзажу. Основными единицами были *domus*, местожительство фамилии и *vi-*

⁸ Padua before Rome, Padova, 1977, стр. 10 сл.

⁹ E. Ratti, *Sebuinus vicus*, Atti, 1976—77, v. VI, стр. 200—250.

¹⁰ C. Letta, S. d'Amato, *Epigrafia della regione dei Marsi*, Milano, 1975, № 111, 127, 128, 131, 188.

¹¹ G. Luraschi, *Comum oppidum*, Como, 1974.

cus, место обитания *gens*. В *vicus* было от 13 до 30 домов, иногда выделялись особенно большие, возможно принадлежавшие главам рода. Сходные поселения известны и в других местах Италии и, возможно, были некогда и на территории Рима; так, Валерий Максим упоминает, что род (*homen*) Потитиев был разделен на 12 фамилий (I, 1, 17). О наличии племени ничего неизвестно, видимо, связи между *gentes* были слабы. Скорее можно полагать, что *gentes* расселялись по разным местам, нежели что племя дробилось на *gentes*. Впоследствии в Цизальпийской Галлии часто встречались такие имена фамилий, как Венония, Вокония, Либурника, Вемония, Сальвия, Салловия, соответствовавшие наименованиям известных в области лигуров народностей, но, вероятно, консолидация *gentes* по территориальному признаку имела место позже. Раньше, конечно, села тоже общались между собою, роднились путем браков, частично объединялись, но прочные союзы не возникали. Индивидуальный характер керамических изделий (невозможно найти два одинаковых сосуда) указывает на отсутствие обмена и фамильное производство. О раздробленности свидетельствует также отсутствие общих некрополей и мест культа. Погребения позволяют полагать равенство между скромными, но не бедными земледельцами. Земля принадлежала совместно работавшему роду; фамилии, возможно, выделялся прекрасный участок (отсюда точка зрения римских юристов на происхождение прекария из *ius gentium*). Конфликты, вероятно, разбирались по древнему принципу *ius dicere*, т. е. в объявлении воли божества в каждом конкретном случае. Наказание осуществлялось главой рода и состояло в провозглашении виновного *sacer esto*, что избавляло род от коллективной ритуальной нечистоты. В религии преобладали культы плодородия, водных источников, солнца, часто изображавшихся коней, птиц. По традиции лебедь был символом лигуров, а их легендарным царем лебедь — *Cucus*. Судя по богатым женским погребениям, большую роль играли жрицы. Пережитком древних верований в исторические времена была популярность культа Матрон, Кибелы, ритуалы служивших Кибеле коллегий дендрофоров. С течение времени контакты между селами расширялись, возникали более прочные объединения. В VI в. до н. э. в Куме наблюдается тенденция к синойкизму, численный рост населения, улучшение качества изделий местного ремесла, появление импортных изделий, начало социальной дифференциации: формирование различных категорий производителей, а также воинов, жрецов, словом, общий социально-экономический прогресс. Растет число жилищ, осваиваются новые земли, в Куме переселяются из деревень ремесленники, купцы. Так возникает *Comum oppidum*, между горой и долиной, на хорошо защищенном и легко достижимом месте. Консолидация этноса шла под действием экономических причин: плодородия земли, годной для земледелия и для скотоводства, торговли с греками, этрусками, италиками, а также под действием военной необходимости, вызванной распространением галлов в долине По. Все это вело к синойкизму, возникновению новой территориальной общины со все растущим населением. Так из объединения разных родов, унифицированных превалированием центра городского типа, возникло новое территориальное, экономическое, культурное единство. Огромный некрополь Кума с богатым инвентарем указывает на развитие разделения труда, ремесла, торговли. Появляются прямые, определенным образом ориентированные улицы, система дренажа, просторные здания с полами, погребами, двориками, мастерские, загоны для скота, укрепления, цитадель, расположенная на высоком холме и служившая местом убежища для населения при войнах, сокровищницей, местом собрания старейшин. По Ливию (XXXIII, 36, 8), на территории Кума было 32 кастелла, над которыми Кум осуществлял гегемонию, хотя во внутренних делах старые родовые общины сохраняли свою автономию, а их главы, принцепсы (по Ливию — XV, 2, 14 — *magno natu principes, castellorum oratores*), участвовали в решении общих политических и военных дел (отсюда центр такого союза назывался *conciliabulum*, по Фесту — *locus ubi in concilium conventur*, по Исидору Севильскому — *conciliabula dicta a conventu et societate multorum in unum*). Они же участвовали в важнейших общих ритуалах в священных рощах у металлических алтарей. Царьков, видимо, не было, управление находилось в руках знати, контролировавшейся в важных делах народным собранием. Раскопаны погре-

бения принципсов, а также воинов и жрецов, хотя вообще религия долго сохраняла родовой характер и жрецами были, как в древнейшем Риме, главы родов. Каждое село и кастелл имели свое святилище. Большинство населения составляли мелкие земельцы, посессоры *iure gentilicio*, керамисты, металлурги и другие ремесленники. Поселения составляли некую иерархию. Основным ядром было принадлежавшее роду село. Кастелл, политический и религиозный центр — *caput regionis* — осуществлял гегемонию над несколькими селами, его окружавшими, как свидетельствует Ливий — XXI, 33, 11. И села, и кастеллы представляли собой общины, землями которых могли пользоваться только *vicani* и *castellani*. В селе землей владел род, а внутри его фамилии. Большое пространство занимали леса и *compascua* одного или нескольких сел. К ним восходят средневековые топонимы типа *vicinalia*, *viganalia*, *communia*, *communalia* и т. п. Столицей всех этих поселений на *ager Comensis* был Кому, большой укрепленный *oppidum* или *conciliabulum*. Границы территории Кому были, видимо, не очень четкими, но какое-то представление о них было, поскольку Фронтин упоминает *loca ubi prius fuere conciliabula et postea sunt in municipium ius relata*. Возможно, что на такой, ставшей впоследствии *civitas* территории, были общинные земли, которыми пользовались все жители, независимо от их принадлежности к тому или иному роду или селу, что подтверждается топонимами, производными от *pratum communis* и *compascua conciliabula*. Когда римляне размежевывали земли, они старались не уничтожать древние сельские общины, их *compascua*, границы, святилища. Согласно Гигину, всегда те, по чьей инициативе межевалась земля (*auctores divisionum*), санкционировали, чтобы имеющиеся священные места, водные источники, общественные или сельские рвы, а также *compascua* сохранялись на тех условиях, на которых они существовали прежде. Фронтин упоминает *compascua*, называвшиеся в Италии *communia*, в Эtrурии *communalia*, в провинциях *pro indiviso*. В средневековых топонимах сохранялись не только термины, производные от *compascua*, но и названия священных рощ, по Фронтину располагавшихся обычно на границах — *in trifinia et quadrifinia*. Паги же, с точки зрения автора, были привнесены только Римом как административные районы *civitas* для удобства производства ценза, взимания податей и т. п. Дж. Лураски ссылается на Страбона, Ливия и других авторов, согласно которым лигуры, цизальпийские галлы, самниты, оски, вестины, марсы, луканы, сабины жили селами, а не пагами. Села зависели от кастеллов, их объединениями были *oppida*, *conciliabula*. Паги не названы в сентенции Минудиев, они никак не отразились в топонимике. Агрименсоры говорят, что земля может принадлежать колонии, муниципию, кастеллу, концилиабулу или частному сальтусу, пагов же они не упоминают. Не упомянуты они и в предназначавшихся для Цизальпийской Галлии *lex Robria* и *lex Iulia municipalis*, где перечислены те же виды поселений, что и у агрименсоров и, кроме того, *territoria* — земли под культурами, лесами, пастбищами, не имеющие поселений, но приданые кастеллам и концилиабулам. Паги обычно назывались по римским богам, что говорит против их доримского происхождения, не было в них доримских культов, столь живучих в селах, посвящавших алтари *Matronis Vediantis*, *Ucellasicis*, *Concanaunis* и т. п. Паг был образован по образцу села, но в больших масштабах. *Vicani* как члены пага участвовали в его культурах, собраниях, пользовались его *compascua*, тогда как в селе все это было доступно только его *vicani* и как исключение *habitantes*. Тот факт, что один и тот же паг мог входить в территорию нескольких городов, тоже не доказывает доримского существования пагов, а скорее может объясняться нечеткостью границ между некоторыми *civitates*. Доримские названия некоторых пагов в Веллайской таблице могли быть даны им римлянами по имени села или племени, села которого были объединены римлянами. В другой своей работе автор рассматривает данные об основании колонии Кому сперва латинского, затем римского права ¹².

¹² G. Luraschi, La «Lex Vatinia de colonia Comum deducenda» ed i connessi problemi di storia costituzionale Romana, «Atti del Convegno celebrativo del Centenario della Rivista Archeologica Comense», Como, 1974, стр. 363—400.

Как мы видим, в литературе утверждается новый подход к римским *civitates*, подход, несомненно, очень плодотворный, так как дает возможность отказаться от предвзятого представления о сплошной романизации запада и позволяет выявить основы соотношения рабовладельческого способа производства и способа производства, складывавшегося на различных стадиях существования и разложения первобытнообщинного строя, без чего вся динамика «величия и падения Рима» остается непонятной. Закладываются основы для более полного изучения крестьянства и его роли в социально-экономической, политической и идеологической жизни Рима, для характеристики различного типа общин, в существовании и значении которых новые исследования, видимо, уже не позволяют сомневаться. При этом важно отметить, что общины прослеживаются не только в отсталых, не игравших роли в жизни империи районах, но и в таких высокоразвитых областях, как, например, Цизальпийская Галлия, из которой в первые века империи выходили лучшие солдаты, самые богатые и видные сенаторы. Тем более это относится к провинциям. Очень важна также мысль, высказанная Л. Клавель-Левек и подтверждённая Дж. Лураски на конкретном примере Кама о внутреннем развитии туземных городов до той стадии, когда образование *civitas* становилось естественным завершением этого процесса.

Но тут встает один вопрос, который в рассмотренных работах не был затронут, но имеет первостепенное значение, в частности, в связи с проблемой о сущности города в разные исторические эпохи. Вопрос этот состоит в анализе того, что изменялось с превращением туземного *oppidum* в римский город. Ведь путь развития *oppidum* мог в иных условиях, в иной исторической среде привести его к иным результатам, поскольку путь этот, по-видимому, мало чем отличался от пути становления города в любом обществе, стоявшем на стадии разложения первобытнообщинного строя и превращения его в общество классовое, но не обязательно в античное рабовладельческое. Отсюда, видимо, происходит у некоторых исследователей известное стирание граней между городами раннеклассовых и даже достаточно развитых классовых обществ, зиждившихся на разных способах производства, на разных отношениях собственности и эксплуатации. Туземный *oppidum*, став римской колонией или муниципием, превращался в античную гражданскую общину, более или менее воспроизведившую структуру самого Рима, когда он еще был таковой, т. е. обретал специфику города, свойственную только античному и никакому другому обществу. И именно эта специфика обусловливала, как то было на соответствующих стадиях истории самого Рима, развитие рабовладельческого, а не какого-либо иного способа производства. Однако, видимо, в привнесенной Римом трансформации туземных *oppida* имелось одно существенное различие со становлением самого Рима как *civitas*. По меткому замечанию М. Финли¹⁸, в классическом античном городе имел место редкий феномен: инкорпорация крестьян в город в качестве полноправных и равноправных граждан. Феномен этот обусловливался борьбой и победой (более или менее полной) демоса и плебса и в свою очередь обусловливал наиболее характерные черты античной гражданской общины периода ее расцвета, в частности, социально-политическое единство города и его территории, отсутствие условий для противоречий между городом и деревней (различие между горожанином и крестьянином, носило, да и то в более поздние времена, лишь бытовой характер) и тем более для эксплуатации деревни городом. В древнейшем Риме, как известно, сельские трибы стояли выше городских, земледельцы были, так сказать, солью народа и *agricola bonus* был почти равнозначен *vir bonus*. В городах, основывавшихся Римом на западе, на месте туземных *oppida* такой «инкорпорации крестьян», видимо, не произошло (возможно, за исключением тех случаев, когда села, издавна романизованные, получали статус городов, или их граждане становились гражданами тех городов, к которым они приписывались). В городах, бывших столицами *civitates* или основывавшихся на территории туземного племени, ставшей *civitas*, землю и городское гражданство получали обосновавшиеся там италики и жившая в городе или переселившаяся в нее родо-племенная знать, со временем так или иначе

¹⁸ M. J. Finley, Ancient Economy, Berkeley and Los Angeles, 1973, стр. 96.

получавшая и римское гражданство. Жители сел на территории *civitas*, хотя она и считалась родиной тех, кто происходил из приписанных к ней сел, не пользовались равными правами с горожанами, как видно хотя бы из надписей, где говорится о предоставляемых иногда сельчанам равных прав с горожанами, о раздачах и т. п. *larginiones*, которыми пользовался только городской плебс, тогда как селам оказывались особые «благодеяния» (это видно из надписей, чьи авторы указывали как место своего происхождения село, хотя бы и находившееся на территории *civitas*). Правда, из известных данных Фронтина о контроверсиях между владельцами сальтусов и муниципальными властями, пытавшимися привлекать сельчан с территории сальтуса к несению повинностей и поставке рекрутов, мы можем заключить, что сельчане на территории города такие повинности несли. Но скорее всего это имело место, когда территория города была невелика (Фронтина говорит, что она была меньше территории сальтуса) и села были поставлены под эффективный контроль городских властей, вряд ли осуществимый на территории больших *civitas*. Кроме того, наличие обязанностей еще не означает наличия прав. Наконец, известна и большая статусная категория *incolae*, которые аттрибутировались городам, но лишь по особой милости императора города получали на них некие права с тем, что и сами *incolae* могли становиться гражданами городов после отправления низших городских магистратур (эдилитета) с несением связанных с ними затрат.

Видимо, в основном села сохраняли известную автономию, лишь более или менее контролировались городскими магистратами, и их основные повинности — подати, поставка рекрутов, гужевая повинность, постои — шли в пользу государства, а не города, которому они были обязаны платежами лишь в том случае, когда арендовали у него землю (такие случаи, зафиксированные в кадастре из Оранжа, были, вероятно, передки).

Таким образом, в этих городах не осуществлялся один из важнейших принципов, на котором основывалась античная гражданская община в ее классической форме. Ее специфические черты оказывались присущими не всей *civitas*, а лишь самому городу с непосредственно используемой им территорией, т. е. землями, находившимися в результате проведенной центуриации в собственности города и его граждан, ведших на них свое хозяйство, хотя эта территория могла, конечно, расширяться за счет приобретения гражданами города тем или иным способом земель сельчан (имения, расположенные на территории сел, известны, например, из Веллайской таблицы; другие надписи свидетельствуют о существовании в селах *vicanis* и *possessores*. Последние могли быть выделившимися из среды общинников собственниками или чужаками, купившими у общину землю).

Можно ли в таких условиях говорить об эксплуатации деревни городом? Вопрос этот не ясен. Что касается эксплуатации путем наложения на крестьян повинностей в пользу города, то, как уже упоминалось, основная масса повинностей на них налагалась государством, нужды же города в целом удовлетворялись (если не считать императорских субсидий) за счет арендной платы за сдававшиеся городские земли, мастерские и другое имущество, вносившееся в городскую казну штрафов и литеургий декурионов и прочих состоятельных граждан. Они же, а не крестьяне, приуждались в случае неурожаев и тому подобных затруднений продавать согражданам продукцию своих имений по пониженным ценам, или закупать где-нибудь сельскохозяйственные продукты для снабжения граждан города. Не могла быть орудием эксплуатации деревни городом и разница в ценах на товары, продававшиеся городу крестьянами и покупавшиеся ими дорогие ремесленные изделия, так как хотя крестьяне, конечно, участвовали в торговле, но в значительной мере удовлетворяли свои потребности в ремесленных изделиях сами, деньги же им были нужны в основном для уплаты податей, арендной платы, если они арендовали землю, долгов по ссудам.

Можно ли считать типичной эксплуатацию рабочей силы крестьян городскими землевладельцами? Здесь, видимо, надо учитывать различие в типах хозяйств. В основном горожане-землевладельцы имели небольшие и средние виллы, где трудились рабы, в стадную пору — батраки, а часть земли могла сдаваться в аренду по договору

обедневшим согражданам или местным крестьянам. На землях как экзимированных, так и муниципальных, принадлежавших крупным собственникам, основной рабочей силой были, очевидно, колоны, сплошь да рядом издавна сидевшие по обычаю на земле своих принцепсов или попадавшие всем селом или индивидуально в зависимость от новых, пришлих владельцев и обязанные различными видами ренты. Они, бесспорно, подвергались все усилившейся эксплуатации, но не со стороны городов, а со стороны именно тех слов, которые чем дальше, тем больше приходили с городами в противоречия, стремились выделить из городских земель свои имения, организовать свои ярмарки, мастерские, изъять своих как-то связанных с городами колонов из сферы воздействия города (отсюда противоречивые постановления императоров, особенно конца II и III вв., о том, должен ли колон нести муниципальные повинности).

М. Клавель-Левек ссылается на враждебность провинциального населения к городам. Помимо приводимых ею фактов о восстаниях I в. н. э., когда повстанцы брали и разрушали римские города, можно было бы сослаться и на более поздние данные, например, взятие багаудами Агустодуна, на поэмы Коммодиана о победе «праведных», которые, между прочим, сравнивают с землей *civitates* и опустошают колонии, взяв в качестве добычи золото и серебро, восстанавливая справедливость¹⁴. Но сомнительно, насколько эти факты подтверждают тезис об эксплуатации городом деревни. В I в. римские города были оплотом римского владычества и потому, естественно, что, скажем, повстанцы Британии обратились против Камолодуна. В III в. в городах уже ведущую роль играли именно те крупные землевладельцы, которые, оттеснив и разорив собственников рабовладельческих вилл и закабалив крестьян, жили в богатстве и роскоши именно за счет своих многочисленных колонов. Недаром тот же Коммодиан мечтал провести под игом сенаторов и обратить в рабов начальников и знатных, высокородных. Для типичного же римского города эпохи его расцвета характерно рабовладельческое хозяйство, при котором вряд ли можно безоговорочно утверждать наличие эксплуатации деревни городом. Сельская территория или сливалась с ним, или оставалась относительно независимой, подчиняясь административно, вступая с городом в экономические отношения не столько принудительного, сколько, условно говоря, «договорного» характера: аренда земли, купля-продажа продукции, продажа рабочей силы в страдную пору. Эксплуатация же крестьян осуществлялась, с одной стороны, государством, с другой, в рамках сосуществовавшего с рабовладельческим укладом, возникшего до римского завоевания и его пережившего.

Возможно, именно потому, что на западе город не смог ни инкорпорировать крестьян, ни сделать деревню своей питательной средой (в этом плане можно говорить только о росте числа городов в результате развития и разложения ряда сельских общин) город оказался всецело зависящим от рабского труда, применявшегося на виллах муниципальных собственников, что и обусловило сравнительную кратковременность его существования. С наступлением и углублением кризиса рабовладельческого способа производства западные города теряют свой характер античных гражданских общин, хотя в ряде случаев сохраняются как города, но уже на иной основе, как административные, торгово-ремесленные, культурные и религиозные центры, и в новой формации обретают иное место в ее структуре.

Проблемы римского западного города и его территории, поставленные в рассмотренных работах, а также и ряд других, с ними связанных, как первостепенные для понимания закономерностей развития римского, да и всего античного мира, несомненно требуют дальнейшего исследования во всех возможных аспектах.

Е. М. Штаерман

¹⁴ Commodo, Carmen Apolog. 808, 970—1040; Instruc., II, 1—3; 39.

J. KOLENDO, *Le traité d'agronomie des Saserna*, Warszawa, 1973, 83 стр.

В этой маленькой по объему книжке собрано все, что мы знаем о Сазерне. Не только собрано, но и прокомментировано ясно и со знанием дела: указано и место Сазерны в истории итальянской агрономической мысли, и период, к которому можно отнести появление его трактата. Чрезвычайно интересны и убедительны соображения о поместье Сазерны в Лигурии; о его трактате как об источнике, откуда Варрон переписал сведения о Багиеннах (стр. 15—16); опровергнуто мнение тех ученых, которые, опираясь на этруссское происхождение имени Сазерны, полагали, что его трактат можно использовать как источник для истории этруской агрокультуры. Очень интересны вполне убедительные соображения, позволяющие связать писателя с Сазернами Гостилиями из окружения Цезаря и его сторонников (стр. 17—18).

После этих предварительных сведений, подводящих итог всему, что древность сообщила нам о Сазерне, Е. Колендо переходит к разбору сохранившихся фрагментов его «Земледелия», в первую очередь к разбору норм труда, которые Колумелла дает, исчисляя, сколько дней потребуется для обработки югера земли под ту или другую культуру¹. Нормы высева, данные в II, 12, 1—6 и в 9-й (для зерновых) — 10-й (для бобовых) главах той же книги, по мнению автора, «очень между собой различаются» (стр. 23), и разницу эту он объясняет тем, что 9-я и 10-я главы II книги принадлежат самому Колумелле, а II, 12, 1—6 он списал у Сазерны. Разницу должна наглядно показать таблица I (стр. 24), в которой приведены параллельно нормы Сазерны и Колумеллы.

Прежде чем решать вопрос о том, насколько велика разница между ними, надо устранить некоторые неточности, в эту таблицу вкравшиеся.

Е. Колендо приводит норму высева для двузернянки (эммера) 9—10 модиев как норму Сазерны, а норму 8 модиев как рекомендуемую Колумеллой. Вот что по этому поводу пишет Колумелла: «Для хорошей земли двузернянки надо брать 9 модиев, а для средней — 10. Хотя писатели и спорят, сколько высевать, но собственный опыт научил меня считать эту меру (т. е. 9—10 модиев.— *M. C.*) наилучшей. Тот, кто ее не примет, пусть следует советам тех, кто считает, что для хорошей и для средней земли надо брать 8 модиев и двузернянки и пшеницы» (9, 1). Совет о 8 модиях напрасно приписан Колумелле. Почему в таблице норма высева льна показана для 12 гл. 10—8 модиев, а для 10-й только 8? Колумелла дает обе цифры: 8—10. Для египет норма высева у Колумеллы (10, 34) 5 модиев, а не 4—3—2 $\frac{1}{2}$. Эта описка создает впечатление большой разницы, которой на самом деле нет: и в 12-й гл., и в 10-й норма одна и та же: 5 модиев. Норма 4—3—2 $\frac{1}{2}$ модия дана для сисера; разница норм зависит от качества почвы. В 12-й гл. приведен только один вариант: 4 модия; равным образом для ячменя в 9-й гл. дана норма (для разных сортов) 5—6 модиев, в 12-й — только 5; для сезама в 10-й гл. норма 4—6 сектарииев, в 12-й гл. — только 6. Разница эта понятна: в 12-й гл. Колумелла занят нормами выработки; посевы ли на югера 5 или 6 модиев ячменя, 2 $\frac{1}{2}$ или 4 модия сисера, обработка югера потребует все равно одинакового времени.

Теперь посмотрим, велика ли разница между 12-й главой, которую Е. Колендо считает выпиской из Сазерны, и главами 9-й и 10-й², принадлежащими, несомненно, Колумелле.

triticum	9, 1 = 12, 1 (4—5 модиев)
adoreum	9, 1 = 12, 1 (9—10 модиев)
hordeum	9, 1 (5—6 модиев) ∞ 12, 2 (5 модиев)
faba	10, 8 = 12, 2 (4—6 модиев)

¹ Колумелла определяет обрабатываемую площадь, называя количество модиев зерна, нужных для обсеменения этой площади — югера (около 1/4 га).

² Е. Колендо в своей книге «Postep techniczny...» указал, что XI книга Колумеллы говорит о несколько ином опыте и другой хозяйственной обстановке. Замечание совершенно верное; опираясь на это свидетельство самого автора, я опускаю приводимые им нормы высева из этой книги. Надо заметить, что они отличаются от норм 9-й и 10-й глав очень незначительно.

vicia	10, 29 = 12, 3 (6—7 модиев)
ervum	10, 34 = 12, 3 (5 модиев)
lupinim	10, 1 = 12, 4 (10 модиев)
siliqua	10, 3 = 12, 3 (7—6 модиев)
phaselas	10, 4 = 12, 3 (4 модия)
cicera	10, 35 (4—3—2½ модия) \approx 12, 4 (4 модия)
lens	10, 15 (побольше модия) = 12, 4 (1½ модия)
cicer vel cicercula	10, 19 = 12, 5 (3 модия)
linum	10, 17 = 12, 5 (8—10 модиев)
panicum et milium	9, 17 = 12, 4 (4 секстария)
sesama	10, 18 (4—6 секстариев) \approx 12, 5 (6 секстариев)

Можно ли говорить о большой разнице? Приведем еще совпадения между 12-й гл. и другими главами: двойная вспашка под ячмень — 9, 15 и 12, 2; троекратное мотыженье бобов: 12, 2 и 11, 7. Нет ли основания вернуть II, 12, 1—6 Колумелле?

Колумелла, решив, что его расчеты вполне объясняют слова Сазерны: для обработки 200 югеров полевой земли достаточно 6 человек, строит «бюджет времени» для работы одного человека и пары волов на 100 югерах, из которых под зерно отведено 25 югеров: §§ 7—8 представляют сделанную по памяти, но несомненную выписку из Сазерны. Об этом говорит уже разное число дней, потребное для обработки 25 югеров, отведенных под озимые; у Колумеллы она занимала 100 дней, с Сазерны 115. Дело не в очень трудной для обработки земле (Колумелла подчеркивает: *agri... durissimi*), как полагает Колендо (стр. 27). Объяснение следует искать в иной обработке поля.

По всей Средней и Южной Италии (Кампания, Лаций, Этрурия, Умбria) поле под зерновые и большую часть бобовых обрабатывали так: перепахав дважды или трижды землю, разбрасывали на ней семена, и эту уже обсемененную землю пахарь забирал в гребни — «лиры», между которыми проходили довольно глубокие канавки. В Цисальпинской Галлии вспаханное поле представляло собой привычную для нас ровную поверхность: никаких гребней не было. Это засвидетельствовано словами Вергилия, уроженца тех мест, который говорит о спасывании посевов (*Georg.* I, 112) и употреблении бороны (*Georg.* I, 14). То и другое невозможно на поле с гребнями: скот, пасущийся на зеленях, не оставил бы и следа от гребней, равно как и прошедшая по полю борона. Плиний, тоже уроженец Цисальпинской Галлии, хорошо знаяший хозяйственный быт родных мест, пишет о таком же ровном, без гребней поле: перепахав землю дважды, ее боронят «бороной или граблями» и, засевя, боронят вторично, «где это в обычай», бороной или доской, прикрепленной к ралу (*N. h.*, 18, 180) — такую обработку земли, конечно, имел в виду и Сазерна. Почему Е. Колендо решил, что Сазерна устраивал у себя поле с гребнями и, отрекшись от исконной цисальпинской практики, подсказанной, разумеется, и климатическими и почвенными местными условиями, ввел у себя агротехнику, чуждую его краю? Декларативное объявление: «следует признать, что Сазерна, так же как Колумелла, предпочитал посев на гребнях» (стр. 46) — ничего не доказывает и ничего не объясняет.

Историк итальянской аграрной культуры будет очень благодарен Е. Колендо за главу о зеленом удобрении (стр. 48—53), в которой даны все сведения об использовании разных бобовых, причем приведена и разная оценка их от Катона до Колумеллы.

Е. Колендо считает, что *confodere* в тексте Сазерны означает обработку полевой земли вручную с помощью мотыги или кирки, т. е. измельчение земляных комьев на вспаханном поле (*occatio*) и мотыженье посевов (*sartio*) (стр. 24). На каком основании? Сельскохозяйственные работы обозначались каждой своим именем: никто из латинских писателей-агрономов, говоря о *sartio* или *occatio*, не скажет *confodere*: глагол этот означает «вскапывать», «копать» и, поставленный в связь со странным числом «восемь» («Сазерна пишет, что на 8 югеров достаточно одного человека: он должен вскопать их за 45 дней» — *Varr.*, *R. g.* I, 18, 2), наводит на мысль о вскачивании вино-

градника или питомника для виноградных лоз и деревьев, предназначенных для arbustum.

Сазерна говорил об arbustum, т. е. о винограднике, где лозы вьются по деревьям, и этот вид виноградника был для долины По традиционным, как это яствует из второй книги «Георгик». Устройство arbustum требовало, однако, наличия в хозяйстве питомника, где выращивались бы для него и деревья и лозы (см. Col. 5, 6 и его раннюю работу de arb. 16). Работник вскапывал землю, надо думать, для такого питомника. Где находился этот питомник? Кроме упоминаемых Колумеллой 200 югеров, у Сазерны была еще земля, а судя по запрещению выходить за пределы имения кому-либо, кроме вилица, ключника и еще одного определенного лица (Varr., R. g. I, 16, 5), в самом имении была возможность удовлетворить все его разнообразные и неожиданные нужды и потребности, т. е. имелся штат ремесленников: каменщики, кузнецы, фуллоны, врачи³. Е. Колендо справедливо замечает, что скромные размеры имения (200 юг.) не говорят в пользу наличия в нем ремесленников разного профиля (стр. 39): у Сазерны, однако, было не только 200 юг. Определите размеры его земельных владений мы не можем: 200 юг., были, может быть, только полевым клином.

Главы об arbustum (стр. 53—61) дают полное представление о преимуществах и недостатках этого виноградника, объясняют отрицательное к нему отношение Сазерны, а сравнение взглядов на ряд работ в винограднике у разных авторов ярко показывает неустанную творческую работу мысли итальянских агрономов.

Последняя глава, содержащая основные выводы о характере Сазернова трактата и его влияния на писателей-агрономов следующего времени, вызывает два возражения: с какими агрономическими трактатами своих предшественников (стр. 65) мог быть знаком Сазерна? Был один Катон. О греческих авторах, безнадежно утерянных и нам неизвестных, лучше не говорить: от Сазерны дошли одни отрывки; от многочисленных, перечисляемых Варроном (R. g. I, 1, 8—11) греческих писателей, ничего. Не стоит объяснять obscura per obscuriora. А также считать древних усердными читателями: они больше наблюдали и думали. Колендо верно отметил эту самостоятельность в мышлении Сазерны.

Вряд ли критику Сазерны следует приписывать Скрофе (Varr., R. g. I, 2, 22—28), о котором, по существу, мы ничего не знаем (дошло восемь отрывков в передаче Колумеллы). Варрон вложил в уста Скрофы собственные мысли: он, поставивший задачей создать первый научный трактат по земледелию с четко ограниченным кругом вопросов, естественно отнесся с резкой критикой к Сазерне (а под его прикрытием к Катону), у которого в книге о земледелии было и домоводство и медицина. Поскольку он от своего лица в «Сельском хозяйстве» не выступает, то кому было приписать свои мысли? Естественно, что лучшему хозяину-современнику (R. g. I, 2, 10).

Книга Е. Колендо серьезное и основательное исследование, без которого отныне не сможет обойтись никто из историков, изучающих итальянское сельское хозяйство.

M. E. Сергеенко

³ Подробнее об этом: М. Е. Сергеенко, Сазерна и его фрагменты, ВДИ, 1946, № 3, стр. 74.

KLAUS-PETER JOHNE, *Kaiserbiographie und Senatsaristokratie*, Akademie-Verlag, Berlin, 1976, 206 стр.

Автор книги Клаус-Петер Йоне не первый год занимается проблемами, связанными с изучением Historia Augusta¹. Его новый большой труд, озаглавленный «Императорская биография и сенатская аристократия», имеет подзаголовок: Untersuchungen zur

¹ См. его работы: Zur stadtömischen Tendenz der Historia Augusta, «Wissenschaftliche Zeitschrift d. Universität Rostock, Jg. XVIII, 1969, Gesellschafts- und prachwissenschaftliche Reihe», Heft 4/5, стр. 463—467; Zu Problemen der Historia-Augusta-Forschung, «Altertumswissenschaft mit Zukunit, Sitzungsberichte des Plenums und der

Datierung und sozialen Herkunft der Historia Augusta — «Исследования к вопросу о датировке и социальном происхождении Истории Августов». Таким образом, автор включается в ту оживленную дискуссию по поводу датировки *Historia Augusta*, которая началась в конце 80 — начале 90-х гг. прошлого столетия (статьи Дессау в «Hermes») и продолжает развиваться в наше время. В сущности любая работа о любой детали *HA* прямо или косвенно относится к основному вопросу о времени написания этого любопытного памятника римской литературы.

Современный историк или филолог (а для занятия подобными вопросами нужно быть и тем и другим), чтобы сказать свое новое слово, должен глубоко проникнуть в существо сложного вопроса, основательно продумать чужие высказывания и построения, занять по отношению к ним определенную позицию, найти, наконец, свою точку зрения и убедить других в ее преимуществе.

Книга Кл.-П. Йоне заслуживает самого серьезного внимания. Это одно из тех исследований, в которых критически воспринятые результаты работы предшественников служат основанием для дальнейших плодотворных выводов автора. Обзор разных попыток датировки *HA* заканчивается наглядной таблицей (стр. 46), в которой составлены разные решения вопроса о подлинности хронологических показаний *Historia Augusta*, о времени ее происхождения и предложенные до сих пор датировки. Наметившаяся в последнее время тенденция относить написание биографий ко времени после 405 г., представленная, в частности, работой Штрауба², подвергнута критике в книге Йоне (стр. 47—65). В биографии Антонина Пия (2,3) сказано, что он отдавал деньги взаймы под меньшие проценты, чем это было принято. Так поступал и Север Александер, который иногда вовсе не брал процентов (*AS* 21,2). Об этом императоре, наконец, сказано, что он, имея в виду интересы бедных, поставил для ростовщиков предел — 4% (*AS* 26,2). Штрауб не считает возможным установление максимума в 4% в царствование Севера Александра (222—235 гг.). Удивительным является дальнейшее сообщение биографии: Александр запретил сенаторам, если они отдавали деньги взаймы, брать какой бы то ни было процент, разве только в качестве дара; впоследствии он разрешил 6%, но отменил дары (*AS* 26,3). Особые узаконения о процентах, какие разрешалось брать лицам разных общественных положений, встречаются в позднеримское и византийское время, в частности во времена Юстиниана (*Cod. Just.* 4,32,26 1-2 — 4%, 6%, 8%, 12%). Следовательно, делает вывод Штрауб, сообщение о максимуме, установленном при Александре, могло появиться не ранее V в. н. э., а это дает основание отнести к V в. и весь сборник *HA*. Йоне ставит следующие вопросы:

1. Следует ли считать сообщение о максимуме, установленном в царствование Севера Александра, фальсификацией, т. е. действительно ли установление максимума для ростовщиков было невозможно в III в. н. э.?

2. Если указанное место считать фальсификацией, то действительно ли такое заключение ведет к выводу, что она сделана после 405 г. (как думает Штрауб)?

Обзор имеющихся данных, начиная с законов Двенадцати таблиц (стр. 50—52), убеждает автора книги, что попытки так или иначе установить максимум процента, который кредитор мог брать с должника, делались в Римском государстве издавна. Ничего невероятного нет и в соответствующих сообщениях *HA* (стр. 52—65). Отсюда следует, что указания Севера Александра представляли собой, с одной стороны, продолжение прежних попыток в этом направлении, с другой, — сами имели продолжение в мероприятиях последующих императоров (стр. 52—65). Ответ Йоне на второй из поставленных выше вопросов таков: даже если признать сообщение о Севере Александре (*AS* 26,3)

Klassen der Akademie der Wissenschaften der DDR», Heft 2, 1973, стр. 13—18; Die Biographie des Gegenkaisers Censorinus. Ein Beitrag zur sozialen Herkunft der *Historia Augusta*, «Bonner Historia-Augusta Colloquium», 1972/1974; Neue Beiträge zur *Historia-Augusta-Forschung*, «Klio», Bd. 58/1, 1976, стр. 255—262.

² J. Straub, *Heidnische Geschichtsapologetik in der christlichen Spätantike. Untersuchungen über Zeit und Tendenz der Historia-Augusta-Forschung*, Bonn, 1963.

поздней вставкой, не выдерживающей критерия достоверности, из нее нет возможности извлечь *terminus post quem* (405 г.) для написания *HA*.

Расчистив поле для собственного построения, Йоне обращается к изучению социальной позиции *Scriptores* (стр. 66 сл.). Авторы биографий, как замечает Йоне, хотят впечатлить читателям представление о достоверности своих сообщений. Этой цели служат посвящения императорам, обращения к ним; имя одного из шести авторов — Вулкания Галликана — сопровождается титулом *vir clarissimus*. Какая-то степень близости к императорам, высокое звание — все это создает впечатление, что авторы принадлежали к высоким социальным кругам. Исследователи не склонны принимать на веру указанные сообщения и приходят к мысли, что автором всех биографий был какой-то грамматик, находившийся на службе у того или иного знатного рода в роли секретаря, домашнего учителя и т. п.

Автор разбираемой книги выдвигает прежде всего положение: важным признаком для характеристики того или иного императора является в *HA* его отношение к сенаторам — «проливали ли императоры кровь сенаторов» (стр. 72—91). По этому признаку расцениваются как хорошие императоры — Антонин Пий и особенно Марк Аврелий, так и считающиеся плохими — Коммод, Септимий Север, Каракалла; высказывается по ходу повествования порицание Адриану и Аврелиану. В сущности ту же точку зрения мы встречаем у сенатора Кассия Диопна. Существенным является вопрос, не сказывается ли в этой просенаторской тенденции явление биографий, написанных сенатором Мария Максимом, на которого в *HA* имеется более 20 ссылок. Ввиду того что в последнее время некоторые исследователи обнаруживают склонность преувеличивать влияние Мария Максима на *HA* и преувеличивать влияние неизвестного «последнего великого историка Рима», о котором впервые заговорил Энманн³, или «неизвестного» (*Ignotus*), о котором говорит в своих новейших работах Р. Сайм, Йоне высказывает и по этому поводу свое мнение: присоединяясь к суждениям ряда исследователей, он не видит основания пренебрегать автором, столько раз упоминаемом в *HA*, и выдвигать предположения о будто бы важном значении авторов, ни разу там не упомянутых. Для сенатора Мария Максима вполне естественным было расценивать императоров по их отношению к сенаторскому сословию. Такие взгляды отражены и в *HA* и являются характерными для нее. Автор книги наглядно показывает это читателям путем разбора соответствующих мест *HA*. Интересно в этой связи замечание по поводу сообщения в биографии Севера Александра (52,2) о том, что царствование этого императора было бескровным, потому что он не казнил ни одного сенатора.

Любопытны наблюдения Йоне в параграфе, озаглавленном *Principes mundi* (стр. 91—104). Император Проб обращается с письмом к сенату, в котором просит сенат о признании его императором, называя сенаторов *mundi principes* (*Vita Probi* 11,2). Ряд веских соображений не позволяет признать это письмо подлинным, но в данном случае вопрос о подлинности не имеет значения. Такое обращение к сенаторам с упоминанием об их господствующем положении в мире («первенствующие в мире») находит себе параллели. В биографии императора Аврелиана (41,2) воины отправляют после убийства Аврелиана письмо сенату: они просят причислить убитого императора к богам и прислать им нового императора из среды сенаторов, называя последних *santi et (venerabiles) domini*. Такое выражение не раз встречается в *HA* (*AS* 66,2; *T. 32,5; Gall. 15,3* и др.), но это не гарантирует подлинности письма. Впрочем, неподлинность письма и здесь не имеет значения. Опуская детали рассуждения Йоне, остановим наше внимание на поставленном им существенном вопросе: почему автор *HA* употребляет для обозначения сенаторов оба слова — *princeps* и *dominus*, которые, по воззрениям времен республики и ранней империи, противоречат одно другому? Ответ нашего автора: *HA* следует здесь обыкновению соединять эти два титула, укоренившимся со времен Диоклетиана и засвидетельствованному в большом количестве надписей. В рецензии нет возможности воспроизвести богатый материал, собранный автором разбирае-

³ А. Енманн, *Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser*, «Philologus», Suppl. IV, 1884, стр. 377 сл.

мой книги. Йоне с полным правом замечает, что даже в фальсифицированных документах (например в письмах) мы должны видеть отражение реальных воззрений и отношений.

Большая глава «Префекты города Рима в *Historia Augusta*» (стр. 105—147) является в сущности центральной во всей книге. Здесь изучаются имеющиеся в *HA* данные о префектах Рима. Ликование сенаторов по поводу избрания императором Тацита отражено в документах, приведенных в конце биографии этого императора (гл. 18—19). Эти фальсифицированные тексты имеют панегирический характер и лишь в двух отношениях дают нам конкретный исторический материал. Во-первых, в них подчеркивается право сената избирать императоров, во-вторых, в них обращено внимание на роль префекта города Рима. О нем упоминается в трех посланиях из четырех. Во всех трех случаях сообщается о том, что префект Рима получил широкие полномочия: к нему могли апеллировать на судебные решения всех судебных инстанций (18,3,5; 19,2). Между тем в настоящее время исследователи не видят основания приписывать префекту столь широкие полномочия в III в. н. э. Префект Рима никогда не был конечной законной апелляционной инстанцией для всей империи. Однако в первые десятилетия V в. н. э. он фактически распространил свою юридическую власть на всю Италию и дальше. Так, в 445 г. н. э. префект Рима стал апелляционной инстанцией для тех территорий, которые после захвата Африки вандалами продолжали оставаться римскими владениями. Итак, трактовка префекта Рима в биографии Тацита оказывается ахронизмом. По мнению Йоне, в *HA* отложилось не подлинное положение префекта, а пожелания и требования римскогоnobiliteta о расширении полномочий префекта. Мы получаем, таким образом, лишний вывод в пользу просенатской позиции *HA*. Это свое заключение Йоне подкрепляет обзором других упоминаний о префектах Рима в *HA*.

Непрерывное знакомство с префектами в *HA* идет от начала правления Адриана (т. е. от самого начала сборника) до начала правления Гордиана III, но и в пределах этого промежутка времени имеются большие пробелы (стр. 113). На четырех страницах (114—117) Йоне дает таблицы, представляющие собой резюме наших сведений о префектах Рима с 85 г. н. э. до конца III в. н. э., с указанием источников (Дион, Геродиан, Диогесты, *Cognitio Juris*, надписи и др.). Из этих таблиц видно, что во II и III вв. должность городского префекта обычно получают в конце успешной сенаторской карьеры. Если при Макрине ее, в виде исключения, занимали представители всаднического сословия, то они предварительно получали *ornamenta consularia*. Обычно же должность префекта Рима занимали консуляры. Должности префекта Рима, как правило, предшествовало важное наместничество, т. е. консуляр, прежде чем стать префектом Рима, либо в качестве проконсула управлял одной из важнейших сенатских провинций в Азии или Африке, либо в качестве *legatus Augusti* стоял во главе одной из императорских провинций с тремя легионами (Сирия, Верхняя Паннония, Британия).

Мы можем пропустить здесь некоторые наблюдения Йоне, давшие ему основание заключить соответствующий параграф его работы словами: «Несомненно сочинитель *HA* придает большое значение высшей городской должности Рима и посвящает этой должности большое внимание» (стр. 119). Такое заключение обязывает автора заняться историей городской префектуры (стр. 119—147). Префект Рима существовал уже в древнейшие времена римской истории. В республиканские времена он заменил диктатора и консулов, когда они находились вне столицы. Когда в 367 г. до н. э. была учреждена должность претора, консул тем самым получил законного заместителя, и должность префекта Рима была упразднена. Осталась лишь почетная должность *praefectus urbi feriarum Latinarum causa*, появлявшаяся на короткое время, когда все должностные лица удалялись из города на Альбанскую гору по случаю латинских празднеств. Попытки возродить должность префекта Рима были при Августе, еще раньше — при Цезаре. Постоянной должностью стала при Тиберию (Тас., Ann. VI, 10,3; II, 2—3) и с тех пор утверждалась на века.

Основатель новой столицы Константин расширил полномочия префекта Рима, подчинив ему ряд других должностных лиц, в том числе *praefectus annonae* (стр. 120). Префект Рима занял исключительное положение в первой половине IV в. н. э., став предс-

дателем сената и фактически вице-императором в Риме. Автор книги отмечает (вслед за другими исследователями), что между 290 и 423 гг. из числа 129 префектов Рима 77, т. е. около 60%, происходили из фамилий города Рима; сравнительно с префектами первых трех веков нашей эры бросается в глаза повторное занятие должности представителями одних и тех же семейств.

Детальный анализ данных о городских префектах IV в. позволил доктору Йоне сделать любопытные наблюдения. Среди названных в *HA* префектов Рима есть два выдуманных. Плохо разбираясь в *cursus honorum* разных веков, *HA* смешивает то, что было в IV и V вв., с тем, что было во II и III вв. Для III в. неслыханным является переход от *praefectus urbi* к *praefectus praetorio*; скорее, возможен был обратный переход. Между тем среди анахронизмов, допущенных в *HA*, имеется случай узурпатора Цензорина, специально выдуманного для пополнения числа «тридцати тиранов» (Туз. Тр. 33), проделавшего неслыханный для III в. служебный путь; в частности, он будто бы после двукратного консульства был дважды префектом Рима, а потом дважды префектом претория (стр. 121 слл.). Если, говорит Йоне (стр. 126), оставить в стороне легации и преувеличенные числовые показания, то *cursus honorum* в его верхних частях представлен в *HA* в следующем виде: *consul*, *praefectus praetorio*, *praefectus urbi*, *pro consule*, *consularis*. Это вполне соответствует порядкам второй половины IV в. Человек, представлявший себе такой путь прохождения римской аристократии высших должностей, был хорошо осведомлен о порядках. В этом убеждают приведенные в книге примеры (стр. 126 слл.). Однако автор биографий произвольно переносит в III в. то, что было реальностью во второй половине IV в. Вообще же биограф *HA* довольно пристально всматривается в историю должности префекта города, время от времени рассказывая об отношениях к носителям этой должности того или иного императора (стр. 129 слл.).

Йоне вслед за некоторыми другими исследователями находит в *HA* значительное количество технических терминов из области административной практики; они употреблены в *HA* умело и, кстати, чаще, чем у других биографов и историков. То же следует сказать и о ряде деталей юридического характера.

Продолжая начатую Дессау линию открытия фиктивных исторических лиц, Йоне видит в именах отпечаток их фиктивности — биограф, опираясь на имена деятелей IV в., создает деятелей с такими же именами для предыдущих веков (стр. 138 сл.). В отличие от других исследователей Йоне делает определенный вывод из рассмотренного им материала: всякий раз можно заметить в *HA* связь с такими знатными римскими фамилиями, из которых происходили префекты Рима (стр. 140). Отсюда дальнейший вывод: составитель *HA* находился в каких-то отношениях к префекту Рима или к семье, из которой происходили префекты Рима; истории императоров II и III вв. он представлял в том виде, в каком желательно было видеть их лицам сенаторского сословия.

С полным основанием обращается автор рецензируемой книги для подкрепления своих выводов к личности, пусть фиктивной, но более или менее индивидуализированной из шести писателей *HA*, — к Флавию Вописку. Он будто бы нашел послание императора Валериана к городскому префекту Цейонию Альбину в архиве городской префектуры (A 9,1). Вописк в начале биографии Аврелиана рассказывает читателю о своей поездке по городу с префектом Рима Юнием Тиберианом, любезно принявшим его в свою повозку (A 1,1). Сцена выдумана, но префект Юний Тибериан — подлинное историческое лицо. Префект обещает биографу доставить ему исторические материалы из Ульпиеевой библиотеки (A 1, 6—8). На эту библиотеку Вописк не раз ссылается в приписываемых ему биографиях. Архивные изыскания Вописка в Ульпиевой библиотеке никакого доверия не заслуживают, но самое упоминание о ней опять ведет нас к префекту Рима, в чьем ведении она находилась. Опуская некоторые (отнюдь не лишенные значения) звенья в рассуждении Йоне, приведем результат, к которому он пришел: «особое внимание, уделенное городской префектуре, служит известным подтверждением того, что произведение (*HA*) читалось в сенаторских кругах города Рима» (стр. 147).

Большая глава посвящена рассмотрению материала, свидетельствующего о римских (stadtrömischem) тенденциях *HA* (стр. 148—176). Она разделена на две части. В пер-

вой собраны доказательства того, что автор биографий придавал большое значение римскому происхождению своих героев. В целом,— так начинает главу Йоне,— точка зрения *HA* — городская римская, что не удивительно для произведения, написанного сторонником сената, подчеркивающим роль самого высокого должностного лица города Рима. Где это возможно, генеалогия императоров прослеживается далеко; если же традиция такой возможности не давала, биограф прибегал к выдумкам. Он придумывал имена родителей (например, *PN* 1,3), устанавливая мнимое родство с давно правившими императорами (например, *Cl.* 13, 1—4). Живший при Галлиене полководец Домициан вел будто бы свое происхождение от императора Домициана (*T.* 12, 14); Лициний, противник Константина,— от Филиппа Араба (*Gd.* 34,5). Городской префект Юний Тиберий возводится генеалогически к Аверелиану (*A* 1,3) и т. д. Человеку знатного римского происхождения противопоставляется человек незнатного происхождения — *vir humili natus loco* (*OM* 2,1; 8,4; *Max.* 9,1). Не раз биограф, признавая неримское происхождение исторического лица, все же пытается связать его родством с той или иной римской фамилией. Из приводимых биографом примеров можно выделить пример Севера Александра, человека, как это было всем известно, сирийского происхождения, который будто бы связывал себя кровным родством с древней римской фамилией Метеллов (*AS* 44,3); тем самым биограф противопоставляет его откровенному сирийцу Гелиогабалу. Другой яркий пример: выясняя происхождение императора Кара, автор биографии не скрывает своей плохой осведомленности, он приводит разные версии из подозрительных источников (*Car.* 4, 1—4), упуская из виду ту версию, согласно которой император был галлом из Нарбона, и подчеркивая собственное желание Кара казаться римлянином (*Car.* 4,5), со ссылкой на фальшивый документ. Эти и подобные места в биографиях убеждают автора книги в том, что биографии *HA* написаны в Риме; неправы ученые, желавшие видеть в *HA* отпечаток ее происхождения из Южной Галлии.

Во второй части рассматриваемой главы речь идет об императорских резиденциях. В *HA* нет упоминания о названии Константинополь, город носит название Византий. В правление Галлиена Византий подвергался опустошению со стороны римских воинов, в результате чего в нем не осталось представителей старых фамилий — *nulla vetus familia apud Byzantios inventitur* (*Gall.* 6, 8—9). Йоне с одобрением ссылается на данную еще у Дессау интерпретацию этого места — здесь видна тенденция пренизить знать новой столицы в угоду старинной знати города Рима. Вполне уравнен был со старой столицей Константинополь в 359 г., когда оба сената были признаны равными и когда новая столица получила своего городского префекта (стр. 159). Указанный год Йоне считает той хронологической гранью, после которой написана *HA*. Старая римская знать с неудовольствием смотрела на новую столицу и новую аристократию. В своей инвективе против Эвтропия поэт Клавдий высмеивает и константинопольский сенат в 398 и 399 гг. (*In Eutr.* I, 470—474; II, 135—137).

Без уважения относится *HA* не только к Константинополю. То же заметно и по отношению к Никомедии, столице Диоклетиана, которую биограф обозначает не только ее новым названием, но и старым — Астак. Антиохия на Оронте, занимавшая третье место среди городов Римской империи в IV в., не обойдена молчанием в *HA*. Любопытно, что автор биографий не раз говорит об антипатии императоров к этому городу (*H* 14,4; *MA* 25,8; 25,9, 11; 26,1; *AC* 9,1; *S* 9,4). В ряде мест говорится о насмешливости антиохийцев, об их распущенности (стр. 165). Не будем следить за рассуждениями Йоне относительно других крупных городов империи (Тессалоника, Августа Триверорум, Медиолан). Остановимся на выводе Йоне: «На основании приведенного выше материала можно утверждать, что в императорских биографиях отразилась ревность господствовавших кругов Рима не только по отношению к Константинополю, но и к другим поздним столицам империи» (стр. 175). Глава оканчивается вескими замечаниями касательно Равенны. Город этот в 404 г. стал резиденцией императора Гонория и продолжал быть столицей вплоть до конца Западной Римской империи в 476 г., когда Одоакр визложил Ромула Августула. Между тем все упоминания о Равенне в *HA* носят строго исторический характер и не обнаруживают какой-либо неприязненной

настроенности, так что естественным является вывод о том, что для *HA* Равенна не со-перница Рима. Если так, то оправданным будет заключение, что биографии *HA* напи-саны до 404 г. н. э. В итоге создание *HA* падает на последние сорок лет IV в. н. э. В кратком «Заключении» автор повторяет свои основные выводы (стр. 177—180).

За приложения — список сокращений, библиографию (свыше 60 названий), список источников, указатели (личных имен, предметный и географический) читатель может быть только глубоко признателен автору.

Ценность книги в ее строгой фактичности. Методика автора — тщательная, придерживающаяся точного смысла текста интерпретация. Ничего априорного, никакого давления общих концепций на истолкование сообщений изучаемого памятни-ка. Характерна убедительность, происходящая от добросовестного историко-филоло-гического подхода к словам биографа, при этом — беспристрастное отношение к пред-шественникам, готовность присоединиться к их мнениям, даже в соответствующих местах подчеркивание их приоритета.

Исследование *HA* обогатилось добросовестной, а потому и основательной новой книгой. Нужно ли корить уважаемого автора в том, что он нигде не высказал expli-cite своего отношения к новейшим работам Сайма (Syme), который дал очень нелест-ную характеристику автору *HA*? Йоне не возражает против результатов новых и но-вейших исследований *HA* — в ней много фальсификаций, много выдумок, много ис-торического хлама. Вывод самого Йоне: автор этого произведения стоял близко к кругам римской знати второй половины IV в. н. э. Читатель вправе ожидать уточне-ний — поднимает ли эта близость к высоким социальным кругам Рима хоть в какой-нибудь степени того человека, который написал биографии императоров? Или, может быть, приижает высокопоставленных римлян и бросает на них неблагоприятную тень?

Из разных мест книги можно при желании почерпнуть и тот и другой ответ на поставленные вопросы. Не будем настаивать на этих вопросах и ограничимся призна-нием больших достоинств книги — от молодого автора наука вправе надеяться полу-чить в дальнейшем новые труды с не менее ценными результатами.

А. И. Доватур

Illinois Classical Studies. Miroslav Marcovich, editor. University of Illinois Press, Urbana—Chicago—London, Vol. I, 1976, VIII + 261 стр., Vol. II, 1977, VIII + 332 стр.; Vol. III, 1978, X + 274 стр.

Судя по первым трем томам, этот новый ежегодник, к изданию которого присту-пило отделение классической филологии Иллинойского университета под руководст-вом своего главы профессора М. Мárковича, обещает стать одним из лучших в своем роде как по богатству и высокому научному уровню содержания, так и по своему ти-пографскому исполнению. В «Иллинойских исследованиях по классической филоло-гии» публикуются «результаты оригинальных исследований по литературе, языку, ис-тории, искусству, культуре, философии и религии Греции и Рима и о том, как через Византию и Западную Европу до нас дошли сведения о них» (I, стр. V), причем автор-ский состав не ограничен ни местными, ни национальными рамками.

Первый том открывается статьей Гордона М. Мессинга «Статус звука [ə] в аттическом диалекте греческого языка» (стр. 1—6), в которой доказывается, что этот звук, промежуточный между древним общегреческим ə и общеионийским ɛ, возник в ат-тическом около 900 г. н. э. и сохранялся в нем примерно до 400 г. до н. э. Мэттью У. Дикки (Dickie) исследует вопрос «О значении слова ἐφίμερος» (стр. 7—14); рас-сматривая ранние примеры его употребления, он опровергает мнение Херманна Френке-ля, будто оно первоначально значило «изменяющийся в течение дня», и доказывает,

что его значения были «дневной», «ежедневный», «длящийся один день». Тимоти Лонг анализирует «*Парод Аристофановых „О...“*» (стр. 15—21). Ханс Хертер (Herter) обсуждает «*Проблематические упоминания Гиппократа в Платоновом „Федре“*» (стр. 22—42) и после подробнейшего анализа контекста, значения самого пассажа и его отношения к учениям, засвидетельствованным Гиппократовским корпусом, а также аналогичного высказывания Платона в «*Тимее*», где вместо Гиппократа выступают древнеегипетские жрецы, заключает, что это упоминание — целиком в русле Платоновых представлений и отражает не более чем ходячее мнение о великом Косце. Теодор Дж. Трейси (Tracy) изучает влияние Платона на Галена в вопросе о мозге как центре сознания («*Платон, Гален и центр сознания*», стр. 43—52). Джералд М. Браун (Browne) рассматривает весьма мало изученное произведение, так называемые «*Прорицания Астрампсиха*» («*Происхождение и датировка Sortes Astrampsychi*», стр. 53—58), и устанавливает их связь с египетскими оракулами, относя их возникновение к III в. н. э. в Египте. Статья М. Маркова из «*Гефестион, Apotelesmatica, книга I*» (стр. 59—64) состоит из 23 исправлений текста, изданного Пингри (Тойбнер, Лейпциг, 1973). Ричард Э. Митчелл («*Римские монеты в качестве исторического свидетельства: Троянская легенда Рима*», стр. 65—85) рассматривает ключевые вопросы ранней римской нумизматики, в частности значение римских монет типа Rhome-Ilia для изучения распространенности легенды о троянском происхождении города в долитеатурный период, датируя их 273—272 гг. до н. э. Дэвид Ф. Брайт (Bright) в статье «*Confectum Carmine Minus: Катулл 68*» (стр. 86—112) изучает архитектонику 68-го стихотворения поэта. Барри Б. Пэузелл («*Poeta ludens: удар и контрудар в Эклоге 9*», стр. 113—121) предлагает свою трактовку этого произведения Вергилия. Опубликованы также статьи: Георга Лукка (Luck) «*Интерпретация Одиннадцатого эпода Горация*» (стр. 122—126), Людвига Кёнена (Koenen) «*Египетское влияние у Тибулла*» (стр. 127—159), Хоуарда Джейкобсона «*Структура и значение книги III Проперция*» (стр. 160—173), Сигмунда С. Фредрикса «*Пятнадцатая Сатира Ювенала*» (стр. 174—189). Ревило П. Оливэр посвящает большую работу, «*Второй Медицейский манускрипт и текст Тацита*» (стр. 190—225), подробному пересмотру истории этой рукописи и связанных с ней текстологических проблем. Последняя статья сборника (Джон Дж. Бейтман [Bateman] «*Fragmēta grammatica Альда Мануция*», стр. 226—261) представляет собой комментированное собрание достоверных и возможных ссылок в «*Латинской грамматике*» Альда на его же упомянутые «*Exercitamenta Grammatices atque Utriusque Linguae Fragmenta*».

Том второй начинается с чрезвычайно интересной работы Дж. П. Гулльда (Goold) «*Природа гомеровской композиции*» (стр. 1—34), где предлагается новое и весьма привлекательное решение пресловутого «гомеровского вопроса»: «*Илиаду*» и «*Одиссею*» создал целиком — черпая, разумеется, в сокровищнице эпической и фольклорной традиции — один гениальный поэт, Гомер, и в этом причина единства поэм; но создавал он их не устно, а письменно, по кускам, вставляя в свой собственный текст все новые и новые дополнения, причем таким образом, чтобы уже написанные части (ввиду трудоемкости техники писания и зафиксированности написанного текста) оставались практически без изменений, и в этом причина всех композиционных неувязок, несуразностей и противоречий, которые уже более двух веков смущают филологов. Хелен Ф. Норт (North) в статье «*Кобыла, лисица и пчела: sophrosyne как женская добродетель в античности*» (стр. 35—48) исследует историю и содержание понятия σωφροσύνη и отражаемое им отношение древних к женщине. Ф. Х. Сандбек (Sandbach) помещает в сборнике «*Пять текстологических заметок*» (стр. 49—53): о правильном чтении фрагментов В 126 Гераклита согласно обнаруженной более древней рукописи Цеца (ψυχρὰ θέρεται, θερμὰ...χτλ.), «*Политик*» 259 Платона (строки 43—4 необходиимо вставить между строками b5 и b6), о Платоне «*Застольные беседы*» 645F—646A и 646C (исправления текста) и о Григории Назианзине «*Послание XII*» (исправление текста). В статье Лайонела Пирсона (Pearson) «*Динамика Пиндаровой музыки: Девятая Немейская и Третья Олимпийская*» (стр. 54—69) делается небезуспешная попытка извлечь сведения о музыке этих од из их собственной поэтической структуры.

Джералд Ф. Элс (Else) в работе «Ритуал и драматизм в Эсхиловой трагедии» (стр. 70—87) исследует ритуально-общинные основы эмоционального воздействия произведений Эсхила — *pathos* и *thrénos*, выражющие грезестиве страхи и горе. Чарлз П. Сегал («Синэстезия у Софокла», стр. 88—96) анализирует несколько примеров «синэстетических» образов, сочетающихся в одной метафоре несколько разнотиповых значений. Вальтер Буркерт («Отпечатки на воздухе или *eidola*: Демокритова этиология зрения», стр. 97—109) доказывает непримиримость двух приписываемых Демокриту теорий зрения, из коих первая восходит к его сочинению «Об ощущениях», а вторая — к сочинению «Об образах» (*Пер! ειδόλων*), причем последнее скорее всего касалось не зрения, а всевозможных «паранормологических» видений; не исключено и то, что у Демокрита могло быть два разных объяснения зрения, поскольку речь шла не об основах атомизма, а о их примирении с эмпирическими наблюдениями. В статье «Заметки к „Элекtre“ Эврипида» (стр. 110—124) Джеймс Диггл (Diggle) предлагает ряд эмendаций и толкований отдельных строк трагедии. Работа Томаса М. Робинсона на «Неизвестный софист о всезнании, многоуменности и всеумении: Δ. Λ. 8,1—13» (стр. 125—135) представляет собой новое издание и перевод этой главки «Двоинких речей» с подробным комментарием, из которого следует, что их неизвестный автор, возможно, нанизал здесь столько парадоксальных не в силу своей бездарности, а сознательно, в пропедевтических целях. Кеннет Дж. Довер (Dover) тщательно изучает действительные и возможные «Древние интерполяции у Аристофана» (стр. 136—162) на основе рукописной традиции, схолиев, папирусных фрагментов и аналогичных несомненных случаев, уделяя огромное внимание методологическим аспектам вопроса. Работа Филипа Х. Де Лэйси (De Lacy) «Четыре стоических *personae*» посвящена учению о четырех «лицах», определяющих поведение каждого человека (Cic. De off. I) и видит в этой концепции попытку Панетия объяснить, как осуществляется на практике взаимоотношение между индивидом и стоической вселенной. Джон Вайо (Vaio) в статье «Новая рукопись Бабрия: факт или басня?» (стр. 173—183) доказывает, что как «афонская» рукопись L, купленная Британским музеем у Миноида Минаса в 1857 г., так и рукопись Mq, которую в 1953 г. обнаружил А. Ден (Dain), является скорее всего поздней подделкой и никакой ценности для установления текста Бабрия не имеет. В работе «Гарпократион-панегирист» (стр. 184—196) Джералд М. Браун (Browne) публикует петицию, поданную в 348 г. н. э. неким Аврелием Аммоном из Панополя египетскому католикосу Флавио Сисицию, и обсуждает ее вместе с другими папирусами из того же панопольского архива (хранится в Кёльне и в Дьюкском университете), из которых вырисовывается фигура брата этого Амона, панегириста Гарпократиона, типичного литератора IV в., существовавшего по Римской империи в поисках славы и богатства. Статья Мирослава Марковича «Эвклион, Кнемон и перипатос» (стр. 197—218) посвящена определению типов скупца из Плавтовского «Клада» и брюзги из одноименной комедии Менандра и установлению их связи с перипатетической характерологией (Аристотель, Теофраст, Аристон Косский). Венделль Клаузен (Clausen) комментирует «Прощание Ариадны: Катулл 64, 116—120» (стр. 219—223). Дэвид Р. Шеклтон Бэйли (Shackleton Bailey) в заметке «Жалоба Л. Домиция Агенобарба» (стр. 224—228) толкует и исправляет текст письма М. Целия Руфа Цицерону (Fam. VIII, 14). Э. Дж. Кенини (Kenney) — «Дело вкуса: Гораций, Письме I, 14, 6—9» (стр. 229—239) толкует эти строки как иронизирование Горация над самим собой (братья Ламии «похищены» не смертью, а, скажем, любовью). Майкл С. Дж. Путнам (Putnam) подробно комментирует стихотворение «Проперций III, 22: возвращение Тулла» (стр. 240—254). Уильям С. Айдерсон («Исследования о неаполитанской рукописи IV F3 „Метаморфоз“ Овидия», стр. 255—288) излагает собранные им новые сведения об истории этой важной рукописи, описывает открытую им копию с нее и сопоставляет с ней близкую ей по духу рукопись U (Vat. Urb. lat. 341).

Статья Ревило П. Оливера «Закончил ли Тацит „Анналы“?» (стр. 289—314) не дает прямого ответа на поставленный вопрос, но все же склоняет читателя к мнению, что досшедшая часть была написана к 116 г. и что, если Тацит не умер вскоре после,

то дальнейшие события, разрушившие все его надежды относительно будущего Рима, должны были лишить его всякого желания писать дальше. В заключении тома Уильям Масгрейв К о л д е р третий (Musgrave Calder III) публикует два письма У. фон Виламовица-Мёллендорфа Джеймсу Лёбу, основателю известной Loeb Classical Library.

Третий том посвящен памяти Марка Наумидиса (1931—1977), с 1962 г.—профессора классической филологии в Иллинойском университете (Урбана), и включает расширенные варианты докладов, прочитанных на Первом Иллинойском симпозиуме по классической филологии (29—30 апреля 1976 г.), посвященном папирологии, и ряд других работ. Открывается он статьей Мирослава М а р к о в и ч а «*Ксенофан о питьевых собраниях (drinking parties) и Олимпийских играх*» (стр. 1—26), содержащей критическое издание текста, перевод, литературоведческий анализ и подробный философский комментарий фр. В 1 и В 2 Ксенофана. Работа П. И. И с т е р л и н г а (Easterling) «„Филоктет“ и современная критика» (стр. 27—39) обозревает новые работы о драматической технике, структуре и смысле этой трагедии Софокла. Дэвид С э н с о у и (Sandison), назвавший свою статью «„Вакханки“ как сатирическая драма?» (стр. 40—46), составил обширный каталог сатирических элементов (по классификации Э. П. Бэрннетт) в этой самой трагической пьесе Эврипида и приходит к выводу, что поскольку ни она, ни «Безумный Геракл» (где такие элементы начисто отсутствуют) никогда не считались сатирическими драмами, то либо первая из этих трагедий до сих пор понималась превратно, либо нужно признать отыскивание сатирических элементов в «нетрагических» трагедиях Эврипида бесплодным методом. Майкл У. Х э с л е м (W. Haslam) подвергает подробнейшему анализу вопрос о ценности чтений папирусных фрагментов для установления текста «Аргонавтики» («*Аполлоний Родосский и папирусы*», стр. 47—73), уделяя особое внимание методологическим трудностям, связанным с оценкой их достоинств в сравнении с традицией средневековых кодексов. В статье Джин (Jean) Б и н г е н «*Договоры III в. до н. э. об аренде земли из Тольтиса (Tholthis)*» (стр. 74—80) рассматривается значение ряда документов юстинианского времени об аренде и об уплате арендной платы, опубликованных Вольфгангом Мюллером (BGU т. X). Джон Ф. О у т с (Oates) в статье «*Еще о записях Немесиона: P. Corn. inv. 18*» (стр. 81—89), обсуждает, дает фотокопию и частично публикует названный папирус — фрагмент списка об уплате налогов жителями Филадельфии и других деревень Фаюма в эпоху Нерона. Херберт С. Ю т и (Youtie) («*Подарок Гренфелля Лумброзо*», стр. 90—99) исследует вопрос, является ли формула с proskynēta в честь Сараписа достаточным основанием, чтобы считать, что любое письмо на папирусе с такой формулой было написано в Александрии, как считал В и ль к е н (Wilcken, Grundzüge, S. 122), и приходит к выводу, что такое мнение во всяком случае до сих пор не опровергнуто ни одной новой находкой. Статья Нафтили Л ь ю и с а (Naphtali Lewis) «*Два греческих документа из Provincia Arabia*» (стр. 100—114) — комментированное переиздание двух из трех опубликованных греческих папирусов, найденных в Иудейской пустыне (в «Пещере писем» 5/6, северная скала Naḥal Ḥever) и датируемых 125—132 гг., из которых один касается увеличения платы за содержание сироты, а второй — расписка о получении таковой уплаты. Дж. Ф. Г и л л я м (J. F. Gilliam) («*Некоторые римские элементы в Римском Египте*», стр. 115—131) комментирует несколько текстов, свидетельствующих о том, что римское влияние в Египте не обязательно было лишь поверхностным и обращает внимание на то, что мы располагаем остатками монастырской библиотеки из окрестностей Панополя, включавшей в IV в. по крайней мере три латинских сочинения. Орсеймус П и р л (Orsamus Pearl) публикует и обсуждает под заголовком «*Правила для музыкальных соревнований*» (стр. 132—139) отрывок папируса 117—235 гг. из Каранис, содержащего у́чо́т для киклических флейтистов и кифаристов. Работа Уильяма Х. У и л л и с а «*Два литературных папируса из одного панопольского архива*» (стр. 140—153) начинается с описания этого архива III—IV вв. н. э., часть которого оказалась собственностью Кёльнского университета (ФРГ), а часть — Дьюкского университета (США), и принадлежавшего некоему Аммонию (см. статью Дж. М. Брауна в т. II). Публикуемые литературные папирусы суть отрывки из «*Одиссеи*» (IX, 298—309, 344—384) и список философов различных школ, составленный са-

мим Аммонием и содержащий имена наиболее известных досократиков (далее лакуна), древних академиков, средних академиков, киников, перипатетиков, стоиков (к сожалению, фотография этого папируса, стр. 153, воспроизведена вверх ногами). Людвиг Кёне (Koenen) в своей обширной статье «*Августин и манихейство в свете Кёльнского кодекса Мани*» (стр. 154—195) рассматривает гораздо более широкий круг вопросов, чем следует из заголовка, и фактически развивает новый взгляд об основных источниках религии Мани: опираясь на христианские элементы (и отвергая иудейские) эльхаситского течения, она испытала сильное влияние гностических идей (Маркиона) и через них, а затем и в связи с миссионерской деятельностью манихеев, прониклась и некоторыми элементами древнеперсидских верований. Сообщения Августина о манихеях стало быть более достоверны, чем считалось, хотя их гностическая теология не совсем была ему понятна. Статья Хенри и Рене (Renée) Кэхейн (Kahane) «*О роли папирусов в этиологических реконструкциях*» (стр. 207—220) содержит ряд примеров того, как материал папирусов позволяет обнаружить недостающие звенья многих этиологических реконструкций, установить скрытые семантические основы новых значений, узнати нестандартные формы известных слов, обнаружить формы-гибриды и т. п. Эдвин С. Рэмэдж (Ramage) (*Ювенал, Сатира 12: о дружбе, истинной и ложной*, стр. 221—237) подробно разбирает содержание названного в заголовке произведения. Ревило П. Оливэр (*Тацитова nobilitas*, стр. 238—261) анализирует понятие *nobilitas* в Римской истории до Тацита, разбирает работы Гельцера на эту тему, анализирует значения *nobilis* и *nobilitas* у Тацита и приходит к выводу, что тот пользовался ими, имея в виду потомков консулов времен республики, избранных путем свободного волеизъявления народа. Однако этот вывод не может быть строго доказан ввиду фрагментарности наших знаний по части древней римской генеалогии. Чонси (Chauncey) И. Финч публикует «*Три текстологических заметки*» (стр. 262—272): 1) о цитатах из «Толики» Цицерона в Codex Reg. Lat. 1048; 2) о новых рукописях «Латинской антологии» и 3) о двух неопубликованных загадках из Codex Reg. Lat. 1260. Том завершается библиографией работ Марка Наумидиса, составленной М. Марковичем.

Пожелаем же новому ежегоднику больших успехов на своем пути после столь многообещающего начала.

С. Н. Муравьев

Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, XXIV—XXV, Leipzig, 1976

Сдвоенный XXIV—XXV том журнала открывается извещением о смерти одного из редакторов, видного папиロлога ГДР Ф. Убеля (1919—1975). Основное содержание «Архива» составляют публикации и комментарии к отдельным папирусам. Они распадаются на три группы: литературные, деловые и религиозно-кульевые.

Из деловых папирусов можно назвать P. Berl. inv. 11529 + 16015, опубликованный Г. Пётке (*Берлинский эпимерисмос-папирус 139 г. н. э.*, стр. 101—109): По мнению издателя, он представляет собой смету, касающуюся принудительной обработки различных усий (крупных частных поместий, отобранных во второй половине I в. н. э. в казну). Смета была составлена в 139 г. н. э. в ведомстве стратега или басиликограмматея.

Г. М. Парассоглу приводит ряд документов, показывающих заботу ведомства Идиос Логоса об упавших деревьях (*Идиос Логос и поваленные деревья*, стр. 91—99), причем P. Yale inv. 289 (146/7 г. н. э.) и P. Yale inv. 1078 (186/7 г. н. э.) публикуются впервые. Все деревья, росшие на дамбах, в храмовых рощах и на государственных угодьях, принадлежали в римское время государству. Если такое дерево или ветка с него падали на землю, они регистрировались и измерялись комограмматесом. Затем

определялась их стоимость, и информация поступала в Александрию. После сложной процедуры ведомство Идиос Логоса продавало деревья или ветки.

В. Кларис и Г. Хаубен («Новые замечания по поводу кормчих в Р. Petrie III 107», стр. 85—90) подвергли исследованию Р. Petrie III, 107, дополнив его публикацией Р. Trin Coll. Dublin inv. FF 28 (226/5 г. до н. э.). В папирусе отмечены кормчие, занимавшиеся навигацией между столицей Арсиноитского нома Крокодилополем и деревней Птолемаидой Горму. В статье уточняется просопография кормчих и выясняется регулярность сообщения.

В. Бельц публикует два так называемых сатор-амулета («Еще два берлинских сатор-амулета», стр. 129—136) с более или менее бессмысленными надписями:

Sator
агоро
тена
опера
ротас

Надпись эта одинаково читается горизонтально и вертикально. Г. Бельц считает ее конструктивными элементами слова *sator tenet rotas* — сеятель держит колеса. Агеро он выводит из *ага* (греч. ἀρόν) — «пахать». *Otaria* (стк. 4) объясняется как производное от греческого *τὸς ὀτάριον* «рукоятка, ручка (плуга)». Таким образом, в надписи просвечивает земледельческая магия, культ плодородия. В то же время становится понятной связь амулета с христианством: Иисуса часто называли сеятелем.

В журнале помещен целый ряд христианских текстов. *К. Тройем* изданы лингвистические и теологические папирусы из берлинского собрания («*Varia Christiana*», стр. 113—127). Коптский текст части Евангелия от Иоанна опубликован *У. Луфтом* («Отрывки саидского Евангелия от Иоанна и псалтыри (Berlin P. 11946)», стр. 157—170). Публикации не ставят себе целью исследование идеологии византийского Египта. Между тем христианские папирусы могли бы дать для этого довольно богатый материал.

Более всего в данном томе «Архива» публикаций литературных папирусов. Обширное издание гомеровских отрывков из Берлинского собрания еще раз свидетельствует о популярности Гомера в греко-римском Египте (Х. Мэлер, В. Мюллер, Г. Пётке «Рукописи Илиады из Берлинского собрания папирусов», стр. 5—38). В. Луппе уточняет чтение Р. Оху 2888 — комментария к Одиссее («Возвращение Одиссея от Калипсо», стр. 39—46). И. Эберт разбирает Р. Berol. 9812 — антологию эпиграмм («К антологии эпиграмм Р. Berol. 9812», стр. 47—54). Наконец, Д. Х. Сэмюэл публикует риторический папирус Р. Yale inv. 1729, излагающий ситуацию, весьма близкую к эпизоду с казнью стратегов после битвы у Аргинусских островов («Греческий риторический папирус в йельской коллекции («аргинусский» папирус)», стр. 55—84).

Вызывает интерес статья Х. Онаша «К птолемеевской идеологии царской власти в Канопском и Мемфисском (Розеттском) декретах» (стр. 137—155). Автор исходит из того, что восточное происхождение эллинистических царских культов установлено. Цель его работы — выявление египетских и греческих элементов официозной идеологии птолемеевского Египта. Оба источника составлены одновременно на египетском и греческом языках и рассчитаны, соответственно, на египетскую и греческую аудиторию. Они представляют собой решения «соборов» египетского жречества, славят царствующую чету и подтверждают верноподданнические чувства жрецов.

Сама форма декретов, по мнению Х. Онаша, необычна для Египта и не встречается ни до, ни после птолемеевской эпохи. В древнем Египте противопоставление царя и клира было бы невозможно, поскольку фараон сам считался верховным жрецом. Однако к концу Нового царства жречество усиливается, а царская власть слабеет. Клир присваивает себе монополию служения богам, и возникает дуализм светского и духовного. После македонского завоевания этот дуализм усиливается. Жрецы делаются представителями «туземного» населения перед царем. Подвергая декреты подробному анализу, автор отделяет традиционные египетские представления от греческих. Напри-

мер, раздача хлеба голодающим издревле практиковалась фараонами, закупка же его за границей — похвальное действие в греческих полисах. Законность (*εὐομία*) — одна из основных добродетелей эллинистического правителя. Забота о священных животных — обычая добродетель фараона.

Конечный вывод автора состоит в том, что Лагиды пытались найти идеологию, равно пригодную для греков и для египтян. Однако влияние этой идеологии на народ было чрезвычайно слабым. Египтяне по-прежнему считали Птолемеев чужеземцами, греки же не принимали их «божественность» всерьез. Наблюдение автора об уникальности формы декретов весьма интересно. Следует заметить, однако, что уникальность эта относительна. В широком плане оба декрета могут быть причислены к почетным надписям. Само распространение почетных и посвятительных надписей, содержащих восхваление частными лицами эллинистических царей и римских императоров — факт, требующий объяснения. Корни этого обычая прослеживаются и в фараоновской древности. Начиная с эпохи XIX династии частное лицо могло испросить для себя разрешение установить царскую статую в храме и взять на себя обязательство ее ритуального обслуживания. Царь обычно одаривал свое изображение материальными ценностями (как правило, землями), которые поступали под управление донатора¹.

Но гораздо более характерны для стран древнего Востока надписи, прославляющие царей от имени богов и самих царей. Прославление же царей частными лицами свойственно античности. И дело здесь, вероятно, не только в полисной традиции почетных надписей, но и в идее добровольности повиновения. Именно эта добровольность, по мнению философов, отличает истинную монархию от тиарии². Декреты, подобные Канопскому и Мемфисскому, и должны были выказывать добровольность повиновения египтян Птолемеям, служить подтверждением верноподданнических чувств.

Что же касается мысли Х. Онаша о противостоянии царя и клира как причине появления столь необычных документов, то она расходится с новейшими работами египтологов. Традиционное представление о конфликте монархии со жречеством в конце Нового царства, видимо, устаревает³. Не соответствует действительности и положение о дуализме светского и духовного в птолемеевском Египте⁴.

Том завершается библиографическими рефератами. Среди исследований упоминаются работы советских ученых: Т. В. Блаватской, Е. С. Голубцовой и А. И. Павловской, К. К. Зельина и М. К. Трофимовой, Н. Н. Пикуса, В. В. Струве, И. Ф. Фихмана и др.

А. Б. Ковельман

¹ В. А. Головина, Частное хозяйство в Египте эпохи Среднего царства (По материалам папирусов НК-нхт), канд. дисс., М., 1976, стр. 89; Р. Карлон, Die Wirtschaftliche Bedeutung des Totenkultes im alten Ägypten, «Asiatische Studien», XVIII/XIX, 1965, стр. 303.

² См., например, Хепп., Mem. IV, VI, 12; Арист., Pol. III, IX, 3—6 и др.

³ М. А. Коростовцев, Религия древнего Египта, М., 1976, стр. 162; А. И. Стучевский, Аменхотеп — первый жрец Амона-Ра, царя богов, — слуга фараона, ВДИ, 1976, № 3, стр. 6—18.

⁴ К. К. Зельин, Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э., М., 1960, стр. 355—364.

NICOLA CRINITI, L'epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo Strabone, Milano, Vita e Pensiero, 1970, 274 стр.

Книга Николы Кринити «Надпись из Аскула Гнея Помпея Страбона» посвящена двум бронзовым табличкам, приобретенным римским муниципалитетом в 1908 и 1910 гг. и известным под названием «бронза из Аскула».

Автор дает новое издание этих документов (предлагая читателям фотографию табличек, транскрипцию и свое прочтение надписи) и сопровождает его детальным

историко-филологическим анализом ряда вопросов, возникающих в ходе исследования. Книга состоит из небольшого введения, 9 глав, снабженных обширным справочным аппаратом, и указателей (географического, просопографического и т.д. *notabilium*).

Первые три главы посвящены описанию табличек, условий их находки, палеографическому и текстологическому анализу надписи. По мнению Н. Кринити, имеющиеся в распоряжении исследователей данные не разрешают спорного вопроса, являются ли таблички аутентичными или относятся к эпохе Веспасиана (после пожара 69 г. н. э.), хотя характер букв надписи и допущенных ошибок (как исправленных, так и неисправленных) говорит скорее в пользу подлинности документа. Надпись состоит из двух декретов. В первом римское гражданство предоставляется 30 всадникам за доблесть, проявленную ими в гражданской войне, во втором — тем же всадникам даруются *dona militaria* и *frumentum duplex*. Сопоставление обеих частей позволяет автору с уверенностью утверждать, что обе они образуют единое целое.

В следующей 4 главе Н. Кринити рассматривает некоторые юридические и хронологические проблемы, касающиеся надписи. По его мнению, это уникальное эпиграфическое свидетельство применения Гнеем Помпеем Страбоном *lex Iulia de civitate Latinis et sociis danda* в отношении группы союзников — тридцати испанских всадников, по-видимому, из числа наиболее ему преданных. Неизвестно, было ли это единичным случаем и личной инициативой военачальника, но, подчеркивает Н. Кринити, Помпей ни в чем не отступил от буквы закона и одним из первых римских политиков проявил понимание настоятельной необходимости отказаться от узости в вопросе предоставления римского гражданства.

Датировка документа вызывает некоторые расхождения в мнениях ученых, усугубляемые тем, что титул *imperator* не сопровождается здесь привычным *consul*. Идя путем анализа военных успехов Гн. Помпейя, Н. Кринити приходит к выводу, что надпись могла быть составлена после взятия Аскула в ноябре 89 г. до н. э., когда победитель (*imperator*) Помпей Страбон пожаловал римское гражданство 30 всадникам из *turma Salluitana*. Что касается отсутствия консульского титула, то изучение и сопоставление различных надписей этого времени обнаруживает, по мнению автора, необязательность титулов консула и проконсула.

Основное внимание Н. Кринити уделяет изучению состава военного совета Помпей Страбона. Этому посвящены глава пятая «Гней Помпей Страбон и его *consilium*» (стр. 62—92) и шестая — «Участники совета Гнея Помпей Страбона» (стр. 93—181). Начав с самого Помпей Страбона, автор приводит его генеалогию (см. таблицу, стр. 65—66) и рассматривает этапы его политической карьеры, которая вызывает неоднородные, но большей частью негативные оценки древних авторов и современных исследователей, связанные с двойственностью его позиции в ходе борьбы между марианцами и сулланцами. Заслугой Помпей Страбона Н. Кринити считает то, что он в числе первых политических деятелей оценил значение тщательно подобранных и преданных военного совета. Включение в него сравнительно широкого круга лиц еще раз подчеркивает гибкость Помпей Страбона, его стремление перешагнуть через римскую узость и привлечь на свою сторону как потомственных римлян, так и *homines novi*.

Согласно надписи, помимо Гн. Помпей Страбона, в *consilium* входили 59 лиц, имена которых, за исключением трех, автору удается с большой вероятностью прочитать. Исходя из принятого порядка расположения имен и других косвенных данных, Н. Кринити определяет состав совета следующим образом: 1 *consul-imperator*, 5 *legati*, 1 *quaestor*, 16 *tribuni militum*, 33 *equites*, 4 *centuriones primi pili*. Используя имеющиеся в надписи указания на принадлежность членов совета к той или иной трибе (сохранились сведения для 55 человек) и сопоставляя их с другими данными, Н. Кринити делает ряд интересных наблюдений. Он отмечает, например, что в совете не было лиц, принадлежавших к трибам западной части итальянского полуострова, где меньше наблюдалось влияние Помпей Страбона и его семьи; некоторые участники совета — представители одного и того же рода — принадлежали к разным трибам. Показательно также соотношение принадлежности к трибе и места, занимаемого на иерархической лестнице. Большинство старших по чину участников совета были римлянами или латинянами, в

целом же, по-видимому, более двух третей совета составляли италики, для которых военная карьера служила обычным средством продвижения.

Н. Кринити стремится выявить сословную принадлежность членов совета и проследить их дальнейшую политическую карьеру. По его мнению, лишь немногие могли похвастаться патрицианским родом, явно преобладали лица плебейского происхождения. Из числа участников военного совета Помпея Страбона впоследствии вышло немало заметных фигур, хотя в 90 г. до н. э. они еще не занимали высоких постов, так как были сравнительно молоды. Не говоря уже о Гне Помпее Великом и Цицероне, еще двое стали консулами (Марк Эмилий Лепид, консул 78 г. и Л. Геллий Поппикола, консул 72 г. до н. э.); шестеро — преторами (Гней Октавий Рузон, М. Цецилий Корнут, Сергей Сульпиций Гальба, Л. Сергей Катилина и др.). Н. Кринити отмечает присутствие в совете будущих злейших недругов (М. Туллий Цицерона, А. Фульвия и Л. Сергея Катилины), друзей-врагов (Гн. Помпей Великого и М. Эмилия Лепида), друзей и союзников (Г. Рабирия, Гн. Корнелия Долабеллы и М. Эмилия Лепида), учителей и учеников в области военного искусства (Помпей Страбона — Помпей Великого, Секста Помпейя) и социальной борьбы (М. Эмилия Лепида — Л. Сергея Катилины). В будущих политических объединениях, после расформирования совета его участники встречаются среди приверженцев Септория, Суллы, Катилины, Помпей и среди антипомпейцев.

Н. Кринити считает возможным говорить о некотором влиянии «наследия» Гн. Помпей Страбона на последующие события I в. до н. э., но в то же время подчеркивает, что объединение, которое представляло собой *consilium*, было относительно недолговечным, а подбор лиц отчасти случайным. Значительная часть работы Н. Кринити (стр. 93—181) посвящена идентификации и восстановлению происхождения и жизненного пути всех членов совета.

Вторая группа лиц, интересующая автора, — это *turma Salluitana*, тот самый конный отряд, который в полном составе получил римское гражданство. Изучению состава этого отряда посвящены главы VII «Турма Саллуитана» и VIII «Тридцать всадников турмы Саллуитана и их отцы». Останавливаясь на вопросе о составе и значении *auxilia* в римской армии после реформ Мария, Н. Кринити пишет, что во II—I вв. вспомогательные войска играли уже определяющую роль в римской тактике, и «Бронза из Аскула» — яркое тому свидетельство. *Turma Salluitana* состояла, как обычно, из 30 всадников. Отряд входил в более крупную единицу (по всей вероятности, в алу, менее вероятно — в легион), набранную, главным образом, из иберийского населения, с которым у семьи Помпей были наложены определенные связи. Есть основания полагать, что 30 всадников были не единственными, кто получил римское гражданство. Декрет Помпей Страбона должен был обеспечить ему поддержку в районе, который приобретал все большее значение. Сам по себе этот акт не был, по мнению Н. Кринити, столь «революционным», как это полагал Пайс, поскольку известны прецеденты, но безусловное новшество состояло в том, что в данном случае речь шла не об итальянских войсках и не о союзниках, и издание декрета мотивировалось проявленным испанцами героизмом.

«Lex data Pompeia» немедленно вступал в силу, но на бронзовой табличке еще не фигурируют римские *praepotens* и *potest*, за исключением трех. Н. Кринити доказывает, что эти три имени не были только что приобретенными, а свидетельствуют о ранее полученном гражданстве *ius Latii*. Действия Помпей Страбона, осуждавшиеся сенаторами, напуганными ростом его влияния, несомненно повышали его престиж среди местного населения, и его сын, Помпей Великий, встретил в Испании доброжелательность по отношению к римлянам и семье Помпей. Автор считает, что романизация Испании, связанная с именем Помпей Великого, восходит уже ко времени его отца.

В результате анализа прямых и косвенных сведений о каждом из 30 всадников Н. Кринити приходит к выводу, что испанские воины принадлежали к десяти этническим группам, все они выходцы из средних классов и были завербованы среди жителей центральных Пиренеев и среднего течения реки Эбро, в сильно романизованной зоне. Четверо всадников были *Salluitani*, т. е. входили в этническую группу, давшую имя всему отряду. Автор сближает это наименование с названием города *Salluvia* или *Sal-*

duvia на р. Эбро, позднее переименованного в Caesaraugusta. Прочие этнические наименования он также сопоставляет с известными из других источников названиями поселений или этнических групп, используя имеющиеся в литературе идентификации (например, Herdenses — Herda, Suconsenses — Sonkkosa и т. д.).

Н. Кринити отмечает, что помимо свидетельств исторического и юридического порядка, надпись из Аскула представляет интерес и для лингвистики. Имена иберийских всадников и их отцов являются важнейшим документом иберийской ономастики — с такой полнотой представлены имена одной эпохи и зоны. Зафиксированы они на базе фонетического письма, как слышалось «римскому уху». Имена не только самих всадников, но и их отцов — иберийского происхождения. Отцовские имена стоят, по всей вероятности, в родительном падеже, хотя — как это свойственно иберийским названиям в римской передаче — не имеют, за малым исключением, падежных окончаний. Анализ состава иберийских имен показывает часто встречающееся присутствие элемента отцовского имени в сыновнем, так что оказывается возможным выявить происхождение. Н. Кринити отмечает некоторые особенности в употреблении согласных и гласных, характерные для всей территории Иберийского полуострова в античную эпоху. Лингвистический анализ позволяет ему восстановить утраченные знаки, прочитать список имен и снабдить их лингвистическим комментарием.

Последняя глава книги посвящена второму декрету Помпея Страбона, изданному вскоре после первого. Согласно этому документу П. Страбон даровал 30 всадникам dona militaria и frumentum duplex. В данном случае нет ссылок на определенный закон и нет нужды в свидетельстве совета: действуют полномочия военачальника. Н. Кринити пишет, что для получения dona militaria, включавших разного рода знаки отличия и награды, необходимо было римское гражданство. Награды присуждались, как правило, отдельным воинам, много реже — как в случае с turma Salluitana — целым отрядам. «Бронза из Аскула» является древнейшим эпиграфическим памятником и одним из самых полных о вручении военных наград. Frumentum duplex не было в полном смысле слова наградой, скорее экономической компенсацией и очень щедрой по сравнению с обычным полуторным stipendium. Декретированные Помпеем Страбоном награды служили интересам Рима и увеличивали его личный авторитет в Восточной Испании, заключает Н. Кринити.

Е. Л. Лившиц

A. D. KILMER, R. L. KROCKER, R. R. BROWN, *Sounds from Silence. Recent Discoveries in Ancient Near Eastern Music*. Bit Enki Publications, Berkeley, 1976.

До самого недавнего времени исследователи были лишены конкретных материалов, с помощью которых можно было бы реконструировать даже самые основные нормы музыкальной практики шумеро-аввилонской цивилизации. Археологические данные давали сведения лишь о внешних сторонах музыкального быта, оставляя неразгаданными общие принципы организации некогда звучавшего музыкального материала. Такое положение систематически тормозило развитие науки о музыке древнего Двуречья, а изредка появлявшиеся концепции были лишены серьезной аргументации. Примером этого могут служить работы Курта Закса 20-х годов¹. Его выводы не основывались на материале фактов и, естественно, потерпели полное крушение после появления известной статьи Бенно Ландсбергера². Затем на протяжении значительного

¹ C. S a c h s, Die Entzifferung einer babylonischer Notenschrift, «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. Wiss.», 1924, стр. 120—123; о н ж е, Ein babylonischer Hymnus, «Archiv für Musikwissenschaft», VII, 1925, стр. 1—22; о н ж е, Zweiklang im Altertum, «Festschrift für J. Wolf», hrsg. W. Lott, H. Osthoff, W. Wolffheim, B., 1929, стр. 168—170.

² B. L a n d s b e r g e r, Die angebliche babylonische Notenschrift. Festschrift M. Freiherrn von Oppenheim, «Archiv für Orientforschung», Bd. I, 1933, стр. 170—178.

времени музыковедческая мысль либо хранила полное молчание о шумеро-аввилонском музыкальном искусстве, либо довольствовалась очень скучным описанием инструментария, не отваживаясь решать более общих проблем. Введение в научный обиход 60-х годов ранее не изучавшихся материалов (CBS 10996, U. 3011, VAT 10101, U. 7/80, RS 15.30 15.49 17.387)³ дало серьезный импульс для появления новых идей и гипотез. Сейчас вся задача заключается в правильной интерпретации обнаруженных документов. Поэтому естественно, что решающие усилия исследователей (как филологов, так и музыкантов) направлены на анализ этих пяти текстов. Рецензируемая публикация трех американских ученых также является работой подобного рода. Вместе с тем есть все основания считать, что она подводит некоторый итог определенному периоду изучения указанных источников. Поэтому критические замечания в адрес «Звуков из безмолвия» — это одновременно и опыт критического освещения отдельных представлений об интересующих нас материалах, сложившихся в науке.

Концепция авторов рецензируемой книги сводится к следующим основным положениям. Числа и специальные термины CBS 10996 и U. 3011 показывают, что речь идет о парах струн, представляющих собой созвучия («дихорды»). То обстоятельство, что в первом документе говорится только о семи струнах, а VIII и IX струны, из упоминающихся во втором, можно трактовать как эквиваленты двух из уже известных семи, наводит на мысль об октавной форме ладового мышления (гептатонике). «Следующее предположение, — пишут авторы, — состояло в том, что струны настраивались на какой-либо вид диатонической системы, т. е. системы, включающей тоны и полутоны, расположенные таким образом, когда не встречаются два полутона подряд и подряд не может следовать более трех тонов» (стр. 8). Благодаря такому допущению стало возможным рассматривать «дихорды» как интервалы (и их «обращения»), которые в позднем европейском музыказнании известны как «квинты», «кварты», «уменьшенные квинты», «увеличенные кварты» (в зависимости от избранного звукоряда), «большие терции», «малые терции», «большие сексты» и «малые сексты». Основываясь на трактовке U. 7/80, предложенной Д. Уолстэном⁴, «нечистый» интервал понимается только как «тритон». В результате U. 7/80 может трактоваться как документ, описывающий процесс перехода из одной ладовой формы в другую⁵, а каждый специальный термин анализируемых текстов (*išartu*, *kitmu*, *embūbū*, *riitu*, *nīd gabli*, *nīš gabarī*, *gabliitu*) может определять не только название интервала, но и наименование конкретной ладовой формы⁶. В заключение авторы приходят к выводу, что на основе имеющихся текстовых фрагментов можно воссоздать шумеро-аввилонскую нотацию. Для реализации этой идеи используется хурритский песенный текст RS 15.30—15.49—17.387, который изложен на одной табличке с целой серией акадских

Правда, спустя восемь лет, К. Закс пытался ответить на критику (C. S a c h s, *The Mystery of the Babylonian Notation*, «The Musical Quarterly», XXVII, 1, 1944, стр. 66—68), однако ответ выглядел скорее оправданием, нежели защитой собственной научной позиции.

³ A. D. K i l m e r, Two New Lists of Key Numbers for Mathematical Operations, *Ori*, 29, 1960, стр. 273—308; он же, The Discovery of Ancient Mesopotamian Theory of Music, «Proceedings of the American Philosophical Society», 115, 1971, стр. 131—149; он же, The Strings of Musical Instruments: their Names, Numbers and Significance. «Studies in Honor of Benno Landsberger. Publications of the Oriental Institute of the University of Chicago. Assyriological studies», 16, 1965, стр. 261—267; E. E b e l i n g, Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts, Lpz, 1919, N 158; O. R. G u r n e y, An Old Babylonian Treatise on the Tuning of the Harp, «Iraq», 30, 1968, стр. 229—233; E. L a r o c h e, Documents en langue hourrite provenant de Ras Shamra. II. Textes hourrites en cunéiformes syllabiques, «Ugaritica», V, P., 1968, стр. 462—496.

⁴ G u r n e y, ук. соч., стр. 231—232; D. W u l s t a n, The Tuning of the Babylonian Harp, «Iraq», 30, 1968, стр. 220.сл. Затем к такому толкованию U. 7/80 присоединилась и М. Дюшлен-Гиймен (M. D u s h l e n - G u i l l e m i n, La Theorie babylonienne des métaboles musicales, «Revue de musicologie», 55, 1969, стр. 4).

⁵ Эта мысль впервые также была высказана Д. Уолстэном (см. W u l s t a n, ук. соч., стр. 221—223).

⁶ Это утверждение авторы рецензируемой работы повторяют вслед за Х. М. Кюммелем (см. H. M. K ü m m e l, Zur Stimmung der babylonischen Harfe, *Ori*, 39, 1970, стр. 259—261).

музыкальных терминов, определяющих по мысли авторов «дихорды» и соседствующих с многочисленными цифровыми обозначениями. Последние интерпретируются как указания на количество повторений каждого данного «дихорда»⁷. Используя для упорядочения словес хурритского текста и полученного звукового комплекса оригинальный метод, авторы представляют эту транскрипцию как образец древнего художественного произведения.

Как известно, это не первая попытка толковать новые сведения как нотографическую систему⁸. Однако такие трактовки вызывают некоторые сомнения, которые связаны, прежде всего с утверждением об октавности исследуемой системы, на чем так упорно (прямо или косвенно) настаивают почти все ученые. На первый взгляд семь различных наименований ступеней действительно могут свидетельствовать о семиступенном ладообразовании. Такое мнение основывается на том, что одноименные ступени должны выполнять одну и ту же роль в ладовой системе, а разноименные — различную. Но история музыки знает факты, которые не всегда согласуются с этим «правилом». Известно, что в древнегреческой «полной совершенной системе» был отрезок, состоящий из семи ступеней, носящих разные наименования: ὄπατη, παρ-οπάτη, λιχανός, μέση, τρίτη, παρανήτη, νήτη. При анализе такого звукоряда с указанных позиций ничто не мешает рассматривать его как семиступенное одноладовое образование, аналогичное тому, которое хотят видеть в клинописных документах. Но Аристоксен (*Harmonia* II, 47) совершенно определенно пишет: ὄρόμεν γὰρ ὅτι νήτη μὲν καὶ μέση παρανήτης καὶ λιχανοῦ διαφέρει κατὰ τὴν δύναμιν καὶ πάλιν αὖ παρανήτη τε καὶ λιχανός τρίτης τε καὶ παρυπάτης.. Ученик Аристотеля приводит три пары ступеней (νήτη — μέση, παρανήτη — λιχανός, τρίτη — παρυπάτη), имеющих одинаковое ладовое «значение» (δύναμις) и разные наименования. Иначе говоря, Аристоксен указывает на ладово-идентичные ступени, находящиеся в двух различных тетрахордах. Но тетрахорд для античного музыкального мышления — такая же структурно-смысловая норма как октава для современного. Подобно тому как ладовые связи между звуками теперь понимаются только в рамках октавы, так древнегреческими музыкантами они осознавались только в пределах тетрахорда⁹. Отсюда следует, что, несмотря на различные наименования ступеней, приведенных Аристоксеном, они выполняли одну и ту же функцию. Чем можно гарантировать, что в случае с шумеро-аввилонским материалами нет подобной ситуации? Ведь там также семь терминов, трактуемых сейчас как наименования различных ступеней гептакордной организации¹⁰.

⁷ Такое предположение высказал прежде и Х. Гютербок (H. G. G ü t e r b o c k, *Musical Notation in Ugarit*, RA, 4, 1970, стр. 45—52). Но он не исключал и других вариантов. По его мнению, цифры могли означать и количество повторений звуков, входящих «внутрь» данного «дихорда», и указание на его конкретную ступень. В последнем случае это понималось следующим образом: например, *qablite* 3 (из RS 15.30—15.49—17.387) могло соответствовать третьему звуку «внутри дихорда», состоящего из строк V и II (из CBS 1096).

⁸ См. ук. соч. Х. Гютербока и Д. Уолстэна, а также D. W u l s t a n, *The Earliest Musical Notation*, «*Music and Letters*», 52, 1971, стр. 355—362; к сожалению, мне пока остается недоступной статья В. Ламберта (M. G. L a m b e r t, *The Convers Tablet: A Litany with Musical Instructions*, «*Near Eastern Studies in Honor of William Foxwell Albright*», ed. H. Saldicke, Baltimore, 1971, стр. 335—353). Как следует из работы А. Д. Кильмер (A. D. K i l m e r, *The Cult Song with Music from Ancient Ugarit: Another Interpretation*, RA, 1974, стр. 82), она посвящена изложению гипотезы об ином типе шумеро-аввилонской нотации, совершенно отличном от того, который предполагается в рассматриваемых здесь исследованиях.

⁹ Подробнее об этом см. Е. В. Г е р ц м а н, Основные исторические этапы эволюции античного ладового мышления, «Научно-методические записки Дальневосточного института искусств», Владивосток, 1975, стр. 3—13.

¹⁰ Скорее всего ладовая идентичность некоторых разноименных звуков «полной совершенной системы» связана с ее исторической эволюцией. На ранних этапах развития эти ступени выполняли нетождественные функции (иначе не было бы смысла давать им разные наименования), но процесс модификации системы привел к изменению их ладового «статуса», тогда как терминология сохранилась. Достаточные основания для такого понимания описанного явления дает фрагмент из Бозия (De institutione musica I, 20).

В связи с этим целесообразно напомнить, что М. Дюшен-Гиймен гипотетично допускала (и довольно успешно) возможность трактовки девянострунной лиры (из CBS 10996) как «пентатонного инструмента»¹¹. Все это говорит о том, что в истории музыки можно найти достаточное количество совершенно различных звукорядных конструкций, которые по своим внешним признакам могут соответствовать материалам анализируемых табличек. Поэтому необходимо признать, что октавность как единственное возможное при условии организации изучаемой системы вызывает пока сомнения. Поэтому и утверждение об «обращении» квинт и терций в кварты и сексты теряет какое-либо обоснование (кстати, как и сами понятия «квintы», «кварты», «терции» и т. д.).

Кроме того, почему необходимо считать, что октавная конструкция (если бы даже ее наличие можно было доказать) состояла только из тонов и полутонов? Древним музыкальным культурам хорошо известны и ангемитоновые формации и периоды, когда применялись интервалы меньшие, чем полутон. Интервальная же последовательность, которая систематически постулируется при изучении клинописных свидетельств, представляется неоправданной модернизацией. Слишком уж она напоминает современный хрестоматийный мажорный звукоряд.

Достаточно уязвимо и положение о тритоне. Традиционная трактовка тритона как интервала, вызывающего «возмущение» слухового восприятия, относится к музыкальной теории и практике средневековья. Но это еще не означает, что музыкальное мышление времени рассматриваемых памятников относилось к явлениям тритоновости аналогичным образом. Ведь данные античной музыкальной теории, которая несравненно ближе к изучаемому периоду, не дают оснований утверждать, что и в древности реакция на этот интервал была столь же бурной и негативной. Что же касается музыкальной практики Двуречья, то вопрос о ее отношении к тритоновости пока остается открытым.

Таковы основные соображения, возникающие при знакомстве с трактовкой обсуждаемых текстов. Наиболее серьезные возражения вызывает несоответствие между известными фактами древнего искусства и интерпретацией новых свидетельств, а также излишнее осовременивание клинописных данных. Конечно, нетрудно понять стремление увидеть в них следы нотографической системы: если таковая действительно обнаружена, то это дает возможность для активного проникновения в тайны музыкального мышления эпохи. Однако совокупность всех имеющихся материалов пока не дает оснований считать, что наука в настоящее время располагает столь желанными источниками. Даже оригинальная трактовка А. Д. Кильмер *titi-mišarte 10 uštamari*, перед которой останавливались многие исследователи¹², не убеждает в наличии нотации¹³. Скорее всего в анализируемых текстах следует видеть фрагменты музыко-теоретических источников и не более. Продолжая же рассматривать все пять документов только с точки зрения их способности дать материал для реконструкции нотации, мы тем самым нивелируем индивидуальность каждого из них. (Вспомним, к каким результатам привело К. Закс: желание во что бы то ни стало, несмотря на отсутствие достаточных оснований, возродить шумеро-аввилонскую нотацию.) Разнонаправленность содержания и назначения этих источников, при использующейся единой специальной терминологией, дает возможность понять смысловой объем терминов и благодаря этому сделать еще один шаг в познании ценнейших памятников шумеро-аввилонской музыкальной цивилизации.

Е. В. Герцман

¹¹ M. Duchesne-Guillemin, Note complémentaire sur la Découverte de la Gamma babylonienne, «Studies in Honor of Benno Landsberger. Publications of the Oriental Institute of the University of Chicago. Assyriological Studies», № 16, 1965, стр. 271.

¹² Cüterbosc, ук. соч., стр. 51; Wulstan, The Earliest Musical Notation, стр. 377.

¹³ Более реалистичной нужно признать точку зрения В. Штадтера (W. Stadter, Die Musik der Sumerer, Babylonier und Assyrer. «Orientalische Musik-Handbuch der Orientalistik. Erste Abt.: Der Nahr und mittlere Osten», Ergänzungsband IV, Leiden, 1970, стр. 174).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АВТОРСКО-ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Москва, 29 мая—1 июня 1978 г.

29 мая — 1 июня 1978 г. в Москве состоялась очередная авторско-читательская конференция ВДИ. Она собрала более 100 участников из 25 городов Советского Союза. Конференция открылась 29 мая утренним пленарным заседанием.

Главный редактор ВДИ, член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова выступила с докладом об основных направлениях и перспективах работы журнала «Вестник древней истории». Ею была отмечена необходимость комплексного исследования важнейших теоретических проблем древней истории: недостаточно изучать даже фундаментальные вопросы на отдельных примерах — нужен комплексный подход с широким применением типологических изысканий и синтезирование результатов конкретных и частных исследований. Большое внимание должно быть уделено разработке проблемы стадиального развития рабовладельческой формации на примере различных регионов античного мира, выяснению стадий возникновения, формирования, развития и упадка рабовладельческого строя и, в частности, рассмотрению самой сложной и спорной проблемы — о «масштабах» и «универсальности» распространения рабовладения в античном мире и степени зрелости рабовладельческих отношений в отдельных регионах мира. Требует дальнейшего изучения и сложная проблема так называемых «переходных периодов», проблема периодизации истории древнего мира.

Главным направлением деятельности «Вестника древней истории», подчеркнула З. В. Удальцова, является марксистская разработка в журнале проблем древней истории. При этом особенно важно соединение изучения теоретических проблем с конкретно-историческим исследованием на высоком научно-теоретическом уровне. Это требует исследования проблем «второго порядка», соединяющих теоретические и конкретно-исторические аспекты. Большое значение для журнала имеет социально-экономическая проблематика: изучение системы рабства и многих его аспектов, сельской общины и форм землевладения в странах древнего Востока и греко-римского мира, ремесленного производства и торговли в древности. Изучение форм организации сельского населения, роли общины в социальной и экономической жизни древнего мира, в генезисе феодализма должно быть одним из наиболее важных и значимых направлений в проблематике ВДИ на ближайшие годы. Журнал уделял и будет уделять большое внимание также вопросам классовой и социальной борьбы в древности. В ВДИ постоянно освещаются вопросы древней истории Северного Причерноморья и Закавказья. В последние годы все более видное место на страницах ВДИ занимает проблема истории культуры и идеологии античного мира, но некоторые аспекты этой проблемы еще должны разрабатываться. Это — типология культуры античного мира, проблемы идеологии: ее взаимосвязь с политической и социально-экономической структурой (для древнего Востока и Римской империи), проблема народной идеологии

и социальной психологии, а также изучение форм и эволюции политической мысли на основе анализа организаций, типов и разновидностей древних рабовладельческих государств. Еще одно направление развития журнала — стирание «белых пятен» — обращение к неизученным конкретно-историческим проблемам, регионам, эпохам, таким, как мало или почти не разработанные применительно к древности проблемы: влияние географической среды на развитие тех или иных стран в древности, демографические изменения в древнем мире и т. д. Наконец, важнейшим направлением остается борьба с реакционной буржуазной историографией. Эта задача, важная для развития всей советской исторической науки, требует от нас дальнейшей разработки многих проблем современной историографии античности.

З. В. Удальцова отметила большую роль ВДИ как организатора науки, чьему способствовали ставшие традиционными авторско-читательские конференции. Настоящая конференция посвящена многогранной и общезначимой для истории древности проблеме — проблеме города и его сельской территории. З. В. Удальцова рассказала также о росте научного авторитета журнала «Вестник древней истории» в нашей стране и за рубежом, о расширении тематики журнала, освещении в нем разнообразных проблем истории, культуры и идеологии античного общества.

Доклад «Портфель ВДИ и вопросы научно-организационной работы» сделала ответственный секретарь ВДИ А. И. Павловская. За последние годы, сказала она, на страницах журнала был опубликован ряд статей, отражающих развитие нашей науки о древней истории, как и исторической науки в целом, в ее связи с общественной и политической жизнью страны. Таковы прежде всего редакционные статьи, посвященные 50-летию СССР, 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, XXV съезду КПСС, 250-летию Академии наук СССР. В докладе был дан краткий обзор содержания опубликованных в ВДИ статей за 1972-1978 гг. А. И. Павловская отметила, что портфель редакции испытывает недостаток в проблемных, теоретических и обобщающих статьях, а также в рецензиях на советские и зарубежные издания, обзорах зарубежной литературы. Авторский коллектив журнала, сказала она, постоянно растет, его география расширяется, чему способствует рост сети университетов. В настоящее время в журнале сотрудничают ученые из 35 городов Советского Союза и ученые ряда зарубежных стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Италии и др.).

Заместитель главного редактора ВДИ Ю. К. Колосовская в своем выступлении рассказала о деятельности редколлегии и редакции ВДИ и перспективах журнала отметив, что нынешняя авторско-читательская конференция ВДИ окажет плодотворное влияние на дальнейшую работу редколлегии и редакции и поможет реализовать перспективный план ВДИ. Ю. К. Колосовская говорила также о том, что на страницах ВДИ должны проводиться научные дискуссии по наиболее важным и мало разработанным проблемам древней истории и что для успешного развертывания этих дискуссий нужно возможно шире привлекать авторский коллектив журнала.

Выступление члена редколлегии ВДИ и заведующей сектором древней истории Института всеобщей истории АН СССР Е. С. Голубцовой было посвящено итогам работы сектора за 1977 год. Она информировала собравшихся о монографиях сотрудников сектора, вышедших в свет и сданных в печать, о перспективах работы на ближайшие годы и о подготовке новых изданий.

В прениях по докладам выступили: В. И. Кузищин (Москва), Г. М. Бонгард-Левин (Москва), А. М. Шофман (Казань), Э. И. Соломоник (Киев), И. Д. Амусин (Ленинград).

Секция истории древнего Востока

Вечернее заседание 29 мая было посвящено городам и сельской территории в странах древнего Востока.

И. В. Вейнберг (Даугавпилс) в докладе «Город в ближневосточных генеалогиях I тысячелетия до н. э.» остановился на вопросе о генезисе городской общины в Передней Азии. Исходя из того, что на ранних стадиях своего развития античные полисы

неразрывно связаны с родоплеменной организацией, одним из атрибутов которой является генеалогия, он подверг анализу генеалогии, сохранившейся в I Chr. 2—8. Докладчик пришел к заключению, что содержащийся в них богатый ономастический материал относится к первой половине I тыс. до н. э.; хронист, составлявший эти генеалогии в V—IV вв. до н. э., использовал более ранние разнородные источники: списки должностных лиц, мобилизационные списки, составлявшиеся царско-храмовой администрацией, родовые предания («саги») и генеалогии, восходившие к устной родоплеменной традиции XI—VIII вв. до н. э. Исследуя генеалогии, докладчик выделяет древние формулы филиации, в состав которых входят топонимы. Эти формулы, возникшие во II тыс. до н. э., свидетельствуют, по его мнению, о том, что «город уже воспринимался как нечто отличное от родоплеменной структуры», но еще интегрировался в «систему общинно-агнатических связей». В «родовых сагах» докладчик прослеживает следующую ступень различия агнатического коллектива и места его обитания, что, как он считает, свидетельствует «о большей выделенности города как особой экономической, социальной, политической и идеологической единице».

Е. С. Богословский (Ленинград) выступил с докладом «Пахотные земли в должностных владениях египетских горожан во второй половине II тыс. до н. э.». В соответствии с полученной от государства должностью (внутри социальных слоев «чиновников» и «мастеров»), говорит докладчик, жители древнеегипетского города (безотносительно к этнической принадлежности, но непременно египтяне по принадлежности к культуре) одновременно получали и строго определенное по составу должностное владение, продовольственное обеспечение и материальное содержание. В состав должностного владения у определенного круга должностей входили участки пахотной земли как в пределах городской черты, так и далеко за пределами города. Обрабатывали эти земли, разумеется, не сами горожане, должности которых не имели никакого отношения к земледелию и требовали их постоянного присутствия в городе, а «царские *хему*» (точнее, представители одного из слоев — *бакиу*), находившиеся в частном наследственном неотчуждаемом владении горожан. Во времена ослабления государственной власти (после XII в. до н. э.) появилась возможность не только отчуждения (продажи) этих земель, но и постепенного превращения *бакиу* в настоящих рабов, т. е. превращения государственной собственности, находившейся во владении горожан, в их частную собственность.

А. Г. Лундин (Ленинград) в докладе «Тимна⁴ и Барум (Полис и хора в древнем Йемене)», основываясь на археологических и эпиграфических памятниках, относящихся к столице Катабана Тимна⁴ и ее округе, рассмотрел проблему взаимоотношений города и сельской территории в древнем Йемене. Исследованные материалы позволили докладчику сделать вывод, что население Тимна⁴ составляло гражданскую общину, называемую *s⁴bn/gtbn* — «народ Катабана» или «Катабан», имевшую свои органы управления — совет старейшин, народное собрание, коллегию магistratov; возглавлял управление «кабир Тимна⁴». Хотя Тимна⁴ была столицей Катабана и резиденцией царя, городская организация сохраняла значительную независимость: царские повинности собирались городской администрацией, царь не мог применять санкции против горожан, лишь к концу I в. до н. э. происходит уравнение в правах граждан города и «царских людей».

Сельская округа Тимна⁴, имевшая свое географическое название Барум (*brm*), находилась под управлением городской администрации, но иногда упоминалась как особая административная или социальная единица. Жители Барума, как отмечает докладчик, входили в народное собрание и принимали участие в издании декретов. Округа Тимна⁴ делилась на районы (*mwzt*). Владельцы земель в этих районах были либо гражданами города, либо привилегированными поселенцами, объединенными в общины (*s⁴b*); они несли коллективную ответственность за взнос налогов и исполнение повинностей. Упоминаемые в надписях «магистраты Барума», по мнению докладчика, были магистратами городской общины Тимна⁴, ведавшими вопросами землевладения и землепользования на городских землях; хора Тимна⁴ полностью принадлежала городской общине (полису), а ее жители входили в коллектив граждан. После разруше-

ния Тимна^с во II в. н. э. столицей Катабана на некоторое время становится поселение зу-Галайм (важный культовый центр), которое получает статус города, т. е. гражданской общины. Общий вывод докладчика сводится к тому, что взаимоотношения полиса и хоры в древнем Йемене, насколько они известны, следовали классическим античным образцам.

В обсуждении заслушанных докладов приняли участие *И. Д. Амусин* (Ленинград), *И. В. Вейнберг* (Даугавпилс), *Л. М. Глускина* (Ленинград), *В. А. Головина* (Москва), *А. Г. Лундин* (Ленинград), *Т. Н. Савельева* (Москва), *И. Ф. Фихман* (Ленинград) и др. Все выступавшие отметили важность проблем, затронутых докладчиками. И. Д. Амусин и другие выступавшие положительно оценили проведенное И. В. Вейнбергом исследование генеалогий в качестве источника для изучения ранних этапов генезиса древней городской общины. Большой интерес аудитория проявила к вопросу о социальной структуре египетского города, но предложенная Е. С. Богословским трактовка социального статуса *бакиу* вызвала возражения выступавших в прениях Т. Н. Савельевой, В. А. Головиной и др. Отмечая важность затронутых А. Г. Лундиным вопросов о социально-экономической структуре древневосточного города, Л. М. Глускина, И. Д. Амусин и др. высказали опасение, что докладчик преувеличивает сходство некоторых элементов социально-экономического устройства Тимна^с с институтами античного полиса.

На утреннем заседании 31 мая был заслушан доклад *М. А. Дандалаева* (Ленинград) «Община и чужеземцы в Вавилонии I тыс. до н. э.». Докладчик сопоставил формы социальной организации городской общины Вавилона и чужеземцев, проживавших в Вавилонии. Он отметил, что вавилонское общество состояло из полноправных граждан городов, тех свободных, которые не имели гражданских прав, и различных групп зависимого населения. Полноправные граждане были членами народного собрания храмовой округи. К их числу относилась знать (высшие государственные и храмовые чиновники, представители крупных деловых домов и так далее) и основная часть трудового населения (земледельцы и ремесленники), включая сюда и беднейшие слои населения. В юридическом отношении все они считались равноправными. К свободным людям, не имевшим гражданских прав, относились царские военные колонисты и различные группы государственных работников, наделенных средствами производства и сидевших на царской земле. Они не владели землей в пределах городского общинного фонда и поэтому не могли стать членами народного собрания. Кроме воинов среди них были ремесленники и торговцы.

В сельской местности, где жили различные группы зависимого населения, не было вообще свободных, и структура городского самоуправления не была характерна для этой территории.

Чужеземцы, жившие в Вавилонии, в значительной мере (за исключением рабов) относились к числу свободных, лишенных гражданских прав. В ряде случаев они размещались значительными группами более или менее компактно в определенных районах и иногда даже имели свое народное собрание, выполнявшее функции органа местного самоуправления наряду с народным собранием вавилонских городов (наподобие политеев эллинистического периода). Но в большинстве случаев чужеземцы были разбросаны по всей стране, жили бок о бок с коренным населением, полностью включаясь в общественно-экономическую жизнь страны, а часть их служила и в административном аппарате. Между вавилонянами и чужеземцами, жившими в их стране, не было конфликтов на этнической или религиозной почве.

Доклад *М. А. Дандалаева* вызвал оживленную дискуссию (в прениях выступали *А. Г. Бокцианин* (Москва), *А. Б. Ковельман* (Москва), *А. Г. Лундин* (Ленинград), *А. И. Павловская* (Москва) и др.) главным образом по вопросу о времени возникновения догматизма и религиозной нетерпимости в древнем мире.

Секция истории древней Греции

Заседание 30 мая было посвящено проблемам становления и развития полиса в Греции, а также характерным особенностям некоторых областей греческого мира.

Доклад Э. Д. Фролова и Ю. В. Андреева (Ленинград) «Греческий полис как исторический и историографический феномен» был посвящен важному теоретическому вопросу. Авторы выделили три основных черты полиса: его уникальность, жизнестойкость и постоянную тенденцию к выходу за рамки полисной организации. Специфика условий постлемикенской Греции, времени возникновения полиса, последующие этапы греческой истории обусловили, по мнению докладчиков, уникальность полиса как типа общественной организации. Полис — это соединение города и сельской окружки, простейшая сословно-классовая организация общества, простая, но эффективная политическая форма. В связи с этим возникает вопрос, правомерно ли утверждать, что полис был характерен для исторического пути развития не только греков, но и других народов древности.

Полис проявил удивительную жизнестойкость, существуя как самостоятельная единица в классический период и как часть более сложного политического единства в эллинистический и римский периоды. Парадокс греческой истории состоял в не-прерывной борьбе полисного начала и стремления преодолеть его, причем попытки выхода за рамки полиса осуществлялись на полисной же основе. Относительно успешное преодоление полисной стадии было достигнуто лишь с помощью внешних сил — греко-македонских правителей и Рима, но полисная культура и идеология продолжали сохраняться до конца античности. Трагическое единоборство полиса с тенденциями к его отрицанию нашло отражение в бесконечных полисных распрях, борьбе тиранов с гражданами своих общин, державных властителей — с подчиненными городами. Это объясняет такое огромное значение войны в истории независимой Греции и политического террора в эллинистическо-римское время. Греческая история представляет собой своеобразное движение по кругу: развитие экономических связей, отрицающее полисный принцип, неизменно наталкивалось на суженную основу производства, стремление к политическому единству — на полисную автаркию, расслоение гражданской общины — на стойкость сословной корпоративности. В сфере идеологии радикальные, направленные против полиса идеи (панэллинистические и монархические) сосуществовали с представлениями античных мыслителей о том, что полисная форма — абсолютный идеал, незыблемый естественный институт. В исследовании именно этой парадоксальности заключены большие возможности для более правильной и всесторонней оценки самого полиса и античной цивилизации.

Л. М. Глускина (Ленинград) исследовала на конкретном материале проблему специфики греческого полиса. В докладе «О некоторых аспектах внутренней борьбы в дельфийском полисе» она проследила характер конфликтов внутри гражданской общины, вызванных разнообразными причинами — экономическими, социальными, политическими, и пришла к выводу, что на формы и характер внутренней борьбы влияла специфика Дельф как полиса, тесно связанного со святилищем панэллинского значения. Начиная с ранних периодов истории, прослеживается противоречие между городом и храмом, интересами дельфийских граждан и интересами святилища.

Есть свидетельства о борьбе между влиятельными семейными и родовыми группами за руководящее положение в Дельфах (Кратет и Оргилай). Когда в Балканской Греции усилилась борьба за гегемонию, соперничающие полисы нередко пытались использовать авторитет святилища в своих интересах. В этот период политические группировки в Дельфах нередко разделялись по внешней ориентации (Астикрат, Фракиды). Несмотря на ряд особенностей, присущих Дельфам, их развитие шло по пути, общему для всех полисов. Особенно хорошо эта закономерность прослеживается по источникам IV в. до н. э. (закон Кадиса, декрет Лабиадов, декреты о почестях и привилегиях).

Доклад Т. Ф. Пиленковой (Уфа) «Из истории архаической Митилены» был посвящен малоизученному вопросу о становлении полиса в Эолиде. Рассмотрение археологических и литературных источников позволило докладчику на примере Митилены, наиболее крупного и экономически развитого полиса Эолиды, показать взаимосвязь между уровнем развития экономики и социальной борьбой, а также возникновением тирании. Ранняя тирания в Митилене нашла широкое отражение в лирической поэзии периода архаики, прежде всего у Алкея. Его творчество (особенно «Στασιάτικά»)

и сообщения других античных авторов дают возможность не только констатировать обострение социальной борьбы в Митилене на рубеже VII—VI вв. до н. э., но и установить ее отдельные этапы, обстоятельства, при которых приходили к власти тираны Меланхр, Мирсил, Питтак, охарактеризовать их политику. Наиболее полно отражена в источниках деятельность Питтака.

Д. В. Панченко (Ленинград) в докладе «Аристотель, Критий и Ферамен (Ath. Pol. 37, 1)» рассматривает сообщение Аристотеля о двух законопроектах, направленных против Ферамена, которые Тридцать провели через Совет. Специальное внимание докладчика привлекает второй из этих законопроектов, лишавший гражданских прав тех, кто участвовал в срытии стен в Этионее и в чем-либо противодействовал Четырем стам, установившим первую олигархию. В этой части сообщение Аристотеля трудно примирить со свидетельствами других источников, причем современники событий Ксенофонт и Лисий не упоминают о рассматриваемом законе. На основании этого докладчик заключает, что сообщение «Афинской политии» ошибочно. В основу его легло, по-видимому, частное постановление Тридцати, относившееся только к Ферамену. Версия Аристотеля представляет в более выгодном свете Крития, инициатора и организатора расправы над Фераменом. Это соответствует общему отношению Аристотеля к личности Крития, которое (как и отношение Платона) расходится с господствующей традицией.

А. С. Шоффман (Казань) в своем докладе «Греческий полис в системе македонского царства (Афины и Антипатр)» подчеркнул, что при изучении эллинистического общества важно исследовать конкретные формы соединения черт классического полиса с македонской монархией. Характерным примером укрепления македонского владычества главным образом военным путем могут служить Афины. Конституция Антипатра, введенная в Афинах после Ламийской войны, и поражение греков в 322 г. до н. э. поставили афинян в тяжелые условия подчинения, их выполнение означало подрыв экономики полиса, лишение его фактической независимости, отмену демократического режима. Власть получили имущие слои, гражданское население было разделено на две части, одна из которых сохраняла политические права, другая их лишалась. Многие были изгнаны. Оценка конституции Антипатра колеблется в историографии от «реакционной» до «вполне умеренной». Автор доклада полагает, что она в своей основе была олигархической и направленной против демократии и ее вождей, конституция знаменовала начало нового этапа взаимодействия между диадохами и греческими полисами. Эти взаимодействия не всегда были прямолинейными, они определялись как социальной борьбой в самих полисах, так и борьбой диадохов за подчинение полисов своему влиянию.

Г. А. Тирацян (Ереван) выступил с докладом «Города Армении эллинистического времени в свете археологических исследований» *.

В. И. Козловская (Владимир) рассмотрела контакты греков и финикийцев в процессе освоения Пиренейского полуострова в докладе «К вопросу о характере фокейско-финикийских отношений в Испании». На основании письменных источников и материалов археологии автор приходит к выводу, что традиционная точка зрения о враждебности и постоянном соперничестве греков и финикийцев нуждается в коррективах. В. И. Козловская предлагает выделить три периода контактов фокеев и финикийцев на почве Испании. Первый относится к раннему периоду (VIII — начало VI в. до н. э.), когда и те и другие, преследуя исключительно торговые цели, выступали партнерами, хотя и не всегда на условиях паритета. Второй период начинается со второй четверти VI в. Закрепление греков на востоке Испании, а финикийцев на юге обостряет взаимоотношения настолько, что они становятся враждебными. Однако в третий период, эллинистическую эпоху, можно наблюдать заметное улучшение отношений, прежде всего в сфере транссредиземноморской торговли.

Доклад «Финикийцы и испанцы. Финикийский колониальный город и испанская периферия» сделал *Ю. Б. Циркин* (Ленинград). В исследовании контактов между фини-

* Доклад Г. А. Тирацяна опубликован в ВДИ, 1979, № 2.

кийцами и испанцами автор выделил четыре этапа. Финикийцы устанавливают связи с Испанией во II тыс. до н. э. и в конце XII в. до н. э. основывают первую колонию Гадир (Гадес). На этом этапе колонизация носит преимущественно торговый характер, но следов влияния финикийцев на местное население не обнаруживается. Образование Таркесийской державы (конец IX или VIII в. до н. э.) знаменует начало нового этапа. Теперь уже можно говорить о синкретической материальной и духовной культуре Таркесиды. К этому времени относится вторая волна финикийской колонизации. Третий этап начинается с распадом Таркесийской державы на рубеже VI—V вв. до н. э. В этот период расширяется сфера, но уменьшается интенсивность финикийского влияния на испанцев. Последний, четвертый этап (с конца III в. до н. э.) связан с римским завоеванием, которое привело к романизации и испанцев, и финикийцев. Причем следует отметить, что особенно быстрыми темпами шла романизация Южной Испании, уже подготовленной к восприятию чужой культуры многовековыми контактами с финикийцами.

Л. Е. Семенов (Казань) выступил с сообщением «О греческих терминах, обозначающих рабов, в период Римской империи». Основным источником для него послужил Новый Завет. Автор пришел к выводу, что термин *δοῦλος* — наиболее распространенный для обозначения раба, *οἰκέτης* обычно употребляется для именования домашнего раба, а *πάτης* — конкретного раба.

Доклады вызывали оживленный обмен мнениями. *Л. М. Глускина* (Ленинград) отметила, что в докладе Э. Д. Фролова и Ю. В. Андреева поднят один из самых важных и актуальных вопросов античности. Она выразила свое согласие с основными положениями докладчиков о специфике греческого полиса и подчеркнула, что отсутствие государственного сектора хозяйства в греческом полисе определяло свободу инициативы, которая отсутствовала в государствах Востока. *В. Н. Ярхо* (Москва), выступая по докладу Э. Д. Фролова и Ю. В. Андреева, обратил внимание на то, что в вопросе преодоления полиса речь никогда не могла идти о создании другого типа государства. В. Н. Ярхо высказал предположение, что межполисные войны свидетельствуют о стремлении полиса сохранить себя как политическую структуру, отметил культурную роль полиса. *А. Г. Лундин* (Ленинград) подчеркнул необходимость исследования феномена полиса. По его мнению, основные черты полиса имеют много общего с государствами древнего Востока, особенно в сферах политической индустрии и культуры. *И. С. Свенцицкая* (Москва) поддержала тезис об уникальности полиса, но выразила несогласие с утверждением о существовании постоянной тенденции к преодолению полиса. *А. И. Павловская* (Москва), касаясь доклада А. С. Шоффмана, говорила о важности разработки проблемы соотношения полиса и монархии. Особенно интересно проследить процесс врастания полиса в монархию в области социальной психологии, превращение гражданина полиса в подданного эллинистических царей. *О. И. Савостьянова* (Москва), отметив актуальность темы того же доклада, остановилась на внутренних причинах изменения афинской конституции. Рост влияния богачей и знати связан, по ее мнению, с существенными изменениями в экономике полиса — укрупнением эргастериев, возрастанием роли торговли, нужды в рабской силе, бурным ростом ремесел. Все это создало предпосылки для победы олигархии. *А. И. Болтунова* (Москва) положительно оценила доклад Г. А. Тирацяна, подчеркнув тщательность анализа при исследовании местных, древневосточных форм культуры и осторожность в выводах. Э. Д. Фролов (Ленинград), выступив по докладу Л. М. Глускиной, отметил важность разработки специфики греческого полиса на конкретном историческом материале — на примере Дельф.

Секция истории древнего Рима

Утреннее заседание 31 мая открылось докладом *Е. М. Штаерман* (Москва) «Город и хора в Западном Средиземноморье». Для понимания эволюции античного города, говорит докладчик, большое значение имеет изучение его территории (хоры), служившей ему «питательной средой», и ее населения, а также особенностей отношений города и хоры в различных областях римского мира. Города на Западе создавались Ри-

мом в большинстве случаев не на основе издавна существовавших полисов, а на основе форм организации населения, стоявшего на различных ступенях разложения перво-бытнообщинного строя. Сам Рим возник из синойкизма общин, строившихся на смешанном принципе кровнородственных и соседских связей. Таков же был и путь генезиса ряда других городов, определявший статус их общинных угодий, территориальное деление, формы самоуправления. Иногда города возникали из объединения общин (пагов) римских граждан и местных городов, иногда отдельные общинны получали от Рима статус города (городами были oppida, civitates, колонии, муниципии, различавшиеся своей организацией).

В западных провинциях на государственных, городских, порой и на частных землях, в областях с наиболее сохранившимися местными отношениями были многочисленны общинны разных типов, выступавшие в качестве коллективных посессоров, фруктуариев, арендаторов отведенной им земли, участки которой и наложенные на общинны повинности распределялись между их сочленами согласно местным обычаям. Местная знать, переселяясь в города и получая городское и римское гражданство, иногда входила в высшие сословия государства и вместе с тем, сохранив свое положение во главе родов, племен, сельских общин, эксплуатировала зависимое от нее земледельческое население, что в той или иной мере консервировало доримские отношения. Родоплеменные и территориальные общинны, разложение которых первоначально стимулировало развитие городов и античного рабства, с его упадком стали питательной средой для укрепления форм собственности и эксплуатации, предвосхищавших феодальные.

Говоря о социальной структуре городов, Е. М. Штаерман отметила, что их правящую верхушку составляло формировалось из италиков и местной знати сословие декурионов, владевших имениями в 200 и более юкеров. Плебс состоял из менее крупных землевладельцев, ремесленников, торговцев, отпущенников, бедноты; низший класс составляли рабы. На городской территории, в пагах и селах жили не имеющие городского гражданства местные крестьяне — *incolae* разного статуса и положения (посессоры, общинники). Иногда города давали общинникам равные с гражданами права или старались привлечь *incolae* к несению городских повинностей. Город мог кое в чем распоряжаться общинными угодьями сел и взимать арендную плату за снимаемую у него землю. Однако основными эксплуататорами населения хоры были не города — постепенно усиливается роль экзимированных частных и императорских имений с характерными для них колонатными отношениями.

С кризисом римского общества новые города на Западе, за редким исключением, не создавались — их оттесняют села и сальтусы. Соответственно на первый план в экономике и политике выходят районы, где города были немногочисленны и главную роль играла местная и пришлая землевладельческая знать, эксплуатировавшая зависимых землевладельцев, объединенных или не объединенных в общинны. Возникшие из родо-племенного и общинного строя формы собственности и эксплуатации, развившись в рамках античного рабовладельческого общества, становятся господствующими. Области с развитым муниципальным строем приходят в упадок. Города хиреют или становятся только административными, торговыми, культурными центрами. На востоке империи города остаются органической частью ее структуры, наряду с крупным землевладением и сельскими общинами.

В докладе Е. С. Голубцовой (Москва) «Полис и хора в Восточном Средиземноморье» отмечалось, что город представлял собой коллектив землевладельцев. Как и община, он распоряжался землями, принадлежавшими всему коллективу, но, в отличие от общинны, не имел права на участки, находившиеся в собственности граждан. Ответственность за эти участки и выполнение повинностей владельцы несли персонально, но и распоряжались землей они по своему усмотрению. Катакия, территориальная община, могла превратиться в город лишь тогда, когда она была достаточно подготовлена развивающимися в ней отношениями частного владения землей. Все остальные признаки города: более высокий уровень развития ремесла и торговли, большее распространение рабства, политическое устройство — были производными от существовавших там форм собственности. Только катакии, где развивалась частная собственность на

землю, могли со временем превратиться в полисы, одним из основных признаков которых также следует считать частную собственность на землю. В противоположность этому комы, где были сильны общинные отношения, городами не становились.

И. Ф. Фихман (Ленинград) в докладе «Хозяйственные связи города и округи в римском Египте» подчеркнул, что отношения между городом и округой в римском Египте имели не столько политico-административный, сколько экономический и отчасти культурный характер. Нужно также учитывать, что: 1) имеющийся документальный материал охватывает лишь часть территории Египта, 2) большинству египетских городов была свойственна разносторонне развитая экономика, обслуживавшая нужды города и округи, 3) египетские деревни были многолюдными населенными пунктами, с неплохо представленным ремесленным производством и торговлей, 4) Александрия занимала особое положение и ее связи с хорой в докладе не рассматриваются.

Горожане владели землей в разных местах на территории нома основного места пребывания, а иногда и в других номах. Это требовало организации управления (или нескольких управлений) по эксплуатации этих земель с использованием местного населения в качестве постоянных или временных работников (рабский труд, насколько можно судить, не играл большой роли) или сдачи земель в аренду, чаще всего тоже местным жителям. С развитием и упрочением частной собственности на землю и ростом крупного землевладения удельный вес землевладения горожан возрастал. Сведения о землях, принадлежавших городу как целому, появляются в источниках лишь в III в. и сравнительно быстро исчезают.

В городе жители округи сбывали свою продукцию и приобретали необходимые им товары. Некоторые представители городских ремесленно-торговых кругов сами обеспечивали себя необходимым сельскохозяйственным сырьем, арендую землю. Хозяйственные связи влияли и на демографические процессы. В начале римского господства миграция шла в основном из деревень в города, в конце этого периода наблюдается известный отток городских жителей в деревню.

В своем докладе «Хора и полис в социальной этике греко-римского Египта» *А. Б. Ковельман* (Москва) касался вопросов идеологии господствующего класса греко-римского Египта. По мнению докладчика, официальная идеология греко-римской верхушки взвивала к «лучшим качествам» египтян, усматривая их основную добродетель в добровольном исполнении литургий (чистка каналов, строительство дамб, обработка запущенных полей), не только в усердном, но и «радостном» труде земледельцев, ремесленников. Небрежение общим благом, бегство от работы считалось, по уверению чиновничьей администрации, позорным и постыдным делом. Однако гражданские добродетели в египетской хоре утратили реальное содержание, поскольку ни египтянин не был гражданином, ни «общее благо» не совпадало с его личными интересами. Из средства сплочения правящего класса, считает докладчик, социальная этика греко-римской эпохи стала орудием обмана угнетаемых слоев.

И. С. Свенцицкая (Москва) в докладе «Некоторые особенности общественной жизни малоазийских городов времени Империи» рассмотрела роль «союзов старцев» (герусии) и «союзов молодежи» в структуре провинциального города (по данным надписей из 80 примерно городов Малой Азии). У этих союзов были гимнасии, игравшие роль клубов, ими устраивались празднества и т. п. Союзы не имели прямого отношения к городской администрации: сохранились декреты о даровании почестей, где полис и герусия названы раздельно. Фонды союзов складывались из частных пожертвований или передачи доходов с участков земли, в отдельных случаях город оказывал финансовую поддержку герусии. Должности герусии (архонты, гимнасиархи и др.) вознаграждались из ее средств. Таким образом, возникают организации, с одной стороны, не входящие в систему городского управления, а с другой, — вписывающиеся в структуру города. Иногда герусии принимали почетные постановления, но чаще присоединялись к постановлениям буле и демоса. Самостоятельная деятельность этих организаций была ограничена, и по существу они были придатком полисных органов. В состав герусий входило примерно равное число членов буле и демотов. В их числе были отпущенники императора (даже среди булеевтов) и частных лиц; среди демотов были незаконнорожден-

ные, т. е. люди, которые в высшие органы городского самоуправления войти не могли. Герусия объединяла людей разных статусов (в том числе, по-видимому, зажиточных, но находящихся вне полисной структуры) и приобщала их к полису. В отдельных союзах членами были женщины, что докладчик объясняет стремлением приспособиться к изменяющимся условиям внутри полиса и объединить людей, фактически играющих заметную роль в полисе (обладающих правом собственности и т. д.). Существование подобных союзов обнаруживает дополнительную возможность сохранить размышающееся в условиях падения городского самоуправления единство коллектива полиса. Имперская администрация одобряла, но не утверждала существование союзов. Так или иначе, полисная «гражданская самодеятельность» сохраняется и в условиях Римской империи, хотя и в довольно жалком виде.

Обсуждение докладов открылось выступлением З. В. Удальцовой (Москва), которая обратила внимание на типологические аспекты истории городов Западного и Восточного Средиземноморья, затронутые в докладах Е. М. Штаерман и Е. С. Голубцовой, на различие путей образования городов на Западе и Востоке и их судеб. Присоединяясь к концепции Е. М. Штаерман о том, что города на Западе насаждались римлянами, без опоры на местные сельские традиции, З. В. Удальцова обратила внимание и на постепенное перемещение центра экономической и политической жизни с Запада на Восток. Высоко оценила она и попытку Е. М. Штаерман определить зоны распространения городов и поселений сельского типа. Доклад Е. С. Голубцовой, по мнению З. В. Удальцовой, отличает большая четкость дефиниций, классификация ком, из которых не вырастают города, и катойкий, из союза которых развиваются города. Выводы доклада представляются интересными и для византинистов, у которых две точки зрения на данную проблему: 1) полный континуитет городов и общин (Сюзюмов) и 2) стадиальная разница между общинами античного и более позднего периода (Удальцова, Липшиц). Византийский город и община, подчеркивает З. В. Удальцова, выросли на античной основе иrudименты предшествующих отношений в них сохраняются, но различия были принципиальными (например, преимущественное право общинника на землю соседа и т. п. характеризует уже общину «Земледельческого Закона»).

И. Л. Маляк (Москва) поддержала мысль Е. М. Штаерман о том, что понятие «полис» подразумевает гражданскую общину и не равнозначно понятию «город»; «хора» — понятие многозначное. Отношения Рима-полиса, Рима-города и его хоры (ager Romanus) менялись: вначале это были отношения внутриполисного характера, позднее те же отношения сохранялись в самом Риме и в несколько модифицированном виде — в Италии. Итальянский муниципий был подобен римской *civitas*, но он зависел от римского полиса: муниципий автономен, полис автаркичен. С растворением римского полиса в Италии сохраняются отношения между городом (городами) и сельской округой, и на этом этапе — по крайней мере в культурном отношении — появляется противоположность между городом и деревенской округой. Намного сложнее все эти процессы протекали в провинции: отношения между полисом и округой были специфичными, сам провинциальный полис нельзя идентифицировать с классическим полисом.

М. К. Трофимова (Москва), выступившая по докладу А. Б. Ковельмана, отметила, что докладчик подчеркивает лишь одну сторону вопроса, рассматривая элементы культуры греко-римского Египта как инструмент эксплуатации, обработки общественного мнения и т. п., однако значение культуры этим не исчерпывается. Одни и те же культурные категории интерпретировались государством и понимались в среде самих египтян далеко не однозначно. Было бы весьма интересным показать, что принесли египтянам стоицизм, христианство. Е. С. Богословский (Ленинград), выступая по докладу А. Б. Ковельмана, отметил необычайную живучесть в греко-римском Египте моральных норм, восходящих ко времени фараонов. Конечно, применительно к такой древности речь может идти не о гражданских добродетелях, а о добродетелях подданного. Мораль египтян фараоновского времени была моралью подданных, а не рабов. Между фараоном и подданным существовала система взаимных обязательств: обязанность подданных подчиняться фараону обуславливалаась тем, как выполнял свой обязательства фараон. «Склонность к бунту», считавшаяся пороком в греко-римском Егип-

те, с точки зрения морали фараоновского времени пороком не была — один и тот же поступок по-разному толковался в разных общественных системах. Интересен вопрос о насаждении в Египте греко-римской морали сверху. Е. С. Богословский считает, что в применении к Египту этика управляемых и этика управляющих была разной, т. е. разными были их «добродетели».

В выступлении *Л. М. Коротких* (Воронеж) была отмечена важность поднятых в докладе Е. М. Штаерман проблем, способствующих выяснению некоторых спорных вопросов, в частности вопроса о фокейской колонии Эмпорион, представлявшей собой «двойной город» (греческий и иберийский) со сложной структурой. *Я. Ю. Зaborовский* (Ивано-Франковск), говоря о докладе Е. М. Штаерман, обратил внимание на возможность на основании цензов изучать демографические процессы в Риме в связи с ростом римской гражданской общины. Рост римской гражданской общины шел главным образом за счет внешних резервов (пополнение общины иногородними гражданами, а позднее — гражданами низшего имущественного разряда). *Ю. Б. Циркин* (Ленинград) подчеркнул важность проблематики докладов и коснулся вопроса о социально-политической организации античного общества. Испанский материал с точки зрения его распределения по «зонам», предложенного Е. М. Штаерман, позволяет прояснить такие вопросы, как романизация (сначала «итализация») Нового Карфагена, взаимоотношения города и сельскохозяйственной округи (разграничение по «зонам» пагов, виков и кастеллов Испании). Говоря о кризисе городов, Ю. Б. Циркин обратил внимание на связь социальных и демографических изменений на примере Испании. *Ю. В. Андреев* (Ленинград) отметил интересное сообщение И. С. Свенцицкой. Очень важно, по его мнению, изучение вопросов, касающихся корпоративной структуры полиса (не только римского времени). Одно из замечаний Ю. В. Андреева касалось возрастных корпораций: И. С. Свенцицкая возводит эту систему корпораций к малоазийской храмовой общине, в то время как можно найти много параллелей из сферы собственно античной культуры (классическая эфебия и др., особенно интересны параллели со Спартой — корпорация в качестве средства повышения социального престижа и одновременно приобщения людей, стоящих вне города). По мнению Ю. В. Андреева, докладчик несправедливо преуменьшает роль корпораций в проведении свободного времени гражданами античного полиса. В докладе И. Ф. Фихмана, говорила *А. И. Павловская*, на фактическом материале убедительно показаны экономические связи города и комы в IV в. Однако докладчик лишь бегло коснулся важного вопроса о том, почему египетский город стал муниципием после реформ Диоклетиана; она высказала ряд соображений по этому поводу. Тема доклада А. Б. Ковельмана, по мнению А. И. Павловской, интересна, но хронологически слишком широка — от эллинизма до Филона. Понятие «египтянин» в разные эпохи неоднозначно. Необходимо расчленить проблемы этики и социально-психологических представлений жителей Египта в эллинистическую и римскую эпохи. *И. В. Фихман* (Ленинград) согласился с мнением А. И. Павловской о неудачном хронологическом отборе материала в докладе А. Б. Ковельмана. Кроме того, материал рассмотрен докладчиком с точки зрения не хоры и полиса, но правителей и управляемых, а с этой точки зрения различия между жителями хоры и полиса вообще не было. Тему доклада надо приветствовать, но подходить к решению конкретно, исторически. *В. М. Смирин* (Москва), говоря о докладе И. С. Свенцицкой, отметил важность наблюдений докладчика о том, что в состав рассматриваемых объединений входили люди разных статусов. Это характерно вообще для объединений римского времени, которые имели «вертикальный» характер. Интересны также соображения докладчика об идее социального продвижения вообще. Все это тесно связано с римским представлением о жизни как о *cursus'е*. *Ю. К. Колосовская* (Москва) отметила теоретическое значение докладов Е. М. Штаерман и Е. С. Голубцовой. Методологическая направленность докладов открывает значительные возможности для дальнейшего исследования типологии римского города применительно к римской имперской рабовладельческой системе. В свое время О. В. Кудрявцев говорил о Римской империи как о системе полисов. Развитие города в римский период в большей степени, чем в греческий, проходило в связи с социальными и этническими изменениями в населении его

сельской территории. Касаясь доклада И. С. Свенцицкой, Ю. К. Колосовская обратила внимание на неавтаркичность муниципального города, получавшего статус города, земельную территорию и различные привилегии от императора вследствие *lex data*, на определенную регламентацию общественной жизни города в империи, на гетерогенность коллегий молодежи, на их роль как орудия романизации и связь этих коллегий с императорским культом. Полисные формы жизни сохраняются, но одновременно присутствует та специфика, которая была привнесена такой политической системой, как Римская империя. Тема доклада А. Б. Ковельмана, по мнению Ю. К. Колосовской, перспективна для исследования. Римских историков интересовали вопросы социально-этнического характера применительно к описанию народов, входивших в состав империи. Допедные до нас такие этно-социальные характеристики заслуживают изучения.

Вечернее заседание 31 мая открылось докладом *А. И. Немировского* (Воронеж) «Этруссий город и его хора», в котором отмечалось, что проблема этруссского города осложняется тем, что в своих древнейших памятниках этруссская культура представлена не жилыми и архитектурными комплексами, а некрополями. Литературные свидетельства об этруссских городах относятся ко времени упадка их политического могущества, что еще более затрудняет разработку проблем этруссской урбанистики. Следует ставить вопрос не о возникновении этруссского города вообще, а о возникновении городов в разных зонах. В тех случаях, когда этруссий город возникал не на пустом месте, можно предположить включение в его структуру более ранней племенной организации (Мантуя, Рим). Этруссий город во всех своих компонентах регламентировался сакральным учением, которое охраняло социальные институты, обеспечивая им стабильность и устойчивость. Согласно этому учению лимитировалась и делилась на участки примыкавшая к городу сельскохозяйственная территория, которая считалась собственностью верховного божества неба. Авторитет этруссской религии был одной из существенных причин неумения этруссского общества приспособиться к изменениям социальных условий, и в этом докладчик видит источник слабости этруссских городов в их борьбе с Римом.

В докладе *О. И. Ханкевич* (Минск) «Роль плебейских собраний триб в политической жизни Рима позднереспубликанского периода» было подчеркнуто, что вплоть до конца республиканской эпохи в Риме наряду с трибуутными комициями под председательством курульных магистратов (*comitia populi tributa*) существовали и чисто плебейские собрания триб под руководством народных трибунов (*concilia plebis tributa*). Последние становятся после 287 г. до н. э. главным законодательным органом — все важнейшие законы, принятые в Риме во II в. до н. э., были плебисцитами (выведение многих колоний, реорганизация порядка прохождения магистратур, предоставление в отдельных случаях прав римского гражданства, предоставление полководцам права на триумф или овацию, попытка ввести вместо кооптационной системы выбор членов главных жреческих коллегий, реформа голосования в комициях и, наконец, все мероприятия Гракхов).

А. М. Ременников (Казань) свой доклад «К вопросу об экономике маркоманов и квадов в III—IV вв.» посвятил проблемам хозяйства варварских племен и их торговли с населением римского Подунавья. Торговые связи варваров с империей ускоряли процесс их социально-экономического развития. Между ними и жителями римского Подунавья установились некоторые элементы хозяйственной взаимозависимости. Однако рост народонаселения у варваров, зарождение в их среде раннеклассовых отношений и одновременно новый упадок римского государства привели ко все более частым военным столкновениям.

Был заслушан также доклад *Н. В. Вулих* (Ленинград) «Поэзия и политика в „Энеиде“ Вергилия», посвященный рассмотрению важных вопросов идеологии ранней Римской империи, анализу политических мотивов поэмы Вергилия и выявлению отношения поэта к Августу и окружающей его действительности.

Выступивший в прениях *В. Ф. Кузнецов* (Воронеж) в связи с докладом *А. И. Немировского* кратко остановился на проблематике римско-этруссских войн, сопровождав-

шихся, по его мнению, обострением социальной борьбы. *И. Л. Маяк* (Москва), говоря о докладе О. И. Ханкевич, отметила важность затронутой докладчиком темы, связанной с дальнейшим выяснением роли комиций, плебейских собраний, поскольку здесь многое еще остается неясным (например, участвовали ли патриции в плебейских собраниях). В конце Республики принадлежность к патрициям и плебеям существенной роли не играла. В составnobилитета входили патриции, возможно, они действовали через клиентелу. В докладе А. И. Немировского, по мнению И. Л. Маяк, заслуживают внимания наблюдения о полисных отношениях и гражданской общине этрусков. *Ю. К. Колесовская* (Москва), выступившая по докладу А. М. Ременникова, говорила о тесной связи проблемы взаимоотношений варварского мира с проблемой города, отметив, что именно города, и прежде всего города на лимесе были главной зоной различных (военных, политico-экономических, культурных) контактов римлян и варваров и что этапы таких контактов прослеживаются во всей истории взаимоотношений Рима и варваров.

Секция «Причерноморье в античную эпоху»

Заседание секции «Причерноморье в античную эпоху», состоявшееся 1 июня, началось докладом *Д. Б. Шелова* «Северопонтийские города в составе державы Митридата Евпатора». На основании сопоставления отрывочных данных нарративных источников, нумизматики и эпиграфики докладчик показал, что античные государства Северного Причерноморья — Херсонес, города Боспора, Ольвия, Тира — были подчинены Митридатом еще в последнем десятилетии II в. до н. э. Города в составе державы Митридата сохраняли свою полисную организацию и пользовались некоторыми правами внутренней автономии. По мнению автора, современное состояние науки позволяет оспаривать точку зрения М. И. Ростовцева и следовавшего ему П. О. Карапетовского, согласно которой Ольвия и Тира подчинялись Митридату до конца его жизни. Монеты городов Северо-Западного Причерноморья показывают, что сохранение Митридатом власти в этом районе после поражений от римлян в Малой Азии маловероятно. На основании данных нумизматики докладчик показал, что отношение Митридата к городам не оставалось неизменным. При Митридате ряд городов начал чеканить серебряную и медную монету, что указывает на возможность предоставления права чекана городам. Поскольку монеты чрезвычайно однотипны и на них ставилась одна монограмма, то вероятно предположение, что они выпускались одним монетным двором. Основной вывод докладчика сводится к тому, что северопонтийские города сохраняли лояльность по отношению к понтийскому царю вплоть до разгрома его римлянами. На протяжении всей долгой борьбы Митридата с Римом греческие города Причерноморья, преимущественно боспорские, были прочной его базой. Лишь в самом конце жизни понтийского царя боспорские города начали проявлять недовольство его авантюрной политикой, вошедшей в противоречие с их интересами.

Доклад *Д. С. Раевского* (Москва) «К характеристике культурных отношений северопонтийских греческих государств со скифским миром» был посвящен вопросу о широком распространении в Скифии IV в. до н. э. изображений на сюжеты греческой мифологии. Их обычно истолковывают как свидетельство популярности греческих мифов у скифской знати или как памятники религиозного синкретизма. Но уже работы Б. Н. Гракова, исследовавшего изображения Геракла, найденные в скифских комплексах, показали возможность иного объяснения тех же фактов — греческие изображения могли заново интерпретироваться в скифской среде на основе местных представлений: в них могли видеть иллюстрации к собственно скифским мифам. Анализ найденных здесь изображений, связанных с мифами об Ахилле (знаменитые обкладки горитов и др.), показывает, что популярностью в Скифии пользовались лишь те мотивы, которые находят прямое соответствие в мифах о Колаксае, игравших важную роль в системе социально-политической идеологии скифов. Если принять предлагаемую трактовку названных памятников, заключает докладчик, то они отражают не эллинизацию скифской религии, а лишь использование скифами изобразительных

памятников, созданных в инокультурной среде и порожденных иной религиозно-мифологической традицией.

Э. И. Соломоник (Симферополь) в докладе «Херсонес и его хоры (По материалам надписей)» отметила немногочисленность лапидарных надписей с Гераклейского п-ва и из Северо-Западного Крыма, ввиду чего особого внимания заслуживают граффити (в большинстве еще не изданные). Среди надписей из самого Херсонеса докладчик называет на две, непосредственно упоминающие хоры города (IOSPE, I², 355, 369), и предлагает для них новую датировку и восстановление текста, что позволяет по-иному взглянуть на скифо-херсонесские взаимоотношения в I в. до н. э. Для исследования религиозно-культурного и этнического аспектов истории херсонесской хоры материал предоставляют граффити. Преобладание среди них посвящений Гераклу (в сочетании с находками его изображений) свидетельствует о его функциях хранителя земли и границ государства, а также, возможно, — героя-вождя и завоевателя. Докладчик отмечает и посвящения Кибеле, Артемиде, Деметре, Гермесу — хтоническим богам, связанным с земледельческими культурами, а также ряду других богов (в том числе Асклепию и Сабазию). Пантеон Херсонеса был более широк и включал также некоторых восточных богов. Состав антропонимов из хоры (в основном греческих) также был однороднее, чем из Херсонеса. Диалектом, господствовавшим на территории хоры, был дорийский.

С. Ю. Сапрыкин (Москва) выступил с докладом «Присяга граждан Херсонеса как источник по изучению хоры города в свете новых данных». На основании данных присяги автор сделал вывод, что *τὰ τείχη* первоначально представляли собой укрепленные пункты с подчиненной сельскохозяйственной округой. В начале III в. до н. э. территория Херсонеса подвергалась нападению скифов, и город утратил часть территории. Последние раскопки в Северо-Западном Крыму и на Гераклейском п-ове показали, что первоначально во второй половине IV в. до н. э. там могли существовать неукрепленные усадьбы и дома-пирги. Однако после нападения скифов, когда часть территории была утрачена, на Гераклейском п-ове и в Северо-Западном Крыму появился ряд новых усадеб, а на старых была изменена планировка и укреплена обороноспособность. В этот период возникают новые усадьбы (*τὰ τείχη*), которые превращаются в сравнительно большие укрепления, выстроенные на определенном наделе. Докладчик считает, что перестройка старых и возникновение новых усадеб связаны с деятельностью стратега Агасикла и явились результатом нападения скифов, совпавшего с внутриполитическими неурядицами в Херсонесе, вызванными ростом имущественного неравенства граждан.

А. И. Болтунова выступила с докладом «К вопросу о хоре в древней Колхиде (Цари и скептухии)». Полемизируя с исследователями, которые считают, что Колхида в VI в. до н. э. составляла единое государство во главе с царем, разделенное на отдельные территориальные единицы (скептухии — Strabo, XI, 2, 18), докладчик, основываясь на данных Страбона и других авторов, заключает, что в раздробленности Колхида на скептухии нельзя видеть результат административных реформ царя. Скептухии были исторически сложившимися территориями племен, а отдельные области страны представляли собой более крупные объединения, включавшие несколько скептухий под главенством «царей», которых в Колхиде до времени ее подчинения Митридату Понтийскому было несколько.

Доклад *А. Н. Щеглова* (Ленинград) «К истории хоры северопонтийских государств» касался общих вопросов организации хоры античных городов Северного Причерноморья. Докладчик подробно остановился на терминологии. По его мнению, понятием «хора» определяется территория, которая непосредственно эксплуатируется полисом и составляет с ним единое административное целое. Докладчик предлагает разработанную им систему критерииев для выяснения структуры хоры. Основные элементы этой системы связаны с различными видами источников, помогающих выявить те или иные особенности структуры. Среди этих источников автор называет надписи, монеты, типологию сельских усадеб, керамику и т. п.

Завершающим был доклад *М. И. Золотарева* (Севастополь) «О роли ветровых

факторов в организации хоры Херсонеса и Калос-Лимена». Применяя современные расчеты направления ветров в Северо-Западном Крыму (Тарханкутский п-ов) и на Гераклейском п-ове, автору удалось установить отдельные закономерности строительства усадеб и размежеваний наделов в этих районах, так как древние учитывали указанные факторы и пытались использовать их при возведении построек и проведении различных сельскохозяйственных работ.

Обсуждение докладов открыло А. Н. Щеглов, отметивший, что большинство докладов секции касалось территории Северо-Западного Крыма. Это показательно, ибо отражает возросший интерес исследователей к данному району, связанный с расширением археологических изысканий. А. Н. Щеглов указал на значение комплексного подхода к источникам, который, как он полагает, следует распространить на изучение всех территорий, не ограничиваясь только херсонесской. Серьезного внимания заслуживает также изучение климатических факторов, и в этой связи очень интересен доклад М. И. Золотарева. А. Н. Щеглов назвал также доклады Э. И. Соломоник и С. Ю. Сапрыкина как исследования, углубляющие представления о сельскохозяйственной территории Херсонеса, но отметил, в частности, что используя граффити как источник для изучения хоры Херсонеса, необходимо учитывать, что сосуды с граффити могли быть привезены сюда из других мест.

По поводу доклада Д. Б. Шёлова А. И. Немировский заметил, что отличающее доклад органическое сочетание исторического и нумизматического анализа позволило по-новому осветить ряд вопросов. Что касается концепции докладчика, то, по мнению А. И. Немировского, альтернатива «Рим или Понт» стояла перед городами и до последнего этапа борьбы двух держав. Вряд ли города до конца были верны Митридату. Упоминание же Аппиана о «боспорцах» скорее всего относилось к городам. Ю. Г. Виноградов отметил, что данная тема важна для изучения проблемы полиса в Причерноморье. Политическое положение полисов в составе Митридатовой державы являло собой чрезвычайно сложную картину, и было бы рискованно относить сведения источников по этому вопросу, касающиеся городов Северного Причерноморья, и к другим регионам. С. Ю. Сапрыкин отметил важность темы доклада для изучения социально-политических проблем полиса в составе большой позднеаллинистической монархии.

О. Д. Дащевская говорила о том, что раскопки в Северо-Западном Крыму дали много нового материала, позволившего поставить новые проблемы, и использование граффити для изучения Северо-Западного Крыма требует рассмотрения этого источника в связи со всеми новейшими данными. Далее она отметила, что в докладе С. Ю. Сапрыкина представляется интерес сопоставление хоры городов Северо-Западного Крыма с ближайшей окрестностью Херсонеса, которое однако следует проводить с большей осторожностью, так как характер ряда поселений этого региона еще недостаточно ясен. О. Д. Дащевская отметила в докладе А. Н. Щеглова интересные критерии подхода к изучению хоры. Ю. Г. Виноградов, выступая по докладу Э. И. Соломоник, не согласился с трактовкой автором аббревиатур и лигатур как культовых. Говоря о докладах Э. И. Соломоник и С. Ю. Сапрыкина, он отметил, что необходима большая осторожность в трактовке ряда вопросов, основывающейся на сведениях, известных лишь из лапидарных источников. А. С. Голенцов указал на правомерность рассмотрения религиозных представлений жителей Керкинитиды и ее хоры независимо от Херсонеса, основанного столетием позже. И. Т. Кругликова, отметив общий высокий уровень докладов, подчеркнула, что особый интерес вызывают сообщения Д. С. Раевского и А. И. Болтуновой как новое слово в изучении малоисследованных проблем.

Секция «Культура античного мира»

Заседание 31 мая открылось докладом В. Н. Ярхо (Москва) «О характере конфликта в древнегреческой комедии». Этот вопрос, полагает докладчик, после недавних публикаций папирусных текстов Менандра может быть поставлен в полном объеме для длительного периода (от конца V в. по рубеж IV и III вв. до н. э.). Привычное противопоставление «новой» и «древней» комедии как бытовой («реалистической») и политической оказывается недостаточным. В древней комедии основные стилевые компоненты,

восходящие к фольклору («перевернутые отношения», ритуальное «срамление» и т. п.), используются для постановки общественно значимых вопросов в фантастической форме, а столь же иллюзорный финал достигается в напряженном столкновении антагонистов. В менандровской комедии злободневная тематика заменяется бытовой, противоборствующих героев нет, всем им противостоит *τόχη*, конфликт из внешнего превращается во внутренний. Несмотря на внешнее правдоподобие менандровской комедии, на ее интерес к внутреннему миру рядового человека, в ней создаются достаточно условные предпосылки для нравственного конфликта, утопическое решение которого ведет к той же иллюзорной в своем роде развязке. Традиционные для древней комедии «перевернутые отношения» вновь «переворачиваются», но результат этого — не простое возвращение к повседневной действительности, а установление иллюзорной гармонии, соответствующей аристотелевскому представлению об идеале как середине между двумя крайностями.

Н. А. Чистякова (Ленинград) выступила с докладом «Словесно-художественная традиция Великой Эллады. (Стесихор и социальная основа его поэзии)». Недавние публикации многих и значительных фрагментов Стесихора, говорилось в докладе, позволяют раскрыть доселе неизвестные страницы социальной жизни, культуры и искусства Западного Средиземноморья на рубеже VII и VI вв. до н. э. Если в гомеровском эпосе нашли выражение процессы становления гражданской общин, утверждения новой социальной системы в результате разрушения принципов родового общественного бытия, то в творчестве Стесихора (сохранившем для нас мифы, бытовавшие в Сицилии и Италии) раскрывается та почти исчезнувшая словесно-художественная традиция, которая была оттеснена или поглощена эпосом. По происхождению еще доиталийская, видимо миценская, традиция предстает жизнеспособной и устойчивой в особых условиях жизни греческого Запада начиная со времени его освоения и заселения греками. Эта традиция была порождена родовой общиной и ревностно оберегала духовные реликты этноса, племени и рода.

Доклад *Л. С. Сахненко* (Калинин) был посвящен теме «Полис в системе архэ. (На материале комедий Аристофана)». Исследовательница отметила, что по материалу комедий (подтверждаемому другими источниками) можно проследить как основные показатели зависимости союзных государств, так и различия в положении конкретных союзных государств (вплоть до освобождения от фороса), определявшиеся договором или постановлением афинского народного собрания. В подчиненном положении союзников Аристофан различает две стороны: их официальную зависимость от народного собрания, против которой он нигде не выступает, и постоянно им критикуемую зависимость союзных полисов от бесчестных магistrатов и алчных демагогов. Поэт не мыслит афинское государство иначе как в форме архэ. В условиях массового отпадения союзных полисов в 411 г. до н. э. он предлагает ради сохранения архэ пойти на все, вплоть до предоставления части союзников прав афинского гражданства.

Доклад *И. Д. Амусина* (Ленинград) «Сочинения Иосифа Флавия и кумранские рукописи (К истолкованию кумранского фрагмента 4Q 161)» печатается в настоящем номере ВДИ.

В прениях по прочитанным докладам *М. К. Трофимова* (Москва) отметила убедительность исторической интерпретации кумранского документа в докладе И. Д. Амусина, поставив, однако, вопрос — исчерпывается ли историческим аспектом смысл кумранских толкований. В коптских гностических толкованиях, во всяком случае, преобладают иные аспекты. *И. Н. Вайнберг* (Даувгавпилс), говоря о том же докладе, подчеркнул различное восприятие времени в ветхозаветных леммах (исторически-линеарное, сочетающееся с точкой пространственной локализацией) и кумранских толкованиях, где четкое линеарное восприятие притупляется: прошлое и настоящее «спрессовываются» в один миг. *В. И. Исаева* (Москва) нашла перспективным предложенный в докладе Л. С. Сахненко способ использования данных Аристофана для изучения афинской архэ (интерес к которой среди современных исследователей очень велик). Вряд ли, однако, полагает она, можно считать, что ко времени Аристофана уже не было автономных союзников. В. И. Исаева указала и на то, что в приведенном доклад-

чиком материала явственно прослеживается также важная для политической борьбы внутри Афин тема отделения демагогов от демоса. Г. П. Чистяков (Москва) отметил, что доклад Н. А. Чистяковой, исследующий этапы развития греческой лирики на примере поэзии Стесихора, способствует прояснению смысла той борьбы вокруг Гомера, которая велась в VI в. до н. э., когда Гомер был окончательно противоставлен другим поэтам, причем интересно, что почти все тираны так или иначе занимались Гомером (единственное исключение Клисфен Сикионский, запретивший исполнение его песен). В. Н. Ярх (Москва), говоря о том же докладе, указал на важность составляющего особую тему вопроса о доэпическом жанре. Он также заметил, что и в лирике Алкмана, который жил ранее Стесихора, мифологический материал представлен достаточно широко. Касаясь доклада Л. С. Сахненко, В. Н. Ярх подчеркнул, что, используя Аристофана как исторический источник, следует помнить о грани, разделяющей у него реальность и фантастику. Выступление Ю. К. Колосовской (Москва) касалось (как и ее вопрос к И. Д. Амусину) стремления Парфии использовать в интересах борьбы с Римом события в Иудее.

После перерыва заседание возобновилось докладом Н. В. Брагинской (Москва) «Кому не должны подражать стражи Платонова полиса?». Докладчик обращается к тому пассажу из «Государства» (396b), где говорится о том, что стражи идеального полиса не могут уподобляться подражателям «ржанью коней, мычанью быков, журчанью потоков, гулу морей, грому и прочему в том же роде». Из контекста диалога докладчик заключает, что речь идет не о каких-то «безумствующих» в буквальном смысле слова, но о людях, профессиональное занятие которых — «показывать поэтические произведения», как тот чужеземец, умеющий «изображать что угодно», о котором говорится ниже (398a). Таким образом, текст Платона оказывается источником по истории театра. Он свидетельствует в пользу сближения рапсодов и гипокритов, позволяет думать, что эпические произведения не просто пелись, но разыгрывались, и, наконец, в нем можно видеть указание на воспроизведение в фольклорных театральных представлениях «внешней природы» — стихий и зверей, на очень архаическую «дочеловеческую» стадию греческого театра.

Темой доклада Б. Б. Виц-Маргулес (Гродно) было «Возникновение философского центра в Абдерах в V в. до н. э.», которое стало возможна в этом греческом городе Южной Фракии на базе высокого уровня материальной и духовной жизни, развившейся на основе греческой и местной культуры, а также под глубоким воздействием предшествующей философской мысли. Реализации этой возможности способствовала определенная историческая обстановка: захват Малой Азии персами, конец процветания ионийских городов привели к перемещению философских центров как в Великую Грецию, так и к некоторым городам Северо-Востока, приобретшим большое торговое значение. Абдеры в V в. были демократическим полисом. Здесь родились Демокрит и Протагор, учил Левкипп, гостили Гиппократ. О почете, каким здесь пользовалась философия, свидетельствуют и абдерские монеты. Философия Левкиппа и Демокрита была самым зрелым синтезом двух ветвей греческой философии, в котором определенную роль сыграли и местная культура, и влияние Востока.

В. М. Строгецкий (Горький) выступил с сообщением «Диодор Сицилийский (I, 6—8) о космологии, зоологии и антропологии». Со времени К. Рейнгардта (1912 г.), сказал докладчик, источником 7-й и 8-й глав введения к «Исторической библиотеке» Диодора считается Гекатей из Абдер — последователь Демокрита. На этом основании ученые (в том числе А. О. Маковельский и С. Я. Лурье) включили эти главы в число фрагментов Демокрита. Однако в 6-й главе I книги Диодора мы находим теорию о начале и конце мироздания, не согласующуюся с учением Демокрита о бесконечности вселенной. В излагаемом Диодором учении о происхождении вселенной и жизни в ней (I, 7, 1—7) заметно влияние натуралистических теорий. В антропологии Диодора (I, 8, 1—10) теория прогресса в развитии человеческого общества уживается с телевологическими взглядами на целесообразность и совершенство живых созданий. Поэтому едва ли правомерно сводить рассуждения Диодора в рассматриваемых главах к одному источнику, в основе которого будто бы лежала атомистическая теория Демокрита.

Г. П. Чистяков (Москва) сделал сообщение «„Описание Эллады“ Павсания как исторический источник». Павсаний, как и периэгеты (к которым его часто причисляют, хотя он писал в другую эпоху), посвятил свое сочинение не географии, а хорографии. Но от периэгетов его отличает многое: сам предмет (сочинения периэгетов посвящены лишь отдельным областям), интерес к малоизвестному, стиль изложения (у периэгетов он сух и чисто информативен, Павсаний же пользуется языком исторической прозы). Цитат из периэгетов у Павсания нет. Труд Павсания — не «Бедекер древности», а сочинение, обращенное к подготовленному читателю, которое могло служить некоей заменой путешествию.

При обсуждении докладов *М. К. Трофимова* (Москва) указала на плодотворность методики исследования, примененной в докладе *Н. В. Брагинской*, который может служить примером восстановления конкретной исторической действительности по одному тексту. *Д. В. Панченко* (Ленинград) соглашается с *Н. В. Брагинской* в том, что рассмотренный ею текст Платона содержит указание на театральные маски, но, полагает он, не на разыгрывание эпического повествования. По мнению *Д. В. Панченко*, речь идет в этом тексте о реальной жизни, воспринимаемой, однако, через стандартный театральный набор. *Б. Б. Виц-Маргулес* (Гродно) считает, что отрывок из Диодора, о котором говорил *В. М. Строгецкий*, можно рассматривать как источник для изучения взглядов Демокрита, хотя и не как текст Демокрита. Лексика этого отрывка — древняя, но Гекатей Абдерский, служивший здесь источником Диодору, не во всем следовал Демокриту.

И. Д. Амусин (Ленинград), отметил, что в докладе *Б. Б. Виц-Маргулес* был поставлен ряд интересных вопросов.

А. И. Павловская сообщила, что на конференцию был прислан также доклад *А. Л. Каца* (Ош) «О социальной направленности комедий Плавта», который не был прочитан за недостатком времени.

1 июня на заключительном заседании конференции с отчетами о работе секций выступили их председатели: *А. Г. Лундин* (секция древнего Востока), *Э. Д. Фролов* (секция древней Греции), *А. М. Ременников* (секция древнего Рима), *И. Т. Кругликова* (секция Северного Причерноморья), *И. Д. Амусин* (секция истории античной культуры).

Состоялось обсуждение работы авторско-читательской конференции ВДИ и деятельности редколлегии и редакции журнала. В своих выступлениях *Н. В. Вулих* (Ленинград), *В. П. Зимин* (Куйбышев), *И. Д. Амусин* (Ленинград) внесли конкретные предложения по улучшению работы журнала.

В заключение *З. В. Удальцова* отметила плодотворность итогов трехдневной работы конференции: она привлекла более ста участников, было заслушано 46 докладов, обсуждение которых проходило оживленно и на высоком научном уровне. Конференция несомненно будет способствовать дальнейшему расширению авторско-читательского коллектива ВДИ.

Н. С. Иванова, В. Н. Илюшечкин, В. И. Исаева, С. Ю. Сапрыкин

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого и комментарии
Г. П. Чистякова и Э. Г. Юнца

ПЛУТАРХ
МОРАЛИИ
ОБ УДАЧЕ РИМЛЯН

Публикуемый трактат принято считать первым по времени из того, что дошло до нас от Плутарха. Как и трактат «Об удаче и доблести Александра Великого», это сочинение живо напоминает риторические упражнения на заданную тему. На широкую популярность этой темы указывает то, что у Тита Ливия¹, Аппиана², Диона Хризостома³, Юлиана Отступника⁴ и у других писателей можно легко обнаружить целый ряд рассуждений подобного рода. Трактат написан в первой половине 60-х годов I в. н. э. или несколько позднее, но во всяком случае в то время, когда Плутарх учился у Аммония, Эмилиана или у какого-то другого ритора. Автору в это время было немногим больше 20 лет.

По своему жанру это декламация, предназначенная для публичного чтения. Но была ли она прочитана или нет, сказать нельзя. Основное содержание ее заключается в следующем: Плутарх берет исторические факты, как широко известные, так и мало где упоминаемые, и интерпретирует их в нужном ему свете. Это не рассказ о событиях, а попытка их осмыслить по-своему, иными словами — историософский очерк.

Задача автора — раскрыть положение, согласно которому в истории действуют две силы: удача и доблесть (Τόχη — лат. *Fortuna* и Ἀρετή — лат. *Virtus*), иначе говоря, случайное и преднамеренное. В одних случаях проявляется себя первая, в других — вторая, но величие Рима — это, бесспорно, результат совместных усилий обеих. Плутарх пытается утверждать, что заимствовал эту схему у натурафилософов, но на деле он исходит из знаменитого тезиса Полибия в том, что Рим вознесла Удачу⁵. То, что весь обитаемый мир попал под власть Рима, согласно Полибию, — «величайшее деяние Удачи, которая никогда прежде не совершила ничего подобного». В качестве антитезы к этому положению римская историография выдвинула свою точку зрения: Рим — это детище исключительной доблести его граждан. Плутарх остроумно сталкивает обе концепции и в конце трактата задает вопрос о том, как бы сложились дела, если бы римлянам пришлось воевать с Александром. Оказывается, даже его кончина — это одно из проявлений сопутствовавшей римлянам Удачи. Этот же вопрос обсуждает Тит Ливий⁶, но решает его диаметрально противоположно: Александр был вознесен Удачей, к тому же ненадолго, а в основе величия Рима лежат действия народа, ведшего войны в течение 800 лет. Ливий говорит о том, что Александр был крайне невоздержанным, а Элиан⁷ подчеркивает, что ему были свойственны недостойные поступки.

¹ L i v., IX, 17—19.

² A p p., Prooem. 18, 11.

³ D i o C h r y s., II, 74—83.

⁴ J u l i a n., Or. I, р. 19 С.

⁵ P o l y b., I, 1—4, особенно § 4.

⁶ L i v., IX, 17—19.

⁷ A e l., Var. Hist. II, 23.

Он сообщает, что подвиги Александра, как правило; целиком относят на счет Удачи, Саллюстий⁸ же сетует на то, что Фортуна к римлянам несправедлива. Плутарх отталкивается от этой концепции, но при этом выворачивает ее наизнанку: в публикуемом сочинении, а затем в трактате «Об удаче и доблести Александра» он показывает, что прославившийся своей доблестью Рим во многом обязан лишь одному случаю и своей блестящей Фортуне, тогда как Александр добился своего благодаря невероятной доблести. Причем Фортуна, по мнению Плутарха, неоднократно и жестоко препятствовала Александру. Удачу ему заменяли нравственные качества, которыми он пользовался как истинный философ.

Трактат «Об удаче римлян» (№ 175 в Ламприевом списке сочинений Плутарха) в ряде списков носит более подробное название: «Кому принадлежат деяния римлян, Удаче или Доблести?». Подлинность трактата сомнений не вызывает⁹, в тексте многое испорченных мест, которые в настоящее время детально разработаны критически. Декламация дошла до нас без окончания и, возможно, не была закончена автором. Во всяком случае Плутархом она не была отделана окончательно и вышла в свет только после его смерти. На это указывает тот факт, что один и тот же рассказ о святынях Фортуны в Риме повторяется дважды в разных местах с незначительными изменениями¹⁰.

Публикуемый трактат посвящен спору между персонифицированными Удачей и Доблестью (поэтому эти слова пишутся с большой буквы). Этот спор переходит в трактат об Александре, а его отголоски можно найти и в других сочинениях Плутарха.

Материал, собранный здесь Плутархом, широко использован им в «Римских вопросах» и в жизнеописаниях Ромула, Нумы, Камиллы и Антония, а также в других сочинениях. Поэтому имеет смысл отметить, что именно здесь Плутарх впервые затронул те вопросы, к которым неоднократно будет возвращаться в течение всей своей жизни.

Перевод выполнен по изданию *Plutarchi Moralia*, vol. II, recensuerunt et emendaverunt W. Nachstädt, W. Sieveking, J. B. Titchener, Leipzig, 1971.

Вступительная статья Г. П. Чистякова, § 1—8 — перевод и примечания Г. П. Чистякова, § 9—13 — Э. Г. Юнца.

C 1. Часто имевшие многочисленные и серьезные споры друг с другом Доблость и Удача сражаются и сейчас из-за Римской державы, выясняя, чье это творение и кто именно из них произвел на свет столь великую силу. Для той, которая одержит верх, немалым достижением будет оправдание от обвинений: ведь Доблость обвиняется в том, что она прекрасна, но бесполезна, а Удача — в том, что она хороша, но переменчива. Говорят, что первая трудится бесплодно, а вторая даруется незаслуженно. И тем не менее, если отдать Рим одной из них, кто не признает, что Доблость в высшей степени полезна, **D** коль скоро она даровала достойным мужам такие блага, или что благоволение Удачи более чем постоянно, раз она вот уже столь долго оберегает то, что дала. Поэт Ион в сочинениях, написанных дистихами и прозой, говорит, что Удача, будучи весьма непохожа

⁸ *Sall.*, *Cat.* 8.

⁹ Значительно сложнее обстоит вопрос о подлинности трактата «Об удаче и доблести Александра Великого». И. Керст (см. J. Kaegst, RE, I, стб. 1413, 1426) отрицал подлинность обеих частей трактата. А. Шефер (A. Schäfer, *Jahrb. für Philol.*, 1870, стр. 441) и Л. Вебер (L. Weber, *De Plutarchi Alexandri laudatore*, Göttingen — Halle, 1888) пришли к выводу о подложности второй его части, но В. Нахштедт в специальной работе достаточно аргументированно доказал принадлежность этого сочинения Плутарху (W. Nachstädt, *De Plutarchi declamationibus quae sunt de Alexandri fortuna*, B., 1895). Большинство сведений, содержащихся в этом трактате, можно найти у Ариана, Квинта Курция Руфа и др. Интерес представляет не сам материал, а его истолкование — восторженная оценка, которую Плутарх дает буквально всему, что связано с Александром.

¹⁰ Ср. 318 D — 319 A и 322 C — E.

на Мудрость, порождает плоды, очень похожие на творения последней¹. Обе они растят и украшают людей, ведут их к славе, могуществу и власти. Нужно ли умножать здесь число примеров? Ту Природу, которая рождает и дает нам все, одни считают Удачей, а другие — Мудростью. По этой причине настоящее рассуждение поставит Рим в положение в известной степени прекрасное и достойное зависти, поскольку мы будем рассуждать о нем, выясняя, кто его возвеличил — случай или прорицание, почти как о земле, море, небе и звездах².

2. Я думаю, что не ошибаюсь, полагая, что Удаче и Доблести, хотя они всегда воюют и спорят между собою, для создания такого сгустка власти и силы следовало объединиться и совместно завершить и устроить самое прекрасное из человеческих творений³. Из огня и земли, как из необходимых и основных элементов, о чем рассказывает Платон⁴, возник космос, ставший видимым и осязаемым от того, что земля принесла ему тяжесть и устойчивость, а огонь — цвет, форму и движение. В то же время вода и воздух, находящиеся посередине, ослабляя и приглушая противоположности между крайними элементами, объединили их и соединили в единство. Подобно этому, как я полагаю, Время, укреплявшее Рим, по божественной воле объединило и смешало Удачу и Доблесть с той целью, чтобы, взяв от каждой ее черты, создать для всех людей священный алтарь⁵, поистине приносящий пользу, «надежный канат», вечную опору во всех обстоятельствах, «якорную стоянку против качки и волнения», как говорит Демокрит⁶. Физики, как известно, считают, что космос не был искони⁷ таков, каков он есть, и думают, что тела не стремились соединяться и смешиваться для того, чтобы из них по природе возникла общая форма. Будучи малыми по величине, они блуждали повсюду, скрываясь и убегая от остановок и сливаний. Затем, став больше, они начали вступать в страшные схватки друг с другом, отчего возникали смятение, волнения и сотрясения. Все было наполнено беспорядком, шаткостью и обломками до тех пор, пока земля не приобрела своей величины от соединившихся вместе блуждающих тел и не заняла своего положения, а прочим телам не представила места в себе или около себя⁸. Подобно этому огромные державы и царства среди людей по воле случая рушились и сталкивались друг с другом, поскольку никто один не властвовал над всеми, но каждый к этому стремился. Царили невыразимый беспорядок,

¹ Эта же цитата в несколько иной форме повторяется Плутархом в «Застольных беседах» (Mor. 717 B). См. также Diels, 36 B, 3.

² С этого места Плутарх начинает проводить целый ряд параллелей с натурфилософией. Он стремится доказать, что говорит об истории, оперируя теми категориями, которыми пользуются обычно натурфилософы. Это делается для того, чтобы придать своим выводам солидность, убедить читателя, что они так же точны и обосновательны, как выводы натурфилософов.

³ Аналогично рассуждал Аппиан (см. Prooem. 11), который считал, что величайшему благоволению Удачи к римлянам способствовали их доблесть и умение переносить трудности и страдания. Само же благоволение Удачи они приобрели благодаря благородству.

⁴ Pla to, Tim. 28b, 32b.

⁵ В тексте *ἐστια ιερά*. Рим здесь уподобляется алтарю, у которого должны искать спасения и помочь все народы.

⁶ См. Diels, 148 B. Эта же цитата в несколько ином виде еще раз встречается у Плутарха в трактате De amore prol. (Mor. 495E).

⁷ «Искони» — *πάλαι* — конъектура Ф. К. Бэббита. См. Plutarch's *Moralia*, t. IV, L., 1936, стр. 326.

⁸ Подобная картина возникновения мира нарисована в трактате *Placita Philosophorum* (Mor. 878 C — F).

С волнения и разнообразные перемены повсюду, пока Рим не приобрел силы и величия и не присоединил к себе не только ближайшие племена и народы, но и далекие владения правивших за морем царей, не занял места, более всего огражденного от опасностей, и не распространил на круг земель свое владычество и царство мира⁹. Причем мужам, все это созидавшим, как это будет показано в продолжение моей речи, была присуща истинная Доблесть и сопутствовала постоянная Удача.

Д 3. А теперь, по-моему, нужно как бы с наблюдательного пункта рассмотреть схватку между сопшедшимися Удачей и Доблестию¹⁰. У Доблести походка спокойна и взгляд постоянен, а предстоящий спор вызвал на лице румянец гордости. Она сильно отстает от торопящейся Удачи, ведут ее и сопровождают во множестве в качестве копьеносцев

Павшие в битвах мужи с оружием влажным от крови¹¹,

Е отягощенные боевыми ранами, истекающие кровью, смешанной с потом, и опирающиеся на сломанные копья врагов. Угодно ли узнать, кто это такие? Они сообщают, что это Фабриции, Камиллы, Луции Цинциннаты, Фабии Максимы, Клавдии Марцеллы и Сципионы. Вижу я и Гая Мария, разгневанного на Удачу. Есть там и Муций Сцевола, который показывает сожженную руку с восплем: «Неужели и ее ты отдаешь Удаче?». А вот и Марк Гораций, прославившийся у реки. Потопляемый этрусскими копьями, он вытаскивает раненую ногу из глубокого омута и восклицает: «По-вашему и я изуродован Удачей?». Вот каковы спутники Доблести, выступающие один за другим:

Тот мощный воин, кто врагам приносит смерть¹².

4. У Удачи шаг возбужденный, движения необузданые, она полна надежды похвастаться. Опережая Доблесть, она все время недалеко от нее, но не думайте, будто она «поднимает себя на легких крыльях» или подходит, ступая осторожно и нерешительно, «почти не касаясь земного круга»¹³, а затем удаляется так же незаметно. Нет, подобно тому как Афродита, о чем рассказывают спартанцы¹⁴, переплывая Эврот, отбросила зеркала, украшения и пояс и взяла копье и щит, украсившись ими в благодарность к Ликургу, Удача, покинув персов и ассирийцев, легко упорхнула в Македонию, а затем быстро отвергла Александра, мэннуя ценные царства, пронеслась через Египет и Сирию и несколько раз побывала у карфагенян. Затем, приблизившись к Палатину, она пересекла Тибр, надо

⁹ Имеется в виду лат. *orbis terrarum* и *raph Romanus*.

¹⁰ Эта сцена (см. также начало § 4) имитирует широко известное рассуждение Продика Коесского о Геракле, встретившем Порок и Добродетель в виде двух женщин (Хеф., Мем. II, 1, 21—34). Об интерпретации этого рассуждения у Плутарха см. специальное исследование Zuretti, *Riv. di filol.*, XXI, 1893, стр. 385—408.

¹¹ Od. XI, 41.

¹² Эта строка неоднократно цитируется Плутархом: дважды со ссылкой на Эсхила (Мог. 334 D и 640 A) и один раз без указания источника (Comparat. Dem. et Cic. 2).

¹³ Искаженная цитата из неизвестного источника. Представляет собою два стиха об Удаче, заимствованные из какой-то драмы, которые звучали приблизительно следующим образом:

Себя на легких крыльях поднимает,
Почти земного не касаясь круга.

¹⁴ Нигде более этот миф не излагается. Однако Павсаний (III, 15, 10) упоминает о ксане вооруженной (*ῳπλισμένη*) Афродиты в Спарте.

318 полагать, отложила свои крылья¹⁵, сняла сандалии и окончательно оставила землю, не заслуживающую никакого доверия и ненадежную. Так она появилась в Риме, чтобы здесь оставаться навеки. Она пребывает тут и ныне, как будто ожидая приговора. Она совсем не кажется «непокорной», как говорится у Пиндара, и не

поворачивает свое кормило¹⁶,

и больше напоминает «сестру Благозакония и Послушания и дочь Предусмотрительности», как излагает ее родословие Алкман¹⁷. В руках она держит многократно воспетый рог изобилия, но только переполнен он не спелыми плодами, а всем тем, что приносят земля и моря, реки, рудники и гавани. Щедро и во множестве изливает она все это. Знаменитые и славные мужи в немалом числе виднеются за нею. Нуна Помпилий из земли сабинян и Приск из Тарквиний, которых, хотя они были чужими царями и иноземцами, она утвердила на престоле Ромула. Эмилий Павел, возвративший свое войско после войны с Персеем и македонцами невредимым¹⁸ и добывший победу без потерь, тоже восхваляет Удачу. Восхваляет ее и престарелый Цецилий Метелл Македоник, которого хоронили четверо сыновей-консулляров: Квинт Балеарик, Луций Диадемат, Марк Метелл и Гай Каппарий, а кроме них два консулляра зятя и внуки по дочери, прославленные всем известными подвигами как на войне, так и в государственных делах¹⁹. Эмилий Скавр из низкого положения и еще более низкого рода был взят Удачей, сделан «новым человеком»²⁰ и записан в Великом Собрании в качестве первого²¹. Корнелия Суллу, взяв и вырвав из объятий его любовницы Никополы²²,

¹⁵ Этот образ, возможно, навеян бескрылой Никой, почитавшейся в Афинах (Paus., III, 15, 7).

¹⁶ Fr. 40. Текст известен только из этой цитаты (Pindari Carmina cum fragmentis, II, ed. H. Maehler, Lpz, 1975).

¹⁷ Fr. 62 (Bergk).

¹⁸ Это, бесспорно, преувеличение, допущенное для того, чтобы воздействовать на слушателя. Сам Плутарх со ссылкой на Посидония (Aemil. 21) и Тит Ливий (XXXIV, 42, 8) сообщают, что в битве при Пидне (168 г. до н. э.) было убито около ста человек и многие ранены. Правда, по словам Ливия, это были в основном пелигны, поэтому римляне действительно почти все остались целы.

¹⁹ Цицерон (De fin. bon. et mal. V, 27) сообщает, что три сына Метелла были консулами, а четвертый — претором. В «Тускуланских беседах» он упоминает о четырех знаменитых сыновьях Квinta Метелла (Tusc. disp. I, 35, 85). Подробнее всего о Метелле рассказывает Веллэй Патеркус (I, 11, 2—7), повествование которого во многом напоминает рассказ Плутарха. Он говорит: «Вряд ли можно найти человека его рода, эпохи и сословия, счастье которого было бы равно удаче Метелла..., он вырастил четырех сыновей, всех из них успел увидеть взрослыми, всех оставил живыми и занимающими весьма высокие должности. Его смертный одр сопровождали четыре сына: один — консулляр и цензорий, другой — консулляр, третий — консул, четвертый — в то время домогавшийся консулата, чего впоследствии достиг. Это без сомнения больше похоже на счастливый уход из жизни, чем на смерть».

²⁰ В тексте *χαῖρος ἄνθρωπος*, т. е. homo novus. Это не совсем верно, потому что Скавр был, безусловно, человеком из знатного рода. Цицерон (Pro Murena, 7, 16) говорит о том, что он своей доблестью обновил изгладившуюся память о своем роде. Саллюстий (Jug. 25, 4) упоминает его среди лиц, принадлежавших к знати по рождению (majores natu nobiles), а в анонимном трактате De vir. ill. (72 сл.) сообщается, что он был знатен, но беден, «ведь его отец, хотя был патрицием, из-за бедности занимался торговлей углем».

²¹ Имеется в виду Princeps Senatus.

²² См. Plut., Sull. 11, 7: «Влюбившись в общедоступную, но состоятельную женщину по имени Никопола, он перешел потом на положение ее любимица в силу привычки и удовольствия, которое доставляла ей его юность, а после смерти этой женщины унаследовал по завещанию ее имущество» (перевод В. М. Смирнова).

она как монарха и диктатора поставила выше Мария с его кимбрскими триумфами и семикратным консульством. Всеми своими делами он прямо объявил себя сыном Удачи как Эдип у Софокла, воскликнувший:

D Удачи сыном я себя считаю ²³.

На языке римлян он назывался FELIX ²⁴, а по-гречески писал свое имя следующим образом: Луций Корнелий Сулла Элафродит ²⁵. Его трофеи у нас в Херонее и те, что воздвигнуты в память войн с Митридатом, надписаны именно так. Поэтому видно, что больше всего виновата в делах Афродиты не Ночь, как об этом говорится у Менандра, а Удача ²⁶.

5. Вот только сможет ли кто-нибудь после такого прекрасного вступления привести самих римлян в качестве свидетелей того, что они почитают больше, Удачу или Доблесть? Святилище Доблести у них поздно и по прошествии долгого времени от основания города воздвиг Сципион Нумантинский ²⁷, затем Марцелл ²⁸ учредил святилище, именуемое VIRTUTIS и HONORIS ²⁹, а кроме этих святилище, называемое MENTIS,— так, надо полагать, они именуют Разум, воздвиг Эмилий Скавр ³⁰, живший во время войн с кимбрами. Произошло это потому, что когда греческое красноречие, остроумие и словоохотливость проникли в город, они начали почитать такого рода вещи. И тем не менее святилища Мудрости у них нет до сих пор, как нет святилищ Благородства, Великодушия, Самообладания или Воздержания. Но зато вот вам святилища Удачи, знаменитые и древние ³¹, и к тому же разбросанные по наиболее видным местам города. Первым соорудил святилище Удачи Марций Анк ³², внук

E Нумы по матери, бывший четвертым царем после Ромула. Возможно, это именно он дал Удаче имя Мужества ³³, которому в достиже-

²³ Sop h., Or. 1080.

²⁴ См. Plut., Sull. 34, где довольно точно повторяется настоящее рассуждение, причем упоминается даже о трофеях Суллы «у нас» (παρ' ἡμῖν), т. е. в Херонее.

²⁵ Т. е. Venustus.

²⁶ См. Kock, III, 209. Это же изречение встречается у Плутарха в «Застольных беседах» (Мор. 654 D).

²⁷ Никаких других сообщений об этом нет.

²⁸ В 208 г. на средства сицилийской добычи Марк Клавдий Марцелл воздвиг в Риме близ Капенских ворот святилище Чести и Доблести (Plut., Marc. 28; L i v., XXVII, 25, 6—10; XXIX, 11, 13; C i s., De nat. deor. II, 23, 61 и др.). В ряде рукописей вместо имени Марцелла упомянуто имя Мария. Витрувий дважды (II, 2, 5; VII, p. 147) говорит о храме Virtutis et Honoris, который связан с именем Мария. Однако здесь речь идет все-таки о Марцелле, во-первых, по той причине, что Плутарх перечисляет строителей храмов в хронологическом порядке, а во-вторых, потому что строительство этого храма связывается с именем Марцелла ниже, см. 332 C.

²⁹ Virtutis et Honoris, т. е. Доблести и Чести,— так в тексте. Все латинские слова в рукописях Плутарха пишутся греческими буквами.

³⁰ Об Эмилии Скавре см. прим. 20. О воздвигнутом им святилище Разума упоминает Цицерон (De nat. deor. II, 23, 61).

³¹ Ср. «Римские вопросы» (Мор. 284 E).

³² Ср. Plut., Num. 21. У Дионисия Галикарнасского сообщается, что первым соорудил святилище Удачи не Анк Марций, а Сервий Туллий (Ant. Rom. IV, 27).

³³ Имеется в виду, безусловно, Fortuna Fortis. См. Ovid., Fast. VI, 773—783; Dion. Hal., Ant. Rom. IV, 27. Дионисий Галикарнасский рассказывает о том, что Сервий Туллий «соорудил два храма Удачи, которая в течение всей его жизни, как известно, была к нему благосклонна, один — на площади, именуемой Бории, а другой — на берегу Тибра, этот храм он назвал именем Удачи Мужественной, как и сейчас он называется у римлян». По мнению У. Гудвина (см. Plutarch's Moralia, t. IV, L., 1936, стр. 337), у Плутарха идет речь не об эпиграфе «Мужественная», как этого следовало бы ожидать, а об имени «Мужество», поскольку прилагательное *fortis* Плутарх принял за род. падеж существительного *fors*. Однако издатели второго тома «Моралий» (см. введение к настоящему переводу) полагают, что эта ошибка заимство-

нии победы более всего способствует Удача. Храм Женской Удачи ³⁴ они построили еще до Камилла, после того как благодаря женщинам повернули прочь Марция Кориолана, который вел на город вольсков. Женщины во главе с матерью и супругой этого мужа отправились к нему и сумели своими просьбами добиться того, что он пощадил город и увел прочь войско варваров. Рассказывают, что

319 после этого статуя Удачи во время ее посвящения в храм отверзла уста и сказала: «Вы, женщины города, были благочестивы, когда воздвигли меня по обычаю Рима» ³⁵. И, наконец, Фурий Камилл, когда он потушил галльский пожар и буквально снял Рим, цена которого уже была выражена в золоте, с чаши весов ³⁶, не учредил алтарей ни Благоразумию, ни Мужеству, а воздвиг их Вещему Слову и Преднаменованию ³⁷ у Новой дороги в том самом месте, где перед началом войны Марк Цедекий, проходя ночью, услышал голос, приказавший в ближайшее время ждать войны с галлами. Удачу, которая почитается у реки, называют словом FORTIN ³⁸, что означает крепкая, сильная или мужественная, как имеющую силу побеждать все, что угодно. Ее храм они построили в Садах, завещанных Цезарем народу ³⁹, считая, что даже он так возвеличился благодаря доброй Удаче, как заявил об этом он сам.

Б 6. Относительно Гая Цезаря я постыдился бы утверждать, что он возвеличился из-за благоволения Удачи, если бы он сам не заявил об этом. Дело в том, что, преследуя Помпея, он отплыл из Брундизия за один день до январских нон и, хотя дули зимние ветры, без затруднений пересек море, потому что Удача взяла верх над всеми обстоятельствами. Однако обнаружив, что войска Помпея многочисленны как на суше, так и на море; он, будучи со всеми своими силами намного слабее противника, поскольку его войска, оставшиеся с Антонием и Сабином, задерживались, отважился сесть на какое-то утлое суденышко и, введя в заблуждение его владельца и кормчего, отплыл под видом чьего-то слуги. Когда же близ устья реки они попали в опасное место и в сильный водоворот, увидев, что кормчий поворачивает назад, он сорвал с головы плащ и, показавши, кто он такой, воскликнул: «Смелее, друг мой, будь отважным

С вана у Дионисия Галикарнасского (*ibid.*). Если бы это было так, то Плутарх говорил бы вслед за Дионисием о Сервии Туллии, а не о Марке Анции, поэтому мы склоняемся к точке зрения В. Гудвина.

³⁴ О святилище *Fortunae Muliebris* см. *Plut.*, *Coriol.* 37, 38; *Liv.*, II, 40, 12; *Dion.* *Hal.*, *Ant. Rom.* VIII, 56, 2; *Val. Max.*, I, 8, 4.

³⁵ В жизнеописании Гая Марция Кориолана (см. прим. 34) Плутарх повторяет рассказ о заговорившей статуе с новыми подробностями. Здесь содержится пространное рассуждение о том, может ли статуя заговорить, и т. д. Валерий Максим (I, 8, 4) сообщает в латинском оригинале слова, которые, по преданию, изрекла статуя: *Rite me, matronae, dedistis riteque dedicastis* «Матроны, вы меня благовейно установили и благовейно посвятили».

³⁶ Рассказ о том, как Камилл снял с чаши весов золото, принесенное Кв. Сульпицием в качестве выкупа за то, чтобы галлы сняли осаду, см. в жизнеописании Камилла (*Plut.*, *Camill.* 28 и 29) и у Тита Ливия (V, 48, 8—49, 1).

³⁷ Имеется в виду так называемый *Ajus Locutius* («Вещий глас»). Рассказ о голосе, который слышал Марк Цедекий, см. у Ливия (V, 32, 6; 50, 5; 52, 11). Цицерон (*De div.* I, 45, 101; II, 32, 60) называет его *Ajus Loquens*. Авр Геллий (*Noct. Att.* XVI, 17) упоминает о нем со ссылкой на Варрона. Плутарх в жизнеописании Камилла подробно повторяет рассказ о Марке Цедекии (*Camill.* 14) и о сооружении храма «Вещего Гла-са» (*ibid.* 30).

³⁸ Так в тексте. См. прим. 33.

³⁹ Об этом см. *Suet.*, *Div. Jul.* 83, 2; *Tac.*, *Ann.* II, 41; *Dio Cass.*, *XLIV*, 35, 3. Тацит прямо указывает на то, что здесь осенью 16 г. н. э. был сооружен храм Фортуны. Это же сообщение Плутарх повторяет в жизнеописании Брута (*Brut.* 20).

D и ничего не бойся, вручи паруса Удаче, следуй по ветру и будь спокойен, ибо ты везешь Цезаря и Удачу Цезаря!»⁴⁰ Так он показал, что Удача сопутствовала ему на море, в странствиях, на войне и в руководстве войсками. Делом ее рук было то, что она ниспослала безветрие на море, зимнему времени — летнюю погоду, самым медлительным — быстроту, а самым нерешительным — отвагу, наконец, что кажется всего невероятнее, Помпея она обратила в бегство, а Птолемею внушила убить гостя, чтобы и Помпей погиб, и Цезарь не был замаран грязью.

E 7. Что же еще? Его сын, который первым был провозглашен Августом и правил пятьдесят четыре года⁴¹, посыпая на войну своего внука, не просил ли сам для него у богов мужества Сципиона, славы Помпея и своей собственной Удачи?⁴² А ведь этим он признал создательницей своего величия Удачу, которая, вручив его Цицерону, Лепиду, Пансе, Гирцию и Марку Антонию, их блестящим действиям, трудам и победам, морским сражениям, походам и войскам, подняла его, ставшего первым, выше всех, а затем, оставив его одного, низвергла тех, благодаря кому он поднялся так высоко. Ведь Цицерон устраивал для него государственные дела, Лепид воевал, Панса побеждал, Гирций погиб, а Антоний обезумел. Сам я даже Клеопатру, F о которую как о подводную скалу ударился и разбился столъ великий правитель для того, чтобы Цезарь остался один, тоже отношу на счет Удачи Цезаря. Рассказывают, что, будучи близкими родственниками и поддерживая дружеские отношения, Август и Антоний зачастую проводили досуг, играя в мяч или в кости, а иногда даже, клянусь Зевсом, устраивали бои между птицами, перепелами и петухами, причем побежденным всегда уходил Антоний. Поэтому один из его друзей, весьма преуспевший в искусстве прорицания, часто говорил с ним откровенно и увещевал его следующими словами: 320 «Друг мой, что за дело у тебя с этим юношем? Беги от него, ты — более знаменит, ты — старше его, у тебя под рукой больше людей, ты искушен в военном деле, у тебя большой опыт, но твой демон боится его демона и твоя Удача, которая сама по себе велика, смиряется перед его Удачей. Поэтому, если ты не будешь держаться от него подальше, Удача покинет тебя и перейдет к нему»⁴³.

B 8. Итак, под рукой у Удачи есть ручательства от таких великих свидетелей. Следует, однако, от их действий перейти к тем, история которых начинается от самого основания города. В самом деле, будет ли кто отрицать, что здесь Удача заложила основу тем, что Ромул родился, спасся, был выкормлен и вырос, а Доблесть возвела само здание? Ведь даже происхождение и появление на свет строителей и основателей города было, по-видимому, удивительным благоволением Удачи⁴⁴. Ибо мать родила их, как говорят, от соединения с богом. Геракл, по преданию, был зачат в особенно долгую ночь, когда наступление дня задержалось сверхъестественным путем и солнце медлило с восходом. Нечто подобное рассказывают о зачатии Ро-

⁴⁰ Этот же рассказ повторен в биографии Цезаря (Caes. 38).

⁴¹ Так в рукописях. Вероятно, это ошибка самого Плутарха, который, как известно, большого значения хронология не придавал.

⁴² Это изречение повторяется в *Apophthegm. reg. et imp.* (Mor. 207 E) и связывается с посылкой Гая в Армению.

⁴³ Этот рассказ повторяется в жизнеописании Антония (Anton. 33), где говорится о египетском прорицателе, имевшем влияние на Антония.

⁴⁴ К этим же вопросам Плутарх возвращается в «Римских вопросах» (Mor. 268 F; 278 C) и в жизнеописании Ромула (Rom. 3 сл.). См. также «Малые параллели» (Mor. 314 F).

C мула, сообщая, что солнце подверглось затмению и полностью слилось с луною, подобно Аресу, который, будучи богом, сочетался со смертной Сильвией. То же самое случилось и в час удаления Ромула из этой жизни в Капратинские ионы⁴⁵, которые вплоть до сегодняшнего дня празднуются весьма торжественно, тогда, по рассказам, солнце неожиданно исчезло. После того как дети родились и царь задумал их погубить, унес их не какой-нибудь дикарь или жестокий исполнитель царской воли, а человек милосердный и жалостливый, и только поэтому они не были убиты. На берегу реки была зеленая лужайка, заросшая невысокими деревьями. Именно там он оставил детей где-то рядом со смоковницей, которая впоследствии была названа RUMINALIN. Вскоре к детям подошла волчица с сосцами, набухшими и переполненными молоком, она стремилась найти облегчение, поскольку ее щенята погибли, и поэтому поднесла к детям свои сосцы с молоком, как будто нарочно оставленным для них. Священная птица Ареса, которую называют дятлом, прилетая к ним, едва присаживалась и, открывая рот, каждого своим клювом кормила, словно птенцов, отдавая им часть своей собственной пищи. Смоковницу назвали RUMINALIN⁴⁶, конечно, из-за сосков, которые волчица, опустившись под этим деревом, поднесла к детям. Почитая случившееся с Ромулом и все то, что походило на эти события, жители этого места долгое время сохраняли обычай ничто родившееся не бросать, а все подбирать и выкармливать⁴⁷. То, что они были тайно выращены и воспитаны в Габиях, тогда как никто не знал, что это сыновья Сильвии и внуки царя Нумитора, очевидно, было мудрым обманом Удачи, устроенным для того, чтобы они не погибли, не совершив того, что было бы достойно их происхождения, но в своих прославленных действиях проявили бы Доблесть как признак своей благородной крови. Тут мне приходят на память слова Фемистокла, великого и мудрого полководца, сказанные им тем афинским военачальникам, которые уже после него успешно вели дела и поэтому считали себя важнее Фемистокла. Вот что он им сказал: «Последпраздничный день поспорил с праздничным и заявил, что тот утомителен и страшно занят, тогда как его проводят в отдыхе от приготовлений. Праздничный день на это ответил: „Ты говоришь верно, но если бы не было меня, то где был бы ты?“ „А если бы меня не было во время Персидских войн, — продолжил Фемистокл, — кто из вас был бы полезен теперь?“⁴⁸. Это же, как мне кажется, может сказать Удача Ромула его Доблести: «Блестящи и великолепны твои действия, и поистине божественны твое происхождение и род, но разве ты не видишь, насколько ты отстаешь от меня? Ведь если бы я не сопровождала детей благосклонно и человеколюбиво, а бросила или покинула, то откуда бы взялась ты и каким образом прославила бы их? Если бы некогда не появилось животное, которое трясла лихорадка от переполнявшего сосцы молока, отчего оно нуждалось в том, чтобы накормить кого-нибудь, больше, чем в том, чтобы наесться самому, а пришел

321

⁴⁵ Этот рассказ повторяется у Плутарха трижды (Rom. 27 и 29; Num. 2; Camill. 33). О ритуале, связанном с Капратинскими ионами, см. там же.

⁴⁶ Название *ficus Ruminalis* от лат. *rūma* или *rūmis* «грудь» производят Фест (р. 270). Подробно о Руминальской смоковнице см. прим. Н. В. Брагинской к переводу «Римских вопросов» (ВДИ, 1976, № 4, стр. 195, прим. 57,1).

⁴⁷ Вероятно, этот обычай относился к животным.

⁴⁸ Эту басню, рассказанную Фемистоклом, Плутарх с незначительными изменениями повторяет в «Римских вопросах» (Мог. 270 В) и в жизнеописании Фемистокла (Themist. 18). С этой же басни начинался трактат «О славе афинян» (De gloria Ath. 345 С), начало которого утрачено.

какой угодно свирепый и голодный зверь, то разве не были бы теперь эти прекрасные дворцы, храмы, театры, места для прогулок, площади и здания, построенные для нужд государства, хижинами пастухов и жилищами козопасов, подчиненных альбанцу, этруску или латину?». В любом деле важнее всего начало⁴⁹, но особенно в закладке и основании города, а его-то и сделала возможным Удача, которая спасла и сохранила его основателя. Конечно, великим Ромула сделала Доблесть, но до того, как он стал великим, его сберегла Удача.

9. В продолжение всего царствования Нумы, оказавшегося очень долгим⁵⁰, у руля государства несомненно стояла удивительно благосклонная Удача. То, что мудрое божество — одна из лесных нимф, некая Эгерия, влюбленная в этого мужа и разделявшая с ним ложе, помогала тому приводить в порядок государственное устройство и придавать ему надлежащий вид, пожалуй, похоже на вымысел⁵¹.

C. Ведь другие смертные, которые, по преданию, имели богиню супругой или удостоились стать любимцем богини, — Пелей⁵², Ахиз⁵³, Орион⁵⁴ и Эматион⁵⁵, жили с ней не совсем по душевной склонности и не без тягостного чувства. На самом деле, как мне кажется, своей супругой, сообщницей и соправительницей Нума имел благую Удачу: город, который как бы кидало в мутные водовороты бушующего моря из-за вражды и неприязни со стороны соседей, который лихорадило от бесчисленных тягот и распрея, она взяла в свои руки и, точно порывы ветра, уняла разногласия и недоброжелательство; словно море, которое, как говорят, в зимнюю пору, принявши в себя

D. отложенные зимородками яйца, бережно хранит их и лелеет⁵⁶, она, разлив и распространив в делах государства такое же затишье, безмятежное, безвредное, безопасное и безветренное, позволила недавно образовавшемуся и волнующемуся народу укрепить и упрочить государство, мирно возрастающее без помех и препятствий. Грузовое или военное судно сооружается с ударами и всяческим насилием, по нему стучат молотками и гвоздями, клиньями, пилами и топорами, а будучи построено, оно должно стоять и положенное время усыхать, пока и скрепы не станут нерасторжимыми и обшивка не

E. приобретет прочность, если же его спустят на воду с еще сырьими и скользящими сочленениями, то все, расшатавшись, рассыпется и судно даст течь. И впрямь подобно этому основатель и первый правитель⁵⁷ Рима, созидая город из грубых пастухов, словно из мощных балок, немало потрудился и немалые отразил нападения и опас-

⁴⁹ Изречение сопоставимо с пифагорейским: ἀρχὴ μὲν τοι ἡμίσο τάντος «начало — это половина всякого дела» (см. J a m b l i c h. Vita Pyth. 162).

⁵⁰ Ниже Плутарх называет продолжительность правления Нумы — 43 года.

⁵¹ Сомнения по поводу легенды о связи Нумы с Эгерийей Плутарх повторяет в его жизнеописании (Num. 4). Имя нимфы там написано Ἐγέρια, а не Ἐγερία, как здесь.

⁵² Пелей, сын Эзака, внук Зевса, имел супругой богиню Фетиду (Il. XXIV, 60; XVIII, 432; XX, 206 sqq.).

⁵³ Любовный союз Афродиты и троянского героя Ахиза на горе Иде известен уже «Илиаде» (Il. II, 820 sqq.; V, 247 sqq.; XX, 208 sqq.; ср. Н e s i o d., Theog. 1008 sqq.).

⁵⁴ Ориона как возлюбленного богини Эос называет уже «Одиссея» (Od. V, 121 sqq.).

⁵⁵ Эматион, сын Эос и Тифона, брат Мемнона, царя эфиопов (Н e s i o d., Theog. 984). О его браке с какой-либо богиней из других источников ничего неизвестно.

⁵⁶ По преданию, в течение нескольких дней зимой, когда дочь бога ветров Эола Алкиона, превращенная в зимородка (ἀλκιών — зимородок), высаживала птенцов, Эол утишает ветры (O v i d., Met. XI, 745). Если в зимнюю пору бурь и снегопадов на море неожиданно выдавался тихий ясный день, его называли «днем Алкиона» (A l c i p h r., Epist. I, 4).

⁵⁷ Т. е. Ромул.

ности, по необходимости давая отпор тем, кто противился возникновению и образованию города; второй же, его преемник⁵⁸, имел время укрепить и упрочить процветание, получив по милости судьбы и полный мир и полное спокойствие. А если бы тогда на еще не окрепшие и шаткие стены обрушился, разбив свой этрусский лагерь, какой-нибудь Порсена⁵⁹ или любой другой необузданно воинственный предводитель из числа марсов либо луканов, взбунтовавшийся из зависти и соперничества, зачинщик смут и восстаний, какими позднее были Мутил, дерзкий Силон, и последний противник Суллы — Телезин⁶⁰, по одному знаку которого за оружие взялась вся

F Италия, оглушил звуками боевых труб философа Нуму, предающегося жертвоприношениям и молитвам, то недавно возникший город 322 не устоял бы против такой качки и ударов волн и не вырастил бы множества отважных мужей. Теперь кажется, что тогдашний мир для римлян стал средством подготовки к последующим войнам и что народ, словно атлет, вслед за состязанием при Ромуле укрепив тело отдыхом в течение сорока трех лет, стал силой, достойной противостоять позднейшим врагам. И впрямь, за это время, как говорят, Рим не пострадал ни от голода, ни от мора, ни от бесплодия почвы, ни от преждевременного наступления лета или зимы, словно не человеческая рассудительность, но божественная Удача заботилась о таком положении вещей. Даже двойные ворота Януса, которые зовут вратами войны, тогда были заперты (они открыты всякий раз, когда случается война, а по заключении мира запираются). После смерти Нумы их отворили, потому что разгорелась война с альбантами. Позднее, после бесчисленной вереницы других войн, непрерывно следовавших одна за другой, спустя четыреста восемьдесят лет они вновь были заперты при заключении мира, положившего конец войне с Карфагеном, в консульство Гая Атилия и Тита Манлия⁶¹. По истечении того года их опять отворили, и войны продолжались вплоть до победы Цезаря при Акции⁶², но и в этот раз римляне сложили оружие ненадолго, ибо мятеж канtabров и волнения, вспыхнувшие одновременно в Галлиях и среди германцев, нарушили мир. Впрочем, это прибавлено к нашему повествованию лишь как свидетельство благоволения Удачи, которое сопутствовало Нуме.

B С C 10. Удачу уже и после него цари почитали как градодержицу Рима, его кормилицу и, по выражению Пиндара⁶³, истинную «градохранительницу». А видно это вот из чего. Есть в Риме почитаемое

⁵⁸ Преемник Ромула — Нума Помпилий.

⁵⁹ См. Liv., II, 9 sqq.

⁶⁰ Здесь перечислены три выдающихся предводителя восставших против Рима итальянских племен во время Союзнической (ниже, в § 11 Плутарх называет ее «Марсийской») войны 91—88 гг.: Гай Папий Мутил, Квинт Поппей Силон и Понтий Телезин. Выражение «последний противник» (досл. «последняя схватка» — ἑσχάτου πάλαισμα), примененное к Телезину, заимствовано из лексикона борцов-атлетов и представляет собой метафору, как это видно из параллельного места (Р I и т., Sull. 29, 1), где эта же метафора представлена более развернутом виде: «Однако самнит Телезин, словно смелый борец, вызвав на последнюю схватку утомленного, едва не сумел сбить Суллу с ног и опрокинуть наземь у самых ворот Рима». Излюбленные Плутархом сравнения с борцами встречаются здесь же в § 9 («народ, словно атлет») и в § 13 («борцы, натренированные...»). Поппедия Силона (Ποπαΐδιος Σίλων) Плутарх упоминает в биографии Мария (Mag. 33,4).

⁶¹ Консульство Гая Атилия Бульба и Тита Манлия Торквата — 235 г. до н. э. О том, что врата Януса в этом году были заперты, Плутарх вторично говорит в жизнеописании Нумы (Num. 20), причем Гая Атилия по ошибке называет Марком Атилием.

⁶² Победа Октаавиана над Антонием 2 сентября 31 г.

⁶³ Рιпд., fr. 39 (14). Это же выражение Пиндара цитирует Павсаний (IV, 30, 6). В других вариантах фрагмент не встречается.

святилище Доблести, которое они называют VIRTUTIS, но оно воздвигнуто поздно, спустя много времени от основания города Марцеллом, покорителем Сиракуз ⁶⁴. Есть там и храм Разума, или, клянусь Зевсом, Здравомыслия, который они называют MENTEM, но и он освящен Эмилием Скавром ⁶⁵, жившим приблизительно во время войн с кимбррами, уже после того как в Рим проникли греческое красноречие, остроумие и словоохотливость. Святилища Мудрости, а также Благоразумия, Самообладания и Великодушия у них нет до сих пор, а вот как раз святилища Удачи, к тому же древние, украшенные всевозможными почестями, в большом числе воздвигнуты и разбросаны в самых видных местах и районах города. В их числе и храм Мужественной Удачи, построенный четвертым царем, Анком Марцием, так названный потому, что мужеству в достижении победы более всего способствует Удача ⁶⁶, а уж храм Женской Удачи ⁶⁷, учрежденный женщинами, заставившими повернуть обратно Марция Кориолана, когда он вел на Рим вражеское войско, известен каждому. Сервий Туллий, который из царей наибольее приумножил могущество римского народа и упорядочил государственное устройство, подачу голосов и несение воинской службы, ставший первым цензором, а также блистителем и исправителем нравов, бывший, по преданию, весьма отважным и разумным мужем, себя самого связывал с Удачей и под ее покровительство ставил свое правление. Есть даже предание о том, что Удача с ним разделяла ложе, входя к нему в опочивальню через какое-то окно, которое сейчас называют воротами FENESTILLA ⁶⁸. Именно поэтому он воздвиг на Капитолии храм Судьбы, именуемой PRIMIGENIA, что в переводе, вероятно, означает «Первородной» ⁶⁹, а также Судьбы OBSEQUENTIS, т. е. «Послушной», как считают одни, или «Милостивой», по мнению других ⁷⁰. Впрочем, оставлю я римские названия и попробую по-гречески перечислить значения наименований этих храмов. Есть на Палатине еще храм Личной Удачи и даже Судьбы-Птицеловки ⁷¹ — название хотя и смешное, но иносказанием наводящее на размыщение о природе судьбы: она как бы издали заманивает и цепко удерживает все, что к ней прикоснулось. Нéподалеку от источника, известного под названием MUSCOSA, есть еще храм Девственной Судьбы, на Эсквилине — Судьбы Оборачивающейся ⁷²,

⁶⁴ См. прим. 28.

⁶⁵ См. прим. 20 и 30.

⁶⁶ Место испорчено, перевод по смыслу.

⁶⁷ См. прим. 34.

⁶⁸ В другом месте (Aet. Rom. 36, 273 В — С) Плутарх сообщает, что одни из ворот Рима называются «Окно» (φανέστρα), а соседнее с ними здание именуется «Спальней Фортуны» (Τόχης θάλαμος). «Фасти» Овидия (VI, 577) позволяют уточнить название ворот: не Fenestra, а Fenestella. См. также L i v., I, 41, 4. Таким образом, здесь Плутарх следует более достоверным источникам, чем в «Римских вопросах».

⁶⁹ О храме Fortunae Primigeniae см. Р l u t., Aet. Rom. 106, 289 В — С. Согласно Ливию (XXXIV, 53), он был сооружен Квинтом Марцием Роллом на Квиринальском холме в 193 г. до н. э. Смыл прозвища «Первородная» объясняет Цицерон (De leg. II, 11, 28) — это Фортуна, неотступно сопровождающая каждого человека с момента его рождения.

⁷⁰ В другом месте (Aet. Rom. 74, 281 Е) Fortuna Obsequens Плутарх переводит словами Τόχη Κευτρία, как это видно из Р l u t., Aet. Rom. 74, 281 Е, соответствует лат. Fortuna Viscata — «смазанная птичьим клеем».

⁷² Τόχη Επιστρέφομένη — калька с лат. Fortuna Respiciens (C i c., De leg. II, 11, 28) — «оборачивающаяся назад», «оглядывающаяся». Эпитет, вероятно, следует понимать в том смысле, что Фортуна, которая обычно повернута к людям спиной, т. е. не балует их вниманием, иногда «оборачивается» к тому или иному, чтобы осипать его неожиданными благодеяниями.

- в Длинном переулке — алтарь Судьбы Обнадеживающей, а возле алтаря Афродиты с корзиной — изваяние Мужской Судьбы ⁷³, и бесчисленное множество иных мест почитания и прозвищ, из коих большую часть учредил Сервий, потому что знал, что «во всех делах человеческих судьба ⁷⁴ — это великая сила или, лучше сказать, это — все» ⁷⁵, но больше всего из-за своей собственной счастливой судьбы, благодаря которой он, рожденный от пленицы-рабыни, был вознесен до царской власти ⁷⁶. Дело в том, что после взятия римлянами города корникуланцев пленная девушка по имени Окресия, которую судьба не обделила ни внешностью, ни правом, была отдана
- B в услужение Танаквиль, супруге царя Тарквния, и ею овладел некий слуга ⁷⁷, из тех, кого римляне называют CLIENTES; от них-то и родился Сервий. Впрочем, некоторые рассказывают иначе: девушка Окресия имела обыкновение брать с царского стола начатки блюд и вино для возлияния и приносить к очагу. И однажды случилось так, что она, как это делала и раньше, бросала начатки в огонь, как вдруг пламя неожиданно погасло и из очага поднялся мужской детородный член. Перепуганная девушка рассказала об этом одной только Танаквиль, а та, женщина умная и догадливая, нарядила девушку, как положено невесте, и заперла ее, оставив наедине с призраком, в котором признала божество. Это была, как утверждают одни, любовная страсть домашнего духа-покровителя или, по мнению других, Гефеста. Итак, Сервий появляется на свет, и однажды, когда он был младенцем, голова его блеснула пламенем, подобным молнии ⁷⁸. Те же, кто следует Анциату, рассказывают по-другому: случилось так, что у Сервия умирала жена Гегания ⁷⁹; подавленного и опечаленного, его в присутствии женщин сморил сон, и когда он спал, женщины увидели, как лицо его озарилось огненным сиянием. Это и было свидетельством того, что Сервий рожден от огня, и верным знаком непредвиденной власти, которая ста-
раниями Танаквиль перешла к нему после смерти Тарквния. Поскольку из всех царей он, согласно преданию, был наименее способен и расположен к единовластию и даже намеревался сложить с себя царскую власть ⁸⁰, Танаквиль ему помешала: когда стало ясно, что пришло время ей умирать, она взяла с него клятву, что он останется у власти и не откажется от унаследованного от отцов римского государства. Вот сколь многим обязано Удаче царствование Сервия, которое он и получил, не ожидая, и, сам того не желая, удержал.
- C
- D
- E 11. Однако, чтобы не показалось, будто мы углубились в туманную древность, избегая ясных и очевидных доказательств, оставим мы царей и перейдем к рассказу о действиях общеизвестных и войнах наиболее знаменитых. Кто не признает, что для них нужны большая отвага, мужество и, как говорит Тимофей, «честь, спутник

⁷³ Τόχη Ἀρρόη соответствует *Fortuna Virilis* (Ovid., Fast. IV, 145).

⁷⁴ Или «удача».

⁷⁵ Дословная цитата из 2-й Олимпийской речи Демосфена (II, 22).

⁷⁶ О происхождении Сервия Туллия см. Dion. Hal., Ant. Rom. IV, 1, 2; Ovid., Fast. VI, 627; Plin., Hist. Nat. XXXVI, 27, 70; Auct. de vir. ill. 7.

⁷⁷ Πελάτης. Этим же словом Плутарх и в другом месте (Rom. 13, 7) переводит латинское *cliens*.

⁷⁸ Cp. Liv., I, 39.

⁷⁹ Упомянутая у Плутарха (Num. 10, 1) Гегания вместе с Веренией были первыми весталками при Нуме Помпилии (715—672 гг.), учредившем в Риме кульп Весты, но по хронологическим соображениям она никак не могла быть женой Сервия Туллия (578—534 гг.). См. также Dion. Hal., Ant. Rom. IV, 7.

⁸⁰ О намерении Сервия Туллия отказаться от царской власти см. Dion. Hal., IV, 34, 37; Liv., I, 48, 9.

копьеборной доблести»?⁸¹ Между тем, успешное течение дел и бурным потоком возрастающая мощь Рима всякому здравомыслящему доказывают, что могущество это достигнуто не руками и не волей человеческой, но божественным промыслом и благоволением Удачи.

F Трофеи воздвигаются за трофеями, триумфы следуют за триумфами, и одна кровь на доспехах, не успев остынуть, смывается другой кровью. А счет победам они ведут не по количеству убитых врагов и захваченной добычи, а по числу завоеванных царств, поработленных народов, островов и материков, присоединенных к великой державе. В одной битве Филипп проиграл Македонию, одно неудачное сражение у Антиоха отняло Азию, единственный раз потерпев поражение, Карфаген потерял Ливию. Один человек в течение одной войны покорил Армению, Понт Эвксинский, Сирию, Аравию, Албанию; Иберию, вплоть до Кавказа и Гиркании, и трижды его победы лицеэрел Океан, обтекающий Вселенную. Ливийских кочевников он преследовал вплоть до южного побережья, Иберию, охваченную мятеежом Сертория, он прошел до Атлантического моря и, преследуя албанских царей, прогнал их до самого Каспия. Все это он совершил с помощью Судьбы, покровительствующей его государству, а затем был низвергнут своей личной Удачей. Но не кратковечным оказался дух-покровитель Рима, не на короткое время расцвело его могущество, как македонское, не только сухопутным оно было, как лаконское, или морским, как афинское, ни долгое время спустя оно не было ниспровергнуто, подобно персидскому, ни вскоре подавлено, как колофонское⁸², но от самого начала, от зарождения города, с ним была неразлучна Удача, вместе с ним она росла и мужала, оставаясь несокрушимой и на суше, и на море, в военное время и в мирное, и против варваров и против греков. Это она, словно бушующий поток, разлила по Италии и истребила Ганибала-карфагенянина, не получавшего из дома подкреплений вследствие зависти и недоброжелательства своих сограждан. Это она полчища кимров и тевтонов разделила промежутком времени, чтобы Марий смог разбить тех и других по очереди, чтобы, соединившись вместе, триста тысяч непобедимых мужей неодолимым войском не наводнили Италию. Благодаря ей руки Антиоха были связаны, пока шла война с Филиппом, а когда в опасности был Антиох, Филипп, перед этим потерпев поражение, не смел что-либо предпринять. Митридата, когда Рим был охвачен огнем Марсийской войны, отвлекали войны с сарматами и бастарнами, Тиграна же с Митридатом, пока последний был в зените славы, разобщали подозрения и зависть, но когда тот начал терпеть поражения, Тигран разделил с ним гибель.

D 12. Что же еще? Разве не хранила город Удача даже среди величайших бедствий? Когда галлы разбили лагерь у подножия Капитолия и осаждали крепость⁸³, она

злую болезнь породила средь войска, и воины гибли⁸⁴,

а ночной их приступ, хотя никто из защитников его не заметил, помогли обнаружить удача и случай. Пожалуй, нелишне будет рас-

⁸¹ Этот же стих из «Персов» Тимофея (fr. 14) Плутарх цитирует полностью в трактате *De aud. poet.* (Мог. 32 D).

⁸² Испорченное место. Вместо «колофонцев» издатели предлагали читать «карфагенян», «ававилонян», «фокеицев», «корфинийцев».

⁸³ Имеется в виду взятие Рима галлами-сенонами во главе с Бренном в 390 г., сразу же после поражения римлян на реке Аллии.

⁸⁴ II., I., 10.

- сказать об этом подробнее, хотя бы кратко. После разгрома римлян при реке Аллии те из них, кто, спасшись бегством, добрался до Рима, посеяли в народе панику, повергнув его в замешательство и смятение. Некоторые, собрав пожитки, укрылись на Капитолии, а другие, кто после бегства собрался в Вейях, немедленно выбрали диктатором Фурия Камилла, которого, когда он попал под суд за присвоение общественных денег⁸⁵, народ бросил и покинул, потому что дела шли успешно, а перепугавшись и пав духом, стал призывать обратно, вручая ему неограниченную власть. И вот, чтобы было видно, что этот человек ее принимает в соответствии с законом, а не
- F пользуясь обстоятельствами, и чтобы не быть ему избранным в должность от имени бежавшего и рассеянного войска, как бы не считаясь с Городом, было необходимо, чтобы сенаторы на Капитолии, узнав о решении воинов, утвердили его. И вот нашелся отважный муж, Гай Понтий⁸⁶, который взялся лично доставить на Капитолий весть о принятом решении⁸⁷ с большой для себя опасностью: ведь ему предстояло пробраться среди врагов, окруживших крепость кольцом караулов и частоколом. Спустившись ночью к реке, он обвязался
- 325 широким пробковым поясом и, доверив свое тело выталкивающей силе этого приспособления, пустился по течению. Оно медленно и плавно понесло его вниз, и он благополучно достиг противоположного берега, выбравшись на который, направился туда, где между кострами чернел промежуток, по тишине и темноте заключив, что там людей нет. Крепко держась за обрывистый край, где можно было поставить ногу или ухватиться рукой, цепляясь и прижимаясь к изгибам, поворотам и выступам скалы, он вскарабкался на вершину и, встреченный часовыми, рассказал тем, кто там находился, о принятом решении и, получив утверждение сената, вернулся обратно к Камиллу. На следующий день один из варваров, случайно проходя мимо, заметил то там, то здесь отпечатки пальцев ног, поврежденную и примятую траву, растущую там, где имелась почва, и извилистый след, оставленный телом проползшего человека, и показал это остальным. А они, вообразив, что дорогу им показали сами враги, решили поторопиться и, дождавшись глубокой ночи, когда все стихло, взобрались наверх, незаметно не только для часовых, но даже для собак, помогавших гарнизону нести дозор. И вот такую-то беду Удаче
- B C Рима оказалось нетрудным раскрыть и сделать явной благодаря громкому крику. При храме Геры держали для служения богине священных гусей. А эта птица от природы боязлива и легко пугается малейшего шума, тогда же из-за всеобщей неразберихи среди осажденных о гусях никто не заботился, поэтому они были голодны

⁸⁵ Марк Фурий Камилл был привлечен к суду народным трибуном Луцием Апплеем за то, что, празднуя триумф по поводу взятия гор. Вейи, ехал на белых конях; он был обвинен также в утайке части добычи, взятой в Вейях. Удалившись в изгнание, Камилл оставался в гор. Ардя до тех пор, пока заочно не был избран диктатором (*De vir. ill. 23*).

⁸⁶ По Диодору (XIV, 116, 3) и Фронтину (*Strat. III, 13, 1*) его звали Понтий Коминий. Вероятно, полное имя этого воина — Гай Понтий Коминий.

⁸⁷ Согласно Диодору (XIV, 116,3 sqq.), Понтий Коминий пробрался на осажденный Капитолий, чтобы подбодрить находившихся там вестью, что остатки разбитого римского войска собрались в Вейях и постараются как можно скорее напасть на галлов и заставить их снять осаду. Согласно более поздней и менее достоверной традиции, к которой в данном случае примыкает Плутарх, он затеял это рискованное предприятие, чтобы получить от сената согласие на избрание Камилла диктатором (*L i v. V, 46,8 sqq.; Plu t., Camill. 25; Z o n a g., VII, 23; ср. C l a u d., Quadrig. ap. Gell. XVII, 2, 24*. Без имени — *D i o n. H a l.*, *Ant. Rom. XIII, 7*). Согласно Фронтину (*Strat. III, 13, 1*), наоборот, осажденные на Капитолии отправили Понтия к Камиллу с мольбой о помощи, и тот, выполнив поручение, вернулся обратно на Капитолий.

и так беспокойно спали, что сразу почуяли появившихся на вершине врагов и, громко крича, ретиво стали кидаться на них, а видом оружия напуганные еще больше, наполнили все вокруг неистовым гоготаньем. Разбуженные ими римляне вскочили и, сообразив, что произошло, отбили приступ и сбросили врагов вниз. И по сей день в память о том, что тогда произошло, устраивают шествие, где собаку несут распятой на кресте, а гуся торжественно васседающим на носилках, покрытых роскошным покрывалом. И зрелище это показывает, сколь могущественна и как легко может прийти на помощь в любой из непредвиденных трудностей Удача, которая, предпринимая или устраивая что-нибудь, даже бессловесных и неразумных наделяет умом, а робких — смелостью и отвагой. Воистину, кто, созерцая и обнимая рассудком тогдашнее бедственное положение и нынешнее процветание города, изумленно взирая на великолепие храмов и богатство приношений, на состязания искусств, на честолюбивую щедрость городов, на венки от царей, на то, как начатки всего, что приносит земля и море, материки и реки, деревья и животные, равнины, горы и рудники, наперебой спешат украсить город и придать ему пышность, — кто не удивится и не поразится, что все это было на краю гибели, а когда всюду царили огонь, зловещий мрак и тьма, варварские мечи и жажда крови, именно робкие, бессловесные и пугливые существа положили начало спасению: великих и доблестных предводителей, родоначальников впоследствии прославленных семейств — всех этих Манлиев и Сервилиев, Постумиев и Папириев, висевших на волосок от смерти, какие-то гуси подняли на защиту отеческих богов и родной земли? И если верить тому, что о галлах, захвативших тогда Рим, рассказывает Полибий во второй книге⁸⁸, что они-де, узнавши по слухам о том, что их собственное достояние разоряют соседствующие с ними варвары, которые вторглись на их территорию и хозяйничают там, ушли восвояси, заключив мир с Камиллом, то не может быть и возражений против того, что именно Удача стала причиной спасения, уведя, а лучше сказать, оттащив от Рима врагов вопреки ожиданиям.

13. Впрочем, стоит ли задерживаться там, где нет ничего ясного и определенного из-за того, что были уничтожены государственные записи римлян и погибли их летописи⁸⁹, как об этом сообщает Ливий⁹⁰? Ведь позднейшие события, еще более заметные и очевидные, доказывают благоволение Судьбы. Именно ей я приписываю даже кончину Александра — мужа великих удач и блестательных успехов, которого непоколебимая самоуверенность и гордыня, подобно метеору, влекли с востока на запад, который уже Италию озарял сверканием своего оружия. Уже и предлог у него был для похода: поражение, нанесенное Александру Молосскому при Пандосии бруттиями и луканами⁹¹; на самом же деле подстрекавшая его против всех лю-

⁸⁸ Polyb., II, 18, 22.

⁸⁹ Некоторые¹ рукописи дают несколько иное чтение: «из-за того, что все в Риме было разрушено и летописи погибли».

⁹⁰ Liv., VI, 1.

⁹¹ Пандосия — ахейская колония в Бруттии, на р. Ахеронте, близ совр. гор. Кондена. Александр Эпирский или Молосский — брат Олимпиады, супруги Филиппа Македонского. С помощью Филиппа он в 342 г. сделался царем Эпира (Just., VIII, 6, 7), а в 336 г. женился на его дочери Клеопатре (Diod., XVI, 91, 4; Just., IX, 6, 1). Примерно в 332 г. по просьбе жителей Тарента, враждовавших с луканами и бруттиями, он переправился в Италию. Успешно начав кампанию, Александр нанес этим племенам несколько поражений и заключил союз с Римом. Однако военное счастье изменило ему: примерно в 330 г. он потерпел полный разгром при Пандосии и вскоре погиб (Just., XII, 2; Liv., VIII, 3, 6; 17, 9 sqq., 24).

дней жажды славы и первенства разожгла в нем стремление и рвение завоеваниями превзойти Диониса и Геракла. Впрочем, он знал, что заключенная в Риме мощь и сила Италии подобны стальному клинку, ибо молва доносила ему имя римлян и громкую славу о них, как о борцах, натренированных в бесчисленных войнах.

Спор не решился б без кровопролития, я полагаю ⁹²,
если бы с непобедимым оружием столкнулась неукротимая гордыня.
Ведь число их было не менее ста тридцати тысяч ⁹³ — мужей воинственных и отважных,

Сильных числом, приобыкших сражаться с коней
и не менее

Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало ⁹⁴.

⁹² Слегка переделанная цитата из «Одиссеи» (XVII, 149).

⁹³ Численность римской армии, которую можно было бы выставить против Александра Македонского, Ливий (IX, 19) определяет в десять легионов.

⁹⁴ Od. IX, 49.

С П И С О К С О К Р А Щ Е Н И Й

- АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
ВАН — Всеукраїнська Академія наук
ВИ — Вопросы истории
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КС ОАМ — Краткие сообщения Одесского археологического музея
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ЮОМО — Труды Южной областной мелиоративной организации
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AC — *L'antiquité classique*. Louvain
AE — *L'année épigraphique*
AMI, NF — *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, hrsg. vom Deutschen Archäologischen Institut. Abteilung Teheran, neue Folge
AoF — Altorientalische Forschungen
BCH — *Bulletin de correspondance hellénique*
BiOr — *Bibliotheca Orientalis*
CAH — *Cambridge Ancient History*
CBQ — *The Catholic Biblical Quarterly*
CDAFI — *Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran*
CdÉ — *Chronique d'Égypte*
CHM — *Cahiers d'Histoire Mondiale*
CIL — *Corpus Inscriptionum Latinarum*
CJ — *Codex Justinianus*
CP — H. G. Flau, *Le carrières procuratoriennes équestres sous les Haut-Empire Romain*, I — III, Paris, 1960—1961
CPh — Classical Philology. Chicago
DJD — *Discoveries in the Judaean Desert*. Oxford
HSCF — *Harvard Studies in Classical Philology*
HUCA — *Hebrew Union College Annual*. Cincinnati
IGBR — *Inscriptions Graecae in Bulgaria repertae*
IGR — *Inscriptiones Graecae ad res romanias pertinentes*
IJDL — *International Journal of Dravidian Linguistics*
ILS — *Inscriptiones Latinae Selectae*
IOSPE — *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*
JA — *Journal asiatique*
JAOS — *Journal of American Oriental Society*
JBL — *Journal of Biblical Literature*. Philadelphia
JEA — *Journal of Egyptian Archaeology*
JEOL — *Jaarbericht «Ex Oriente lux»*
JHS — *Journal of Hellenic Studies*
JNES — *Journal of Near Eastern Studies*

- JRS — *Journal of Roman Studies*
MBP — *Münchener Beiträge zur Papyrusforschung*
Or — *Orientalia*
PIR — *Prosopographia Imperii Romani*
RA — *Revue archéologique*
RdE — *Revue d'gyptologie*
RE — *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
REA — *Revue des études anciennes*
RIB — *R. G. Collingwood, R. W. Wright, The Roman Inscriptions of Britain*
RIDA — *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité*. Bruxelles
RPh — *Revue de philologie*
RQ — *Revue de Qumran*. Paris
SCO — *Studi Classici et Orientali*
SEHHW — M. I. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, I — III, Oxford, 1941
SMB FB — *Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte*
Syll. — *Sylloge Inscriptionum Graecarum*, ed. G. Dittenberger
TAPA — *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*
VT — *Vetus Testamentum*. Leiden
ZÄS — *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*
-

СОДЕРЖАНИЕ

Бонгард-Левин Г. М. (Москва) — К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (<i>Индарии и местные субстраты</i>)	3
Сахненко Л. А. (Калинин) — Аристофан и афинские союзники	27
Сапрыкин С. Ю. (Москва) — Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский	43
Смышляев А. Л. (Москва) — Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э.	60

ПУБЛИКАЦИИ

Берлев О. Д. (Ленинград), Ходжаш С. И. (Москва) — Наконечник копья фараона Яхмеса I из Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина	82
Захаров В. А. (Тамань) — Клад пантикопейских монет из совхоза «Правобережный» (Предварительная публикация)	84
Хачатрян Ж. Д. (Ереван) — Об античной коропластике Армении	87

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Эдаков А. В. (Новосибирск) — Новые находки надписей Ахеменидов	104
Островерхов А. С. (Ильичевск) — К вопросу о сырьевой базе античного римского производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (По материалам Ягорлыцкого поселения)	115
Кац В. И. (Саратов) — Уточненный список имен магistratov, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом	127
Самохина Г. С. (Сыктывкар) — Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства	146
Амусин И. Д. (Ленинград) — К истолкованию кумранского фрагмента 4Q161 (Исторический фон и датировка)	155
Джафаров Ю. Р. (Баку) — К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье	163

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Молчанов А. А. (Москва) — Г. Ф. Полякова, Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма B), М., 1978	173
Лундин А. Г. (Ленинград) — Ирригация в древнем Йемене (J. Rigenne, La Maitrise de l'eau en Arabie du Sud Antique, Paris, 1977)	179
Штаерман Е. М. (Москва) — Проблемы римского города в некоторых современных работах	184
Сергеенко М. Е. (Ленинград) — J. Koienko, Le traité d'agronomie des Sacerdos, Warszawa, 1973	194
Доватур А. И. (Ленинград) — K.-P. Joline, Kaiserbiographie und Senatsaristokratie, Berlin, 1976	196
Муравьев С. Н. (Москва) — Illinois Classical Studies. M. Marcovich, ed. University of Illinois Press, Urbana — Chicago — London, Vol. I, 1976; Vol. II, 1977; Vol. III, 1978	202
Ковельман А. Б. (Москва) — Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, XXIV—XXV, Leipzig, 1976	206
Лившиц Е. Л. (Москва) — N. Criniti, L'epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo Strabone, Milano, 1970	208

Герцман Е. В. (Владивосток) — A. D. Kilmer, R. L. Krocker, R. R. Brown, Sounds from Silence, Recent Discoveries in Ancient Near Eastern Music, Berkeley, 1976	211
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иванова Н. С., Илюшечкин В. Н., Исаева В. И., Сапрыкин С. Ю. (Москва) — Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». Москва, 29 мая — 1 июня 1978 г.	215
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Платарх, Моралии. Об удаче римлян. Перевод и комментарии Г. П. Чистякова и Э. Г. Юнца (Москва)	233
--	-----

CONTENTS

G. M. Bongard-Levin (Moscow) — On the Genesis of Ancient Indian Civilization	3
L. A. Sakhnenko (Kalinin) — Aristophanes and the Athenian Allies	27
S. Yu. Saprykin (Moscow) — Heraclea, Chersonesus and Pharnaces I of Pontus	43
A. L. Smyshlyayev (Moscow) — On the Evolution of State Clerical Personnel in the Roman Empire (3rd century A. C.)	60

PUBLICATIONS

O. D. Berlev (Leningrad), S. I. Khodzhash (Moscow) — A Spearhead of the Pharaoh Ahmose I in the Pushkin Museum	82
V. A. Zakharov (Taman) — A Hoard of Panticapaean Coins from Asiatic Bosphorus	84
Zh. D. Khachatryan (Erevan) — Ancient Armenian Coroplastics.	87

REPORTS AND COMMUNICATIONS

A. V. Aedakov (Novosibirsk) — Recently Discovered Achaemenid Inscriptions	104
A. S. Ostroverkhov (Ilichevsk) — Raw-Material Sources of Ancient Greek Handicraft Production in the Dnieper-Bug Liman Area	115
V. I. Katz (Saratov) — Corrected List of Magistrates Controlling Pottery Production in Tauric Chersonesus	127
G. S. Samokhina (Syktyvkar) — The Role of the Army in the Early Hellenistic State	146
J. D. Amussin (Leningrad) — Towards an Interpretation of Qumran Fragment 4Q161: Historical Background and Date	155
Yu. R. Dzhafarov (Baku) — The First Appearance of the Savirae in the Transcaucasus	163

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

A. A. Molchanov (Moscow) — G. F. Polyakova, Sotsialno-politicheskaya struktura piloskogo obshchestva, Moscow, 1978	173
A. G. Lundin (Leningrad) — Irrigation in Ancient Yemen (J. Pirenne, La Maîtrise de l'eau en Arabie du Sud Antique, Paris, 1977)	179
Ye. M. Shtaerman (Moscow) — Problems of the Roman City in Modern Studies	184
M. Ye. Sergeenko (Leningrad) — J. Kolendow, Le traité d'agronomie des Saserna, Warszawa, 1973	194
A. I. Dovatur (Leningrad) — K.-P. Jöhne, Kaiserbiographie und Senatsaristokratie, Berlin, 1976	196
S. N. Muravyev (Moscow) — Illinois Classical Studies. M. Marcovich, ed. University of Illinois Press, Urbana — Chicago — London, Vol. I, 1976; Vol. II, 1977; Vol. III, 1978	202

A. B. Kovelman (Moscow) — Archiv für Papyrusforschung und verwandte Ge-
biete, XXIV—XXV, Leipzig, 1976 206

Ye. L. Livshits (Moscow) — N. Crinitti, L'epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo
Strabone, Milano, 1970 208

Ye. V. Gertsman (Vladivostok) — A. D. Kilmér, R. L. Krockér,
R. R. Brown, Sounds from Silence, Recent Discoveries in Ancient
Near Eastern Music, Berkeley, 1976 211

SCIENTIFIC EVENTS

Ivanova N. S., Ilyushechkin V. N., Isayeva V. I., Saprykin S. Yu. (Moscow) —
Authors' and Readers' Conference of the VDI (May 28—June 1 1978. Moscow) 215

SUPPLEMENT

Plutarch, *Moralia*. On the Fortune of the Romans. Translation and commen-
tary by G. P. Chistyakov and E. G. Yunts (Moscow) 233

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Сдано в набор 20.05.79

Сдано в н
-Зав. 1892

Подписано к печати 19.07.79

Подпись

Тираж 4575 экз.

Тираж 4515 экз.

Адрес изобретателя: 102717 ГСП Москва, Н-62, Новосущевский пер., 24

Адрес издательства: 103717 ГСП, Москва, Р-62, Подсосенский пер., 21
3-я типография макетовства: Цемес, Москва, Шаболовский пер., 49